

Артур Конан Дойл

ВЕЛИКАЯ БУРСКАЯ ВОЙНА

В двух томах

Том I



ЮЖНОАФРИКАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА
О.ТОДЕРА

Артур Конан Дойл

ВЕЛИКАЯ БУРСКАЯ ВОЙНА

В двух томах

Том I



ЮЖНОАФРИКАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА
О.ТОДЕРА

Великая Бурская Война. Артур Конан Дойл.
В двух томах.

Том 1.

Перевод и оформление
О.Тодер – Донецк, 2012. – 360 С.: ил

Серия: *"Южноафриканская библиотека О.Тодера"*

© О.Тодер, Донецк, 2012



Артур Конан Дойл

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ	6
БУРЫ КАК НАЦИЯ	7
ПРИЧИНА ССОРЫ	30
ПЕРЕГОВОРЫ	47
КАНУН ВОЙНЫ.....	59
ТАЛАНА ХИЛЛ.....	80
ЭЛАНДСЛААГТЕ И РИТФОНТЕЙН.....	96
БОЙ У ЛЕДИСМИТА	108
НАСТУПЛЕНИЕ ЛОРДА МЕТУЭНА.....	123
МАГЕРСФОНТЕЙН.....	147
СРАЖЕНИЕ ПРИ СТОРМБЕРГЕ	161
СРАЖЕНИЕ ПРИ КОЛЕНСО.....	170
ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА.....	194
ОСАДА ЛЕДИСМИТА	207
ОПЕРАЦИИ У КОЛЕСБЕРГА	233
СПИОН-КОП	249
ВААЛЬКРАНЦ	270
ФИНАЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ БУЛЛЕРА.....	281
ОСАДА И ОСВОБОЖДЕНИЕ КИМБЕРЛИ	303
ПААРДЕБЕРГ	324
НАСТУПЛЕНИЕ РОБЕРТСА НА БЛУМФОНТЕЙН	349

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ

В ходе войны вышло шестнадцать изданий данной работы, и я надеюсь, что каждое последующее, хотя бы в малой степени, дополняло и уточняло предыдущее. Я могу со всей ответственностью заявить, что действительно грубых ошибок в суждениях или фактах выявилось совсем немного, и я не менял ранее сделанные выводы, а лишь иногда уточнял их. В заключительной редакции все ранние тексты тщательно проверены и добавлены свежие сведения, которые удалось вместиť в ограничения однотомного издания. Из-за обилия новой информации о заключительной стадии войны, не вошедшей в книгу, работа не претендует на звание полной и окончательной хроники. Однако, стремясь к этому и опираясь на официальные донесения, сообщения прессы и большой объем частных сообщений, я сделал все, что в моих силах для вразумительного и объективного освещения вопроса. Мое изложение иногда может показаться слишком кратким, но необходимо учитывать масштабы событий, соотнося сражения 1899-1900 годов со стычками второй фазы войны (1901-1902).

Мои частные информаторы столь многочисленны, что я с трудом мог бы упомянуть все имена, даже если бы в этом возникла необходимость. Из корреспондентов, чьи материалы я использовал в работе, считаю своим долгом выразить признательность господам Берли, Невинсону, Бетесби, Стюарту, Эмери, Эткинсу, Бейли, Кинею, Черчиллю, Джеймсу, Ральфу, Бернесу, Максвеллу, Перси, Гамильтону и другим. Отдельного упоминания достоин джентльмен, представлявший "Стандарт" в последний год войны, чьи сообщения о Флакфонтейне, конвое Ван Допса и Твибоше были единственными, заслуживающими доверия, из всех ставших достоянием читающей публики.

Артур Конан Дойл
Андершоу, Хиндхед
сентябрь 1902.

БУРЫ КАК НАЦИЯ



Возьмите голландцев – народ, пятьдесят лет противостоявший госпоже мира, Испании, и добавьте ему упорство несгибаемых французских гугенотов, бросивших домашний очаг, свое достояние и навсегда покинувших родную землю после отмены Нантского Эдикта. Очевидным результатом такого смешения станет самая стойкая, мужественная и непокорная раса, когда-либо существовавшая на Земле. Воспитывайте семь поколений этих людей в постоянной борьбе с туземцами и дикими животными, в обстоятельствах, не дающих шанса выжить слабому. Обучите их мастерскому обращению с ружьем и лошастью, а затем дайте страну, в высшей степени подходящую для охотников, метких стрелков и искусных наездников. Наконец, закалите железный характер и отменные воинские качества в суровом огне Ветхого Завета и всепоглощающего патриотизма. Соединив эти качества и импульсы в одном человеке, вы получите современного бура – самого серьезного противника, с которым когда-либо сталкивалась Британская Империя. Наша военная история большей частью сводится к

войнам с Францией, но Наполеон со всеми своими ветеранами никогда не задавал нам такой трепки, как эти твердолобые фермеры с их архаичной теологией и современными ружьями.

Взгляните на карту Южной Африки, там, в самом центре британских владений, словно косточка в персике, на огромном пространстве расположились две республики. Громадная территория, населенная горсткой людей. Как они там оказались? Кто эти представители тевтонского племени, так глубоко внедрившиеся в тело Африки? Это старая история, но ее придется напомнить, хотя бы в общих чертах. Никто не узнает и не оценит бура по достоинству, игнорируя его прошлое – ведь он создан этим прошлым.



*Мыс Доброй Надежды
(южная оконечность Африки)*

Первое жилище на мысе Доброй Надежды голландцы построили во времена наивысшей славы Оливера Кромвеля, чтобы быть совершенно точным – в 1652 году. Хотя португальцы появились здесь раньше, суровый климат этих мест оттолкнул их, а соблазнительные слухи о золоте увлекли дальше, на восточное побережье, где они и расселились, просмотрев действительно достойное место для основания империи. Кое-как золото они, конечно, нашли, но не в таком количестве, чтобы португальские поселения стали источником богатства. Не стали и никогда не станут, пока Великая Британия не выпишет чек за бухту Делагоа. Побережье, на котором обосновались

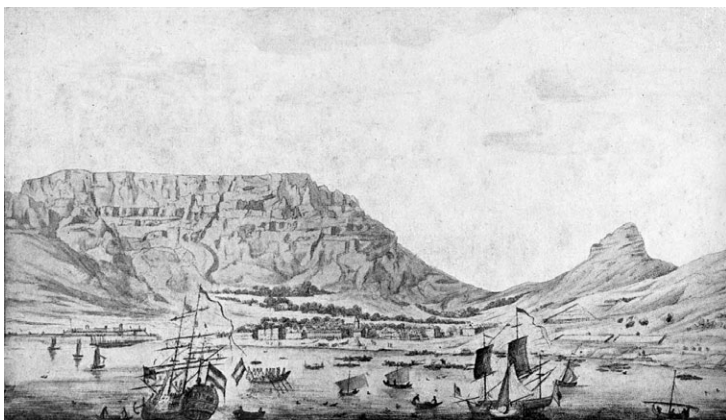
португальцы, буквально пропитано малярией, а сотни миль ядовитых болот отрезали их от здорового климата плоскогорий внутренней части страны. Столетиями эти пионеры Южной Африки пытались продвинуться в глубь континента, но добились успеха лишь в освоении речных долин. Свирепые дикари и нездоровый климат преградили им путь.



*Вид на Лоренцо-Маркес и Делагоа-Бей
со стороны старого португальского форта*

У голландцев дело обернулось иначе. Суровость климата, оттолкнувшая португальских искателей приключений, стала источником их силы. Холод, скудость природы и постоянные штормы выпестовали качества, необходимые строителям империи. Унылые и бесплодные пустоши обучили своих детей добывать свет и тепло. Голландцы на Капе росли и крепили в суровом, но здоровом климате, не пытаясь проникнуть вглубь страны, поскольку их было мало, а все необходимое для жизни можно было найти близ побережья. Они строили дома, снабжали Голландскую Восточно-Индийскую Компанию припасами и водой, постепенно обрастали маленькими городками, подобными Винбергу и Стеленбошу, расселялись вдоль склонов, ведущих к центральному плоскогорью, раскинувшемуся на пятнадцать сотен миль от края Кару до долины Замбези. Три сотни гугенотских эмигрантов – лучшая кровь Франции, словно пригоршня отборных семян, внесли утонченность и духовность в твердый тевтонский характер. Пристально всматрива-

ясь в историю норманнов и гугенотов, мы замечаем, как Божественная рука неумолимо черпает из их кладовых и орошает иные нации этими великолепными зернами. Франция не основала других стран, как ее великая соперница, зато обогатила каждую из них лучшим и отборнейшим, что у нее было. Rouxs, Du Toits, Jouberts, Du Plessis, Villiers и множество других французских имен можно запросто встретить в Южной Африке.



Столовая Гора и Капитадт в 1762 году

Более сотни лет документированной истории колонии увечили неторопливое расселение африканеров по бесконечным пространствам вельда, лежащим к северу. Разведение скота превратилось в индустрию, но в стране, где одной овце необходимо шесть акров пастбищ, даже маленькому стаду требуется большая ферма. Шесть тысяч акров стали обычным размером, за который правительству выплачивалась ежегодная рента в пять фунтов. Болезни, пришедшие в Африку вместе с белым человеком, так же как в Америке или Австралии, оказались роковыми для коренных жителей, и эпидемии оспы расчистили страну для новых хозяев. Со временем колонисты продвигались на север все дальше и дальше, то там, то здесь основывая небольшие городки, подобные Грааф-Рейнету и Свеллендаму, в которых голландская реформистская церковь и лавка по продаже самого необходимого являлись культурным ядром для немногих рассеянных по округе ферм. Уже первые поколения колонистов проявили то неприятие контроля и отчужденность от Европы, которые в дальнейшем стали наиболее яркой чертой бууров. Даже влияние Голландской Ост-

Индской Компании (старшего, но менее значительного брата индийской "John Company") вызывало их протест. Однако местные волнения были едва заметны на фоне всемирных катаклизмов, последовавших за Французской Революцией. В 1814 году, после двадцати лет титанической борьбы между Англией и Францией, сотрясавшей весь мир, при подведении итогов игры и вручении призов, Капская Колония досталась Британской Империи.

Во всей нашей обширной коллекции владений, возможно, нет другого, право собственности на которое было бы бесспорнее. Мы получили его по праву завоевателя и по праву покупателя. В 1806 году наши войска высадились на Капе, разбили местные силы самообороны и захватили Кейптаун. В 1814 году мы заплатили огромную сумму в шесть миллионов фунтов капскому штатгальтеру за уступку этой и некоторых других Южно-Африканских земель. Возможно, в ходе начавшегося всеобщего передела, эта сделка была совершена слишком поспешно и, как следствие, небрежно. В качестве перевалочного пункта на пути в Индию, место выглядело ценным, но сама страна производила впечатление малоприбыльной и пустынной. Что бы подумали в Каслри или Ливерпуле, взгляни они сейчас на список приобретенного за шесть миллионов. В этом перечне благо смешалось с проклятием; девять жестоких Кафрских войн, величайшие в мире алмазные копи, богатейшие золотые шахты, две дорогостоящие бесславные кампании с людьми, которых мы уважаем, и, в конце концов, надеемся, мирная и процветающая Южная Африка, с равными правами и равными обязанностями для всех. Будущее этих земель многообещающе, и если мы справедливо оценим случившееся, то увидим, что стали сильнее, богаче и уважаемее, поскольку в прошлом, наши владения здесь никогда не простирались дальше выстрела корабельных орудий. Несомненно, самые трудные деяния есть самые выдающиеся, и, оглянувшись назад, наши потомки увидят, что долгий путь борьбы, с его бедствиями и успехами, потоками крови и золота, всегда вел к великой и бессмертной цели.

Документы, подтверждающие право собственности на территорию – вещь неоспоримая, но в условиях договора было одно значительное упущение. Океан отмечал границы с трех сторон, оставляя четвертую неопределенной. Нидерланды не сказали ни слова: ни границы, ни предложения обсудить вопрос. Приобрела ли Великобритания те обширные территории, что раскинулись за цепочкой поселений, или недовольные по-

воротом событий голландцы вольны двинуться дальше и основать новое государство, которое станет преградой на пути англо-кельтских колонистов. В этом вопросе прятался росток всех будущих проблем.

Американцы могут понять суть вопроса, представив, что после основания Соединенных Штатов голландцы, проживающие в штате Нью-Йорк, погрузились в фургоны и переселились западнее, основав новое государство под новым флагом. Затем, когда американцы достигли бы этих новых западных штатов, они бы столкнулись с той же проблемой, которая встала перед нами. Если бы они обнаружили, что эти новые Штаты непримиримо антиамериканские и чрезвычайно консервативны, они прочувствовали бы все те трудности, с которыми столкнулись наши политики.



Королевский морской пехотинец 1815 г.

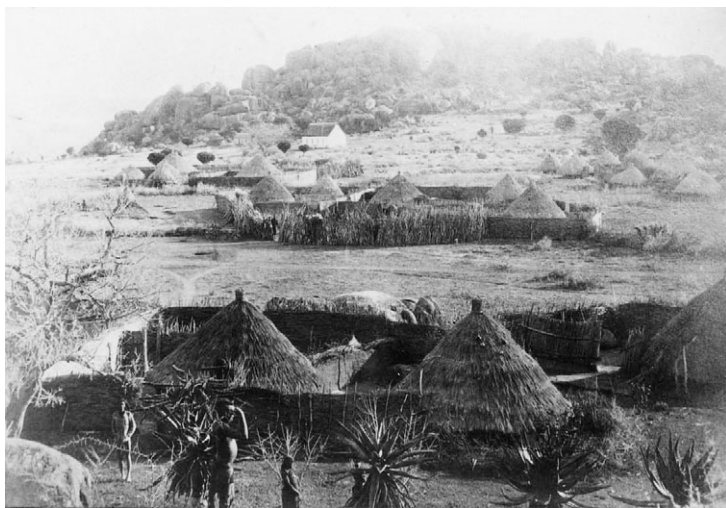
Ко времени перехода под британский флаг на Капе насчитывалось около тридцати тысяч колонистов — голландцев, французов и немцев. Все они были рабовладельцами, и число рабов было почти равным числу белых. Полное слияние британцев и поселенцев, казалось, имело хорошие перспективы, принимая во внимание общие корни и то, что их религиозные убеждения разнились лишь степенью фанатизма и нетерпимо-

сти. Пять тысяч британских эмигрантов, прибывших в 1820 году, поселились на восточной границе колонии, и с этого времени начался медленный, но постоянный приток англоязычных иммигрантов. Новой администрации колонии были свойственны как все достоинства, так и все недостатки британского владычества: снисходительность, справедливость, честность наряду с бестактностью и непоследовательностью. В целом, возможно, она поступила бы правильно, оставив все, как есть. Попытка изменить привычки наиболее консервативных представителей тевтонской расы оказалась рискованным предприятием и привела к длинной цепи осложнений. Имперскому Правительству всегда были свойственны благородный и филантропический взгляд на права коренных народов и требование к соблюдению закона. Мы, не без оснований, считаем, что британская юстиция если и не совсем слепа, то, по крайней мере, безразлична к цвету кожи. Точка зрения великолепно аргументированная и теоретически безупречная, но способная вызвать раздражение, будучи навязанной бостонскими моралистами или лондонскими филантропами людям, чье общество целиком построено на посылке о неполноценности черной расы. Такие люди сами для себя определяют законы морали и не желают, чтобы кто-то, живущий в совершенно иных условиях, предписывал им нормы поведения. Они чувствовали, и не без основания, всю убогость той дешевой нравственности, которую безмятежные, добропорядочные обитатели Бейкон-Стрит или Белгрейв-Сквер предписывали в отношениях между белым хозяином и его слугой – то ли дикарем, то ли ребенком. Две ветви англо-кельтской расы споткнулись об одну проблему, и каждую ожидали неприятности.

Британское правительство в Южной Африке всегда играло непопулярную роль друга и защитника слуг-туземцев. Именно на этой почве возникли первые трения между старыми поселенцами и новой администрацией. Выступление, сопровождавшееся кровопролитием, последовало за арестом голландского фермера, дурно обращавшегося со своими рабами. Оно было подавлено, а пять участников восстания повешены. Это наказание было незаслуженно суровым и в высшей степени неблагоразумным. Храбрая раса может простить жертвы на поле боя, но никогда не простит погибших на эшафоте. Создание политических мучеников – пример крайнего безрассудства в государственных делах. По правде говоря, арест производили два голландца, голландцем был и судья, вынесший приговор, правда и то, что британский губернатор был на стороне мило-

сердия, но все это забыли в стремлении заработать на инциденте политический и расовый капитал. Стойкое чувство обиды особенно окрепло после "рейда Джеймсона". Казалось, что лидерам этого злосчастного предприятия не миновать виселицы. Какая разница между фермой на Кукхауз-Дрифт и Преторией? Англичанина должны повесить, как повесили голландца в 1816. Слейтерс-Нек – вот развилка, где разошлись дороги британского правительства и африканеров.

В скором времени раскол стал еще глубже. Британцами проводились неблагодарные легкомысленные эксперименты с местным управлением и местными обычаями, а также с заменой голландского языка английским в судах. С излишним великодушием британское правительство отнеслось к кафрским племенам, совершившим в 1834 году набеги на приграничных фермеров. И, наконец, отмена рабства по всей Британской империи, осуществленная в том же году, раздула слабо тлеющее недовольство в живое пламя.



Хижины туземцев у "белой" фермы

Надо отметить, что в данном случае Британские филантропы собирались заплатить за то, что они считали правильным. Это была благородная общенациональная, акция, моральный аспект которой явно опережал время. Британский парламент должен был проголосовать выделение огромной суммы в двадцать миллионов фунтов на выплату компенсаций рабовладельцам, и таким образом устранить зло, к которому метропо-

лия не имела прямого отношения. Было ясно, что действовать необходимо быстро, пока колонии не обзавелись собственными правительствами, заинтересованными в сохранении текущего положения дел. С ворчанием и стонами добропорядочный британский домовладелец извлек кошелек из кармана и заплатил за то, что считал правильным. Если особая милость Господняя отмечает добродетельные деяния, не приносящие в этот мир ничего, кроме невзгод, то мы, несомненно, ее заслужили. Мы лишились денег, мы разрушили наши Вест-Индийские колонии, мы посеяли неприязнь в Южной Африке, конца которой не видно. При всем этом, если бы пришлось все повторить сначала, несомненно, мы поступили бы также. Следование соображениям высшей морали может оказаться наивысшей мудростью, когда наполовину рассказанная история, наконец, подойдет к концу.

Но методы осуществления задуманного благородством изрядно уступали принципам. Выяснилось, что страна не успела подготовиться к новым условиям. На Южную Африку отвели три миллиона фунтов, что означало 16-17 фунтов за раба – сумма, значительно меньше цен на местных рынках. К тому же компенсация выплачивалась в Лондоне, и фермеры, вынужденно имея дело с посредниками, теряли еще больше. По всему Кару, в каждом городке, в каждом кемпе, вспыхивали стихийные собрания исполненных негодования африканеров. В борах запылал старый голландский дух – дух людей, ломающих любые преграды. В сложившихся условиях восстание не имело перспектив, зато на севере простирались обширные свободные земли. Жизнь странников не пугала буров, а напряженные быками огромные повозки служили им и средством передвижения, и домом, и крепостью – точно в таких фургонах их предки когда-то прибыли в Галлию. Они погрузили свой скarb, заложили гигантские упряжки, женщины забрались внутрь, мужчины, с длинноствольными ружьями, пошли рядом, и Великий Исход начался. Свои стада и отары, за которыми присматривали дети, голландцы забрали с собой. Вот маленький десятилетний оборванец, подгоняя волов, щелкает бичом из кожи носорога, являя собой крохотную песчинку в гигантском потоке, но приглядитесь к нему повнимательнее, ведь его имя – Поль Стефанус Крюгер.

Это необычное для нашего времени переселение, сравнимо разве что с исходом мормонов из Нову в поисках благословенной Юты. В северном направлении, до самой Оранжевой Реки, местность была исследована и, хотя редко, но заселена, зато

дальше раскинулись земли, куда не проникал никто, кроме отважных охотников и искателей приключений. По случайности, если в людских делах, в самом деле, имеет место случай, зулусы завоевали эти места, но не стали их заселять. Здесь обитали лишь карликовые бушмены – отвратительные дикари, низшая из человеческих рас. Отличные пастбища и богатые почвы нравились эмигрантам. Они двигались обособленными мелкими партиями, но их общее число, как свидетельствуют историки, было довольно значительно, составляя от шести до десяти тысяч, или около четверти всего населения Колонии. Многие выбрали местом сбора высокую гору к востоку от Блумфонтейна, там, где позже возникла Оранжевая Республика. Некоторых постигла горькая судьба. Один отряд переселенцев был вырезан грозными матабеле. Оставшиеся в живых объявили аборигенам войну, проявив при этом необычайную изобретательность, ставшую в дальнейшем их наиболее отличительной воинской чертой. Отряд, вышедший на битву, насчитывал сто тридцать пять фермеров. Матабеле выставили двенадцать тысяч бойцов, вооруженных копьями. Противоборствующие стороны сошлись на реке Марико близ Мафекинга. Буры так искусно комбинировали использование лошадей и ружей, что, без потерь со своей стороны, вывели из строя до трети чернокожих воинов. Сохраняя дистанцию и оставаясь вне досягаемости вражеских ассегав, они открывали беглый огонь, затем садились на коней и занимали новую позицию. Когда дикари пускались в погоню, буры отъезжали, когда преследователи останавливались, они также останавливались, и вновь пускали в дело ружья. Простая, но эффективная тактика. Если вспомнить, сколько раз с того времени наша собственная кавалерия противостояла дикарям во всех частях света, то можно только горько сожалеть, что нашей наиболее отличительной чертой является игнорирование чужих боевых традиций.

Победа "вуртреккеров" (первопроходцев) очистила всю территорию между Оранжевой Рекой и Лимпопо, известную теперь как Трансвааль и Оранжевая Республика. Тем временем другой отряд эмигрантов вторгся в места, известные как Наталь, и нанес поражение Дингаану – великому вождю зулусов. Не имея возможности воспользоваться эффективной тактикой, примененной в битве с матабеле, ввиду присутствия семей, буры вновь проявили присущую им сообразительность, и встретили зулусских воинов из-за кольца повозок, образовавших крепость. Мужчины вели огонь, в то время как женщины

заряжали ружья. Погибло шесть бюргеров и три тысячи зулусов. Будь этот прием использован сорок лет спустя, против тех же самых зулусов, нам не пришлось бы скорбеть о несчастии Исандхлаваны.

Но в конце великого похода, после преодоления многочисленных трудностей, бесконечных пространств, борьбы с суровой природой и стычек с дикарями буры увидели то, что они менее всего желали видеть, то, от чего забрались в такую даль – флаг Великой Британии.



Вуреккеры в бою у Блад-Ривер

Буры заняли Наталь изнутри, а англичане, опередив их, сделали то же самое с моря. Маленькая колония британцев обосновалась в Порт-Натале, известном нынче, как Дурбан. Британское Правительство находилось в нерешительности относительно дальнейшей судьбы колонии, и только завоевание бурами Наталья, подтолкнуло его к провозглашению этих мест британской территорией. Одновременно Правительство приняло новую недружелюбную по отношению к бурам доктрину, гласившую, что британские подданные не могут отказаться от своего гражданства. Следовательно, куда бы ни направились, бродящие по африканским просторам фермеры, они считались всего лишь британскими пионерами. Чтобы закрепить свои притязания, в 1842 году на сторожевой пост, к нынешнему

Дурбану, с которого Великая Британия начала строить новую колонию, были отправлены три роты. Буры подстерегли эту горстку солдат и частично уничтожили, с тех пор не раз повторяя подобный фокус с приемниками несчастных. Выжившие в перестрелке построили форт и держали оборону (как многократно поступали англичане и в будущем), пока прибывшее подкрепление не разогнало фермеров. Удивительно, как в истории одна и та же исходная посылка всегда ведет к одинаковому результату. Эта первая стычка – символ всех наших последующих военных столкновений с бурами. Наша неуклюжая прямолинейная атака, поражение, бессилие фермеров перед простейшими укреплениями – одна и та же история повторялась вновь и вновь, различаясь лишь масштабами. Наталь стал британской колонией, и большинство буров, с горечью в сердце, побрели на север и восток, делясь своими обидами с братьями в Оранжевой Республике и Трансваале.

Было ли у них право говорить о несправедливости? Трудно оставаться на высоте философской беспристрастности, позволяющей историку объективно судить о событиях, когда его родина выступает одной из сторон конфликта. Но, по крайней мере в данном случае, мы можем признать – справедливость была не на нашей стороне. Наше присоединение Наталя не было определенным, и именно буры, а не мы сломили кроваво-жадных зулусов, бросавших тень на всю страну. Трудно, после подобных испытаний и подвигов, повернуться спиной к только что завоеванной изобильной территории и уйти на голые пастбища Верхнего Вельда. Буры вынесли из Наталя тяжелое чувство оскорбленного достоинства, которое добавило свою порцию яда в наши отношения. Но, в конечном итоге, эта мелкая стычка солдат с эмигрантами оказалась значительным событием, отбросив буров от моря и ограничив их амбиции сушей. Если бы дела приняли иной оборот, к морским нациям добавился бы новый и, возможно, грозный флаг.

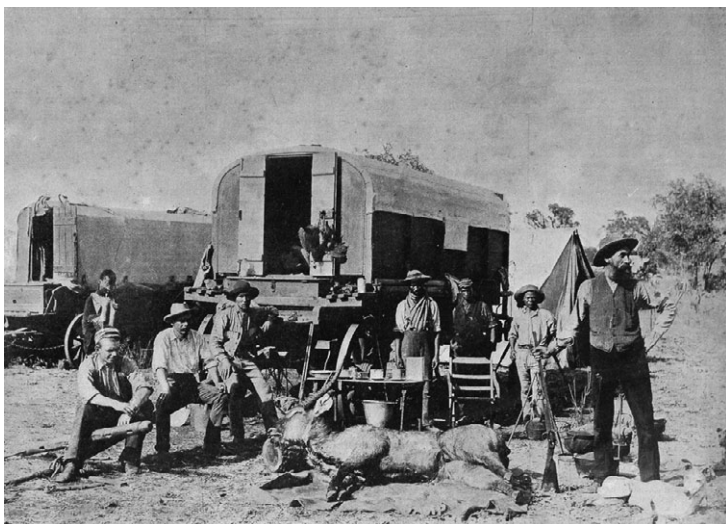
Силы эмигрантов, расселившихся на огромном пространстве между Оранжевой Рекой на юге и Лимпопо на севере, постоянно пополнялись за счет соплеменников, прибывавших из Капской Колонии, пока их общее число не достигло приблизительно пятнадцати тысяч. Это население проживало на территории размером с Германию, что больше чем Пенсильвания, Нью-Йорк и Новая Англия. Их, в высшей степени демократичная, форма государственного управления, опиралась на исключительный индивидуализм, и не подразумевала высокой степени сплоченности. Войны с кафрами, страх и неприятие

британского правительства – вот узда, державшая их вместе. Они плодились и разрастались, словно неукротимая поросль, попавшая в благодатную почву. Трансвааль наполнился маленькими процветающими сплоченными общинами, постоянно грызшимися между собой, точно так же, как они ссорились с властями на Капе. Лиденбург, Зоутпансберг и Потchefструм не раз были готовы направить ружья друг на друга. На юге, между Оранжевой Рекой и Ваалем, вообще не было правительства, винограды из голландских фермеров, басуто, готтентотов и полукровок находился в состоянии постоянного брожения, не признавая авторитет ни Британии, ни Трансваальской Республики. Наконец этот хаос стал нестерпимым, и в 1848 году мы разместили в Блоумфонтейне гарнизон, присоединив данный район к Британской Империи. Буры предприняли тщетную попытку сопротивления у Бумплатса, но, после единственного поражения, вынуждены были принять размеренный порядок цивилизованного правления.

В этот период Трансвааль, где осело большинство буров, потребовал от Британского Правительства твердого и окончательного признания своей независимости. Большая пустынная страна, мало что родящая, кроме отличных стрелков, не прельщала Колониальный Департамент, и последний согласился на ограничение своих полномочий. Две стороны подписали конвенцию, известную как "Санд-Риверская Конвенция", ставшую поворотным пунктом истории Южной Африки. Британское Правительство гарантировало бурским фермерам право самим решать свои проблемы, жить по собственным законам, без какого либо вмешательства со стороны Британии. Особым пунктом оговаривалось уничтожение рабства и, довольствуясь этой оговоркой, англичане умыли руки, полагая, что вопрос, наконец, решен. Так Южно-Африканская Республика начала свое формальное существование.

В тот же год образовалось второе государство – Свободная Оранжевая Республика, при этом Великую Британию вытеснили с территории, которую она оккупировала восемь лет. К этому моменту в Европе обострился Восточный Вопрос, и над миром сгустились тучи большой войны. Британские политики чувствовали, что их обязательства обременительны в любой части света, а аннексия Южной Африки, в частности, всегда выглядела приобретением сомнительной ценности, сопровождаемым гарантированными проблемами. Против воли значительной части жителей, сейчас трудно сказать, большинства или меньшинства, мы полюбовно вывели свои войска в точно-

сти, как Римляне вывели армию из Британии, и новая республика получила абсолютную независимость. В ответ на петицию, поданную противниками отвода войск, Домашнее Правительство выделило сорок восемь тысяч фунтов компенсаций пострадавшим от перемен. Какие бы исторические обиды не имел Трансвааль на Великую Британию, мы можем, по крайней мере в одном случае, заявить – в отношении Оранжевой Республики наша совесть чиста. Так в 1852 и в 1854 годах родились эти крепкие государственные образования, способные держать в постоянном напряжении вооруженные силы империи.



Охотники за Ваалем

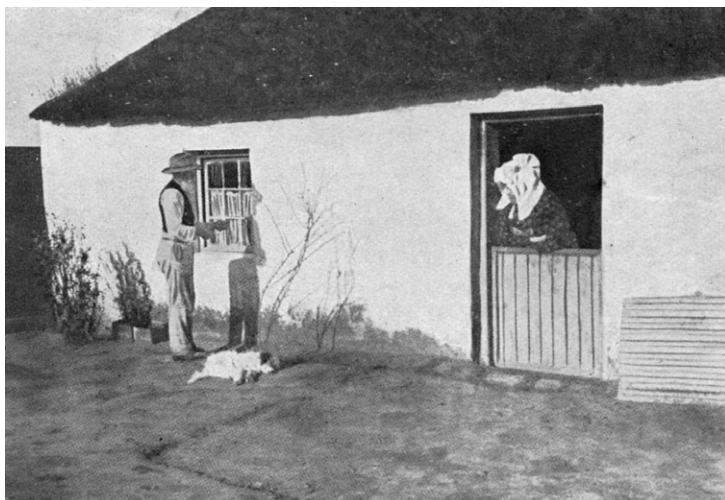
Тем временем Капская Колония, несмотря на случившийся раскол, благоденствовала, и число ее обитателей (англичан, немцев, голландцев), превысило двести тысяч человек, при незначительном доминировании голландцев. В соответствии с либеральной колониальной политикой, пришло время обрезать пуповину и разрешить молодой нации самой определять собственную судьбу. В 1872 году колония получила полное самоуправление, а Губернатор, как представитель Королевы, сохранил лишь право вето на законодательные решения, на деле никогда не применявшееся. В соответствии с этой системой, голландское большинство колонии имело шанс привести к власти своих представителей и склонить правительство на про-голландский путь, что оно и сделало. Были восстановлены

голландские законы, и голландский язык, наравне с английским, стал официальным. Чрезвычайное великодушие законов и бескомпромиссность, с которой они выполнялись, контрастировали с оскорбляющим английский дух неравноправным положением британских поселенцев в Трансваале, вызывавшем крайнее негодование на Мысе. Голландское правительство управляло британцами в британской колонии, в то время как буры не давали англичанам права голоса в муниципальном совете города, англичанами же построенном. К несчастью "зло, сотворенное человеком, остается и после его смерти" — невежественный бурский фермер продолжал воображать, что его южные родственники все еще находятся в кабале, подобно тому, как ирландский эмигрант до сих пор рисует в своем воображении Ирландию под гнетом чужеземной церкви и "анти-папских" законов.

Двадцать пять лет после Санд-Риверской Конвенции бюргеры Южной Африки продолжали свое беспокойное, требовавшее постоянного напряжения существование, неутомимо сражаясь, то с дикарями, то между собой, время от времени пиная маленькую голландскую республику на юге. Полутропическое солнце пробудило необычные ферменты во флегматичной крови бывших жителей "Страны Сардин", и произвело расу, соединившую в себе буйство и неутомимость юга с непреодолимым упорством севера. Чрезвычайная жизнеспособность и неукротимые амбиции породили распри и соперничество, достойные средневековой Италии, а летопись междоусобиц этого маленького сообщества подобна главе из "Истории Флоренции" Гвичардини. Следствием всего этого явился полный беспорядок. Бюргеры не платили налоги, казна пустовала, свирепые кафрские племена угрожали с севера, а зулусы с востока. Утверждение сторонников Англии, что наша интервенция спасла бюргеров — несомненное преувеличение, поскольку любой человек, читавший военную историю буров, не может не признать, что они вполне могли противостоять и зулусами и секукуни. Но вторжение дикарей бесспорно ожидалось, и разбросанные фермы бесспорно были открыты для нападения кафров, точь-в-точь, как усадьбы американских колонистов, когда индейцы выходили на "тропу войны". Британский комиссар сэра Теофил Шепстоун, после трехмесячного изучения вопроса, решил все проблемы аннексией страны. Факт, что он вступил во владение территорией, опираясь на взвод солдат, подтвердил правильность расчетов на отсутствие вооруженного сопротивления. Таким образом, в 1877 году про-

изошло полное аннулирование Санд-Риверской Конвенции, и началась новая глава в истории Южной Африки.

Похоже, во время аннексии особых вспышек страстей не наблюдалось. Людей, явно уставших от распрей, более занимали собственные проблемы. Президент выразил формальный протест и переехал в Капскую Колонию, где получил пенсию от Британского Правительства. Хотя большинство буров подписало меморандум против аннексии, было немало приверженцев и иной точки зрения. Сам Крюгер принял должность от Правительства. Все говорило о том, что люди, если ими благо-разумно управлять, будут селиться под британским флагом, и казалось, задержись Шепстоун с аннексией, буры сами попросили бы присоединения. Возможно, имей они право непосредственно избирать правительство, даже самые отъявленные бунтари предпочли бы бросать свои протесты в урны для голосования, а не всаживать их в головы наших солдат.



Бурский дом

Однако Империи всегда не везло в Южной Африке, а в данном случае – особенно. Не по злой воле, а лишь из-за большого количества проблем, задержек и проволочек, обещанное не выполнялось. Буры, с их здравым взглядом на жизнь, не понимали многословного тягучего стиля работы наших государственных учреждений и считали двуличием то, что на самом деле являлось бюрократической волокитой и ту-постью. Если бы трансваалеры подождали еще, они получили

бы свой Фольксрад и все, что хотели. Но Британское Правительство, до того как исполнить обещания, хотело уладить другие местные проблемы – избавиться от секукуни и сломить зулусов. Задержку восприняли с негодованием. Не повезло нам и с губернатором. Бюргеры – простой народ, и они любят время от времени выпить чашку кофе с человеком, пытающимся ими управлять. Триста фунтов в год выделял Трансвааль своему Президенту на кофе, это говорит о многом. Мудрый администратор всегда поддержит человеческие и демократичные обычаи своих подданных. Сэр Теофил Шепстоун так и делал. Сэр Оуэн Ланьон – нет. Итак, бюргеры не получили ни Фольксраада, ни кофе, и закономерным итогом подобной политики стал быстрый рост общественного недовольства. Хотя за три года британцы дважды разбили орды дикарей, угрожавшие колонии и восстановили финансы, политическая власть, в интересах которой было подчеркивать выгоды аннексии в глазах буров, сама ослабляла свои позиции.

Стоит лишний раз подчеркнуть, что мотивы данной аннексии – исходной точки наших проблем, до сих пор толкуются превратно. В то время в действиях Британии не было эгоистичных интересов. Еще не было копей Ранда, и ничто не соблазняло алчных. Пустая казна и две войны с дикарями – таково полученное нами наследство. Будет честно признать, что страна, находясь в расстроенном состоянии, была не способна к самоуправлению и являлась источником постоянных неприятностей и угроз для соседей. Наши действия не содержали ничего постыдного, хотя выглядят своевольными и неблагоприятными.

В декабре 1880 буры восстали. Каждая ферма снарядила своих стрелков, избравших местом встречи окрестности ближайшего британского форта. По всей стране небольшие британские отряды оказались окружены и блокированы фермерами. Стандертон, Претория, Потчестроом, Лиденбург, Ваккерстроом, Рустенберг и Марабастан выдержали осаду до конца войны. На открытых просторах нам повезло меньше. У Бронкхорст-Спруйт неприятель, не понеся потерь, расстрелял из засады небольшой британский отряд. Хирург, оказывавший помощь, в своих записях отметил, что в среднем на человека приходилось пять ран. У Лейнгс-Нэк британцы пытались атаковать высоту, удерживаемую бурскими стрелками. Половина наших людей была убита или ранена. Интого может быть названо схваткой с неясным исходом, хотя наши потери превосходили потери противника. Наконец, последовал разгром у

Маджубы, где четыре сотни пехотинцев удерживавших высоту были разбиты и рассеяны роем метких стрелков, наступавших под прикрытием валунов.



*Бегство британцев с Маджуба-Хилл
(рисунок из "Life")*

На деле эти бои представляли собой лишь небольшие стычки, и последуй за ними победа британцев, о них бы вряд ли сегодня вспоминали. Но выигранные столкновения помогли бурам достичь своей цели, что и придало им явно завышенное значение. Кроме прочего эти бои явили начало новой эры в военном деле, преподав нам главный, но плохо усвоенный урок: солдат делает солдатом ружьё, а не муштра. Вызывает недоумение тот факт, что британские высокопоставленные военные, несмотря на горький опыт, продолжали выделять для обучения стрельбе лишь три сотни патронов в год. Они оставались приверженцами системы залпового огня, не подразуме-

вавшего индивидуальный выбор цели стрелком. Имея за плечами опыт Первой Бурской войны, они ничего не изменили ни в тактике, ни в стрелковой подготовке, чтобы подготовить солдат ко Второй. Ценность конных стрелков, меткая стрельба на любой дистанции, искусство маскировки игнорировалось в равной степени.



Британское кладбище у Маджубы

За поражением у Маджубы последовала полная капитуляция правительства Гладстона – акт, не имеющий аналогов в современной истории – то ли проявление высшей степени трусости, то ли безмерного великодушия. Недостойно великану убежать от карлика до начала драки, но еще недостойнее сдаваться, будучи трижды сбитым с ног. Имея количественное превосходство британских сил на военном театре, генерал заявил, что держит противника в руках. В своих расчетах мы были введены фермерами в заблуждение, и, возможно, задача Вуда и Робертса была тяжелее, чем они себе представляли, но, по крайней мере на бумаге, противника можно было сокрушить без особого труда. Таково было мнение общества, когда оно благородно согласилось остановить занесенный меч. Его мотивы, в отличие от действий политиков, несомненно, определялись принципами морали и христианской добродетели. Общество считало, что аннексия Трансвааля будет вопиющей несправедливостью, что фермеры имеют право на свободу, за которую они сражались и, что недостойно великой нации продолжать неправую войну ради мести. Это был верх идеализма, в конечном счете спровоцировавший повторение конфликта.



Бюргер времен войны 1880-81 гг.

Перемирие, заключенное 5 марта 1881 года, закончилось подписанием мира 23 числа того же месяца. Правительство, неоднократно отвергавшее мирное решение в прошлом, под давлением силы пошло на неуклюжий компромисс. Но политику возвышенного идеализма и христианской морали надо проводить последовательно, в противном случае не стоит и пытаться. Очевидно, если считать аннексию несправедливой, Трансваалю следовало вернуть положение, определенное Санд-Риверской Конвенцией. Но Правительство, по ряду соображений, не могло пойти столь далеко. Оно изворачивалось, торговалось, увиливало от прямого ответа, пока Трансвааль не оказался курьезным гибридом, какого не видел мир. Республика в системе монархии, прислушивающаяся к Колониальному Офису и упоминаемая в новостных колонках "Таймс" под заголовком "Колонии", автономия, объект неопределенного сюзеренитета, пределы которого не брался объяснить никто. В общем, утвердив все эти оплошности и недочеты, Преторийская Конвенция продемонстрировала, что в злополучном 1881 году наши политические и военные предприятия велись одинаково плохо.

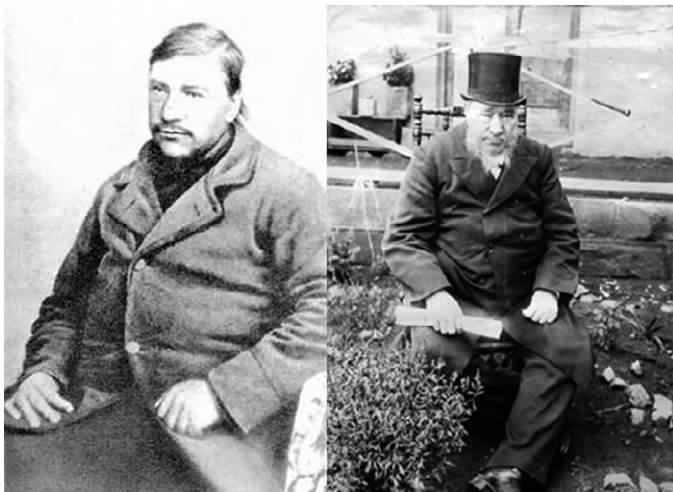
С самого начала было очевидно, что подобное нелогичное

и спорное соглашение не имело шансов стать окончательным. И действительно, не успели высохнуть чернила на бумаге, как началась агитация за его пересмотр. Буры, справедливо считая себя победителями в войне, желали собрать все плоды победы. С другой стороны, лояльность англоговорящих колонистов подверглась тяжелому испытанию. Представители гордой англо-кельтской расы не привыкли к унижению, а тут, благодаря поведению Домашнего Правительства, они внезапно оказались в роли мальчишков для битвы. Конечно, жители Лондона могли утешать уязвленную гордость мыслью о своем великодушии, но каково было британскому колонисту в Дурбане или Кейптауне, не по своей воле, не имея никакого голоса при заключении соглашения, вдруг обнаружить себя человеком второго сорта в сравнении с соседом-голландцем. Соблюдай Трансвааль дух конвенции, болезненное чувство досады, возможно, со временем исчезло, но вместо этого, за последующие восемнадцать лет оно разрослось до чудовищных размеров. Все эти годы наши люди видели, или думали, что видят, как за очередной уступкой следует новое требование, и были уверены, что голландские республики хотят в Южной Африке не равенства, но господства. Профессор Брюс, доброжелательный критик, лично изучивший страну и вопрос, в своих записках отметил, что буры видят в нашем поведении не великодушие и гуманность, а лишь слабость и страх, поскольку, будучи прямодушной расой, они без задней мысли приписывают свои чувства соседям. Можно ли удивляться, что с тех пор Южная Африка постоянно находилась в состоянии брожения, а британские африканеры, с неведомой в Англии страстью, ждали часа мести.

После войны управление Трансваалем попало в руки триумвирата, но уже через год Крюгер стал президентом, и оставался на этой должности восемнадцать лет. Его карьера правителя подтверждает мудрость неписаного положения американской конституции, ограничивающего срок пребывания на подобной должности. Правление, длящееся в течение половины жизни поколения, неминуемо превратит человека в диктатора. Однажды Старый Президент, с присущей ему простоватостью и хитрецей, сказал, что хорошего быка, ведущего упряжку, жалко менять. Однако если животному позволяют самому выбирать путь, даже хороший бык затащит фургон в болото.

Три года республика бурлила. Зная, что при площади, равной Франции, её населяло всего 50 000 человек, любой предположит, что в этой стране каждому найдется уединенное мес-

течко. Но бюргеры продолжали расползаться через границы во всех направлениях. Президент кричал, что его заперли в краале, и настойчиво пытался выбраться наружу. Планировался большой поход на север, к счастью не состоявшийся. На востоке буры совершили успешный набег на Зулуленд. Не обращая внимания на британцев, оторвали от страны одну треть и присоединили к Трансваалю. К западу, они вторглись в Бечуаналенд, и, наплевав на соглашение трехлетней давности, основали две новые республики: Гошен и Стелланд.



Президент Пауль Крюгер

В 1884 году столь вызывающее поведение принудило Великую Британию организовать новую экспедицию под командованием сэра Чарльза Уорена. Перед ним поставили задачу вышвырнуть флибустьеров из страны. Возникает закономерный вопрос, почему буров обзывают разбойниками, а основателей Родезии пионерами? Можно попытаться ответить следующим образом: соглашение определило Трансваалю границы, которые он нарушил, в то время как Британия, продвигаясь на север, не нарушала никаких обязательств. Отдаленным результатом этих неурядиц явилось событие, перед которым помerkли все предыдущие драмы Южной Африки.

В очередной раз ворчащие налогоплательщики извлекли из карманов кошельки и отдали около миллиона фунтов на поддержку полицейских сил, необходимых для призвания нарушителей договора к порядку. Об этих фактах стоит помнить, когда мы оцениваем моральный и материальный урон, поне-

сенный Трансваалем в результате непродуманного и глупого предприятия, именуемого "Рейдом Джеймсона".

В 1884 году трансваальская депутация посетила Англию, где, благодаря своей настойчивости, превратила неуклюжую Преторийскую Конвенцию в еще более несуразную Лондонскую. Все изменения в договоре касались усиления позиции буров, и даже повторная успешная война не дала бы им столько, сколько подарил лорд Дерби в мирное время. По предложению буров Трансвааль переименовали в Южно-Африканскую Республику – акт, зловеще предвещавший расширение ее территории в будущем. Одновременно ослаблялся контроль Великой Британии за внешней политикой буров, хотя право вето сохранялось. Но самый большой и неиссякаемый источник будущих проблем лежал в одной допущенной оплошности. Сюзеренитет – расплывчатый термин, а в политике, как и в теологии, чем туманнее предмет, тем более он волнует страсти и воображение человека. Сюзеренитет был провозглашен в преамбуле первого договора, в то время как во втором ни разу не упоминался. Был ли он отменен? Англичане считали, что изменились лишь статьи договора, а преамбула оставалась годной для обоих соглашений. Они указывали, что в этой же преамбуле был провозглашен не только сюзеренитет, но и независимость Трансвааля, следовательно, если теряет силу одно, то должно терять и другое. Буры возражали, указывая, что вторая Конвенция имела собственную преамбулу, которая заменила первую. Этот вопрос настолько специфический и в то же время важный, что в высшей степени достоин рассмотрения третейским судом, возможно, Высшим Судом Соединенных Штатов, и если решение будет вынесено против Великой Британии, мы должны его принять смиренно, как достойное наказание за небрежность чиновников, не удосужившихся вразумительно отразить нашу точку зрения. Керлейл говорил, что политические ошибки всегда заканчиваются разбиванием чьей-то головы, в большинстве случаев совершенно невинной. Мы закончили историю политических ошибок и переходим к разбитым головам.

Таков краткий обзор событий, имевших место до подписания Конвенции, определившей, или, вернее, не сумевшей определить статус Южно-Африканской Республики. Теперь мы должны оставить вопросы большой политики и взглянуть на внутренние дела этого государства, и в особенности на цепь событий, более других волновавших умы наших соотечественников со времен Индийского Мятежа.

ПРИЧИНА ССОРЫ

Видимо, существует какая-то тонкая связь между пустыньностью и бесплодностью ландшафта и ценностью минералов, залегающих под ней. Скалистые горы Американского Запада, иссушенные равнины Западной Австралии, скованные льдом ущелья Клондайка и голые склоны Витватерсрандского вельда – крышки сундуков хранящих величайшие сокровища мира.

О существовании золота в Трансваале было известно и раньше, но только в 1886 году стало ясно, что месторождения, находящиеся в тридцати милях южнее столицы, необычайно богаты. Содержание золота в местном кварце не особенно высоко, нет и жил значительной толщины. Особенность шахт Ранда состоит в равномерном распределении металла по всей толще формации, что позволяет намечать участок под разработку наверняка. Такая безрисковость необычна для добычи золота. Это в большей степени карьеры, чем шахты. Добавьте сюда факт, что рудные жилы, обычно находимые случайно, в данном случае прослеживаются на громадную глубину, сохраняя на всем протяжении то же содержание золота, что и у поверхности. Заниженные оценки определяют ценность золотых запасов в семьсот миллионов фунтов.

Ясно, какой эффект произвело подобное открытие. В страну повалили толпы искателей приключений, часть из них была востребована, часть нежеланна. Определенные обстоятельства отталкивали от этих мест буянов и всякого рода сорвиголов, обычно стремящихся на вновь открытые золотые поля. Здесь не было шурфов, способных привлечь к себе авантюристов-одиночек, не было самородков, сверкавших сквозь муть промывочных ковшей, как в Балларате, возмещавших калифорнийским золотоискателям "сорок девятого года" все невзгоды пути и изнурительный труд. Нет, в этих местах успех могло принести только тщательно продуманное использование машин, что было под силу лишь капиталу. Менеджеры, инженеры, шахтеры, технические эксперты, торговцы и посредники, наживавшиеся на них. В этой массе чужаков – "уитлендеров", представленных всеми расами мира, несомненно, преобладала англо-кельтская кровь. Лучшими инженерами были американ-

цы, лучшими шахтерами – корнуэльцы, лучшими управляющими – англичане. Деньги на основание шахт в большинстве случаев шли из Англии, однако со временем проявились и германо-французские интересы, и в настоящий момент их совместные предприятия по мощности сравнимы с английскими. Вскоре численность населения центров горнодобычи, состоявшего преимущественно из молодых людей выдающихся умственных способностей и энергии, превысило численность всей бурской общины.



Одна из золотых шахт Витватерсранда, 1890-е годы

Ситуация была исключительной. Я уже предлагал рассмотреть ее на примере Америки, представив, что голландцы Нью-Йорка переселились на запад и основали в высшей степени ретроградное антиамериканское государство. Продолжим аналогию, допустив, что новое государство расположено в Калифорнии, чье золото вызвало громадный наплыв американских граждан, превосходящих по численности коренных обитателей. Представим, что этих граждан обложили тяжелыми налогами и обходятся с ними несправедливо, услышим, как они своими жалобами на притеснения оглушают Вашингтон. Представив все это, мы получим картину отношений между Трансваалем, уитлендерами и Британским Правительством.

То, что уитлендеры действительно подвергались бесосновательным притеснениям, никто не может отрицать. Перечислить последние просто невозможно, поскольку незаконные омрачали всю их жизнь. Не было ни одной обиды, принудившей Бура покинуть Капскую Колонию, которую он не нанес бы

теперь уитлендерам. Желание господствовать над другими – грех простительный в 1835, разросся в 1895 до чудовищных размеров. Простые жизненные ценности, присущие фермеру, пали перед искушением золотом. Даже часть провинциальных буров, пусть и в малой степени, оказалась поражена этой болезнью, правительство же Претории превратилось в коррумпированную олигархию, корыстную и некомпетентную. Чиновник и привилегированный Голландец распоряжались потоком золота, лившимся из шахт, в то время как горемыку Уитлендера, обеспечивавшего почти все налоговые поступления в казну, обирали на каждом шагу. Над ним потешались, смеялись его попытками добиться права голоса, и мирно устранить беззаконие, отравлявшее ему жизнь. Он не был безрассудной личностью. Напротив, подобно городу, осажденному неприятелем, он был терпелив до неприличия. Но его положение стало несносным, и после неоднократных попыток мирно договориться, после многочисленных раболепных обращений в Фольксраад, он, наконец, осознал, что добровольно никаких прав ему не дадут, если он эти права не отвоюет.

Не берясь перечислить все обиды и притеснения, испытываемые уитлендерами, напомним здесь лишь наиболее серьезные.

1. Высокие налоги, обеспечивавшие семь восьмых общих сборов в казну государства. Налоговые поступления, составлявшие 154 000 фунтов в 1886 году (когда были открыты золотonosные поля), выросли до 4 миллионов фунтов, и страна, благодаря индустрии, созданной уитлендерами, из беднейшей, стала одной из самых богатых в мире на душу населения.

2. Несмотря на процветание, принесенное с собой, уитлендеры, составляя большинство обитателей страны, были лишены права голоса, и не могли влиять на распределение огромных сумм, ими же обеспечиваемых. Такого налогообложения, без представительства в органах власти, нет нигде в мире.

3. У них не было права выбирать официальных лиц или назначать им плату. Люди, обладавшие наихудшими чертами характера, могли быть назначены на должности, дававшие им абсолютную власть в сфере имущественных интересов. При возможности, даже Министр Горноразработок пытался присвоить себе шахту, найдя формально уязвимые места в документах на право собственности. Общая заработная плата официальных лиц в 1899 году достигла размеров, достаточных для выплаты по 40 фунтов всем бурам мужского пола.

4. Они не контролировали процесс образования. Генераль-

ный директор Йоханнесбургского Совета по Образованию, мистер Джон Робинсон высчитал, что на школы уитлендеров тратится 650 фунтов из 63 000 выделенных на образование, что составляет шиллинг десять пенсов ежегодно на ребенка-уитлендера и восемь фунтов шесть шиллингов на ребенка-бура. Уитлендеры, как всегда, оплачивали семь восьмых всех расходов.

5. Никакой власти в органах самоуправления. Бочка водовоза вместо водопровода, выгребные ямы взамен канализации, коррумпированная и своевольная полиция, высокая смертность при здоровом климате – все это в городах, которые они сами же построили.

6. Деспотизм в вопросах свободы печати и собраний.

7. Отсутствие права избираться в жюри присяжных.

8. Постоянное моральное напряжение из-за обременительных законов в области горноразработок.



Рыночная площадь в Йоханнесбурге

Все это вызывало поток жалоб, касавшихся как шахт, так и общего положения уитлендеров. Монополия на динамит, дополнительно стоившая шахтерам 600 000 фунтов в год за взрывчатку худшего качества; законы о спиртных напитках, позволявшие трети кафров постоянно шататься пьяными; некомпетентность и вымогательство на государственных железных дорогах; многочисленные статьи и оговорки при выделении концессий, вызывавшие дополнительные затраты и способствующие поддержанию высоких цен; обложение Йохан-

несбурга пошлинами, от которых город не имел никакой выгоды – вот примеры проблем, и значительных, и мелких, затруднявших нормальную жизнь.

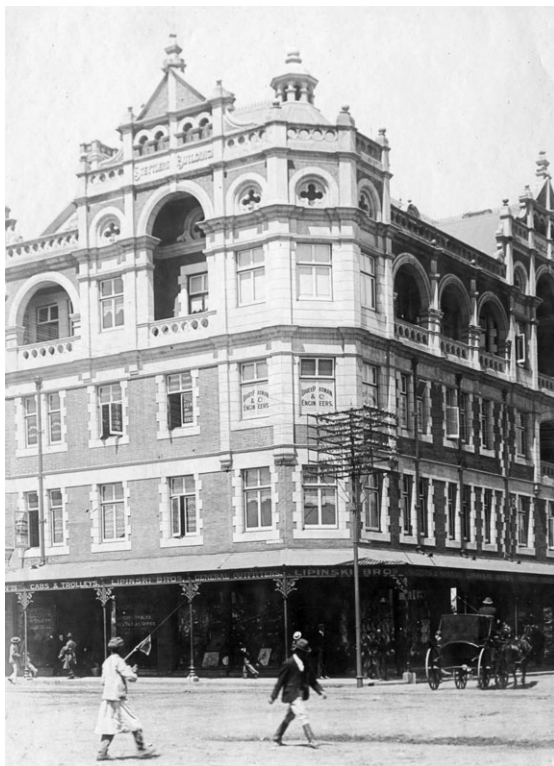
Добавьте к этому постоянное раздражение любого, рожденного свободным, американца или британца, вынужденного беспрекословно подчиняться собранию двадцати пяти человек, из которых двадцать один был замешан в деле "Селати Рейлвей Компани", будучи публично и обстоятельно обвинен во взяточничестве, с раскрытием всех деталей получения взяток. Продажность официальных лиц сочеталась с их полнейшим невежеством, что подтверждают публикации о дебатах в Фолксрааде. Законодатели утверждали, что использование динамитных бомб для вызова дождя это стрельба по Господу, что уничтожение саранчи – нечестивое деяние, что использование слова "участвовать" недопустимо, поскольку его нет в Библии, а почтовые ящики на столбах экстравагантны и женоподобны. Такие *obiter dicta** выглядят смешными издалека, но они менее забавны, когда исходят из уст диктатора, имеющего абсолютную власть над условиями вашей жизни.

Уитлендеры, занятые бизнесом не были помешаны на политике. Их желание принимать участие в управлении государством объяснялось необходимостью обеспечить сносные условия деятельности в собственной отрасли и собственной повседневной жизни. Насколько было необходимо такое участие, может судить каждый беспристрастный человек, прочитавший список жалоб. Поверхностному наблюдателю буры кажутся борцами за свободу, но тот, кто заглянет глубже, неминуемо увидит, что в действительности (как свидетельствуют их же правила голосования), они были стороной уверенной в собственной исключительности, присвоившей себе право угнетать. Их понятие свободы оказалось слишком эгоистичным и, сообразно этому понятию, они подвергали других притеснениям более тяжелым, чем те, против которых восстали сами.

По мере того, как росло значение шахт и число шахтеров, оказалось, что в этой космополитичной массе политическое бесправие сильно задевало одних, оставляя других совершенно равнодушными. Пропорция определялась тем количеством свободы, к которому люди привыкли дома. Уитлендеры с континента с большим терпением относились к явлениям, неприемлемым для американца или британца. Однако американцы были в меньшинстве, и основная тяжесть борьбы за свободу

* Частные определения

пала на уроженцев Британии. Кроме того, что британцы превосходили по численности всех остальных уитлендеров вместе взятых, были особые причины, заставлявшие их переживать свое унижение острее, чем представителей других рас. Во-первых, многие из них родились в Британской Южной Африке, где родственники тех самых буров, которые здесь отказывали им в праве распоряжаться водой и собственной канализацией, пользовались самыми широкими правами. Опять же, каждый британец знал, что Великая Британия провозгласила себя доминирующей силой в Южной Африке, и ему казалось, что родина, у которой он искал защиту, попустительствовала злу и молчаливо соглашалась с его бедственным положением. Как граждане великой державы, они испытывали особенное раздражение от своего политического порабощения. Поэтому именно британцы оказались самыми настойчивыми и энергичными подстрекателями.



Центр Йоханнесбурга, 1900

Но в глазах оппонентов такие доводы, по чести говоря, выглядят не достаточно убедительным. Буры затратили громадные усилия на создание собственного государства. Они совершали дальние переходы, упорно трудились и храбро сражались, чтобы после всего пережитого столкнуться с толпой чужаков буквально затопивших страну, и, зачастую, обладавших манерами, не внушающими доверия. Если гарантировать уйлендерам право голоса, то, рано или поздно, пришельцы станут доминировать в Рааде и выберут собственного президента, который будет проводить политику, неприемлемую для изначальных хозяев страны. Выбросят ли буры победу, завоеванную оружием, в урны для голосования? Честно ли требовать этого от них? Чужаки пришли за золотом. Они его имеют. Их компании получают прибыль. Этого мало? Если им не нравится страна, почему они не уезжают? Здесь их никто не держит. Но если они остались, пусть будут благодарны, что их вообще терпят, и пусть не докучают какими-то требованиями тем, кто великодушно впустил их в свой дом.

Такова позиция буров, и непредвзятому наблюдателю есть, что сказать в ее защиту. Но более тщательное рассмотрение показывает, что, несмотря на теоретическую справедливость, на практике проведение в жизнь подобных принципов невозможно.

В современном многолюдном мире политика Тибета допустима в каком-либо темном закоулке, но непозволительна на огромной территории, в стране, идущей по пути промышленного прогресса. Совершенно противоестественная позиция – горстка людей, по праву завоевания владеющая гигантской территорией, рассеянные столь редко, что, по собственной поговорке, с одной фермы нельзя увидеть дым соседа, несмотря на малонаселенность, не соглашаются принять новых поселенцев на равных условиях, но провозглашают себя привилегированным классом, полностью доминирующим над вновь прибывшими. Более образованные, прогрессивные и многочисленные иммигранты находятся в угнетенном состоянии, аналога которому не найти на всем земном шаре. На чем основано право буров? На праве завоевания. Тогда такое же право справедливо применить для разрешения нетерпимой ситуации. Они должны признать это. "Вставай и вой! Давай!", – кричал член Фольксрада, в ответ на представление петиции о праве голоса. "Протест! Протест! Какой смысл протестовать? – говорил Крюгер мистеру Кемпбелу, – у вас нет пушек, а у меня есть". Вот Высший Апелляционный Суд бура. За президентом всегда

стояли судья "Крезо" и судья "Маузер".

Опять же, аргументы буров имели бы больший вес, не привлекая они выгоду из присутствия иммигрантов. Игнорируя чужаков, они имели бы право заявить, что не нуждаются в их присутствии. Но, отвергая уитлендеров, буры одновременно на них наживались. Такое двуличие недопустимо. Препятствуйте и не эксплуатируйте, или обеспечьте комфортные условия жизни и стройте государство на их деньги. Но дурно обращаться с людьми, одновременно увеличивая свое могущество за счет взимаемых с них налогов – верх двуличия.

Аргументы буров, в целом, исходили из узко расового предположения, что каждый получивший гражданство, не будучи буром, неизбежно не будет и патриотом. Этот тезис не находит подтверждения в истории. На деле новые граждане обычно гордятся своей страной и оберегают ее свободу не менее ревностно, чем старые. Даруй президент Крюгер уитлендерам право голоса – пирамида его власти покоилась бы на устойчивом основании, а не балансировала на вершине. Коррупцированной олигархии пришлось бы уйти, а дух терпимости и свободы проник бы в систему управления республики. Страна стала бы сильнее и стабильнее, с населением, возможно по-разному смотрящим на частные вопросы, но сплоченным в главном. Было бы такое решение выгодным для британской политики в Южной Африке – другой вопрос. На деле, упорствуя, президент Крюгер оказался настоящим другом Империи.

Этапы долгой борьбы между добивавшимися избирательных прав уитлендерами и бурами, упорно им в этом отказывавшими, можно набросать несколькими штрихами, но, необходимо помнить, что данный спор лежит в основе великого противостояния, и ни один человек, желающий понять историю вопроса, не может игнорировать эту борьбу.

До Преторийской Конвенции (1881 год) права бюргерства могли быть получены после годичного пребывания в стране. В 1882 срок увеличили до пяти лет – разумный барьер, которого придерживаются и Великая Британия и Соединенные Штаты. Оставайся он таким, и можно с уверенностью сказать, что не было бы ни вопроса уитлендеров, ни Великой Бурской войны. Все обиды и недовольства могли быть исправлены силами самого государства, без внешнего вмешательства.

В 1890 году наплыв чужаков беспокоил буров, и они подняли порог, обусловив получение права голоса четырнадцатью годами проживания в стране. Число уитлендеров быстро рос-

ло, и они все больше страдали от уже упоминавшихся притеснений. Считая, что претерпеваемые ущемления слишком многочисленны, а удовлетворение их пункт за пунктом – дело безнадежное, уитлендеры решили сдвинуть непосильно тяжелый груз обид и унижений рычагом избирательных прав. В 1893 году в Раад была подана петиция, изложенная самым уважительным образом. Ее подписали 13 000 уитлендеров, но к этому обращению отнеслись с оскорбительным безразличием. В 1894 году, не сдавшись, Союз Национальных Реформ – организация, проводившая агитацию – возобновила давление. На этот раз была представлена петиция, под которой поставили подписи 35 000 взрослых уитлендеров мужского пола – число, превышавшее численность мужчин-буров. Незначительная либеральная часть Раада поддержала этот документ и предприняла тщетную попытку добиться справедливости для чужаков. Глашатаем этой группы выступил мистер Джеппе. "Они владеют половиной земли, они обеспечивают, по меньшей мере, три четверти налогов, – говорил он, – это люди по богатству, энергии и образованию, по меньшей мере, равные нам. Что будет с нами, или нашими детьми в тот день, когда мы обнаружим себя в меньшинстве, один к двадцати, без друзей, среди тех, кто напомнят нам, что хотели стать братьями, а мы сами сделали их чужаками в республике?"

Такое разумное, непредвзятое мнение члены Раада встретили в штыки, заявив, что подписи принадлежат не законопослушным гражданам, а мятежникам, поскольку подстрекают к изменению закона о праве голоса. Другие, более горячие головы, раздраженные брошенным им вызовом, требовали от уитлендеров выходить и сражаться. Сторонники исключительности и расовой ненависти в тот день одержали победу. Меморандум отвергли шестнадцатью голосами против восьми, а избирательный закон, по инициативе Президента, еще более ужесточили. Теперь он трактовался таким образом, что в течение четырнадцати лет испытательного срока, кандидат обязан был отказаться от своего предыдущего гражданства, следовательно весь этот период оставался без гражданства какой-либо станы.

Надежды, что твердая позиция Президента и его бюргеров в отношении уитлендеров смягчится, не оставалось. Одного из протестующих Президент вывел из здания Раада и указал ему на национальный флаг. "Вы видите этот флаг? – спросил он, – если я гарантирую им избирательные права, я могу его тут же спустить ". Его неприятие иммигрантов было очень резким.

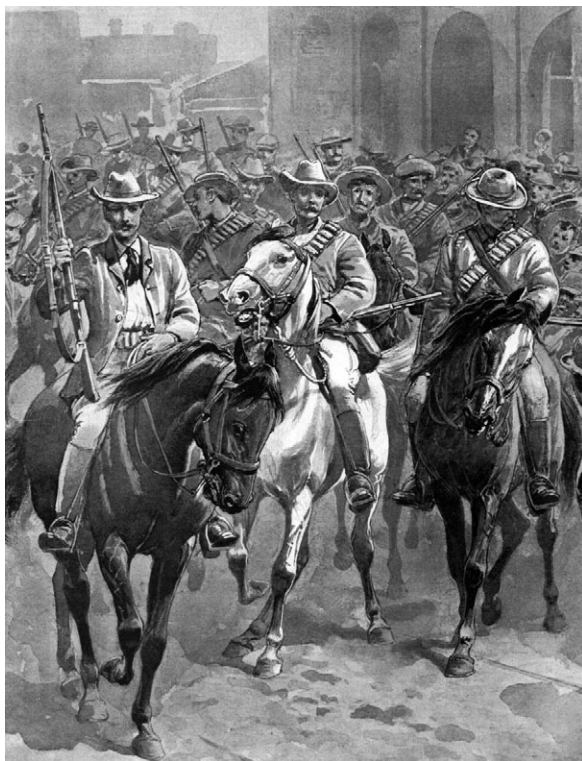
"Бюргеры, друзья, чужаки, воры, убийцы, и прочие..." – таким было начало одного из публичных обращений. Хотя Йоханнесбург находился всего в тридцати двух милях от Претории, а государство, которое он возглавлял, зависело от доходов с золотых месторождений, за девять лет Президент удостоил город всего тремя посещениями.

Столь незабываемая враждебность достойна сожаления, но вполне объяснима. От человека, пропитанного идеей избранного народа, человека, для которого единственной книгой является та, в которой эта идея культивируется, нельзя ожидать усвоения исторических уроков и осознания преимуществ, извлекаемых государством от проведения либеральной политики. Для Крюгера это выглядело, словно аммониты и моавиты требовали принятия их в двенадцать колен Израилевых. Он считал агитацию против политики исключительности в своем государстве, агитацией против собственно государства. На деле, широкие избирательные права могли бы обеспечить его республике надежное и долгое существование, поскольку лишь незначительное количество уитлендеров стремилось войти в британскую политическую систему. По своей сути они были космополитичной толпой попросту жаждущей справедливости. Но когда все способы добиться равенства потерпели неудачу, а петицию с требованием прав, достойных свободного человека, швырнули им в лицо, естественно, многие из уитлендеров стали с надеждой смотреть на флаг, развевавшийся на севере, востоке и западе – на флаг, символизировавший беспристрастное правительство, равные права и равные обязанности для всех. Легальная агитация была отброшена, начался контрабандный ввоз оружия и подготовка к организованному восстанию.

О событиях, начала 1896 года, уже говорилось столько, что мы, возможно, не сумеем добавить ничего нового, кроме правды. Настолько, насколько дело касается собственно уитлендеров, их действия закономерны и справедливы, и им нет нужды каяться за восстание против тирании, какой не подвергался ни один человек нашей расы. Опирайся они лишь на свои силы и руководствуясь лишь собственными интересами, их моральная, и даже фактическая позиция были бы бесконечно сильнее. Но, к несчастью, за ними стояли силы, с репутацией не внушавшей доверия, чья природа и степень влияния не раскрыты до сих пор, несмотря на работу двух комиссий. Попытки направить расследование по ложному пути и изъятие документов, избобличающих участие отдельных лиц, достойны всяче-

ского сожаления. В результате этих действий у публики сложилось впечатление, надеюсь, не соответствующее действительности, что Британское Правительство попустительствовало экспедиции в равной степени самоубийственной и аморальной.

Ночью в городе планировалось поднять восстание, атаковать Преторию, захватить форт, а добытые таким образом ружья и патроны раздать уитлендерам – план вполне осуществимый, хотя на взгляд людей, имевших представление о воинских качествах бюргеров, довольно рискованный. Возможно, восставшие и смогли бы удержать Йоханнесбург до тех пор, пока всеобщие симпатии к их делу, распространившись по Южной Африке, не вынудили бы Великую Британию вмешаться.



Йоханнесбургские повстанцы (рисунок из "Life")

К несчастью, они осложнили дело, обратясь за помощью извне, к м-ру Сесилу Родсу, премьер-министру Капской Коло-

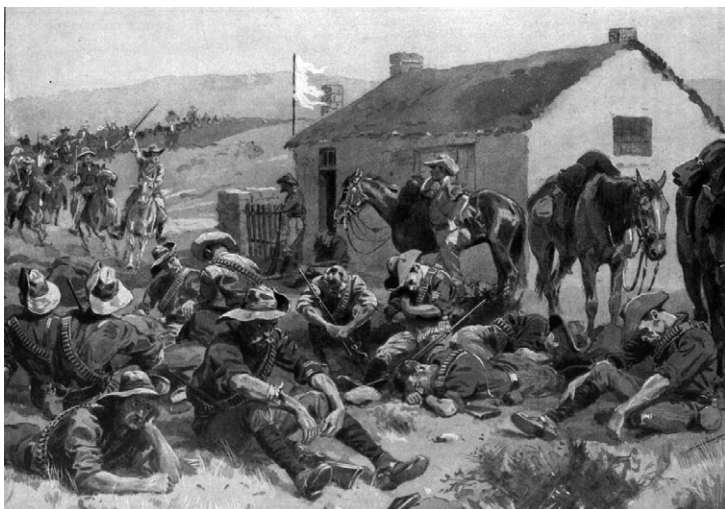
нии, человеку беспредельной энергии, оказавшему большие услуги империи. Мотивы его действий неясны, но мы, определенно, не можем назвать их низкими – этот человек известен величием своих замыслов и прямоотой поступков.



Премьер-министр Капской Колонии Сесил Родс

Но каковы бы они ни были: страстное ли желание объединить Южную Африку под британским правлением, искренние ли симпатии к уитлендерам в их борьбе с несправедливостью, факт остается фактом – он позволил своему помощнику, д-ру Джеймсону, воспользоваться конной полицией "Чартерд Компании", (основанной и возглавляемой мистером Родсом), для совместных действий с Йоханнесбургскими повстанцами. Более того, когда, из-за разногласий, чей флаг будет поднят, вос-

стание в Йоханнесбурге отложили, оказалось, что Джеймсон (с или без ведома Родса) попытался принудить заговорщиков к действию, вторгшись в страну с силами, до абсурда неадекватными стоявшей перед ними задаче. Тем не менее, пять сотен полицейских с тремя полевыми пушками предприняли безнадziejную попытку. Выступив от Мафекинга, перейдя границу Трансвааля 29-го декабря 1895 года, уже 2-го января они были окружены бурами среди холмов, вблизи Дорнкопа. Потеряв многих убитыми и ранеными, оставшись без пищи и лошадей, рейдеры сложили оружие. Со стороны буров в этой стычке погибли шесть бюргеров.



*Рейдеры Джеймсона сдаются бурам
(рисунок из "Life")*

Впоследствии уитлендеров сурово критиковали за отказ отправить отряд на помощь Джеймсону, но, на наш взгляд, в тот момент они и не могли действовать иначе. Уитлендеры сделали все возможное для предотвращения "освободительного" похода Джеймсона, и было бы неразумно требовать от них отправляться спасать собственного освободителя. Они имели чрезмерно преувеличенное представление о силе отряда, который тот с собой вел, и восприняли новость о разгроме рейдеров с большим недоверием. Когда же сведения подтвердились, уитлендеры, наконец, восстали, но как-то нерешительно, что объясняется не отсутствием храбрости, а скорее неопределенностью ситуации.

С одной стороны, Британское Правительство совершенно отреклось от Джеймсона, таким образом, лишив повстанцев моральной поддержки; с другой стороны Президент держал участников набега в Претории и намекал, что их судьба зависит от дальнейших действий уитлендеров. Восставшим дали понять, что Джеймсон будет расстрелян, если они не сложат оружие, хотя, в действительности, Джеймсон и его люди сдались под обещание сохранения жизни. Крюгер мастерски использовал заложников, и с помощью британского представителя смог убедить тысячи раздраженных йоханнесбургцев сложить оружие без кровопролития. Совершенно сбитые с толку хитроумным старым Президентом, лидеры движения за реформы употребили все свое влияние для достижения мира. Они надеялись, что последует всеобщая амнистия, но лишь только они и их люди оказались беззащитными, детективы и вооруженные бюргеры заняли город, а шестьдесят активистов бросили в тюрьму Претории.



Командир рейдеров Линдер Стар Джеймсон

Что касается собственно участников набега, то Президент обошелся с ними в высшей степени великодушно. Возможно, он не мог питать искренней злобы к людям, умудрившимся помочь ему завоевать симпатии всего мира. Перед лицом этого противоправного рейда было забыто его собственное нетерпимое и бессердечное отношение к уитлендерам. Вторжение указало саму суть вопроса, и пройдут годы, пока о нем начнут судить верно, а возможно, объективно его больше не рассмотрят никогда. Все забыли, что истинной причиной злосчастного рейда была несправедливость правительства страны. С тех пор позиция буров становилась все жестче и жестче, ведь они всегда могли сослаться на рейд, как на обстоятельство извиняющее все. Должны ли уитлендеры иметь право голоса? Смеют ли они надеяться на это право после рейда? Британия возражает против огромного импорта вооружения и явной подготовки к войне? Но это лишь предосторожность против повторного рейда. Рейд встал на пути не только общего прогресса, но и любого выражения протеста. Из-за акции, которую Британское Правительство не контролировало и которую из всех сил пыталось предотвратить, оно попало в неловкое положение, к тому же утратив часть морального авторитета.

Рейдеров вернули домой, где рядовых справедливо отпустили, а старших офицеров, не прибегая к чрезмерной строгости, приговорили к незначительным срокам заключения. Сесил Родс остался безнаказанным, сохранив свое место в Тайном Совете, а его "Чартерд Компани" продолжила существование. Все это выглядело нелогично и неубедительно. Как сказал Крюгер: "Надо бить не собаку, а человека, который ее на меня натравил". Общественное мнение, вопреки, или благодаря толпе свидетелей, было плохо информировано о сути вопроса. К тому же, стало очевидно, что ввиду растущей враждебности проживавших на Капе голландцев не стоит отталкивать от себя британских африканеров, превращая их любимого лидера в мученика. Но какие бы аргументы не приводились в качестве практической целесообразности, совершенно ясно, что буры с крайним, причем совершенно справедливым негодованием, отнеслись к неприкосновенности Родса.

В то же время президент Крюгер, и его бюргеры обошлись с политическими узниками Йоханнесбурга гораздо строже, чем с вооруженным соратником Джеймсона. Национальный состав арестованных наводит на размышления. Среди них было двадцать три англичанина, шестнадцать южноафриканцев, девять

шотландцев, шесть американцев, два валлийца, ирландец, австралиец, голландец, баварец, канадец, швейцарец и турок. Они были арестованы в январе, но суд состоялся лишь в конце апреля. Все были признаны виновными в государственной измене. Мистер Лайонел Филлипс, полковник Родс (брат Сесилия Родса), Джордж Феррер и мистер Хеммонд (американский инженер) были приговорены к смертной казни, впоследствии замененной огромным штрафом. Остальных арестованных приговорили к двум годам заключения и штрафу в 2000 фунтов каждого. Условия заключения, тяжелейшие сами по себе, еще более ужесточались суровостью тюремного надзирателя Дю Плесси. Пища и санитарные условия были одинаково нездоровыми, один из несчастных перерезал себе горло, несколько серьезно заболели. Наконец, в конце мая, всех заключенных, кроме шести, освободили. Вскоре отпустили еще четверых, но самые стойкие – Семпсон и Девис отказались подписывать какие-либо петиции и оставались в тюрьме до 1897 года. В совокупности Трансваальское Правительство получило с заключенных в качестве штрафов громадную сумму – 212 000 фунтов. Некоторый комизм этому печальному событию придал предъявленный Великой Британии иск на сумму 1 677 938 фунтов, большая часть которого приходилась на моральный ущерб.

Рейд остался в прошлом, там же осталось и движение за реформы, но причины, породившие их, не исчезли. Трудно понять, почему правительственные деятели, любившие свою страну, продолжали игнорировать проблемы, однажды уже имевшие опасные последствия. Как они могли не замечать, что ситуация обостряется с каждым годом. Но Пауль Крюгер ожесточился, и переубедить его было невозможно. Уитлендеров притесняли все жестче. Единственной силой, к которой они еще могли обращаться за защитой от угнетения, оставались суды. Но теперь было объявлено, что суды зависят от Фолксраада. Верховный Судья протестовал против подобного вырождения его ведомства, и в ответ был уволен без права на пенсию. На его место назначили судью, испытывавшего антипатию к реформаторам, и уитлендеры лишились защиты беспристрастного закона.

Для изучения положения дел в горной индустрии и притеснений, которым подвергались уитлендеры, государством была назначена комиссия. Ее председателем назначили мистера Схалка Бургера, одного из самых либерально настроенных бюргеров. Работа комиссии отличалась тщательностью и бес-

пристрастностью, и в результате появился отчет, полностью оправдавший требования реформаторов и предлагавший пути постепенного удовлетворения требований уитлендеров. Изложенное легитимным способом, их требование права голоса выглядело не таким категоричным. Но Президент и его Раад не принял ни одну из рекомендаций комиссии. Неотесанный старый автократ объявил, что Схалк Бургер, подписав подобный документ, предал свою страну, и для анализа отчета учредили новый, более реакционный, комитет. В итоге единственным результатом работы комиссии стали слова и бумаги, а положение уитлендеров не улучшилось ни на йоту.

Правда они в очередной раз сумели публично изложить свои требования на бумаге, в документе подписанном самими уважаемыми бюргерами. В газетах англоязычных стран рейд постепенно перестал заслонять суть вопроса. Все яснее проявлялось осознание невозможности жить с гарантией будущего в стране, где большинство населения угнетается меньшинством. Переселенцы пробовали добиться уважения мирным путем, и потерпели неудачу, пытались действовать с оружием в руках, и опять проиграли. Что им оставалось делать? Их родина – ведущая сила в Южной Африке, никогда им не помогала. Возможно, они должны были прямо попросить об этом? Неужели, хотя бы ради поддержания имперского престижа, Британия не могла защитить собственных детей, находившихся в положении изгоев. Уитлендеры решились на прямое обращение к Королеве, и, поступив таким образом, они превратили свои жалобы из объекта внутренней дискуссии в предмет международной политики. Великая Британия стала перед дилеммой или защитить их, или продемонстрировать, что такая защита выше ее сил. Прямая петиция к Королеве, с мольбой о защите, была подписана двадцатью одной тысячей уитлендеров в апреле 1899 года. С этого момента поток событий устремился к закономерному финалу. Иногда поверхность этого потока бурлила, иногда оставалась гладкой, но всех участников будущей драмы неумолимым течением несло к водопаду, чей рев звучал в ушах все громче.

ПЕРЕГОВОРЫ

Британское Правительство, как и собственно британцы, не испытывает нужду в каком либо виде прямого правления в Южной Африке. Высший интерес состоит в том, чтобы государства, расположенные здесь, жили в согласии и процветании, и чтобы в пределах всего огромного полуострова не возникло необходимости в присутствии британских "красных мундиров". Наши зарубежные критики, с их непониманием британской колониальной системы, никак не уяснят, что какой бы флаг, то ли четырехцветный Трансвааля, то ли Юнион Джек самоуправляющейся колонии, ни развевался над золотыми шахтами, доход Великой Британии не изменится ни на шиллинг. Трансвааль, став британской провинцией, получит свою собственную законодательную власть, свои собственные доходы и расходы и свой собственный таможенный тариф, как для Британии, так и для остального мира и Англия от этого не станет богаче. Это настолько ясно для британца, что он не считает нужным что-либо разъяснять, и, возможно, подобной снобистской позицией объясняется традиционное непонимание нашей политики иностранцами. Одновременно, не получая явной финансовой выгоды от перемен, метрополия несет на себе большую часть расходов: и кровью солдат, и деньгами. Принимая это во внимание, Великая Британия имела все основания уклоняться от такой сложной задачи, как завоевание Южно-Африканской Республики. В лучшем случае мы ничего не выигрывали, в худшем – многое теряли. Здесь не было места амбициям или агрессии, перед нами стояла альтернатива: или мы исполняем свой долг, или пренебрегаем им.

Не может быть и речи об организации заговора с целью захвата Трансвааля. В свободной стране правительство не может идти против общественного мнения, а общественное мнение формируется и отражается прессой. Любой интересующийся вопросом может изучить многомесячные подшивки газет, выходивших в период переговоров, и не найдет ни одного авторитетного мнения в поддержку курса на аннексию, более того, общество не оправдывало подобных мер. Для устранения несправедливости в отношениях между бурами и уитлендерами

требовались минимальные усилия, восстанавливавшие равенство между белыми расами в Африке. "Достаточно Крюгеру либеральнее взглянуть на расширение избирательных прав, – писала наиболее представительная газета, отражавшая мнение здравомыслящих британцев, – и он обнаружит, что сила республики не ослабнет, а бесконечно возрастет. Дай он полноценное право голоса большинству совершеннолетних мужчин, проживающих в стране, и он получит стабильность и силу, которой никогда ранее не обладал. Если же он отвергнет очевидные выгоды подобного образа действий и будет настаивать на проводимой политике, то, возможно, сможет отдалить черный день и сохранить милую его сердцу олигархию еще несколько лет, но конец все равно будет одним". Таков был общий тон британской прессы, за исключением пары газет, полагавших, что даже продолжение ущемления прав наших граждан в этом государстве и факт, что мы в высшей степени ответственны за них, не оправдывает нашего вмешательства во внутренние дела республики.

Нельзя отрицать, что рейд Джеймсона и половинчатость, с которой расследовались сопутствовавшие ему обстоятельства, ослабили влияние сил, желавших энергичного вмешательства Британии в интересах ее подданных. Существовало туманное, но широко распространенное чувство, что капиталисты искусственно создали ситуацию ради достижения собственных целей. Однако трудно вообразить, что общественные волнения и отсутствие гарантий безопасности, не говоря уже о состоянии войны, создают преимущества капиталу, и уж очевидно, что если какой-то супермахинатор использовал недовольство уитлендеров в своих планах, то лучший способ разрушить подобные планы – устранить основную причину недовольства. Но подозрения существовали, особенно среди тех, кто любит игнорировать очевидное и преувеличивать мелкое. В ходе переговоров позиция Великой Британии была ослаблена, поскольку ее оппоненты не допускали ни тени сомнения в наличии заговора. Идеализм и неутомимая болезненная добросовестность – два самых страшных демона, терзающих современное либеральное государство.

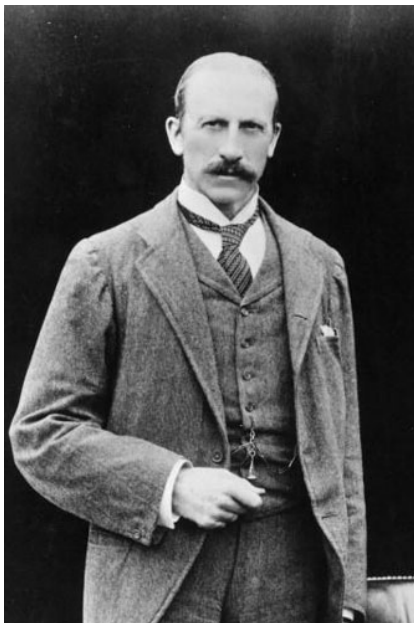
В апреле 1899 года британские уитлендеры направили прошение, в котором умоляли Ее Величество о защите. Между доктором Лейдсом, Государственным Секретарем Южно-Африканской Республики и Секретарем по Колониям – мистром Чемберленом завязалась интенсивная переписка по вопросу: существует, все-таки, сюзеренитет, или нет. Одна сторона

утверждала, что с принятием второй конвенции первая всецело аннулируется, другая настаивала, что преамбула к первому документу относится и ко второму. Если признать правоту позиции Трансвааля, то выходило, что со второй конвенцией Великую Британию обвели вокруг пальца, поскольку даже от самого легкомысленного Секретаря по Колониям вряд ли стоило ожидать легкого отказа от существенных привилегий, которыми обладала Британия, без каких-либо компенсаций. Но эти препирательства отбрасывали конфликтующие стороны назад, к разбору академического вопроса, что же такое суверенитет. Трансвааль все эти годы признавал право вето на свою внешнюю политику, а подобное признание само по себе, если бюргеры открыто не разывают конвенцию, лишает их права называться суверенной державой. В целом необходимо признать, что вопрос следовало вынести на суд независимого, заслуживающего доверие, третейского суда.

Вернемся к спору, в котором было так мало страсти, что прошло целых семь месяцев между подачей прошения и ответом на жизненно-важный вопрос, касающийся жалоб уитлендеров на несправедливость и притеснения. Британский комиссар в Южной Африке сэр Альфред Милнер – человек с либеральными взглядами, назначенный правительством консерваторов, пользовался уважением и доверием всех партий. Он обладал репутацией компетентного, трезвомыслящего человека, слишком честного, чтобы быть на стороне несправедливости, и именно ему поручили изучение проблемы. Была подготовлена встреча сэра Милнера и президента Крюгера, состоявшаяся 30-го мая в Блумфонтейне, столице Оранжевой Республики. Крюгер заявил о готовности обсуждать любые вопросы, кроме независимости Трансвааля. "Все, все, все!" – произнес он с особым ударением. Но на деле оказалось, что участники встречи не могут определиться, что угрожает этой независимости, а что нет. Требования, жизненно важные для одной стороны, оказались совершенно неприемлемыми для другой.

Милнер настаивал на законе о пятилетнем избирательном цензе, имеющем обратную силу, с обеспечением гарантированного адекватного представительства в горнодобывающих районах. Крюгер предлагал семилетний ценз, с многочисленными оговорками, сводящими на нет его значение, гарантировал пять из тридцати одного места для представителей большинства, и добавил положение, что спорные вопросы будут решаться при посредничестве третьей стороны – условие, не-

совместимое с наличием сюзеренитета. Предложения одного не устраивали другого, и в начале июня, так ни о чем и не договорившись, сэр Альфред Милнер уехал в Кейп-Таун, а президент Крюгер в Преторию. Поток понесся стремительнее, а грохот приближавшегося водопада теперь был слышен каждому.



Сэр Альфред Милнер

12-го июня сэр Альфред Милнер принял в Кейп-Тауне депутацию и разъяснил положение дел. "Принцип равенства рас, — сказал он — обязателен для Южной Африки. Одно государство, нарушая этот принцип, держит в напряжении другие. Наша политика не агрессивна, исполнена терпения, не переходящего, однако, в безразличие". Двумя днями позже Крюгер обратился к Рааду: "Противная сторона не сделала ни шага навстречу, а я не мог предложить большего. Господь всегда стоял на нашей стороне. Я не хочу войны, но не могу больше идти на уступки. Однажды у нас уже отбирали независимость, но Господь восстановил ее". Несомненно, он говорил искренне, но странно слышать заявления, что Бог поддерживает систему, одобрявшую спаивание дикарей и породившую самых коррумпированных чиновников во всем современном мире.

Отчет сэра Альфреда Милнера, разъясняя его точку зрения, показал британской публике, насколько серьезно обстоят дела, насколько тревожна сложившаяся ситуация, и как важно направить объединенные усилия всей нации на ее исправление. Он говорил:

"Доводов в пользу интервенции более чем достаточно. Остается ответить на вопрос, исправится ли положение дел, если мы оставим все как есть. Политика невмешательства проводилась годами, и привела к тому, что неудовлетворительное положение стало еще хуже. Неправда, что всему виной рейд. Все катилось к худшему и до рейда. До рейда мы находились на грани войны, а Трансвааль на грани революции. Эффект, произведенный рейдом, позволил правительству оставить все без изменений, породив новые надежды, лопнувшие, словно мыльный пузырь.



Дом президента Пауля Крюгера в Претории

Зрелище тысяч британских подданных, содержащихся на положении рабов, находящихся под гнетом постоянных притеснений и тщетно взывающих к Правительству Ее Величества с мольбой о восстановлении справедливости, подрывает влияние и репутацию Великой Британии в доминионах Королевы. Часть прессы, и не только в Трансваале, открыто и настойчиво проповедует доктрину объединения всей Южной Африки под республиканским флагом, подкрепляя эту идею угрозами и ссылками на вооруженные силы Трансвааля, его союз с Оран-

жевой Республикой, и активную симпатию, которая, в случае войны, будет проявлена частью подданных Ее Величества. Я с сожалением должен признать, что эта доктрина, поддерживаемая потоком самой злобной и безответственной лжи о намерениях Правительства Ее Величества, находит живое сочувствие у большого количества колонистов-голландцев. Часто используются выражения, намекающие, что даже в Капской колонии голландцы обладают какими-то дополнительными правами по отношению к их согражданам британского происхождения.

Я не вижу иного способа остановить эту злостную пропаганду, кроме как твердо продемонстрировать намерение Правительства Ее Величества не сдавать своих позиций в Южной Африке".

Таковы были серьезные и взвешенные слова, которыми британский проконсул предупреждал своих соотечественников о грядущих событиях. Он видел грозовые тучи, сгушавшиеся на севере, но даже его глаза не различали, насколько был близок и свиреп приближавшийся ураган.

Весь конец июня и начало июля много надежд возлагалось на посредничество руководства Союза Африканеров – политического объединения голландцев Капской колонии. С одной стороны они были соплеменниками буров, с другой – британскими подданными, и наслаждались благоденствием либеральных законов, подобие которых мы страстно желали бы видеть в Трансваале. "Обращайтесь с нашим народом, как мы обращаемся с вами!" – суть наших раздоров сконцентрирована в этом призыве. Но миссия закончилась безрезультатно, хотя проект, подписанный мистером Хофмейером и мистером Херхолдтом со стороны Союза, и мистером Фишером со стороны Оранжевой Республики, был представлен в Раад и одобрен мистером Шрайнером – главой африканеров Капской Колонии. В первоначальном виде основные положения были запутанны и сложны для понимания, право голоса определялось сроком проживания от девяти до семи лет, в зависимости от условий. Однако, в ходе дебатов, после неоднократных поправок, необходимый срок проживания был снижен до семи лет, а представители золотопромышленников получали пять гарантированных мест. Уступка была небольшой и не слишком увеличивала представительство уитлендеров, но в Англии с нетерпением ожидали снижения срока пребывания, как знака, что компромисс может быть достигнут. Страна вздохнула с облегчением. "Если, – говорил Секретарь по Колониям, – сообщение подтвердится, то это важное изменение в позиции

президента Крюгера, вместе с предыдущими поправками, дает Правительству надежду, что новый закон послужит основой соглашения, над которым работал сэр Альфред Милнер на Блумфонтейнской Конференции". Он добавил, что есть кое-какие мелкие оговорки, но закончил словами: "Правительство Ее Величества уверено, что Президент, приняв принципы, на которых оно настаивает, будет готов пересмотреть детали своей позиции, могущие явиться препятствием в достижении конечной цели, и не позволит, чтобы договоренности были сведены на нет, или обесценены какими-либо последующими изменениями закона, или действиями администрации". В то же время "Таймс" заявила, что кризис заканчивается. "Если голландские политики на Капе вынудят своих Трансваальских соотечественников провести такой законопроект, они заслужат искреннюю признательность не только своих соплеменников и английских колонистов в Южной Африке, но Британской Империи и всего цивилизованного мира".



Президент Крюгер и Государственный Секретарь Лейдс

Но эту безоблачную перспективу вскоре затянуло тучами. То, что выглядело деталями, при ближайшем изучении оказа-

лось предметом исключительной важности. Уитлендеры и британские южноафриканцы, в прошлом не однажды убеждавшиеся, насколько туманными могут быть обещания Президента, теперь настаивали на гарантиях. Предложенные семь лет на два года удлинляли срок, провозглашенным сэром Альфредом Милнером крайним. Разница в два года, даже принимая во внимание своего рода унижение наших делегатов, не являлась большим препятствием, но оставались условия, вызывавшие недоверие, будучи выдвинуты такими лукавыми дипломатами, как соратники Крюгера. Одно из них гласило, что чужак, претендующий на бюргерство, должен подтвердить срок своего пребывания предъявлением удостоверения о длительной регистрации. На деле положение о регистрации в Трансваале практически не использовалось, и, следовательно, это условие искажало значение всего закона. А поскольку на сохранении этого пункта упорно настаивали, очевидно, им рассчитывали пользоваться. Замок на двери открыли, но саму дверь заклинили камнем. И еще, срок непрерывного пребывания уитлендера ставили в зависимость от решения предыдущего Раада, таким образом закладывая мину под реформы. Хотя теперь представители горной промышленности могли предлагать любые законопроекты, не только их бумаги, но их самих бурское большинство по-прежнему могло вышвырнуть из зала заседаний. На что было надеяться оппозиции, если правительство своим решением по первой прихоти могло выбить ее из седла. Очевидно, что закон, содержащий такие подводные камни, перед тем как британское правительство примет его в качестве окончательного документа, требовал тщательного изучения. С другой стороны чувствовалось нежелание отвергать документ, предполагавший, при некоторой доработке, улучшение жизни уитлендеров. Стороны договорились, что каждое из правительств назначит делегатов в объединенную комиссию для окончательной доработки законопроекта. 7-го августа предложения внесли на рассмотрение в Раад, с примечанием, что после их утверждения сэр Альфред Милнер готов обсуждать любые другие вопросы, включая арбитраж без иностранного вмешательства.

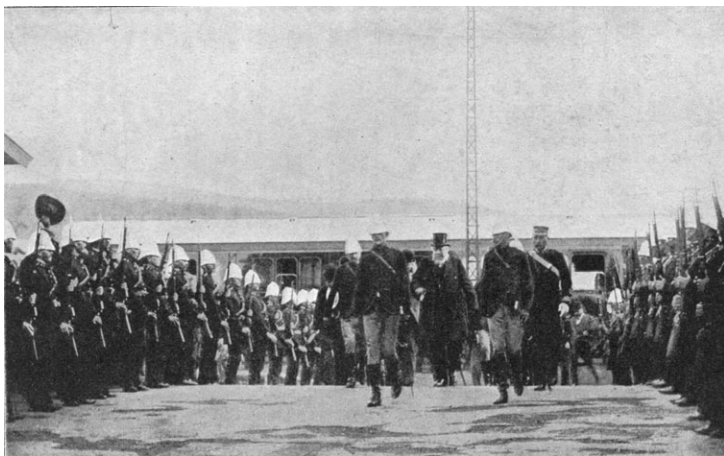
Работа объединенной комиссии подверглась критике, как недопустимое вмешательство во внутренние дела другого государства. Но тогда необходимо признать, что весь вопрос с самого начала касался внутреннего дела другого государства, поскольку именно равенство белого населения было условием, на котором основывалось самоуправление Трансвааля. Бес-

смысленно проводить аналогии, что бы предприняла Франция, посмей Германия вмешаться в вопрос французского избирательного права. Если бы во Франции проживало столько же немцев, сколько французов, и если бы их ущемляли в правах, Германия вмешалась бы достаточно быстро, и продолжала бы вмешиваться до установления справедливого *modus vivendi**. Дело в том, что случай с Трансваалем стоит особняком, не имея аналогий, и невозможно применить соответствующий прецедент, соблюдая при этом главное правило – белое меньшинство не может неограниченно управлять и облагать налогами белое большинство. Симпатии мира оказались на стороне меньшей нации, но здравый смысл и высшая справедливость остались за Англией.

За предложениями Секретаря по Колониям последовала долгая пауза. Из Претории не доносилось даже намек на ответ, зато в избытке поступали свидетельства, что приготовления к войне, тихо начатые еще накануне рейда Джеймсона, торопливо завершаются. На вооружение тратились непропорционально огромные, для такого маленького государства, суммы. Ящики с ружьями и патронами текли в арсенал не только через Делагоа-Бей но, к негодованию английских колонистов, даже через Кейп-Таун и Порт-Елизабет. Огромные контейнеры с надписями "Сельскохозяйственный инвентарь" и "Горные машины" прибывали из Германии и Франции, чтобы занять свое место в фортах Йоханнесбурга и Претории. Люди многих наций, но с общей, характерной для военных выправкой, наводнили бурские города. Наемники из Европы, как всегда, были готовы продать свою кровь за золото, и они превосходно выполнили свою часть сделки. Эти красноречивые приготовления продолжались более трех недель, в течение которых мистер Крюгер хранил молчание. Но оставался один фактор, доминировавший над остальными. Бюргеры не могут воевать без лошадей, лошади не могут без травы, трава не вырастет без дождей, а до дождей оставалось еще несколько недель. Следовательно, пока вельд представлял собой голую, выжженную, покрытую пылью равнину не стоило слишком торопиться с переговорами. Мистер Чемберлен и британская публика ожидали ответа несколько недель. Но всякому терпению есть предел, и он наступил 26-го августа, когда Секретарь по Колониям в резкой манере, не характерной для дипломатии, заявил, что вопрос не может вечно висеть в воздухе. "Песок в часах убегает"

* Образ жизни.

ет, — сказал он, — и когда упадет последняя песчинка, мы будем считать себя свободными от ранее сделанных предложений, и, взяв инициативу в свои руки, не отступим, пока не обеспечим положение дел, раз и навсегда определяющее, кто является доминирующей силой в Южной Африке. Мы не отступим, пока не гарантируем нашим соотечественникам равные права и привилегии, обещанные им президентом Крюгером при провозглашении Королевой независимости Трансвааля — минимум того, что они справедливо заслуживают". Немного ранее лорд Солсбери высказался не менее эмоционально: "Никто в этой стране не желал нарушать конвенций, пока считал, что они, гарантируя независимость Трансвааля, гарантируют равные политические и гражданские права поселенцам всех национальностей. Эти конвенции вовсе не библейские "законы мидян и персов". Они порождены нами, и их можно разорвать, а, будучи однажды разорваны, они никогда не возродятся в том же виде". Все чаще проявлялись признаки, что терпение Британии лопается.



*Президент Крюгер инспектирует
трансваальских артиллеристов*

Вскоре из Трансвааля прибыло послание, в котором на рассмотрение комиссии выдвигались альтернативные предложения: Правительство буров согласится с предложениями о праве голоса, выдвинутыми сэром Альфредом Милнером, при условии, что Великая Британия откажется от провозглашения своего сюзеренитета, согласится на арбитраж и пообещает, в будущем не вмешиваться во внутренние дела республики. На это

Великая Британия ответила: она согласна на арбитраж, она надеется, что в будущем, не возникнет поводов для ее вмешательства с целью защиты своих граждан, и что с дарованием права голоса все поводы для такого вмешательства останутся в прошлом, и, наконец, что она никогда не откажется от позиции сюзерена. Официальное обращение мистера Чемберлена заканчивалось напоминанием правительству Трансвааля, что кроме вопроса о голосовании, между правительствами существуют и другие спорные вопросы, требующие своего решения. Он имел ввиду отношение к туземному населению и права англо-индийцев.

2-го сентября пришел ответ Правительства Трансвааля. Он был кратким и бескомпромиссным. Буры отзывали свои предложения по праву голоса. Они настаивали на отсутствии сюзеренитета. Переговоры зашли в тупик, и надежд на их возобновление не оставалось. В ответ на вооружение бюргеров, небольшой натальский гарнизон был выдвинут для прикрытия границы. Трансвааль запросил объяснений. Сэр Альфред Милнер ответил, что войска защищают британские интересы и готовятся к возможным непредвиденным обстоятельствам. Рев водопада звучал громко и совсем рядом.

8-го сентября состоялось заседание Кабинета – одно из самых важных за последние годы. В Преторию отправили послание, которое даже оппоненты Правительства признали достаточно сдержанным и все еще оставлявшим почву для мирного урегулирования. Оно начиналось с категорического неприятия требований Трансвааля быть суверенным государством, подобно Оранжевой Республике. Любые предложения, связанные с сюзеренитетом, объявлялись неприемлемыми.

Однако британское правительство готово принять пятилетний ценз для права голоса в редакции, изложенной в ноте от 19-го августа, допуская, что в Рааде каждый депутат имеет право говорить на родном языке.

"Принятие этих условий Южно-Африканской Республикой сразу же снимет напряжение в отношениях между двумя Правительствами, и с высокой степенью вероятности предотвратит необходимость интервенции в будущем, обеспечив рассмотрение прошений, которые уитлендеры сами смогут вносить в Исполнительный Совет и Фольксраад."

"Правительство Ее Величества в высшей степени озабочено опасностью дальнейших задержек в устранении напряженности, уже причинившей столько вреда интересам Южной Африки, и со всей серьезностью настаивает на немедленном и

определенном ответе на последнее предложение. Если Трансвааль согласен, то должен быть готов немедленно... урегулировать все нюансы деятельности предложенного третейского суда... Если, однако, хотя мы надеемся, что такого никогда не случится, ответ Южно-Африканской Республики будет отрицательным или неопределенным, я заявляю, что Правительство Ее Величества, оставляет за собой право пересмотреть свою позицию DE NOVO и сформулировать собственные предложения для окончательного решения вопроса".

Таким было послание, на которое с напряжением ждала ответа Великая Британия. Но вновь последовала задержка. Тем временем пошли дожди, вельд покрылся травой, и теперь мог прокормить лошадей. Буры не собирались разбрасываться уступками. Они знали свою силу, и справедливо заключили, что в настоящее время являются ведущей военной силой во всей Южной Африке. "Мы били Англию и раньше, но это пустяки по сравнению с трепкой, которую устроим ей теперь" – кричал один известный гражданин, и этими словами, он выражал мнение всей Республики. Империя ждала и спорила, но звуки горна уже прорывались сквозь гомон политиков, призывая нацию в очередной раз лечь под молот войны и страданий, которым Провидение кует нас для какой-то особенной и возвышенной цели.

КАНУН ВОЙНЫ

Послание, направленное Кабинетом Министров 8-го сентября, определяло будущее сотен тысяч людей. От ответа на него зависело быть миру или войне. Разразится ли туча, нависшая над Африкой, бурей или рассеется. Пока нация, затаив дыхание, ждала ответа, Правительство изучало и обсуждало неотложные мероприятия. Военное Министерство имело в своем распоряжении время для подготовки к непредвиденным обстоятельствам, в том числе для доставки и размещения дополнительных войск (в общем, для принятия на первый взгляд адекватных, но, как показало будущее, далеко не достаточных мер).



Секретарь по делам колоний Невилл Чемберлен

Занятно, листая подшивки газет вроде "Таймс", наблюдать,

как одна-две небольшие заметки военной тематики на номер, поначалу едва заметные в массе бесконечных дипломатических и политических колонок, множатся и растут в размерах, пока, наконец, затмив собою другие темы, не загнали дипломатию в крошечные абзацы, заполонив войной весь журнал. Блеск штыков среди скучных дипломатических документов впервые мелькнул 7-го июля. Именно в этот день появилось сообщение об отправке двух рот Королевских Инженеров с подразделениями обеспечения, запасами снаряжения и боеприпасов. Две роты инженеров! Кто мог предвидеть, что это авангард величайшей в мировой истории армии, когда-либо пересекавшей океан. Армии, численностью во много раз больше любой, когда-либо находившейся под командованием британских генералов. Под той же датой мы читаем: "Главномандующий в Южной Африке, уполномочен решать вопрос транспортировки подчиненных ему сил. С этой целью в Южную Африку отправились несколько специально подготовленных офицеров". Затем следует ряд фамилий: Баден-Пауэлл, лорд Э.Сесил, Хенбури Трейси, Пламер, Дженнер, Пилсон, МкМикинг, Берд – они отплывали, словно простые путешественники с будничными пледом и саквояжами, но никогда еще, даже в самые судьбоносные дни прошлого, на передний край битвы за Империю не отправлялась более рыцарская компания.

К 15-му августа, после провала Блумфонтейнской конференции и сообщения сэра Альфреда Милнера, к моменту, когда переговоры достигли критической фазы, британские силы в Южной Африке были абсурдно неадекватны задачам обороны наших границ. Определенно, это должно открыть глаза тем, кто, вопреки очевидному, настаивает, что войну навязала Британия. Политики, провоцирующие войну, обычно готовятся к ней, в точности как делал мистер Крюгер, чего не скажешь о британских высокопоставленных лицах. На тот момент сила, олицетворявшая властолюбивого сюзерена, состояла из двух кавалерийских полков, трех полевых батарей и шести с половиной батальонов пехоты – всего около шести тысяч человек, рассеянных по бесконечным пространствам. В ответ государство простодушных пастухов могло выставить сорок или пятьдесят тысяч стрелков, чья мобильность, по меньшей мере, удваивала их количество, плюс превосходную артиллерию, включая самые тяжелые орудия из когда-либо присутствовавших на поле боя. К тому времени стало понятно, что буры в состоянии легко двинуться как на Дурбан, так и на Кейп-Таун.

Британские силы, вынужденные обороняться, могут быть легко изолированы и уничтожены, после чего основные силы агрессора не встретят иного противника, кроме местного ополчения, к тому же в значительной степени нейтрализованного равнодушием, а то и враждебностью голландских колонистов. Выглядит невероятным, но британские военные, видимо, не допускали инициативы со стороны буров, и не понимали, что наши запоздавшие подкрепления, возможно, не смогут ступить на сушу, не попав под огонь республиканских орудий.

В июле Наталь забил тревогу, и премьер министр колонии направил обращение к губернатору, Сэру У.Хейли Хатчинсону, и Колониальному Офису. "Общеизвестно, что Трансвааль вооружен до зубов, что Оранжевая Республика с радостью примкнет к нему, и что предпринимаются упорные попытки и непосредственно, и через прессу внести отчуждение в отношения между гражданами-голландцами и британскими колонистами. Кроме того, наблюдается много других зловещих признаков. Для лучшего роста травы после первых дождей необычайно рано выжигается вельд, собираются лошади, раздается оружие и боеприпасы. Фермеры Оранжевой Республики, в зимнее время пасшие своих овец и крупный рогатый скот на землях Наталья, увели их в безопасные места по ту сторону Дракенсберга. Все указывает на приближение войны, и Наталь отказывается удовлетвориться присылкой лишь одного дополнительного подразделения". 6-го сентября Колониальный Офис получил еще одно ясное и точное сообщение о состоянии дел в Натале.

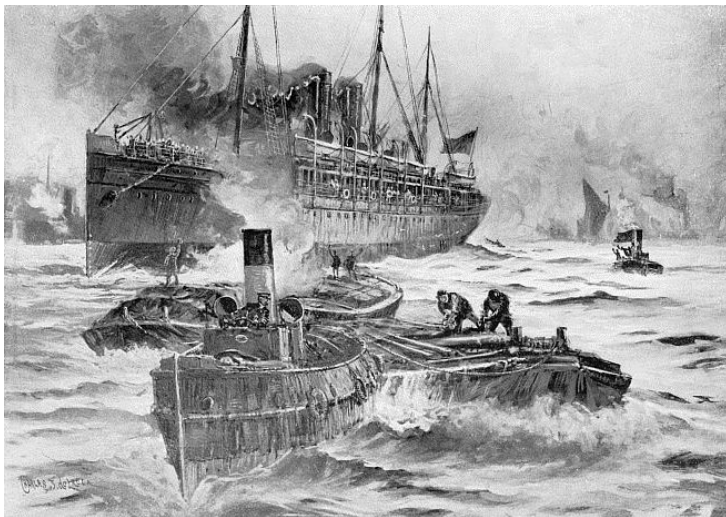
"Премьер Министр, при единодушной поддержке министров, поручил мне настоятельно просить вас о немедленной отправке в Наталь достаточного количества войск, чтобы колония была в состоянии противостоять агрессии со стороны Трансвааля и Оранжевой Республики. Я поставлен в известность командующим войсками в Натале, что, не располагая достаточными силами, даже по прибытии батальона Манчестерцев, он сможет лишь занять Ньюкастл и прикрыть колонию по некоторому радиусу южнее него. Лейнгс-Нек, Ингого-Ривер и Зулуленд придется оставить без защиты. Мои министры говорят, что буры уверены в неизбежности войны, а, следовательно, считают необходимым нанести удар до того, как придут наши подкрепления. Получена информация, что вторжение начнется через Миддл-Дрифт и Грейтаун, и через Бондс-Дрифт и Стангар с целью выйти на железную дорогу между Питермаритцбургом и Дурбаном, чтобы перерезать ли-

нии сообщения войск и доставки припасов. Почти все фермеры Оранжевой Республики в районе Клип-Ривер, обычно оставшиеся на территории Колонии до октября, ушли, несмотря на большие потери скота. Их овцы окотились в дороге и почти все ягнята погибли. В округе Энтонийанани по крайней мере два фермера переселились в Трансвааль со всем своим имуществом, в одном случае предприняв попытку удержать в качестве заложников детей аборигенов, работавших на ферме. Получены заслуживающие доверия сообщения о попытке подстрекания лояльных туземцев и срамливания племен между собой с целью создания беспорядков и отвлечения сил, обороняющих колонию. В Фолксрусте, Фрайхейде и Стандертоне в больших количествах накапливаются продовольственные и военные припасы. Люди, с высокой степенью вероятности являющиеся шпионами, замечены за изучением мостов на Натальской Железной Дороге. Известно также, что шпионы есть во всех в главных центрах колонии. По мнению министров, акции вроде захвата Лейнгс-Некского тунеля, разрушения северного участка железной дороги, успешного рейда или вторжения, которые противник наверняка планирует, произведут сильный деморализующий эффект как на туземцев, так и на лояльных европейских жителей колонии. Такое несчастье воодушевит буров и тех, кто им симпатизирует, тех, кто, будучи вооружен и готов воевать, возможно, сохранит нейтралитет, если бурам не удастся провести достаточно впечатляющих операций. Министры колонии согласны с политикой Правительства Ее Величества, направленной на использование всех возможностей для мирного устранения притеснений, испытываемых уитлендерами, и полностью солидарны с желанием Великой Британии избежать войны, но они обращают внимание, что речь идет об оборонительных мероприятиях, а не о развязывании войны".

В ответ на эти увещевания гарнизон Наталя постепенно усилили – частично войсками из Европы, частично отправкой пяти тысяч британских солдат из Индии. Один за другим прибыли 2-й батальон Беркширского полка, 1-й батальон Мюнстерских Фузилеров, 1-й батальон Манчестерского полка, 2-й батальон Дублинских Фузилеров усиленные артиллерией. Из Индии доставили 5-й Гвардейский Драгунский полк, 9-й Уланский, 19-й Гусарский, 1-й батальон Девонширцев, 1-й Глостерцев, 2-й батальон Королевских Стрелков и 2-й батальон Хайлендеров Гордона.

Эти войска вместе с 21-й, 42-й и 53-й батареями составляли Индийский Контингент. С их прибытием в конце сентября об-

щая численность наших солдат в Южной Африке достигла 22 000 человек – сила, совершенно недостаточная для борьбы с многочисленным, мобильным и отважным врагом в открытом поле, но, как мы убедились, способная противостоять неумолимо надвигающейся беде.



В Африку (рисунок из "Life")



Британские войска в порту Дурбана

Однако правительство Наталя и военные не могли прийти к согласию касательно дислокации войск. Принц Крафт заявлял: "И стратегия и тактика обязаны приносить плоды политике", но политические цели, оплаченные солдатской кровью, должны быть весьма важными и не вызывать сомнений. То ли из-за наших слабых умственных способностей, то ли из-за кастовых предрассудков наших военных, категорически не желавших (несмотря на горький опыт прошлых лет) признавать фермера на коне серьезным противником, газеты твердили, что наконец-то мы относимся к противнику без недооценки, в то время как мы недооценивали его самым серьезным образом. Взглянув на карту, легко убедиться, что северная треть Наталя, легко уязвима в военном плане, являлась бы желанным объектом атаки даже для кадета, впервые принимавшего участие в штабных учениях.

Сужаясь, Наталь образует острый клин, вершина которого упирается в труднопреодолимый проход, зловещий Лаингс-Нек, над которым господствует еще более зловещая глыба Маджубы. Обе стороны этого клина открыты для вторжения, с одного крыла – Трансвааль, с другого – Оранжевая Республика. Концентрировать силы в этом районе, означало добровольно отправлять их в идеальную ловушку. Мобильный противник, хлынув в страну, обойдет наши войска с юга, перережет линии снабжения и возведет серию укреплений, способных значительно затруднить отступление. В глубине территории, на таких позициях как Ледисмит или Данди, опасность окружения выглядела не столь неизбежной, разумеется, если обороняющаяся сторона достаточно сильна, чтобы принять бой на открытой местности, и достаточно мобильна, чтобы не позволить конникам противника обойти себя с флангов. Для нас, наделенных безбрежным океаном мудрости, берущим начало в знании дальнейшего хода событий, очевидно, что защитникам, не способным выставить в передовые линии более 12 000 человек, единственно возможной линией обороны следовало избрать Тугелу. Но в реальности эта роль досталась Ледисмиту – месту, абсолютно неприспособленному к обороне, поскольку, по меньшей мере с двух сторон, над ним господствуют высокие холмы.

Очевидно, что вопрос осады города не принимался во внимание, поскольку никто не подумал отправить туда тяжелые полевые орудия. Напротив, на крохотном железнодорожном узле свалили горы всевозможных запасов, к слову сказать, на

более чем миллион фунтов, срочная эвакуация которых, в случае опасности, сопровождалась бы катастрофическими потерями. Главная железнодорожная магистраль делилась в этом городке на две ветки, одна из которых шла на Гарризмит (Оранжевая Республика), а другая через угольные поля Данди и Ньюкастл вела в Лаингс-Некский туннель и Трансвааль. Мнение о важности сохранения контроля над угольными месторождениями, ныне выглядящее чрезмерно категоричным, определило твердое решение правительства Наталя (согласное с мнением генерала Пенна Саймонса), о разделении имевшихся сил. Три или четыре тысячи человек отправили в Данди, за сорок миль от основных сил, остававшихся в Ледисмите с генералом сэром Джоржем Уайтом. Генерал Саймонс недооценил силы противника, но трудно критиковать ошибку, столь доблестно искупленную и столь трагически оплаченную.



Генерал Пенн Саймонс

К моменту напряженного ожидания, последовавшего за заявлением Кабинета от 8-го сентября, наше военное положение уже не выглядело отчаянным, хотя по-прежнему внушало опасения. Регулярная армия насчитывала двадцать две тысячи человек, на помощь которым можно было привлечь около десяти тысяч колонистов, но этими силами приходилось прикры-

вать границу огромной протяженности. Жители Капской Колонии симпатизировали противнику и могли занять открыто враждебную позицию. Также не исключалась возможность вовлечения в борьбу с нами черного населения. Для защиты Наталя мы могли задействовать лишь половину регулярных войск, а подкрепление ожидалось не ранее чем через месяц после начала боевых действий. Если мистер Чемберлен блефовал, то следует признать, что он блефовал, имея на руках очень слабые карты.

Для сравнения дадим представление о силах, которые мистер Крюгер и мистер Стейн могли выставить против нас, поскольку к тому времени стало очевидным, что Оранжевая Республика, с которой у нас не было и тени непонимания, собралась бросить себя на противоположную чашу весов.



*Президент Оранжевой Республики
Мартинус Стейн*

Одни называли поступок фристейтеров беспричинно-преступным, другие – рыцарским. Республики призвали под

ружье от 25 000 до 35 000 человек. Мистер Дж. Б. Робинсон, личный друг президента Крюгера и человек, проводивший большую часть жизни среди буров, считал последнюю цифру чрезмерно завышенной. В любом случае эти оценки не имеют под собой надежного основания. Рассеянное по огромной территории и обособленно живущее население, как правило, очень большие семьи – все это трудно поддается учету. Некоторые исследователи руководствуются в расчетах естественным приростом населения за восемнадцать лет, но исходные цифры сами нуждаются в уточнении. Другие опираются на количество принимавших участие в последних президентских выборах: но никто не может сказать, сколько человек воздержалось от голосования. Кроме того, призывной возраст в республиках на пять лет меньше возрастного порога, дающего право голоса. Мы считаем, что все имеющиеся расчеты гораздо ниже настоящих цифр. Возможно, наиболее близка к реальности информация Британского Разведывательного Департамента, утверждавшего, что военный потенциал Трансвааля составлял 32 000 человек, а Оранжевой Республики – 22 000. Совместно с наемниками и повстанцами из колоний буры могли поставить под ружье до 60 000, а значительное восстание в Капской Колонии могло увеличить их число до 100 000.



Трансваальские бюргеры

Артиллерия противника насчитывала до ста орудий, многие из которых (и этот факт требует разъяснений со стороны наших военных) оказались современнее и мощнее наших. Нет

необходимости распространяться о боевых качествах этой армии. Буры отличались храбростью, упорством и вдохновлялись чуждым нам религиозным энтузиазмом, более свойственным семнадцатому веку. Верхом на выносливых низкорослых пони они обладали подвижностью, практически удваивавшей их численность и не позволявшей обходить их фланги. Как снайперы, они не имели равных. Добавьте к этому преимущество действий на наших бесконечных внутренних линиях с коротких и безопасных коммуникаций, и станет понятно, насколько трудная задача стояла перед солдатами империи. Если от оценки сил противника мы вернемся к размышлению о возможностях разделенных на два отряда 12 000 британцев, защищавших Наталь, то должны поздравить себя с тем, что умудрились не утратить эту обширную провинцию, расположенную на полпути между Британией, Индией и Австралией, по праву считающуюся замковым камнем имперской дуги.

Необходимо сделать, возможно скучное, но необходимое отступление, и упомянуть о мотивах, которыми руководствовались буры, в течение многих лет тайно готовясь к войне. Рейд Джеймсона, определенно, не был причиной этих приготовлений, хотя, несомненно, укрепил позиции трансваальского правительства и значительно ускорил ход дел. При наличии столь благовидного предлога то, что ранее делалось медленно и под покровом секретности, теперь могло совершаться быстро и открыто. На деле подготовка началась гораздо раньше. Строительство фортов в Претории и Йоханнесбурге развернули почти за два года до злополучного набега, одновременно ускорив импорт оружия. В том же 1895 году на военное снаряжение Республика потратила огромную сумму.

Зачем они вооружались до рейда, когда еще не было повода опасаться британского правительства, с которым Трансвааль мог поддерживать дружеские отношения, подобные тем, что в течение сорока лет поддерживала Оранжевая Республика? Трудный вопрос, ответ на который можно найти скорее в области догадок и предположений, чем среди твердо установленных фактов. Но беспристрастные и незаинтересованные историки должны признать наличие изрядного числа свидетельств о присутствии в головах некоторых голландских лидеров (как в республиках, так и в Капской Колонии) идеи создания единого голландского государства, протяннувшегося от Капа до Замбези, государства, в котором флаг, язык и закон будут голландским. Именно в этом страстном желании многие проникательные и хорошо информированные эксперты видят

истинный побудительный мотив упорного наращивания военной мощи, непрекращающейся враждебности и формирования тесных связей между двумя республиками (одна из которых обязана нам своим воссозданием и суверенитетом). Наконец, это же желание объясняет упорные попытки отравить отношения между нами и нашими колонистами-голландцами, которые никогда не испытывали политических притеснений. Подобные действия имели одну цель – изгнание Британии из Южной Африки и создание одной гигантской голландской республики. Трансвааль, пытаясь оказать тайное влияние на ход событий, под покровом секретности тратил гигантские суммы, я думаю большие, чем вся Британская Империя. Армия эмиссаров, агентов и шпионов со всевозможными заданиями расползлась по британским колониям. На подкуп французской и германской прессы тратились баснословные суммы.

По самой природе тщательно законспирированных операций, стремление заменить британское правление в Южной Африке голландским не так легко доказать. Подобные вопросы не обсуждаются в открытых документах, а люди, посвященные в них, проходят тщательный отбор и умеют хранить тайны. Но параллельно существует множество свидетельств личной активности в этом направлении выдающихся и достаточно представительных людей, и с трудом верится, особенно сейчас, когда мы видим, каким образом развивались события, и каким оказался результат, что множество индивидуальных устремлений не определялись единым движущим импульсом. Мистер Дж. Р. Фицпатрик, в "Трансваале изнутри" (книге, которой все пишущие о Южной Африке должны быть крайне признательны) рассказывает, как в 1896 году с проектом вытеснения Великой Британии из Южной Африки к нему обратились весьма известный африканерский деятель мистер Д. П. Грааф, бывший член Законодательного Совета Капской Колонии. Этот же политик представлял подобный проект мистеру Бейту. Сравните с этим следующее заявление м-ра Теодора Шрайнера, брата премьер-министра Капской Колонии:

"Я встретил мистера Рейтца, в то время судью Оранжевой Республики, вскоре после возврата Трансвааля прав на территорию, когда этот господин занимался учреждением Союза Африканеров. В то время никто не сомневался, что Англия и ее правительство не имели намерений лишать Трансвааль независимости, поскольку только что "великодушно" ее пожаловали, не имели никаких намерений вести с республикой войну, поскольку только что был заключен мир, не стремились завла-

деть золотыми полями Ранда, так как они еще не были открыты. Именно в то время я повстречался с мистером Рейтцем, прилагавшим все усилия, чтобы вовлечь меня в Союз Африканеров. Изучив конституцию Союза и его программу, я отказался стать его членом. После моего отказа между нами состоялся разговор, суть которого навсегда запечатлелась в моей памяти:

Рейтц: Почему вы отказываетесь? Неужели стремление вовлечь людей в решение политических вопросов недостойная цель?

Я: Несомненно, это благородная цель, но меж строк этой конституции я замечаю другие, далеко идущие намерения.

Рейтц: Какие?

Я: Я совершенно ясно вижу, что конечной целью программы является уменьшение британского влияния и изгнание британского флага из Южной Африки.

Рейтц: (с приятной понимающей улыбкой, как человек, чьи тайные мысли и цели раскрыты и который вовсе этим не огорчен) Ну и что, если даже так?

Я: Вы же не допускаете мысли, что этот флаг исчезнет из Южной Африки без колоссального сопротивления и борьбы?

Рейтц: (с той же приятной, слегка смущенной, полуизвиняющейся улыбкой) Ну, я полагаю, нет. Но, даже если так, что из этого?

Я: Только то, что вы и я, несомненно, примем участие в этой борьбе, но по разные стороны. Более того, Бог, который в последней войне благословил Трансвааль, когда республика отстаивала правое дело, в будущей станет на сторону Англии, так как должен с отвращением взирать на любые планы подрыва ее сил и позиций в Южной Африке, которую он вручил ей.

Рейтц: Увидим.

На этом наш разговор закончился. С того времени пролетело семнадцать лет, и все эти годы я наблюдал, как непрерывная пропаганда, ратующая за уменьшение влияния Британии в Южной Африке, велась всеми возможными способами. Она звучала со страниц прессы, из уст проповедников, с трибун, в школах, в колледжах, в Законодательном Собрании – пока не вылилась в нынешнюю войну, родителями которой, несомненно, стали мистер Рейтц и его единомышленники. Поверьте мне, день, когда Ф. В. Рейтц сел писать ультиматум Великой Британии, был счастливейшим в его жизни. Этот момент он предвидел и страстно ждал многие годы".

Сравните с этими фразами высказывания голландских по-

литиков Капской Колонии, голландских политиков Оранжевой Республики и следующий пассаж из речи, произнесенной Крюгером в Блумфонтейне в 1887 году: "Я считаю преждевременным говорить об Объединенной Южной Африке под одним флагом. Чей флаг? Королева Англии воспротивится, если ее флаг захотят спустить, а мы, бюргеры Трансвааля, не желаем спускать свой. Что же делать? Сейчас мы слишком малы и ничтожны, но мы растем и готовимся занять свое место среди великих народов мира". "Мечта нашей жизни, – говорил другой деятель, – Соединенные Штаты Южной Африки, и этот союз должен быть создан нами, а не внешними силами. Когда это произойдет, Южная Африка станет великой".



Френсис Уильям Рейтц

Эти слова, постоянно срывающиеся с уст голландцев, наряду с другими признаками подтверждают, что идея объединения давно готовилась к практическому воплощению. Я повторяю, что справедливый и непредубежденный историк не может отмахнуться от идеи существования заговора, как от мифа.

Мне могут возразить, почему они не скрывали своих замыслов? Неужели они не имели право на свою точку зрения, ка-

сательно будущего Южной Африки? Неужели они не имели права на общий флаг и общий язык? Почему бы им не одолеть наших колонистов и не столкнуть нас в море? Лично я не вижу, что им могло помешать предпринять попытку. Если они желали, то имели право предпринять попытку. Но мы имели не меньшее право защищаться. И прекратим разговоры о британской агрессии, о желании капиталистов завладеть золотыми месторождениями, об обидах, чинимых честным пастухам, и подобные стенания, предназначенные лишь для сокрытия сути проблемы. Пусть те, кто твердят о притязаниях Британии на республики, хоть на мгновение обратят внимание на неоспоримые свидетельства притязаний республик на наши колонии. Пусть они задумаются над требованием равных прав для всех белых людей в одном государстве, пусть обратят внимание на то, как раса, находящаяся в меньшинстве, притесняет другую, составляющую большинство, пусть решат, на чьей стороне правда, кто выступает за всеобщую свободу, а кто за реакцию и расовую ненависть. Позвольте им все обдумать и взвесить перед тем, как ответить на вопрос, чья сторона достойна симпатий.

Оставим на время общеполитические проблемы и военные приготовления, которые вскоре станут жизненно важными. Вернемся к ходу дипломатической борьбы между правительством Трансвааля и Колониальным Департаментом. Как уже говорилось, 8-го сентября в Преторию было направлено заключительное послание, определявшее минимальные сроки, которые британское правительство соглашалось принять как справедливые по отношению к своим подданным в Трансваале. Послание требовало определенного ответа, и вся нация ожидала его с угрюмой решимостью.

В стране не питали иллюзий в отношении трудности войны с Трансваалем, предчувствуя, что она принесет мало чести и множество неприятностей. Нас все еще жгли воспоминания о Первой Бурской войне, и мы хорошо знали доблесть неукротимых бюргеров. Но общество, хотя и находилось в мрачном расположении духа, было настроено решительно. Не мудрость государственных деятелей, а национальный инстинкт подсказал нам, что речь идет не о какой-то местной проблеме. Люди ощущали – на карту поставлено само существование Империи. Великая Британия проходила проверку на сплоченность. Во времена мира мы с энтузиазмом осушали бокалы за свою страну. Было ли это бессмысленным расплескиванием вина, или в час войны мы готовы пролить за нее свою кровь. Основали ли

мы ряд разобщенных наций, не связанных ни общими чувствами, ни общими интересами, или создали Империю как цельный организм, способный испытать единый душевный порыв, укрепиться в едином решении, как члены единого Союза? Вот основной вопрос, от ответа на который зависит многое в будущей истории мира.

К счастью колонии понимали, что настоящий раздор – дело не только метрополии. Британия отстаивала права империи, как целого, надеясь, что колонии в возможном конфликте станут на ее сторону. Уже 11-го сентября полутропический и пылкий Квинсленд предложил контингент конной пехоты с пулеметной командой; Новая Зеландия, Западная Австралия, Тасмания, Виктория, Новый Южный Уэльс и Южная Австралия в порядке упоминания сделали то же самое. Канада, с сильной, но осторожной северной душой, сказала свое слово последней, зато твердо. Ее жители затрагивались происходящим менее всего, поскольку, в отличие от Австралии, в Южной Африке проживало очень мало канадцев. Тем не менее, Канада с готовностью взяла свою часть общей ноши и несла ее тем бодрее, чем тяжелее она становилась.



Сержант новозеландского контингента

Предложения о службе поступали от людей всех оттенков кожи, обитавших в самых дальних уголках Британской Империи, от индусских раджей, от западно-суданских хаусов, от

малайских полицейских, от западных индийцев. Но это была война белого человека, и если британцы не могли управиться с бурами сами, то империи лучше избавиться от подобной расы. Отличная Индийская армия численностью 150 000 солдат, многие из которых – закаленные ветераны, по тем же соображениям осталась нетронутой. Англия не требовала никаких компенсаций за подобное самоограничение, и беспристрастный писатель может спросить у тех зарубежных критиков, чье уважение к нашей общественной морали настолько же мизерно, как и знание наших принципов и нашей истории: будут ли они призывать к такому же самоотречению, окажись их страны в аналогичном положении.

18-го сентября в Лондоне опубликовали официальный ответ бурского правительства на послание Кабинета Министров. Его стиль был враждебен и категоричен. По сути, в нем отвергались все требования Британии. Пятилетний ценз и другие меры, выполнение которых Правительство Ее Величества определяло как минимально справедливые в отношении уитлендеров объявлялись неприемлемым. Предложение вести дебаты в Рааде на двух языках, как это принято в Капской Колонии и Канаде, категорически отвергалось. Британское правительство в своем последнем обращении заявляло, что в случае негативного или неопределенного ответа оно оставляет за собой право "считать ситуацию *de novo* и формулировать собственные предложения для конечного соглашения". Ответ оказался и негативным и неопределенным. 22-го числа состоялось заседание Кабинета для подготовки следующего обращения. Оно было кратким и жестким, но не до такой степени, чтобы отрезать дорогу к миру. Послание демонстрировало глубокое сожаление британского правительства, по поводу того, что умеренные требования, предъявленные в предыдущем обращении, были отвергнуты, и теперь, в соответствии со своим обещанием, правительство собирается представить собственный план соглашения. Это послание, не являясь ультиматумом, предвещало его в будущем.

Между тем, 21-го сентября состоялось собрание Раада Оранжевой Республики, и выяснилось, что те, к кому у нас не было ни малейших притязаний, а напротив, самые дружеские и теплые чувства, готовились выступить против Великой Британии. Немного ранее между двумя республикам был заключен оборонительный и наступательный альянс, который, пока не будет написана тайная история этого союза, выглядит крайне спешной и невыгодной сделкой для меньшего участника. У

Оранжевой Республики не было повода опасаться Британии, поскольку именно последняя дала ей независимость и жила с ней в мире сорок лет. Законы этой республики были столь же либеральны, как и наши собственные. Но этим самоубийственным договором она решила разделить судьбу государства, сознательно добивавшегося войны своей последовательной недружественной позицией. Судьбу государства, чье реакционное и ограниченное законодательство, казалось, не могло не оскорблять чувств более прогрессивного соседа. Возможно, это объяснялось амбициями, о которых упоминал доктор Рейтц, возможно, присутствовала иллюзия относительно соотношения сил будущих противников и возможной судьбы Южной Африки. Как бы то ни было, договор был подписан, и подходило время проверки, насколько он будет выполняться.

Тон президента Стейна в Рааде и поддержка, полученная от большинства бюргеров, ясно продемонстрировали, что республики будут действовать заодно. В своем откровенном выступлении Стейн бескомпромиссно осудил намерения Британии и заявил, что его государство связано с Трансваалем всем, что может быть близко и дорого.

Среди самых неотложных военных мер, которые британское правительство не могло более откладывать, была отправка небольшого отряда для защиты протяженной и открытой со стороны Трансвааля железнодорожной линии, тянувшейся от Кимберли к Родезии. Сэр Альфред Милнер, поддерживавший контакт с президентом Стейном, заверил последнего, что это перемещение войск ни в коей мере не направлено против Оранжевой Республики. Сэр Альфред Милнер добавил, что Имперское Правительство все еще надеется на дружественное урегулирование спора с Трансваалем, но если этой надежде не суждено сбыться, оно ожидает от Оранжевой Республики сохранения строгого нейтралитета и воздержания ее граждан от участия в боевых действиях. При соблюдении этих требований гарантировалась абсолютная неприкосновенность границ Оранжевой Республики. Наконец он заявил, что для разрыва дружеских отношений между Оранжевой Республикой и Великобританией нет абсолютно никаких причин, и что Британия всегда испытывала по отношению к этой республике самые теплые чувства. Президент довольно холодно ответил, что не одобряет наших действий в отношении Трансвааля, и сожалеет о перемещении войск, воспринимаемых бюргерами как непосредственная угроза. Последовавшая вскоре резолюция Раада Оранжевой Республики заканчивалась словами: "Что бы

ни случилось, Оранжевая Республика честно и точно выполнит свои обязательства перед Трансваалем в силу политического союза, существующего между двумя республиками". Стало очевидным, что эту страну, нами же созданную, отношения с которой никогда не омрачались никакими ссорами, невозможно удержать от затягивания в водоворот грядущих бед. Со всех участков границ приходили новости о военных приготовлениях. Уже к концу сентября, когда подразделения и отдельные вооруженные бюргеры собрались на границе, даже самые упорные скептики поверили, что на страну действительно пала тень большой войны. В Фолксрусте, на границе с Наталем накапливались артиллерия, военное имущество и всевозможные припасы, указывая, где разразится буря. В конце сентября из Претории и Йоханнесбурга туда прибыло двадцать шесть поездов с военными грузами. Сосредоточение буров у Малмани, на границе Бечуаналенда, угрожало железнодорожной линии и британскому городку Мафекинг, которому в будущем судилось долгое время занимать внимание всего мира.

3-го октября произошло событие, вполне заслуживающее трактовки "акт агрессии", хотя Британское Правительство, проявляя терпение граничащее со слабостью, отказалось считать его таковым, и продолжало изводить бумагу. У Верингинга остановили почтовый поезд, следовавший из Трансвааля в Кейп-Таун, и Правительство Трансвааля конфисковало недельный груз золота для Англии (около полумиллиона фунтов). В тот же самый день, на дебатах в Кейп-Тауне, Министр Внутренних Дел африканеров доложил, что через границу прошло 404, фургона из которых ни один не вернулся. В сочетании с поставками оружия и боеприпасов через Кап в Преторию и Блумфонтейн, данный инцидент возбудил глубокое негодование как английских колонистов, так и британской публики. Оно усугублялось сообщениями о трудностях, испытываемых пограничными городами, такими, как Кимберли и Фрайбург, в получении орудий для собственной обороны.

Оба Раада распустили, и последними словами старого президента стало страстное воззвание к Господу, как последнему арбитру, и заявление, что война неминуема. Англия, в свою очередь, не менее горячо, хотя и не так бесцеремонно, выразила готовность предоставить решение вопроса тому же суровому судье.

2-го октября президент Стейн проинформировал сэра Альфреда Милнера, что считает необходимым объявить призыв бюргеров Оранжевой республики – другими словами, мо-

билизовать свои войска. Сэр А. Милнер выразил сожаление в связи с этими приготовлениями и заявил, что он все еще не отчаялся добиться мирного решения, поскольку уверен, что Правительство Ее Величества благосклонно рассмотрит любые разумные предложения. На что Стейн ответил, что, при продолжающемся подвозе британских подкреплений в Южную Африку, не видит смысла в дальнейших переговорах.



Трансвааль готовится к войне (из журнала "Punch")

Поскольку наши вооруженные силы все еще значительно уступали силам буров, приостановить подвоз войск было немислимо, и переписка ни к чему не привела. 7-го октября Великая Британия объявила призыв резервистов для Первого Армейского Корпуса. Этот факт, наряду с другими, ясно демонстрировал наше твердое намерение направить в Южную Африку значительные силы. Для получения формального согласия на принятие неизбежных решительных мер был созван Парламент.

9-го октября традиционно неспешную работу британского Колониального Департамента подстегнул неожиданный и дерзкий ультиматум бурского правительства. Если рассматривать остроумие как род оружия, то успех в этой борьбе обычно сопутствовал нашим простыми и пасторальным южно-африканским соседям. Настоящий случай не стал исключением из правил. Пока Правительство Ее Величества осторожно и терпеливо вело дело к предъявлению ультиматума, наши оппоненты разыграли ту же карту, какую мы готовились выложить на стол. Документ звучал твердо и недвусмысленно, а сроки, отводимые им, были нереальными, из чего следовало, что его создали с единственной и конкретной целью – провокацией немедленной войны. Буры требовали: во-первых – немедленно отвести войска, стоящие на границе республики; во-вторых – убрать из Южной Африки все подразделения прибывшие в течение последнего года; в-третьих – отправить обратно, без высадки на берег войска, находившиеся в пути. Если в течение сорока восьми часов не последует удовлетворительный ответ "Правительство Трансвааля с большим сожалением будет вынуждено считать действия Правительства Ее Величества формальным объявлением войны, за последствия которой Трансвааль не отвечает". По всей Империи это дерзкое послание встретили насмешками и возгласами возмущения. Ответ передали на следующий день через сэра Альфреда Милнера.

"10-го октября. Правительство Ее Величества с большим сожалением ознакомилось с категоричными требованиями Правительства Южно-Африканской Республики, переданных телеграммой от 9-го октября. В ответ проинформируйте Правительство Южно-Африканской Республики, что Правительство ее Величества не считает возможным даже обсуждать требования Южно-Африканской Республики".

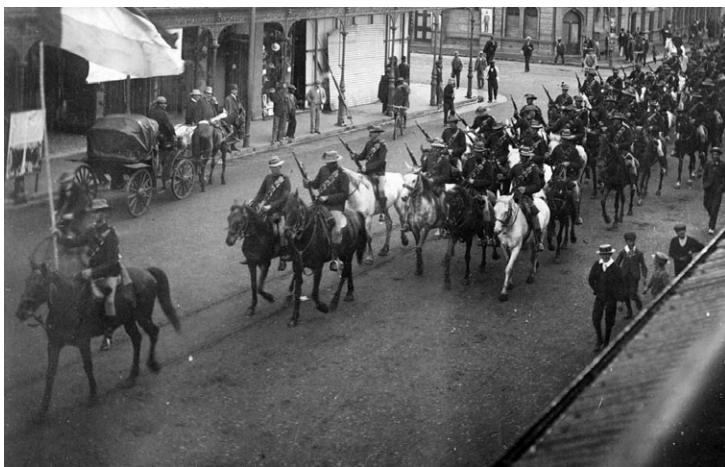
Итак, пройдя длинный путь, пробиваясь сквозь частокол перьев и словесные баталии, мы оказались перед третейским судом под председательством господ "Ли-Метфорда" и "Маузера". Горько осознавать, что дело обернулось именно так. Эти люди подобны нам, как ни одна раса в мире. Они имели тех же фризских прародителей, заселивших наши собственные берега. По складу ума, отношению к религии, уважению к закону меж нами трудно найти разницу. Они также отважны и также гостеприимны, к тому же обладают охотничьим инстинктом, милым сердцу любого англо-кельта. На свете больше нет народа с подобным набором качеств, способных вызвать наше восхищение. Народа более любящего независимость, которой мы

гордимся, лелеем в себе и уважаем в других. И какая злая ирония, что в обширнейшей Южной Африке нам с ними не хватило места. Мы не можем с чистым сердцем сказать, что вели себя безупречно. "Зло, сотворенное человеком, остается и после его смерти" – в небольшом экскурсе в прошлое я упоминал о наших прегрешениях в Южной Африке. На нас лежит ответственность за рейд Джеймсона, совершенный англичанами под командованием офицеров, имевших Королевские Патенты; мы же виновны в двуличии и подтасовке фактов при разборе этого, в высшей мере несправедливого, предприятия. От этих спичек разгорелся гигантский пожар, и именно мы держали их в руках. Но вязанки хвороста, столь легко вспыхнувшие, натасканы не нами. Обиды и несправедливости, постоянно чинимые половине членов общины, твердая решимость меньшинства угнетать и унижать большинство, намерение людей, чья история на этой земле насчитывала лишь два поколения, провозгласить ее принадлежащей лишь им, и за всем этим амбиции голландцев на доминирование в Южной Африке. Британия сражалась не за какие-то мелочи. Когда нация безропотно, месяц за месяцем, переносит унижения и бедствия, кто посмеет отказать ей в праве добиваться справедливости. Голландская или английская модель управления должна превалировать во всей огромной стране? Первая означает свободу для одной расы, вторая – равные права и равную ответственность перед законом для всех белых. В отношении цветных нас рассудит история.

Вот главный вопрос, решавшийся в миг, когда часы пробили пять вечера, среды, одиннадцатого октября одна тысяча восемьсот девяносто девятого года. Бой часов провозгласил начало войны, которой судилось определить судьбу Южной Африки, вызвать значительные перемены в Британской Империи, серьезно повлиять на мировую историю, и попутно многое изменить в нашей точке зрения на искусство войны. Историю этой войны, пусть на ограниченном материале, но с искренним стремлением к объективности, я и попытаюсь изложить.

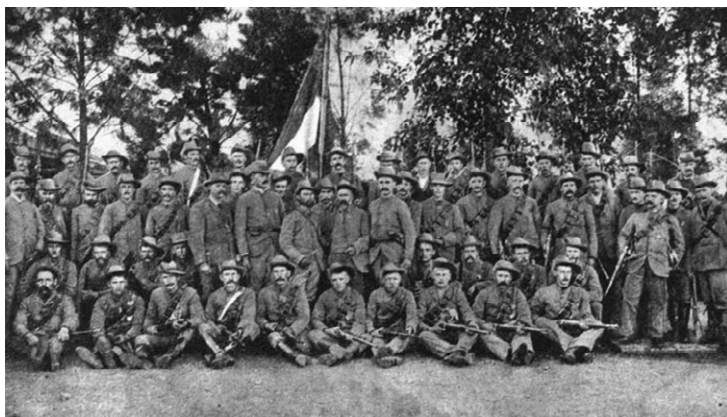
ТАЛАНА ХИЛЛ

Утром 12 октября ожили окутанные холодом и туманом лагерь буров у Сандспруйта и Фолксеруста. Бюргеры отправились на войну. Примерно двенадцать тысяч всадников, с двумя восьмиорудийными батареями "крупповских" орудий. Эти силы вторгались с севера, в надежде, что со стороны Оранжевой Республики совместно с отрядом германцев, их поддержат "оранжевые" буры – фристейтеры. Артиллерия тронулась в путь за час до рассвета, сразу же за передком последнего орудия выступили стрелки, и едва родившаяся заря открыла взору бесконечную колонну, черной змеей извивавшуюся меж холмов. Случайный очевидец рассказывал: "Я всматривался в лица бюргеров и видел лишь решительность и бульдожье упрямство. Ни следа страха, ни тени колебания. О буре можно говорить что угодно, но никто не имеет права утверждать, что он трус или человек, недостойный британской пули". Эти слова написаны в самом начале кампании, сегодня под ними может подписаться вся империя. Пожелай эти люди добровольно стать нашими согражданами – они были бы ценнее всех золотых шахт Трансвааля.



Йоханнесбургское коммандо

Основу трансваальского отряда составляло командо Претории, численностью 1 800 человек, вместе с ним действовали командо из Хейделберга, Мидделбурга, Крюгерсдорпа, Стандертона, Ваккерструма и Эрмело. Республиканская Артиллерия представляла собой великолепное, хорошо организованное подразделение, вооруженное лучшими орудиями из всех когда-либо присутствовавших на полях сражений. Кроме шестнадцати "крупповских" орудий, они смогли привезти с собой две тяжелые шестидюймовые пушки "Крезо", очень эффективно действовавшие на начальной стадии кампании. Кроме этих, собственно трансваальских сил, в отряд входило некоторое число "помощников" из Европы: большая часть Германского корпуса находилась в составе сил Оранжевой Республики, но несколько сотен двигались с севера. Голландский корпус – около двух с половиной сотен, и такой же численности Ирландский, точнее Ирландо-Американский корпус, под зеленым флагом с арфой.



Скандинавские волонтеры

Буров, по большому счету, можно разделить на два сильно разнящихся типа. Первый – городской бур, человек расторопный, возможно, немного расслабленный богатством и цивилизацией, бизнесмен или обладатель какой-либо профессии, более сметливый и быстрый, чем его сельский товарищ. Этот человек охотнее говорил на английском, чем на голландском, и нередко имел английские корни. Другой тип, вельдский бур – представлял собой внушительную силу, как ввиду своей многочисленности, так и благодаря сохранению первозданных качеств. Обитатель ферм, обожженный солнцем, длинноборо-

дый, со спутанными волосами, человек Библии и ружья, пропитанный традициями партизанской войны, возможно, лучший прирожденный воин на земле. Снайпер, охотник, привычный к простой пище и твердой постели, угловатый в манерах и разговоре, вопреки клеветническим обвинениям и очень немногим неприятным случаям, в отношении гуманности и соблюдения правил войны стоящий в одном ряду с самой дисциплинированной армией мира.

Несколько слов о вожде этого необычного воинства. Пит Жубер, уроженец Капской Колонии, подобно Крюгеру принадлежал к людям, которым несправедливые законы их новой родины казались необходимым заградительным барьером. В его жилах текла кровь французских гугенотов от которых он унаследовал благородство и великодушие, заслужив уважение и любовь не только друзей, но и противников. В многочисленных стычках с туземцами и в первой кампании против Британии (1881 года) Жубер проявил себя талантливым лидером.



Генерал-Коммандант Пит Жубер

Он пользовался репутацией непреклонного борца за независимость Трансвааля, никогда не состоял на службе под началом британцев и, подобно Крюгеру, всегда находился к ним в непримиримой оппозиции. Высокий и плотный, с тяжелым взглядом серых глаз, решительно сомкнутыми губами, наполо-

вину скрытыми густой бородой, он словно олицетворял шедших за ним людей. Ему уже исполнилось шестьдесят пять, но, не смотря на утверждение некоторых бюргеров, что жар его молодости давно угас, он оставался мудрым, хитрым, обладающим большим боевым опытом воином, спокойным, избегающим риска, неторопливым, упорным, и неумолимым противником.

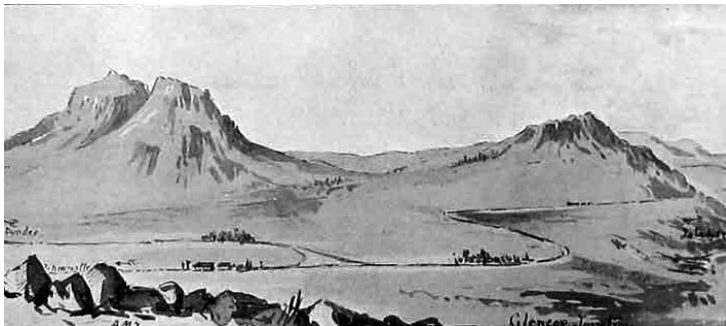


Генерал-Коммандант Жубер со своим штабом

Кроме этой северной армии, в Наталь вторглись еще два отряда бюргеров. Один, состоящий из командос Утрехта и Свазилендаа, сосредоточился возле Фрайхейда, угрожая флангу британцев на позиций у Данди. Другой, гораздо больший, численностью не менее шести-семи тысяч, состоящий из фристейстеров, трансваалеров и германцев Шиля, проходами Тинтва-Пасс и Ван Ринен-Пасс преодолел мрачные хребты Дракенберга и вторгся в плодородные равнины Западного Наталья. Общие силы вторжения насчитывали где-то двадцать-тридцать тысяч человек. Эти люди, легкомысленно уповая на легкую победу, считали, что никто, и ничто не преградит им путь к морю. Не только британские командиры недооценили своих оппонентов. Совершенно очевидно, что ошибка была взаимной.

Теперь в нескольких словах коснемся диспозиции британских сил, принимая во внимание, что командовавший ими сэр Джордж Уайт прибыл в страну лишь за несколько дней до на-

чала войны, и вся подготовка легла на плечи генерала Саймона, действовавшего под влиянием местных политиков. Главные силы расположились возле Ледисмита, а передовой отряд закрепился у Гленко, в пяти милях от станции Данди и в сорока от Ледисмита.



Гленко

Смысл такого опасного разделения сил заключался в прикрытии Биггарсбергского участка железной дороги с обоих концов и защите главных угольных шахт этого района. Выбор позиции наводит на мысль, что британский командир не был осведомлен о силе бурской артиллерии. Позиция британцев позволяла успешно обороняться под стрелковым огнем противника, но была весьма уязвима для его орудий. Случай с Гленко совершенно ясно демонстрирует, что орудия, расположенные на господствующих высотах, делают невозможной оборону местности, лежащей внизу. На этом удаленном посту расположились 1-й батальон Лейстерского полка, 2-й Дублинских Фузилеров, 1-й батальон Стрелков, Гусары 18-го полка, три роты конной пехоты и три батареи Полевой Артиллерии (13-я, 67-я и 69-я). 1-й батальон Королевских Ирландских Фузилеров прибыл перед самым началом боя. В целом в лагере под Гленко находилось около четырех тысяч человек.

Главные силы армии оставались в Ледисмите. Они включали 1-й батальон Девонцев, 1-й Ливерпульцев, 2-й Хайлендеров Гордона. Кроме того, пехоту представляли 1-й батальон Глоустерцев, 2-й Королевских Стрелков, 2-й батальон Стрелковой Бригады, и прибывшие чуть позднее Манчестерцы. Кавалерия включала 5-й Гвардейский Драгунский, 5-й Уланский, часть 19-го Гусарского, Натальских Карабинеров, Натальскую Конную Полицию и Пограничных Конных Стрелков. Позднее к ним присоединилась Имперская Легкая Конница – отличное

подразделение, сформированная, главным образом, из рандских беженцев. Что касается артиллерии, то ее представляли 21-я, 42-я и 53-я батареи Полевой Артиллерии, 10-я Горная Батарея, Натальская Полевая Артиллерия со слишком легкими, чтобы оказаться полезными, орудиями, и 23-я рота Королевских Инженеров. Эти силы, общей численностью около восьми-девяти тысяч людей, находились под командованием сэра Джорджа Уайта, сэра Арчибальда Хантера, только что прибывшего из Судана, генерала Френча и его заместителя генерала Яна Гамильтона.



Генерал Джордж Уайт

Таким образом, первый удар буров предназначался четырем тысячам британцев. Если они будут разбиты, оставалось справиться еще с восемью тысячами. Кто же тогда преградит им путь к морю? Несколько отрядов местных добровольцев, Дурбанская Легкая Пехота в Коленсо, и Натальские Королевские Стрелки с небольшим отрядом моряков-добровольцев у Эсткорта.

Учитывая силу буров и их мобильность, невозможно объяснить, каким чудом уцелела колония. Глядя на наши обоюдные неудачи и ошибки, лишь убеждаешься в единстве нашей крови. Наша самоуверенность дала бурам шанс, а их самоуверенность помешала им немедленно этим шансом воспользоваться.

Подобной возможности бурам больше не представилось.

Война началась 11-го октября. 12-го силы буров пересекли границу на севере и западе. 13-го они оккупировали Чарлстаун (верхний угол Наталя). 15-го достигли Ньюкасла, более крупного городка, располагавшегося в пятнадцати милях от границы. Из окон домов его жители наблюдали, как шестимильная колонна крытых вагонов, влекомах воловьими упряжками, сползала с перевала. Это был не рейд, это было нашествие. В тот же день в британский штаб поступили новости о движении противника через западные проходы и со стороны Буффало-Ривер на востоке. 13-го сэр Джордж Уайт пытался провести разведку боем, но не смог войти в соприкосновение с противником. 15-го шесть Натальских Полицейских были окружены и взяты в плен на одном из бродов Буффало-Ривер. 18-го кавалерийский патруль столкнулся с разведчиками буров у Эктон-Хоумс и Бестерс-Стейшен, это были вуртрекеры Оранжевой Респулики. 18-го же сообщалось об отряде у Хаддерс-Спруйт, в семи милях севернее Гленкского лагеря.

Наконец ранним утром 20-го октября произошло столкновение. В половине третьего, перед самым рассветом, на перекрестке дорог из Лендманса и Вантс-Дрифта Доорнбергские командос обстреляли пикет конной пехоты, вынудив его отойти. На помощь пикету отправили две роты Дублинских Фузилеров, и около пяти утра превосходного, хотя и туманного утра, все лагерь Саймонса находился под ружьем, зная, что к ним приближаются буры. Боевая линия цвета хаки замерла в растянутых тонких цепях. Солдаты до боли в глазах вглядывались в изгибы седловин меж холмами на севере и востоке, пытаясь заметить малейшие признаки приближения врага. Почему эти же самые холмы не были заняты нашими людьми, остается необъяснимой загадкой. В низине на одном фланге стояли Гусары 18-го полка и конная пехота. На другом замерли восемнадцать орудий, взятые на передки. Лошади возбужденно били копытами и всхрапывали в сыром утреннем воздухе.

И, вдруг, – неужели это они? Офицер, тщательно осматривающий местность, указал куда-то вдаль. Один за другим бинокли и подзорные трубы поворачивались в указанном направлении. Затем буров стало видно невооруженным глазом, и по шеренгам пробежал приглушенный шепот.

Перед фронтом британцев длинным покатым оливково-зеленым склоном возвышался холм – Талана-Хилл, увенчанный округлым скалистым гребнем. Туман рассеялся, и изломы скал отчетливо выделялись на фоне бездонной синевы утрен-

него неба. На этом гребне, на расстоянии две с половиной - три мили, появились небольшие скопления черных точек. Еще недавно чистые контуры холма вдруг ошетинились силуэтами. Они собрались в единый сгусток, затем вновь рассеялись, а затем ...

Дыма от выстрела никто не увидел, но издалека донесся долгий нарастающий гул, перешедший в пронзительный вой. Снаряд прогудел над головами солдат, как гигантская пчела, и шлепнулся в мягкий грунт позади них. Затем еще один, и еще, и еще. На них не обращали внимания, впереди был склон, на котором находился противник. Значит, вперед! Как предписывает добрая старая убийственно-героическая британская традиция! Настал момент, когда вопреки науке и знаниям, почерпнутым из книг, план атаки тем лучше, чем он дерзновеннее, когда хочется устремиться прямо на врага и вцепится ему в глотку до того, как силы вас покинут. Кавалерия начала обходить противника слева. Артиллеристы устремились вперед, сняли орудия с передков и открыли огонь. Пехота развернулась в направлении Санд-Спруйта. Когда они проходили через крошечный Данди, из всех распахнутых дверей и окон их радостно приветствовали женщины и дети. Считалось, что с этой стороны холм наиболее доступен. Лейстерцев и 67-ю полковую батарею оставили прикрывать лагерь и наблюдать за ньюкаслской дорогой с запада. В семь утра все было готово к наступлению.

К этому времени выявились два важных факта: Первый – снаряды буров со взрывателями ударного действия в большинстве случаев не разрывались при ударе о мягкий грунт; второй – дальность стрельбы их орудий превышала дальность выстрела наших пятнадцатифунтовых пушек, хотя из всей британской армии более всего мы были уверены именно в артиллерии. Две батареи, 13-я и 69-я подошли ближе, вначале на 3000, а затем на 2300 ярдов. С этой дистанции они быстро заставили замолчать пушки на холме. Орудия буров открыли огонь с гребня, расположенного к востоку от Таланы, но 13-я батарея подавила огнем и их. В 7.30 пехота получила приказ наступать. Она двинулась развернутым строем, с интервалом в десять шагов. В первой цепи шли Дублинские Фузилеры, во второй – Стрелки, в третьей – Ирландские Фузилеры.

Первую тысячу ярдов атакующие двигались по открытому пастбищу, едва заметные на фоне иссушенного вельда благодаря большой дистанции и желто-коричневой униформе. Они достигли леска, лежащего на половине пути, понесся совсем

небольшие потери. Лес представлял собой плантацию лиственниц, шириной в несколько сотен ярдов и примерно такой же глубины. По левой опушке леса, то есть на левом фланге наступающих войск, перпендикулярно склону потянулся длинный овраг, более похожий на направляющую для пуль, чем на укрытие. Огонь был так силен, что войска, находившиеся в лесу и ложине, залегли. Офицер Ирландских Фузилеров рассказывал, что не мог срезать ремни с погибшего бойца, поскольку пули то и дело выбивали из его рук, одолженную у раненого сержанта бритву. Отважный Саймонс, отказавшись спешиться, получил смертельную пулю в живот. С излишней храбростью он навлекал на себя огонь противника не только тем, что оставался в седле, но и тем, что сопровождался ординарцем, несшим красный флажок. "Они взяли холм? Они взяли холм?" – вот единственный вопрос, который задавал генерал, пока его, истекающего кровью, несли в тыл. На опушке этого же леса встретил свой конец и полковник Шерстон.



Пуля генерала Саймонса

Этот бой, подобно Инкерману, был солдатским боем. Под прикрытием деревьев сосредоточились три батальона, и опушка, обращенная к противнику, оказалась заполнена людью-

ми. Подразделения, сбившись в кучу, перемешались, и было совершенно невозможно поддерживать хоть какой-то боевой порядок. Противник вел настолько сильный огонь, что наступление приостановилось, но 69-я батарея с дистанции 1400 ярдов подавила бурских стрелков шрапнелью, и около половины двенадцатого пехота смогла возобновить движение.



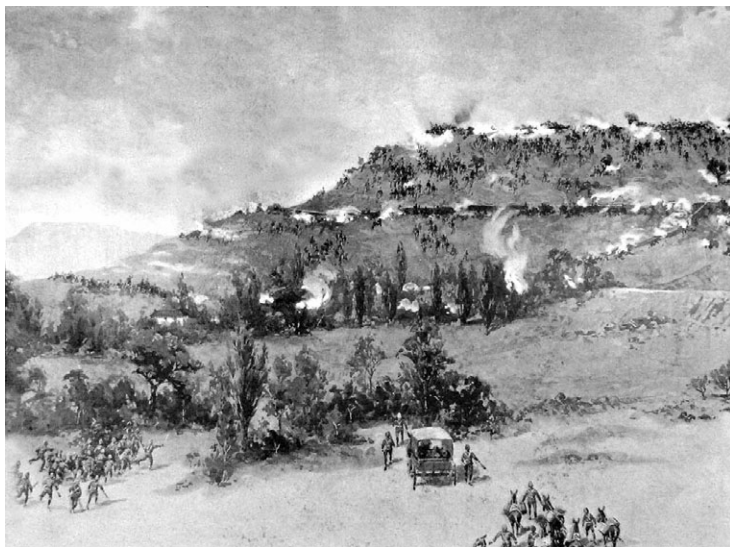
Штурм Талана-Хилл

За лесом простиралось несколько сотен ярдов открытого пространства, отгороженного стеной из дикого камня, ранее служившей оградой для скота. Другая ограда тянулась перпендикулярно первой в направлении леса. Противник, засевший на копи, имел возможность свободно простреливать этот участок, но за самой стеной его стрелков, похоже, не было.

Чтобы не пересекать опасную зону, солдаты по одному двигались под прикрытием стенки, защищавшей их справа, а затем прятались за фронтально расположенной оградой. Здесь произошла вторая долгая заминка. Люди подходили с подножья холма тоненькой струйкой и отвечали на выстрелы про-

тивника через стену или щели в кладке. Дублинским Фузилерам пришлось тяжелее остальных, и они не могли двигаться с той же скоростью, что и другие. Поэтому большинство задыхавшихся, возбужденных людей оказались Стрелками или Ирландскими Фузилерами. Воздух гудел от пуль, и казалось, что выжить по ту сторону стены невозможно. До гребня холма оставалось еще двести ярдов, но люди понимали: не очистив вершину, бой не выиграть.

Подавая пример бойцам, присевшим за камнями, первым через стену перепрыгнул офицер. Ободренные его примером, два десятка солдат перескочили ограду и бросились за ним. Это был капитан Коннор из Ирландских Фузилеров, но его личное обаяние увлекло за ним не только Ирландцев, но и некоторых Стрелков. Увы, он и половина последовавших за ним отчаянных смельчаков, упали сраженные пулями (капитан скончался этой же ночью), но нашлись другие отважные командиры, занявшие его место. "Вперед, солдаты, вперед!", – призывал Нуджент (Стрелки). Получив три пули, он все еще полз по усыпанному валунами склону. За ними поднялись другие. Новые и новые бойцы бросались вперед, полусогнутые, заходящиеся в крике фигуры цвета хаки. С тыла спешило подкрепление. Неожиданно их накрыло огнем собственной шрапнели, это было просто невероятно, принимая во внимание, что дистанция стрельбы составляла не более 2000 ярдов.



Финальная атака британцев

Именно здесь, между стеной и вершиной, нашли свой конец (кто от пули врага, кто от собственной шрапнели) полковник Ганнинг из Стрелков и много других храбрецов. Но ряды буров таяли, и вскоре взволнованные наблюдатели, стоявшие на равнине, увидели на гребне людей, размахивающих шлемами. Это была победа.

Следует признать – победа оказалась "пиррова". Мы заподлучили холм, ну и что? Мы заставили замолчать орудия, стоявшие на копи, но буры их увезли. Холм занимало командо Лукаса Мейера, общей численностью около 4000 человек. В это число входят и люди под начальством Эразмуса, предпринимавшие нерешительные демонстрации против фланга британцев. Если вычесть бюргеров, отлынивавших от боя, холм защищали не более тысячи бойцов. Из них пятьдесят было убито и около сотни ранено.



Буры, наблюдающие за боем у Данди

Потери британцев на Талана Хилл – 41 человек убит и 180 ранено. Но среди убитых было слишком много незаменимых бойцов. В этот день погибли: доблестный, чересчур оптимистичный Саймонс, Ганнинг из Стрелков, Шерстон, Коннор, Гамбро и многие другие храбрецы. Потери среди офицеров были непропорционально велики.

Инцидент, имевший место сразу же после завершения атаки, можно сказать, украл у британцев плоды победы. Как только холм оказался в наших руках, артиллерия двинулась вперед и заняла позиции в седловине Смитс-Нек, меж двух холмов, откуда был виден противник, быстро отступавший группами

по 50-100 человек. О лучшей возможности использовать шрапнель нельзя было и мечтать. Но в эту минуту из примосковившейся на обратном склоне холма старой каменной церкви, служившей бурам госпиталем, выбежал человек с белым флагом. Возможно, он сделал это с честными намерениями, прося защиты для следовавшего за ним медицинского отряда.

Но чересчур доверчивый артиллерийский офицер, очевидно, подумал, что объявлено перемирие и потерял драгоценные минуты, способные превратить поражение противника в разгром. Двойная ошибка: вначале огонь по собственным наступающим войскам, а затем упущенная возможность нанести удар по отходившему противнику не позволяют нам с удовлетворением отметить работу артиллеристов в этом бою (один из авторитетных источников, сообщил мне, что офицер, командовавший орудиями, был остановлен письменным распоряжением полковника Юла).

Тем временем, в нескольких милях от Талана-Хилл, цепь событий неумолимо вела нашу кавалерию к катастрофе, лишившей пехоту плодов столь дорого купленной победы. Отдельно взятая атака Талана-Хилл, несомненно победная акция, чего нельзя сказать об общем итоге дня. Веллингтон жаловался, что кавалерия вечно втягивала его в неприятности, и вся британская военная история пестрит доказательствами правоты герцога. В этот день наша кавалерия в очередной раз попала в беду. Для штатских достаточно отметить этот факт, оставив военным критикам право определять виновных.

Одна рота конной пехоты (из Стрелков) получила приказ сопровождать орудия. Оставшиеся конные пехотинцы вместе с частью Гусар 18-го полка (полковник Моллер) двинулись в обход правого фланга, пытаясь зайти бурам в тыл. Подобный маневр, будь Лукас Мейер единственным противником, не заслуживает критики; но, зная, подобно нам, что под Гленко сошлись несколько командо, было слишком рискованно позволить кавалерии удалиться на большое расстояние без дополнительной поддержки. Вскоре кавалеристы заблудились на сильно пересеченной местности и подверглись атаке превосходящих сил буров. У них был шанс, приложив усилия, существенно повлиять на ход боя, напав на пони противника, укрытых за холмом. К сожалению, британцы упустили благоприятную возможность. Кавалеристы предприняли попытку вернуться к основным силам, прикрывая отступление серией заслонов, но огонь буров оказался слишком сильным и не позволил им отойти. Все пути, кроме одного, казавшегося безопас-

ным, были заблокированы, и всадники двинулись по свободному проходу, попав, таким образом, в самое сердце второго командо буров. Обнаружив, что прорваться невозможно, отряд занял оборонительную позицию, частично на ферме, частично на копи, господствовавшим над ней.



Бурский генерал Лукас Мейер

Отряд состоял из двух эскадронов Гусар, роты конной пехоты Дублинских Фузилеров, взвода конной пехоты Стрелков. В целом около 200 человек. Несколько часов они находились под ожесточенным огнем противника, понеся большие потери убитыми и ранеными. Буры подтянули орудия и начали обстреливать ферму. В половине пятого отряд, оказавшись в совершенно безнадежной ситуации, сложил оружие. У них закончились боеприпасы, часть лошадей разбежалась, их окружали многократно превосходящие силы противника, поэтому решение сдаться не бросает ни малейшего пятна на их репутацию. Чего нельзя сказать о маневре, приведшем британцев в западню, и вполне заслужившем критику. К сожалению эти солдаты оказались лишь авангардом униженных и несчастных, собранных в столице нашего отважного и коварного врага. Остававшиеся с главными силами Гусары 18-го полка под ко-

мандованием майора Нокса были направлены в тыл буров, получив что-то вроде опыта. Они ухитрились выпутаться, потеряв лишь шесть человек убитыми и десять ранеными. Их усилия не пропали даром, поскольку гусары в течение длительного времени отвлекали внимание части большого отряда противника и смогли вернуться, к тому же приведя с собой нескольких пленных.

Бой у Талана-Хилл выглядит тактической победой, но является стратегическим поражением. Ни малейшей попытки нанести отвлекающий удар на флангах, примитивная фронтальная атака, и, как итог, победа, добытая не военным искусством, а беспримерной отвагой войск, от генерала до рядового. Наша позиция была настолько неудачна, что единственным плодом одержанной победы оказалась возможность прикрытия отступление. Комmando буров подходили к Данди со всех сторон, а их орудия оказались мощнее орудий британцев. Последний факт выяснился 21-го октября, на следующий день после боя, когда наши войска, отошедшие ночью с только что захваченных, но совершенно бесполезных холмов, заняли новые позиции по другую сторону железной дороги. В четыре часа пополудни с дальних холмов, лежавших вне досягаемости нашей артиллерии, открыло огонь тяжелое орудие противника, впечатывая в наш лагерь снаряд за снарядом. Это была первая встреча с большим "Крезом". Офицера и нескольких рядовых из Лейстерцев разорвало на куски. Та же участь постигла и часть нашей немногочисленной кавалерии. Стало ясно, что позицию удержать невозможно, и в 2 часа ночи 22-го числа наш отряд перешел на новое место, южнее Данди. В тот же день разведка обнаружила, что проходы в направлении станции Гленко перекрыты и надежно удерживаются противником. Маленькая армия вынужденно вернулась на исходную позицию. Командование перешло к полковнику Юлу, справедливо решившему, что его люди, находясь на открытой местности, подвергаются бессмысленному риску, и единственным выходом из создавшейся ситуации является отступление (если оно еще возможно) на соединение с основными силами у Ледисмита, даже при том, что в руках врага останутся две сотни больных и раненых в госпитале Данди, включая генерала Саймонса. Решение непростое, но никто из здраво оценивших сложившуюся ситуацию не усомнится в его мудрости.

Отступление – трудная задача. Семидесятимильный переход по сильно пересеченной местности, находясь в окружении – успешное завершение подобного маневра, без потерь и

деморализации войск, возможно, такой же воинский подвиг, как и любая из наших ранних побед. Благодаря энергичной помощи сэра Джоржа Уайта, обеспечившего отступление войск Юла отвлекающими действиями у Эландслаагте и Ритфонтейна и отличному знанию местности полковником Дартнеллом (Натальская Полиция), британцы сумели выпутаться из опасного положения. 23-го октября они были у Бейта, 24-го у Вашбанк-Спруйт, 25-го на Санди-Ривер, а на следующее утро, насквозь промокшие под дождем, покрытые грязью, смертельно уставшие, но в наилучшем расположении духа, войска, под приветственные возгласы товарищей, уже маршировали по Ледисмиту.



Отряд Юла возвращается в Ледисмит

Бой, шесть дней без должного сна, четыре дня без нормальной пищи, тридцатидвухмильные переходы под проливным дождем по тяжелой дороге – вот достижения колонны из Данди. Они сражались и победили, они голодали и переносили испытания, лежащие за пределами человеческих возможностей, и, в конце концов, вернулись туда, откуда могли не уходить.

Но их стойкость и долготерпение не пропали даром, как не пропадает ничто из достойных свершений. Подобно Легкой Дивизии, преодолевшей пятьдесят тяжелейших миль, чтобы присутствовать в битве у Талаверы, они оставят после себя память и достойный пример, более ценный, чем успех. Воспоминания об их терпении и стойкости придаст мужество другим воинам, в другие дни.

ЭЛАНДСЛААГТЕ И РИТФОНТЕЙН

Пока британский отряд у Гленко самоотверженно дрался с людьми Лукаса Мейера, а затем, совершая утомительный марш, отрывался от противника, его товарищи, остававшиеся в Ледисмите, усердно пытались отвлечь внимание противника на себя, чтобы удержать открытым путь отступления.

20-го октября, в день боя на Талана-Хилл, буры перерезали дорогу в точке, расположенной приблизительно посередине между Данди и Ледисмитом. Отряд всадников оказался частью большого коммандо, вторгшегося в Наталь через Бота-Пасс, и состоявшего из фристейтеров, трансваалеров и германцев под начальством генерала Кока. С ними были два "Максим-Норденфельда", захваченные во время рейда Джеймсона, которым судилось еще раз перейти в руки британцев. Эти орудия находились на попечении германского артиллериста полковника Шиля.



Генерал Кок (сидит в центре) с германскими волонтерами

Вечером того же дня генерал Френч с сильным рекогносцировочным отрядом, состоявшим из Натальских Карабинеров, 5-го Уланского полка и 21-й батареи, установил расположение вражеских позиций. На следующее утро (21-го) он вер-

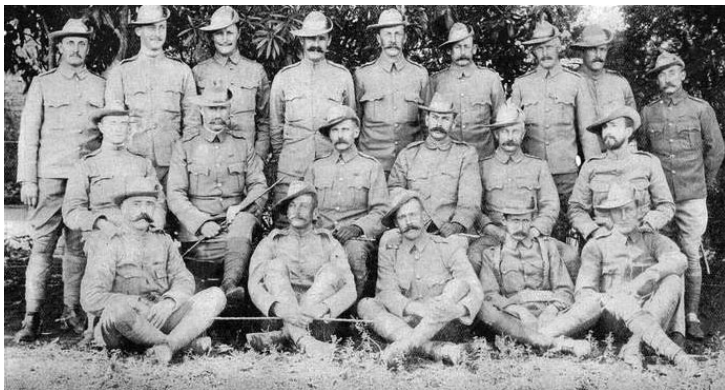
нулся, но, то ли противник успел получить подкрепление, то ли Френч изначально недооценил его силы, оказалось, что британцы не располагали достаточным количеством войск для серьезной атаки. У них была батарея Натальской Артиллерии с маленькими семифунтовыми пушками, более смахивавшими на пугачи, пять эскадронов Имперской Конницы и полубатальон Манчестерцев в поезде, неспешно сопровождавшем отряд.

Воодушевленные новостями с Талана-Хилл, и желая следовать примеру товарищей по оружию, британцы выступил из Ледисмита ранним утром. Некоторых из них обуревали чувства, редко присущие британскому солдату, идущему в бой. Долг, вера в справедливость дела за которое он сражается, любовь к своему полку и стране – такие побуждения свойственны каждому бойцу. Но люди из Имперской Легкой Конницы, набранные в основном из рандских беженцев британского происхождения, несли в сердцах чувство жгучей обиды и ненависти к тем, чье правление было им тяжело и омерзительно. В этом, единственном в своем роде подразделении, служили много богатых и образованных людей, бросивших привычные занятия в Йоханнесбурге, и желавших отстоять право на прежнюю мирную жизнь с оружием в руках. Незаслуженное пятно, упавшее на их репутацию после рейда Джимсона, они, и подобные им воинские части, смыли кровью – как своей, так и вражеской. Ими командовал маленький пламенный улан Чисхолм вместе с двумя верными помощниками – майорами Кэрри Девисом и Вулс-Семпсоном, в свое время предпочтшими тюрьму Претории благосклонности Крюгера. Солдаты были вне себя, узнав о картеле*, присланном в Ледисмит прошлой ночью. В нем йоханнесбургские буры и голландеры с издевкой интересовались, какую униформу носит Легкая Конница, чтобы не ошибиться, встретившись в бою. Эти люди были земляками и хорошо знали друг друга. Бурам не стоило беспокоиться об униформе, поскольку еще до вечера Легкая Конница подошла достаточно близко, чтобы противник мог увидеть знакомые лица.

Солнечным летним утром, где-то около восьми часов, небольшой отряд наткнулся на несколько слабых бурских пикетов, которые, отстреливаясь, отступили перед теснившей их Имперской Легкой Конницей. Когда буры откатились, взору британцев предстал лагерь противника, пестревший белыми и

* Соглашение об обмене пленными, почтой и т.п.

зелеными палатками на фоне красновато-коричневого склона Эландслаагте. Внизу, у сложенной из красного кирпича железнодорожной станции виднелись люди, столпившиеся у зданий, в которых они, очевидно, провели ночь. Маленькие "натальские" пушки, стрелявшие черным порохом, выпустили по станции несколько снарядов, один из которых, говорят, попал в бурский госпиталь. Этот инцидент достоин сожаления, но, поскольку пациентов там не было, несчастный случай не имел серьезных последствий.



*Офицеры Имперской Легкой Конницы
в центре сидит Скотт Чисхолм, слева от него Вулс-Семпсон,
справа Кэрри Девис*

Однако маленькие, дымящие семифунтовые трудяги вскоре увидели работу настоящего мастера. На склоне отдаленного холма, на много тысяч ярдов дальше, чем могли достать их снаряды, блеснула вспышка. Никакого дыма, лишь пламя, а затем долгий свистящий визг снаряда и глухой удар, с которым он зарылся под передок орудия. Такая точность привела бы в восторг самого придирчивого инспектора из Оукхемптона. Еще один выстрел, и еще, и еще, в самое сердце батареи. Шесть маленьких пушеченок, до предела задрав стволы, пытались отвечать, таякая в бессильной злобе. В землю зарылся еще один снаряд, и офицер, командовавший батареей, в отчаянии опустил полевой бинокль, видя, что его снаряды падают с огромным недолетом. Видимо, неудачу Джеймсона нельзя объяснить недостатками его артиллерии. Френч, всматриваясь и прицениваясь, вскоре пришел к выводу, что буров слишком много, и если их пятнадцатифунтовое орудие захочет попрактиковаться в точности, оно сможет выбрать и другую цель

вместо Натальской Полевой Артиллерии. Несколько кратких приказов, и его отряд отошел. Здесь, вне досягаемости опасного орудия, британцы остановились, перерезали телеграфную линию, подсоединили телефон, и Френч прошептал о своих проблемах в сострадательное ухо Ледисмита. Он шептал не напрасно, сетуя, что вместо ожидаемых пяти сотен стрелков их оказалось почти две тысячи, а вместо отсутствия орудий, обнаружилось два превосходных экземпляра. В ответ Френча заверили, что все войска, какие можно задействовать, кто пешим порядком, кто поездом, отправлены для присоединения к его отряду.



Генерал Френч



Ян Гамильтон

Вскоре это столь необходимое подкрепление начало прибывать. Вначале спокойные, деловые, надежные Девонцы, затем стремительные, пламенные, отважные Гордонцы. Два эскадрона 5-го Уланского, 42-я и 21-я батареи Королевской Полевой Артиллерии, еще один эскадрон Улан, эскадрон 5-го Гвардейского Драгунского полка.

Теперь Френч чувствовал себя достаточно сильным для выполнения стоявшей перед ним задачи. Он добился превосходства в численности и артиллерии, но противник занимал удобную для обороны позицию на холме. Бой обещал быть захватывающим и жестоким. Наступление началось после полудня. Среди многочисленных холмов трудно определить точное расположение позиций противника. Было известно, что "они там, и мы должны выбить их оттуда, если это в человеческих силах". "Враг там, – указал Ян Гамильтон своей пехоте, –

и надеюсь, до захода солнца вы вытрусите его оттуда. Уверен, вы сможете". Солдаты ответили смехом и одобрительным возгласами. Развернувшись в длинные цепи, они двинулись через вельд, а грохот двух батарей сообщил бургским артиллеристам, кто теперь хозяин.



Хайлендеры Гордона на пути к Эландслаагте

Основной замысел боя заключался в атаке флангов с одновременным удержанием позиции по фронту, оставалось узнать, где собственно находится фронт, а где фланги. Прояснить это можно было лишь в ходе боя. Генерал Уайт, прибывший из Ледисмита вместе со штабом, оставил командование в руках Френча. Для Уайта, с его рыцарским духом, типично в течение десяти дней самоотстраняться от причастности к формально принадлежавшей ему победе, и брать на себя полную ответственность за поражение, при котором не присутствовал. Теперь он разъезжал среди рвущихся снарядов, наблюдая за талантливой работой своего заместителя.

Дело началось около половины четвертого, Перед фронтом наступавших британцев лежал покатый холм, над которым в отдалении возвышался еще один. Нижний холм буры не защищали, и пехота, развернувшись из ротных колон в цепи, заняла его без помех. Далее расстилалась широкая долина, покрытая травой, ведущая прямо к главной позиции, длинному копи, к которому с боку примыкал еще один, в виде сахарной головы. Над зеленым склоном, ведущим к границе между жизнью и смертью, росла гигантская туча, отбрасывая на сражав-

шихся зловещую черную тень. Воздух казался мертвым, как всегда бывает перед великими природными катаклизмами. Люди двигались молча, лишь приглушенный звук шагов да легкое позвякивание оружия и снаряжения наполняли окружавшее пространство непрерывным приглушенным шелестом. Грозовая туча придавала атаке зловещую торжественность.



*Ян Гамильтон напутствует Хайлендеров Гордона
у Эландслаагте (рисунок из "Life")*

Британские орудия открыли огонь с дистанции 4400 ярдов, в ответ, мелькая быстрыми вспышкам на темном фоне надвигавшейся грозы, заговорила артиллерия буров. Это был неравный, но красивый бой. Выстрел-другой для пристрелки, а затем клубы дыма от снарядов, рвавшихся точно на артиллерийской позиции противника. Засыпаемые британскими снарядами, два орудия буров впали в угрюмое молчание, иногда прерываемое короткими приступами яростной активности. Наши батареи перестали обращать на них внимание и начали обшаривать шрапнелью гребень холма, готовя путь наступавшей пехоте.

План был таков: Девонцы удерживают противника по фронту, а Гордонцы, Манчестерцы и Имперская Легкая Конница наносят основной удар с левого фланга. Но слова "фронт" и "фланг" утрачивают свое значение, когда имеешь дело с мобильным и быстрым противником. Атака, которую намечалось провести на левом фланге, в действительности превратилась во фронтальную, в то время как Девонцы оказались на правом фланге бурских позиций. В момент финального наступления

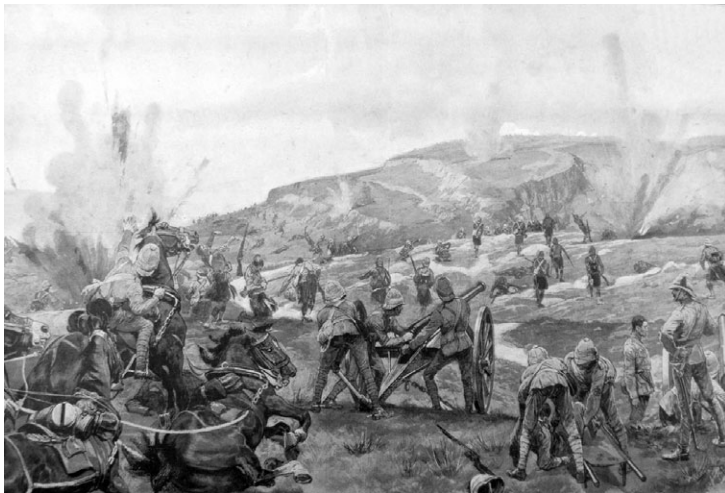
гигантская черная туча разразилась грозой, и струи дождя хлынули в лица солдат. Скользя и оступаясь на мокрой траве, британцы бросились на штурм.



Девонцы выдвигаются на рубеж атаки у Эландслаагте

В шипение дождя влился новый звук – глубокий, грозный, воющий напев "маузеровских" пуль. По гребню холма, из конца в конец, перекатывался грохот ружейных выстрелов. Бойцы падали один за другим, но их товарищи продолжали энергично двигаться вперед. Перед ними лежал нелегкий долгий путь, так как вершина вражеской позиции находилась на 800 фунтов выше уровня железной дороги. Скат холма, издали казавшийся единым склоном, в действительности был цепью возвышенностей и лощин, и наступавшая пехота то ныряла в укрытие, то вновь подставляла себя под град пуль. Путь атакующих усеяли фигуры, одетые в хаки. Часть из них замерла в объятиях смерти, часть еще корчилась в агонии. Среди лежавших в беспорядке мертвых тел, философски курия трубку, сидел майор Гордонцев, получивший пулю в ногу. Отважный маленький Чисхолм, полковник Имперской Конницы, бросившийся вперед размахивая над головой цветным шарфом, упал с двумя смертельными ранами. Путь был настолько долгим, а подъем на холм столь утомительным, что люди в изнеможении падали на землю, пытаясь восстановить дыхание для нового рывка. Как и на Талана-Хилл, полковые порядки смешались. Манчестерцы, Гордонцы и Имперская Конница надвигались на противника одной длинной рваной волной. В этой гонке со смертью нога в

ногу бежали шотландцы, англичане и британские африканеры. Наконец они смогли увидеть своего врага. То там, то здесь, среди валунов мелькала фетровая шляпа со свисающими полями или раскрасневшееся бородатое лицо, припавшее к прикладу винтовки.



Артиллерия поддерживает атаку Хайлендеров

Еще одна пауза, а затем, собрав силы, человеческий вал в едином порыве, словно сговорившись, рванул вперед. Темные фигуры возникали из-за камней прямо перед британцами. Одни поднимали ружья, показывая, что сдаются, другие, втянув голову в плечи, мчались прочь, прыгая и петляя меж валунов. Задохавшиеся, жадно глотавшие воздух солдаты достигли края плато. Их глазам открылась позиция с двумя скорострельными орудиями, еще недавно яростно извергавшими пламя, а теперь обреченно молчавшими, окруженными, словно мусором, мертвыми телами артиллеристской прислуги. Возле лафета одного из них все еще стоял раненый офицер. Небольшой отряд буров продолжал отстреливаться. Их внешность шокировала некоторых из наших людей. "Они были одеты в черные сюртуки и сильно походили на захудалых, не внушающих доверия бизнесменов, — вспоминал один из очевидцев, — убивать их казалось преступлением". Некоторые сдались, некоторые сражались до конца и погибли. Их лидер, Кок, старый джентльмен, с седой бородой, лежал среди камней, трижды раненый. С ним обошлись со всей подобающей учтивостью и вниманием, но, к сожалению, он умер в госпитале

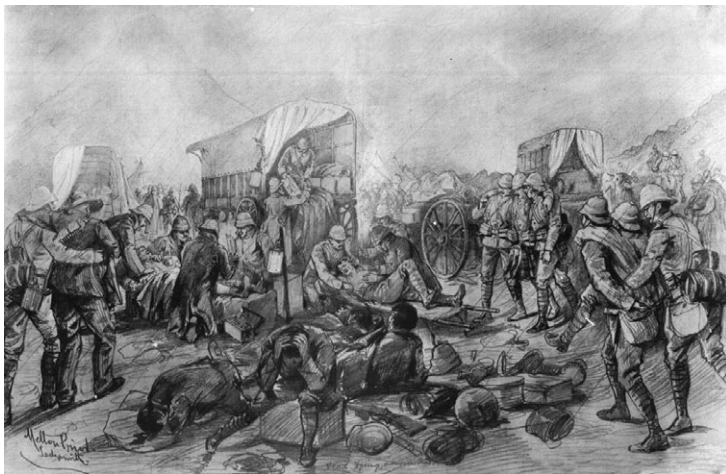
Ледисмита несколько дней спустя.

Тем временем Девонцы, дождавшись развития атаки, навалились на холм, возвышавшийся на фланге, а артиллерия заняла позицию в 2000 ярдах от противника. Они столкнулись с менее ожесточенным сопротивлением, чем другие, но очистили вершину как раз вовремя, отрезав части беглецов путь к отступлению. Теперь вся наша пехота была на гребне холмов.

Но даже после этого суровые бойцы не сложили оружие. Они отчаянно цеплялись за дальний край плато, отстреливаясь из-за валунов. Офицер Манчестерцев и сержант-барабанщик Гордонцев устроили соревнования, кто быстрее добежит до ближайшей пушки. Офицер выиграл, и торжественно уселся на ствол. Солдаты всех подразделений с радостными криками толпились вокруг, как вдруг их изумленных ушей достиг сигнал "Прекратить огонь", а затем "Отступить". Это казалось невероятным, но сигналы прозвучали вновь, ясно и категорично. Инстинктивно подчиняясь дисциплине, люди начали медленно отходить. Но вскоре до некоторых из них дошла суть происходящего. Хитрый противник изучил наши сигналы. "Черта с два отступить!" – закричал маленький трубач, и протрубил "Атаку", вложив в сигнал всю силу, оставшуюся после забега на холм. Люди, уже было отошедшие на сотню ярдов, бросив орудия без прикрытия, вновь устремились на плато, и в лагере буров тут же взметнулся белый флаг, подтвердив, что игра окончена. Эскадроны 5-го Уланского и Гвардейских Драгун под командованием полковника Гора, прокрались в обход подножья холма и в свете затухавшего дня атаковали бегущих буров, некоторых убив, и около тридцати взяв в плен – один из немногих случаев на этой войне, когда всадник-британец перехватил всадника-бура. "Что, нравится Маджуба?", – кричали возбужденные пехотинцы, ворвавшись на вражеские позиции. И в самом деле, этот бой был своего рода зеркальным отражением знаменитой битвы. Конечно, при Эландслаагте британцев было гораздо больше, чем буров при Маджубе, но и оборонявшиеся также были многочисленнее. К тому же, в том сражении у британцев отсутствовали орудия. Несомненно, Маджуба гораздо круче, чем Эландслаагте, но каждый опытный солдат знает, что защищать склон средней крутизны гораздо легче, чем обрывистый, поскольку последний позволяет атакующим укрываться за камнями, в то время как защитник первого вынужден заглядывать за край обрыва, подставляя голову под пули. В целом можно сказать – эта небольшая великолепно проведенная акция все расставила на свои места, доказав,

что, несмотря на несомненную храбрость буры не обладают достаточным воинским мастерством чтобы противостоять британскому солдату на равных. Так же можно со всей ответственностью утверждать, что последовавшие одна за другой акции у Талана-Хилл и Эландслаагте – подвиги, ни в чем не уступающие Маджубе.

Эта победа принесла нам больше плодов, чем первый бой у Данди. Два орудия "Максим-Норденфельд", эффективность которых болезненно-наглядно подтвердилась в ходе сражения, пополнили ряды нашей артиллерии. Двести пятьдесят буров было убито и ранено, около двух сотен попали в плен. Наибольшие потери понесли Йоханнесбургцы, Германцы и Голландеры. В наши руки попали: генерал Кок, доктор Костер, полковник Шиль, Преториус и другие хорошо известные трансваалеры. Британские потери были почти такие же, как на Талана-Хилл – 41 убитый и 220 раненых. Основная тяжесть легла на плечи Хайлендеров Гордона и Имперской Легкой Конницы.



Сбор раненых после боя у Эланслаагте

Победители провели ночь в низине, под холодным дождем, моросившим с затянутого тучами неба. Здесь среди многочисленных, расположенных лагерем вагонов стояли палатки побежденных. О сне не было и речи. Всю ночь изможденные партии обыскивали склоны холма, доставляя раненых в лагерь. Солдаты и пленники толпились у бивачных костров, и приятно отметить, что самые теплые места и лучшую часть своего гру-

бого рациона солдаты уступили удрученным голландцам. Слова безыскусной искренней похвалы и симпатии смягчали боль поражения. Память о подобном обращении в более счастливые дни поспособствует слиянию наших рас более, чем вся мудрость политиков.

Очистив железнодорожную линию, генерал Уайт не решил оставлять там гарнизон, поскольку знал, что с севера движутся значительные силы противника, и считал своей основной обязанностью защиту Ледисмита. Ранним утром следующего дня (22-го октября) его уставшие, но ликующие войска вернулись в город. Здесь он узнал, что генерал Юл не собирается использовать для отступления ненадежную железную дорогу, а намерен двигаться окольными путями. Перед Уайтом стал вопрос, каким образом, не удаляясь от города, нанести удар противнику, находившемуся на севере, чтобы не дать бурам атаковать Юла. Помогая отступавшей колонне, Уайт затеял бой при Ритфонтейне – дело, само по себе незначительное, но имевшее целью расчистить путь утомленным войскам, отходившим от Данди.

Армия Оранжевой Республики, авангардом которой были коммандо, разбитые при Эландслаагте, медленным, но неудержимым потоком спускалась по горным проходам, растекаясь на юг и восток, с намерением перерезать сообщение между Данди и Ледисмитом. Уайт решил помешать им блокировать Ньюкаслскую дорогу. С этой целью во вторник, 24-го числа, он предпринял вылазку из Ледисмита силами двух полков кавалерии (5-й Уланский и 19-й Гусарский), двух полевых (42-я и 53-я) и одной горной батареи (10-я), четырех пехотных батальонов (Девонцы, Ливерпульцы, Глостерцы и 2-й батальон Королевских Стрелков), Имперской Легкой Конницы и Натальских Волонтеров – всего около четырех тысяч человек.

Разведчики обнаружили, что бюргеры оседлали цепь холмов в пределах семи миль от Ледисмита, наиболее значительный из которых назывался Тинта Инйони. В планы генерала Уайта не входила попытка выбить врага с этих позиций (постоянно сражаться на местности, избранной противником, не является примером мудрого руководства войсками). Он считал необходимым удерживать бурав на месте в течение дня, отвлекая их внимание от отступавшей колонны. Для выполнения подобной задачи, поскольку непосредственная атака не предполагалась, пушки гораздо полезнее пехоты. И в самом деле, пехотинцам отвели роль эскорта артиллерии.

Британцы предприняли ряд демонстративных атак, про-

должавшихся с девяти утра до половины второго пополудни. Наша полевая артиллерия мешала точному огню бурских орудий, установленных на холмах, а шрапнель пресекала действия их стрелков. Поскольку орудия противника использовали дымный порох, их позиции определялись гораздо легче, чем при Эланслаагте. Расстояние варьировалось от трех до четырех тысяч ярдов.

Наши потери в этой акции были бы незначительными, если бы Глостерцы, пренебрегши опасностью, не выдвинулись на открытое пространство, где, попав под ружейный огонь, потеряли полковника Уилфорда плюс пятьдесят офицеров и рядовых убитыми и ранеными. В течение четырех дней полковник Гордонцев Дик-Канингхем, полковник Легкой Конницы Чисхолм, полковник Стрелков Ганнинг и вот теперь полковник Глостерцев Уилфорд пали, ведя в атаку своих парней. Вечером генерал Уайт, осуществив задуманное и обеспечив безопасность колонны из Данди, проходившей опасный Биггарсбергский проход, отвел войска в Ледисмит. Мы не можем точно определить потери буров, но, вероятно, они были незначительными. Со своей стороны мы потеряли 109 человек, из них лишь 13 убитыми. На Глостерцев пришлось 64 человека, а войска, набранные в Натале, потеряли 25. На следующий день, как уже говорилось, британская армия воссоединилась в Ледисмите, и кампания вошла в новую фазу.

Подведем итоги этой, полной событиями, недели. Стратегическое преимущество осталось за бурами. Они вынудили нас бросить позиции у Данди и вернуться в Ледисмит, они захватили часть железной дороги и почти четверть колонии на севере, они убили или ранили где-то шесть-семь сотен наших людей, пленив около двух сотен кавалеристов. Мы были вынуждены оставить в Данди значительные запасы продовольствия и снаряжения, а так же наших раненых, в том числе генерала Пенна Саймонса, впоследствии умершего от раны, полученной у Талана-Хилл. С другой стороны тактическое превосходство оставалось за нами. Мы дважды выбивали буров с позиций и захватили два орудия. Мы взяли в плен около двухсот человек, а их потери убитыми и ранеными, возможно, сравнимы с нашими. В целом, слава первой недели боев за Наталь, можно считать, досталась поровну обеим сторонам, чего мы не можем сказать о бесконечных изнурительных днях, следовавших за ней.

БОЙ У ЛЕДИСМИТА

Сэр Джордж Уайт, объединив войска, стал во главе внушительной двенадцатитысячной армии. Его кавалерия состояла из 5-го Уланского полка, 5-го Драгунского, 19-го и части 18-го Гусарских, Натальских Карабинеров, Пограничных Стрелков, Конной Пехоты и Имперской Легкой Конницы. Пехота включала Королевских Ирландских Фузилеров, Королевских Стрелков, еще не отдышавшихся от забега на Талана-Хилл, Гордонцев, Манчестерцев и Девонцев, окропивших кровью Эландслаагте, Лейстерцев, Ливерпульцев, 2-й батальон Королевских Стрелков, 2-й батальон Стрелковой Бригады и Глостерцев, которым так не повезло при Ритфонтейне. В его распоряжении находились шесть великолепных батарей полевой артиллерии – 13-я, 21-я, 42-я, 53-я, 67-я, 69-я и 10-я Горная Батарея со "свинчиваемыми" пушками. Ни один командующий не мог пожелать себе более компактной и хорошо подготовленной армии.

Британский генерал с самого начала признавал, что, ввиду значительного превосходства противника, следует придерживаться оборонительной тактики, так как крупная неудача его войск на поле боя, отдаст бурам весь Наталь. Акции при Эландслаагте и Ритфонтейне предпринимались с целью помочь отступавшему отряду Юла, но теперь побудительные мотивы для наступательных действий отсутствовали. Сэр Уайт прекрасно знал, что через всю Атлантику, от Английского Канала до Кап де Верде (Островов Зеленого Мыса), вытянулся караван судов, со спешившими из Англии войсками. Этот караван приближался с каждым часом. Не позднее двух недель, а возможно и ранее, первый борт ожидался в Дурбане. Таким образом, в основу игры генералу следовало положить сохранение армии, позволив чадившим машинам и бешено вращавшимся винтам потрудиться на благо Империи. Заройся он в землю по самый нос и жди, его тактика, в конце концов, себя бы оправдала.

Но пассивное и бесславное поведение немислимо для настоящего солдата. Уайт не мог позволить, чтобы подчиненные ему великолепные войска отсиживались без дела. То, чего требовало благоразумие, не позволяла честь.



Генерал Джордж Уайт со штабом

27-го октября буры и слухи о них были повсюду. Жубер с главными силами двигался от Данди. Фристейтеры действовали на севере и западе. Общее число бюргеров было неизвестно, но стало очевидно, что противник гораздо многочисленнее и сильнее, чем предполагалось. Британцы уже испытали на себе действие артиллерии врага и лишились розовых иллюзий, что она будет для буров лишь обузой. Несомненно, оставлять город, чтобы дать сражение, было опасно. В поле маневренный противник мог совершить обход и захватить Ледисмит с тыла. Тем не менее, Уайт решил на рискованное предприятие.

29-го числа буры сосредоточились возле города, в пределах видимости. С высокого холма, на расстоянии ружейного выстрела от крайних домов с северной и восточной стороны, часовая насчитал не менее шести бурских лагерей. Френч послал своих кавалеристов на разведку вдоль линии наступающих войск. Его рапорт предупреждал Уайта – если командующий желает нанести удар до того, как все разрозненные команды соберутся в один кулак, следует действовать немедленно. Раненых отправили в Питермаритцбург, и трудно объяснить, почему мирное население не последовало за ними. Говорили, что вечером того же дня сам Жубер находился всего в шести милях, и его люди перерезали водопровод, идущий в город, но через Ледисмит протекала довольно большая река – Клип, и недостатка в воде не было. Британцы, изумив буров из дальнего вельда, наполнили и подняли воздушный шар, донесения с которого подтвердили: враг обладает значительными силами и находится со всех сторон.

В ночь на 29-е генерал Уайт выделил два лучших батальона (Ирландских Фузилеров и Глостерцев), усиленных 10-й Горной Батареей, поставив перед ними задачу под покровом темноты занять и удерживать длинный гребень, называемый Николсонс-Нек, лежавший в шести милях севернее Ледисмита. Решив на следующий день дать сражение, он хотел прикрыть левый фланг от тех фристейтеров, что все еще прибывали с севера и запада, а также удержать открытым проход, через который его кавалерия могла бы преследовать отступающих буров в случае победы британцев. Эта небольшая колонна насчитывала около тысячи человек, о судьбе которых будет рассказано позже.

30-го октября в пять часов утра буры, уже научившиеся поднимать тяжелые орудия на самые неприступные вершины, открыли огонь с одного из холмов, лежавших севернее города.



Буры поднимают 155-мм "Крезо" на позицию

Еще до первого выстрела британцы устремились из Ледисмита, желая померяться силой с захватчиками. Армия Уайта двигалась тремя колоннами. Левую, действовавшую самостоятельно (отряд, выделенный для захвата Николсонс-Нек), возглавлял полковник Фузилеров Карлетон (один из трех доблестных братьев, командовавших британскими батальонами). Штабным офицером при нем был майор Эди. На правом фланге британцев полковник Гримвуд командовал бригадой, сформированной из 1-го и 2-го батальонов Королевских Стрелков, Лейстерцев, Ливерпульцев и Королевских Дублинских Фузи-

леров. В центре полковник Ян Гамильтон командовал Девонцами, Гордонцами, Манчестерцами и 2-м батальоном Стрелковой Бригады, шедшим в бой прямо с поезда, только что прибывшего из Дурбана. Френч с кавалерией и конной пехотой находился на крайнем правом фланге, но в этот день ему не представилась возможность использовать кавалерию.

Позиция буров, насколько можно судить, выглядит очень сильной. Ее центр лежал на одном из отрогов Сигнального Холма (Сигнал-Хилл), в трех милях от города. Здесь противник располагал двумя сорокафунтовыми и тремя более легкими орудиями, но с каждым часом его артиллерия множилась, как по количеству стволов, так и по весу залпа. Диспозиция буров почти не просматривалась. Наблюдатель, изучавший западную сторону, мог разглядеть сквозь оптику лишь россыпи всадников, то там, то здесь галопировавших по лысым холмам, да небольшие группы людей, возможно, артиллеристов, сгрудившихся у орудий, а возможно, командиров в окружении подчиненных, изучавших город, который им в будущем предстояло разглядывать долгие утомительные месяцы. На серо-коричневой равнине перед Ледисмитом длинные тонкие линии, изредка мерцавшие блеском стали, обозначали продвижение пехоты Гамильтона и Гримвуда. Кристально-морозная чистота африканского утра позволяла рассмотреть каждую деталь, вплоть до далекого дымка локомотива, надрывававшегося на тяжелом подъеме, ведущем от Фрира, через мост у Коленсо в Ледисмит.

Так началась поспешная и бессмысленная акция, цель которой трудно объяснить. Позиции буров простирались на семь или восемь миль, при этом цепь холмов образовала как бы ряд крепостей. Они стояли огромным полумесяцем, в центр которого было направлено наше наступление. Такой расклад предоставлял бурам возможность с удобных позиций вести сосредоточенный артиллерийский огонь, набиравший силу с каждым часом. С самого утра сорок два британских орудия вели ожесточенную стрельбу, хотя недостаточная точность, вызванная погрешностями определения дистанции из-за рефракции (к слову обычной в здешнем прозрачном воздухе), позволила противнику сохранять преимущество. Создавалось впечатление, что нашему огню не хватает концентрации, поскольку в определенные моменты боя батареи обстреливали различные участки вражеских позиций. Иногда ответный огонь бурских пушек на некоторое время стихал, но лишь для того, чтобы обрушиться на наши войска с еще большей свирепостью и

точностью, вызывавшей восхищение мастерством артиллеристов противника. Огромные снаряды, самые большие из когда-либо взрывавшихся на поле боя, прилетали с дистанции, недостижимой для наших пятнадцатифунтовок, обволакивая британские батареи огнем и дымом. Гигантское орудие "Крезо", установленное на Пепворз-Хилл посылало свои 96-фунтовые снаряды на четыре мили, а несколько 40-фунтовых гаубиц превосходили по мощи наши полевые орудия. И в тот же самый день, когда нам в такой грубой форме объяснили, что, при наличии труда и желания, на поле боя можно доставить самые тяжелые орудия, нам судилось узнать, что наш противник, к стыду британского Департамента Артиллерии, ближе знаком с новинками в области вооружений, чем мы, и продемонстрировал нам действие не только самых больших, но и самых маленьких снарядов. Жаль, что наши солдаты, а не официальные лица Департамента Артиллерии слышали грохот очередей однофунтовых автоматических "Викерс-Максимов", и жаль, что эти дьявольские снаряды, лопааясь подобно гигантским крекерам, не впивались в животы и черепа наших лондонских умников!

До семи утра британская пехота не решалась атаковать. Имея перед собой столь растянутую позицию с множеством холмов, удерживаемых противником, было непонятно в каком направлении наносить главный удар, и не превратится ли все мероприятие в разведку боем. Однако не прошло и часа, как буры помогли разрешить сомнения, начав решительное давление на Гримвуда и правый фланг. При поддержке полевых орудий, "максимов" и ружейного огня они быстро сокращали расстояние. Для усиления правого фланга британской центральной колонне пришлось выделять подразделение за подразделением. На помощь Гримвуду отправили Гордонцев, Девонцев, Манчестерцев, 5-й Уланский, действовавший как пехота, и три батареи.

Около девяти часов наступило временное затишье, но стало ясно, что на передовую непрерывным потоком прибывают свежие командос и новые орудия. Вскоре бой возобновился с удвоенной ожесточенностью, и три передовых батальона Гримвуда отступили, очистив гребень, который удерживали в течение пяти часов. Причиной отхода явилась не слабость британцев, а послание полковника Нокса сэру Джоржу Уайту, что противник, похоже, намерен атаковать город с другой стороны. Несколько неорганизованно пересекая открытую местность, британцы понесли тяжелые потери, которые имели все

шансы стать катастрофическими, если бы 13-я и последовавшая за ней 53-я Полевые батареи, не устремились вперед, и, с короткой дистанции не прикрыли бы отступление нашей пехоты шрапнелью.



*Британская артиллерия меняет позицию
в бою у Ледисмита (рисунок из "Life")*

Не обращая внимания на разрывы гигантских 96-ти фунтовых снарядов и раздражающий треск маленьких однофунтовых, под перекрестным ружейным огнем, отважные артиллеристы Эбди и Даукинса сняли орудия с передков и, перенося огонь то направо, то налево, озаряли вспышками пламени нагромождение тел своих павших товарищей и лошадей. Огонь противника был настолько жесток, что орудия почти скрылись за завесой пыли, поднятой снарядами автоматических пушек. Когда работа была сделана, и отступавшая пехота в беспорядке перевалила через гребень, орудия прикрытия во весь опор помчались за ней. Батареи потеряли так много лошадей, что два орудия пришлось бросить, и за ними отправили специальную команду, успешно справившуюся с заданием благодаря доблести капитана Твайтиса. Действия наших батарей стали одни из немногих лучезарных моментов в отнюдь не блестящей дневной работе. Пропустив отходившую пехоту, артиллеристы, с изумительным хладнокровием и отвагой помогали друг другу при отступлении. Прикрывая кавалерию отличилась стойкостью 21-я батарея (Блевитта), а 42-я (Гаулбурна) понесла самые тяжелые потери. В целом, вся слава, выпавшая

нам в этот день, заслужена артиллеристами.

Уайт попал в затруднительное положение, единственным выходом из которого оставалось общее отступление и концентрация сил в городе. Его левый фланг подвис в воздухе, и лишь доносившиеся оттуда звуки стрельбы, приглушенные пятью милями пересеченной местности, свидетельствовали, что бой еще продолжается. Правый фланг попятился назад, но страшнее всего — было то, что центр фактически прекратил существование, поскольку здесь оставался лишь 2-й батальон Стрелковой Бригады.



Легкая Конница прикрывает отход пехоты к Ледисмиту

Что произойдет, если противник просто пойдет вперед и ворвется в город? После того, как бурская артиллерия доказала свое превосходство над нашей, такое развитие событий становилось весьма вероятным. Ужасное 96-ти фунтовое орудие, находясь вне досягаемости британской артиллерии, спокойно посылало снаряд за снарядом в массу отступавших войск. Наши люди вымотались. Они мало спали, давно не ели, и безнаказанный огонь противника стал для них слишком суровым испытанием. При таких обстоятельствах отступление могло легко перерасти в бегство. Дурное предчувствие охватывало офицеров, когда они замечали, что солдаты, заслышав жалобный вой снаряда, каждый раз ускоряют шаг и оглядываются через плечо. Но британцы все еще находились на открытой местности в нескольких милях от дома. Что можно было предпринять для облегчения создавшегося положения?

И именно в этот момент нашелся подходящий и неожидан-

ный ответ. Облачко паровозного дыма, которое наблюдатель видел утром, по мере того как тяжелый поезд, пыхтя и скрипя, взбирался на крутой подъем, все приближалось. Вдруг, когда состав уже почти подтянулся к Ледисмиту, из него высыпала толпа забавных бородатых парней, и с помощью умелых рук, странных морских команд, веревок и блоков принялась выгружать длинные стройные орудия, закрепленные на платформах. Орудия имели необычные лафеты, специально сконструированные капитаном Перси Скоттом. Прилагая нечеловеческие усилия, не обращая внимания на усталость, моряки быстро подготовили свои скорострельные 12-ти фунтовые пушки к работе. Длинные орудийные стволы поднялись на требуемый угол, позволявший достать монстра, беспечно расположившегося на холме у самого горизонта. Два орудия вытянули свои любопытные длинные шеи в сторону врага и обменялись с большим "Крезом" колкими фразами. Измотанные и павшие духом британские войска вдруг услышали звук, более громкий и резкий, чем привычный грохот наших полевых пушек, и увидели на дальнем холме большие фонтаны дыма и пламени, отметившие места падения снарядов. Еще выстрел. И еще, и еще, и еще. Пехоту больше не беспокоили. Капитан Хедворт Лэмбтон со своими людьми спас ситуацию. Дьявольское орудие врага, столкнувшись с достойными оппонентами погрузилось в молчание и более не тревожило наши покрытые пылью полевые войска еле волочившие ноги. Казалось, оставив на поле боя три сотни товарищей, мы уже заплатили немалую цену за безрассудство, но судьба припасла для нас еще одно несчастье, на фоне которого утреннее отступление выглядело не таким уж бедствием.

Обратимся к печальной участи упоминавшейся ранее небольшой колонны, высланной сэром Джоржем Уайтом, для предотвращения объединения двух армий буров и создания угрозы правому крылу основных сил противника, наступавшего со стороны Данди. Сэр Джордж Уайт в течение всей кампании демонстрировал качество, восхитительное для человека, но непозволительное для командира – он был убежденным оптимистом. Возможно, в противном случае, его сердце не выдержало бы последующих черных дней. Но стоит вспомнить неразрушенную железную дорогу на Ньюкастл, молчаливое согласие на занятие Данди, присутствие лишних ртов в Ледисмите до момента, когда избавиться от них стало невозможно, пренебрежение подготовкой обороны города, пока буры не вынудили наши разбитые войска вернуться в него, везде мы

видим одну и ту же причину – привычку верить, что все будет хорошо, и как следствие, пренебрежение запасным вариантом на случай, если дело обернется скверно. К несчастью, во всех вышеупомянутых примерах наши дела шли плохо, и лишь медлительность буров у Данди и под Ледисмитом позволили избежать катастрофы.

Сэр Джордж Уайт так благородно и открыто взял на себя вину за Николсонс-Нек, что беспристрастный историк должен счесть его самообличение чрезмерным. Непосредственной причиной неудачи, несомненно, стало чистое невезение, зависящее от вещей, находящихся вне контроля командующего. Но очевидно, что стратегический план, согласно которому злосчастная колонна оказалась на Николсонс-Нек, основывался на предположении, что главные силы армии у Ломбардс-Коп выиграют дело. Тогда Уайт мог бы резко завернуть правый фланг и зажать буров в клещи. По меньшей мере он мог бы воссоединиться со своим изолированным крылом. Но если он проиграет бой, что тогда? Как выпутаться из создавшегося положения? Отважные Ирландцы, казалось, не допускали даже мысли о поражении. Командиров колонны заверили, и это подтверждается свидетелями, что к одиннадцати утра следующего дня их деблокируют. Так бы и случилось, если бы Уайт выиграл сражение. Но...

Силы, выделенные для самостоятельных действий, состояли из четырех с половиной рот Глостерцев, шести рот Королевских Ирландских Фузилеров и 10-й Горной Батареи с шестью семифунтовыми горными орудиями. Это были испытанные "индийские" ветераны. К тому же всего десять дней тому назад, на Талана-Хилл, Фузилеры показали, на что они способны. Командовал колонной полковник Фузилеров Карлетон, усердию которого британцы обязаны успешным завершением отступления из Данди. Функции штабного офицера выполнял майор Эйди. В воскресную ночь 29-го октября, тысяча человек, гордость армии, выступили из Ледисмита. Обмениваясь прощальными жестами с передовыми пикетами, бойцы не могли и подумать, что пройдут долгие месяцы, прежде чем они вновь увидят своих соотечественников с оружием в руках.

Дорога выдалась сложной, а ночь безлунной. По обе стороны чернели неясные очертания холмов, почти неразличимые в ночной темноте. Колонна медленно брела сквозь ночь – впереди Фузилеры, затем пушки и Глостерцы. Несколько раз делались короткие остановки, чтобы по компасу сверить направление движения. Наконец, в самый холодный и темный час между

полночью и рассветом, колонна свернула с дороги влево. Перед британцами возник едва угадываемый, длинный черный копи. Это был тот самый Николсонс-Нек, который им приказали занять. Карлетон и Эйди, убедившись, что они действительно попали куда нужно, должно быть, вздохнули с облегчением. Отряд находился всего в двухстах ярдах от намеченной позиции, и все шло без сучка и задоринки, но на этих последних ярдах произошел инцидент, решивший судьбу и всего предприятия, и их собственную.

Внезапно из темноты, несясь во весь опор, вылетели пять всадников. Стук подков в ночной тишине казался грохотом, из-под копыт во все стороны летели камни. Возникнув ниоткуда они в мгновение ока скрылись в никуда. Откуда они взялись, куда исчезли, никто не знал. Что заставило их нестись сквозь темень таким диким аллюром: умысел, неосведомленность, паника? Кто-то выстрелил. Сержант Фузилеров получил пулю в руку. Кто-то подал команду примкнуть штыки. Мулы, груженные амуницией, брыкались и вставали на дыбы. О предательстве нет и речи, поскольку животных вели наши люди, но одному человеку удержать двух перепуганных мулов – задача для Геркулеса. Обезумев от страха, животные вырвались из рук коноводов и вскоре в полнейшем беспорядке понеслись сквозь колонну. Паника охватила почти всех мулов. Тщетно люди пытались их удержать. Бешеный поток ополоумевших созданий сметал все на своем пути. В предрассветной мгле люди решили, что их атаковала кавалерия. В мгновение ока колонна рассеялась и потеряла всякое подобие боевого порядка, словно сквозь нее пронесся полк драгун. Когда ураган миновал, и люди, бормоча проклятья, вновь построились в колонну, стали ясны размеры постигшей их беды. Там, вдалеке, откуда все еще доносилась сумасшедшая дробь копыт, были их патроны, их снаряды и их пушки. Горные орудия везли не на колесах, а в разобранном виде на спинах мулов, и теперь колеса стремительно удалялись на юг, лафеты на восток, стволы на запад. Часть патронов валялись на дороге, но большинство находилось на обратном пути в Ледисмит. Оставалось лишь принять случившееся и решить, что делать дальше.

Естественно, часто задают вопрос, почему, потеряв пушки и боеприпасы, полковник Карлетон не вернулся в Ледисмит еще затею? Пара доводов достаточно очевидна. Во-первых, хорошему солдату присуще стремление любой ценой выполнить приказ, а не отказываться от намеченного предприятия. Поступи он иначе, его предусмотрительность, конечно, могла

бы стать предметом формального одобрения, но, скорее всего, сопровождалась бы неофициальными комментариями. Солдат воспитан использовать удобный случай и делать все возможное теми средствами, какими располагает. Кроме того, полковник Карлетон и майор Эйди знали общий план сражения, которое должно было начаться через несколько часов, и отдавали себе отчет, что, отступив, они оголят левый фланг генерала Уайта, подставив его под удар противника (как мы теперь знаем, фристейтеров и Йоханнесбургской Полиции), наступавшего с севера и запада. Карлетон надеялся, что к одиннадцати утра его отряд деблокируют, и верил, что до этого времени вполне сможет продержаться. Таковы наиболее очевидные соображения, склонившие полковника Карлетона к решению выполнить поставленную задачу. Он приказал двигаться вперед и занять позицию.

Однако его сердце наверняка ёкнуло, когда он обследовал местность. Большая, слишком большая, для эффективной обороны наличными силами. Британцам предстояло удерживать копи длиной около мили и шириной в четыре сотни ярдов. Очертаниями позиция напоминала подошву ботинка, и при самом лучшем раскладе полковник мог надеяться удержать лишь пятачку. Другие холмы, расположенные вокруг, предоставляли хорошее укрытие стрелкам буров. Однако, не устранившись, Карлетон сразу же приказал своим людям строить брустверы из камней, разбросанных по вершине. К рассвету, возвещенному щелчком бурского "Маузера" с соседнего холма, они уже возвели грубое подобие укрытий, за которыми надеялись продержаться до подхода помощи.

К сожалению, у британцев не было способа сообщить Уайту о своем отчаянном положении. Конечно, они брали с собой гелиограф, но тот остался на спине одного из проклятых мулов. Кольцо буров вокруг них плотно замкнулось, и об отправке посыльного не могло быть и речи. В отчаянии в качестве гелиографа пытались использовать отполированную консервную банку, но безуспешно. С обещанием щедрого вознаграждения отправили одного из кафров, но история не сохранила о нем дальнейших упоминаний. На юге, в кристальном холодном утреннем воздухе, там, откуда доносился отдаленный гром орудий Уайта, взмыв воздушный шар. Если бы им удалось привлечь внимание наблюдателя! Тщетно солдаты размахивали флагом. Шар висел над далеким полем боя невозмутимо и безучастно.

Буров вокруг становилось все больше. Ими командовал

Христиан де Вет, чье имя вскоре станет всемирно известным, а затем ему на помощь прибыл Ван Дам со своими Полицейскими. Обстрел позиций начался в пять часов утра, в шесть разгорелся, а к семи стал ожесточенным. Две роты Глостерцев сложили бруствер у подошвы холма, чтобы не подпустить противника слишком близко к высоте. Свежее подкрепление буров, стреляя почти с тысячи ярдов, обошло это укрепление с тыла. Пули зашелкали по каменному брустверу со всех сторон. Роты получили приказ отойти, и, передвигаясь по открытой местности, понесли тяжелые потери. Непрерывный грохот и треск ружейного огня доносился отовсюду. Противник приближался медленно, но уверенно. То там, то здесь меж валунов мелькали темные фигуры. Британцы стреляли неторопливо и наверняка, экономя каждый патрон, но буры так умело выбирали укрытие, что редко кто из них получал пулю. "Виднелись лишь стволы их ружей", – вспоминал один из участников боя. Долгое утро предоставило достаточно времени для размышлений, и, возможно, не один солдат уже задавался вопросом, а к таким ли боям их готовили, заставляя тянуть ногу на плацу и выстреливать кучу патронов по открытым целям с фиксированного расстояния. Несомненно, в будущем армии следует изучать опыт Николсонс-Нек, а не Лаффанс-Плейн.

В течение бесконечных томительных часов, лежа на осыпаемом пулями холме, под непрерывное шипение воздуха и щелчки свинца о камни, британские солдаты могли наблюдать за боем, начавшемся на юге. Перед ними разворачивалось отнюдь не утешительное зрелище, и от этой картины на сердце у Карлетона, Эйди и их отважных бойцов становилось все тяжелее. Снаряды буров рвались прямо на позициях британских батарей, в то время как британские не долетали до врага. "Длинные Томы" со стволами, задранными под сорок пять градусов, вколачивал гигантские снаряды в британские батареи с дистанции, о которой последние не могли и мечтать. Постепенно, по мере того, как британцы оттягивались к Ледисмиту, огонь пехоты слабел, и звучал все глуше. К одиннадцати часам Карлетон окончательно удостоверился, что покинут на произвол судьбы. Еще в девять утра, он принял гелиограмму с предписанием отступить при первой благоприятной возможности, но уйти с холма, в сложившейся ситуации означало обречь себя на верную гибель.

Люди находились под огнем шесть часов, и по мере того как потери росли, а патроны таяли, таяла и надежда в их сердцах. Они упрямо продержались еще час, и еще, и еще. Девять с

половиной часов цеплялись британцы за пересохшую грудку камней. Фузилеры, так и не успев отдохнуть после Гленко, с той поры постоянно находились в деле. Теперь многие спали, укрывшись за камнями. Некоторые упорно продолжали сидеть рядом с пустыми патронными сумками, сжимая в руках, ставшие бесполезными, винтовки. Кое-кто забирал патроны у убитых товарищей. Зачем они сражались? Солдаты знали, что надежды нет, но всегда остаются честь флага, репутация полка, и нежелание гордых мужественных людей мириться с поражением. Но даже у самой длинной истории бывает конец. Среди британцев были люди, готовые ради сохранения репутации армии, ради воинской доблести спокойно принять смерть там, где стояли, или повести "Faugh-a-ballagh"* и отважных парней 28-го полка, в последнюю смертельную атаку с разряженными ружьями против укрывшегося за скалами врага. Возможно, эти смельчаки были правы. Леонид и триста воинов своей славной гибелью сделали для Спарты больше, чем своей героической жизнью. Человек уходит, как пожелтевший лист, но национальные традиции остаются, подобно дубу, роняющему листву. Опавшие листья ничего не значат, если их останки питают ствол дерева, делая его крепче.

Но о жизни и смерти легко рассуждать, сидя за кабинетным столом. А в данном случае не стоит забывать о еще одном немаловажном факторе – ответственности офицеров за жизнь своих людей, и убежденности, что они еще смогут послужить своей стране. Все было взвешено, все обдумано, и, наконец, британцы выбросили белый флаг. Рядом с поднявшим его офицером не оставалось ни одного бойца, которого миновала бы пуля. В его траншее все были ранены, а другие подразделения находились вне пределов видимости, поэтому офицер решил, что они уже отошли. Обязывал ли этот флаг сдаваться остальных – трудный вопрос, но буры сразу же покинули свои укрытия, и солдатам, находившимся в траншеях второй линии и еще серьезно не вступавшим в бой, приказали воздержаться от стрельбы. Через несколько минут победители стояли рядом с ними.

Как мне рассказывали участники событий, это было зрелище, которое не хотелось бы видеть и о котором не хотелось бы вспоминать. Изможденные офицеры ломали свои клинки и проклинали день, когда родились. Рядовые плакали от стыда, пряча перепачканные лица в ладони. Из всех испытаний, ко-

* Полковой девиз Ирландских фузилеров – "Дай дорогу"

гда-либо выпадавших на их долю, самым тяжелым, как подтверждали многие, оказался вид этого проклятого развевающегося носового платка. "Отец, отец, позволь нам умереть" – взывали Фузилеры к своему священнику. Отважные сердца, не требовавшие ни наград, ни благодарности – каким жалким выглядит наше, так называемое "преуспевание" в обществе, в сравнении с их бескорыстной верностью и чувством долга!



Первые британские военнопленные

Но в своей беде они избежали мук бесчестия и оскорблений. Все-таки существует братство храбрых, стоящее выше чувства национальной вражды, и возможно именно оно поможет излечить нас от вечного противостояния. Из-за каждого валуна поднялся бур. Множество странных гротескных фигур – загоревших, с всклокоченными бородами быстро заполнили высоту. С их уст не сорвалось ни единого бранного слова или триумфального возгласа. "Вы больше не будете говорить,

что молодые буры не умеют стрелять" – самые резкие слова, сказанные наиболее несдержанными из них. По всему холму лежали убитые и раненые, около двух сотен. Те, кому люди еще могли помочь, получили все, что имелось в наличии. Раненого капитана Райса, из Фузилеров, какой-то гигант на собственной спине отнес к подножью холма и отверг золотую монету, предложенную британцем в оплату за услугу. Некоторые просили у солдат их поясные ремни, как сувениры на память об этом дне, и многие поколения они еще будут служить украшениями на колониальных фермах. Затем победители собрались вместе и запели псалмы, не ликующие, а протяжные и печальные.

Пленники мрачными колоннами, утомленные, истощенные, истрепанные направились в лагерь буров у Вошбанка, откуда их поездом отправили в Преторию. А в Ледисмите трубач Фузилеров, с перевязанной рукой, в изодранной униформе, принес на бивак британцев весть, что ценой собственной гибели бойцы двух доблестных полков прикрыли фланг отступавшей армии Уайта.

НАСТУПЛЕНИЕ ЛОРДА МЕТУЭНА

К концу второй недели боевых действий в Натале успехи буров начали вызывать серьезную тревогу британской публики, а европейская пресса разразилась дружным хором какого-то болезненного ликования. Чем бы ни объяснялась подобная реакция – исконной ненавистью к нам, спортивным ли инстинктом, побуждавшим принимать сторону слабого против сильного, или влиянием секретной службы вездесущего доктора Лейдса, но, определенно, континентальные газеты никогда не были столь единодушны в преждевременном ликовании по поводу, как они вообразили, сокрушительного удара, полученного Британской Империей. Злопыхателями не принимался во внимание ни реальный масштаб событий, ни наш национальный характер. Франция, Россия, Австрия и Германия в равной степени просто источали злорадство, и даже визит германского императора (акция сама по себе учтивая и своевременная), не смог смягчить бессмысленно-язвительный тон прессы Фатерланда. Этот хор всеобщей ненависти вывел Великую Британию из привычного состояния апатии и пренебрежения мнением иностранцев, сплотив нацию. Но у Британии были не только злопыхатели: знаки симпатии и поддержки приходили от друзей в Соединенных Штатах и от малых стран Европы: Италии, Дании, Греции, Турции, Венгрии.

Реальный итог тяжелой двухнедельной возни в Южной Африке оказался следующим: четверть Наталя и сотня миль железной дороги перешла в руки противника. Произошло пять значительных боевых столкновений, ни одно из которых, однако, не дотягивало до определения "битва". Одно из них закончилось бесспорной победой британцев, два имели неопределенный финал, одно можно назвать неудачным и лишь одно явилось несомненным поражением. Мы потеряли тысячу двести человек пленными и батареею небольших орудий. Буры лишились двух отличных орудий и триста бюргеров попали в плен. Двенадцать тысяч британских военнослужащих оказались заперты в Ледисмите, а между захватчиками и морем не осталось каких-либо серьезных заслонов. Лишь ползущие по Атлантике транспорты, в недрах которых чумазые, истекаю-

щие потом кочегары без усталости перелопачивали тонны угля, не позволяли умереть надежде на спасение Наталя и восстановление чести Империи. В Капской Колонии лоялисты ждали караван затаив дыхание, осознавая, что в случае вторжения Оранжевой Республики на Кап, противостоять ей некому. Никто не брался предсказать, как далеко сумеют продвинуться фристейтеры, и что предпримут голландские обитатели Колонии.

Оставим Ледисмит, окончательно угодивший в удавку буров, которые, засев на холмах, принялись неторопливо и обстоятельно душить город, и перенесемся на западный участок театра военных действий, отследим развитие параллельных событий. Начнем с осады Кимберли и закончим бесплодными усилиями колонны лорда Метуэна снять эту осаду.

Объявив войну, буры наметили на Западе две главные цели. Один крупный отряд, под командованием грозного Кронье направился к Мафекингу – это предприятие требует для своего изложения отдельной главы. Другой, состоявший преимущественно из фристейтеров под командованием Вэсселса и Боты, блокировал Кимберли. Город защищали войска полковника Кекевича, которому советом и делами помогал мистер Сесил Родс, бесстрашно прибывший в город одним из последних поездов. Основатель и директор великих алмазных копей "Де Бирс" в час испытаний не бросил своих людей, и именно благодаря его инициативе город получил ружья и пушки, помогшие выдержать осаду.



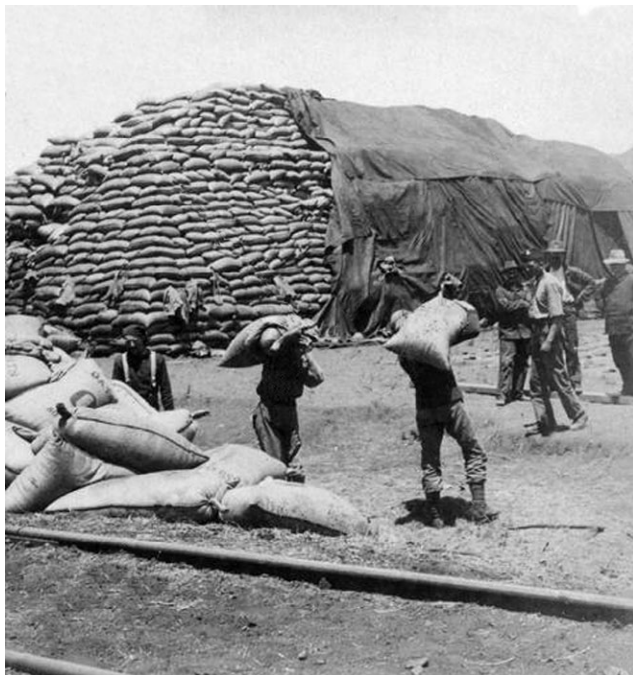
Полковник Роберт Кекевич

Полковник Кекевич располагал четырьмя ротами Королевских Северных Ланкаширцев (его собственный полк), Королевскими Инженерами, батареей Горной Артиллерии и двумя пулеметами. Кроме того, здесь же находились чрезвычайно пыльные и боеспособные местные формирования: сто двадцать Капских Полицейских, две тысячи волонтеров, отряд Легкой Кавалерии Кимберли и батарея легких семифунтовых орудий. На огромных отвалах, окружавших шахты, установили восемь "Максимов", превратив горы породы в настоящие крепости.

При трагических обстоятельствах города достиг небольшой отряд полицейских из Фрибурга – столицы Британского Бечуаналенда. Жители Фрибурга, лежавшего в 145 милях севернее Кимберли, были настроены крайне пробурски, и когда пришли новости, что наступающие бюргеры имеют пушки, стало очевидно – город удержать невозможно. Скотт – командант Полицейских, пытался организовать оборону, но, не имея ни орудий, ни поддержки населения, был вынужден отказаться от сопротивления. Со своим отрядом он отступил на юг, но, не снеся чувства унижения, пустил себе пулю в лоб. Буры заняли Фрибург, и Южно-Африканская Республика формально аннексировала Британский Бечуаналенд. Политика немедленной аннексии всех захваченных территорий проводилась противником твердо и последовательно, в надежде, что, таким образом, присоединенные к ним британские подданные, проживавшие на этих землях, будут защищены от обвинений в измене Империи. Тем временем несколько тысяч фристейтеров и трансваалеров с артиллерией расположились вокруг Кимберли, прервав связь с городом. Вновь прибывшие британские войска ставили его деблокаду одной из первоочередных задач. Само собой подразумевалось, что базой для планируемого наступления будет Оранжевая река, и именно там, у Де Ара – главного железнодорожного узла на севере колонии, накапливались запасы необходимого военного имущества. Горы провизии, боеприпасов, фуража и тысячи мулов, которых длинные руки британского правительства собирали по закоулкам всего мира.

Охрана этого дорогого и в высшей степени необходимого имущества выглядела явно слабой. Между Оранжевой и расположенным в шестидесяти милях от нее Де Аром, стояли: 9-й Уланский полк, Королевские Мюнстерцы, 2-й батальон Собственного Его Величества Йоркширского полка Легкой Пехоты и 1-й батальон Нортумберлендских Фузилеров. Всего три ты-

сячи человек на расстоянии одного конного перехода от границы Оранжевой Республики защищали склады с запасами стоимостью в два миллиона фунтов. Истинно, если в этой войне нам есть что оплакивать, то есть и за что благодарить Всевышнего.



Продовольственные склады в Де Аре

До конца октября ситуация оставалась крайне опасной, и невозможно найти объяснение, почему противник пренебрег выгодами сложившегося положения. Наши главные силы защищали железнодорожный мост через Оранжевую, чрезвычайно важный для продвижения на Кимберли, а Де Ар с его сокровищами охранял всего один батальон, к тому же не имевший орудий. Идеальная цель для решительного командира. Но буры упустили этот шанс, как упустили множество других. В начале ноября наши небольшие отряды оставили Колесберг и Нааупоорт и отошли к Де Ару. Беркширцы соединились с Йоркширской Легкой Пехотой, кроме того прибыли девять полевых орудий. Генерал Вуд приложил немало усилий для укрепления близлежащих копи, и через неделю позиция стала относительно надежной.



Генерал-майор Элиот Вуд

Первое боевое столкновение на этом участке произошло 10-го ноября, в ходе рекогносцировки, проводимой полковником 9-го Уланского полка Гоуфом к северу от Оранжевой. С ним были два эскадрона его собственного полка, конные пехотинцы Нортумберлендских Фузилеров, Королевские Мюнстерцы, Северные Ланкаширцы плюс батарея полевой артиллерии. Около пятнадцати миль восточнее Белмонта британцы наткнулись на отряд противника с орудиями. Для уточнения расположения позиций буров конная пехота прошла галопом вдоль их предполагаемого фланга, к несчастью слишком приблизившись к копи, на котором засели снайперы. Меткий огонь, внезапно открытый из-за валунов, в мгновение ока стоил нам шести человек, четверо из которых оказались офицерами. Подобная статистика ярко демонстрирует, сколь расчетливыми были стрелки и сколь опасна выделяющаяся офицерская форма, теперь, наверняка, окончательно исчезнувшая с полей сражений.

Полковник Кейт-Фалконер (Нортумберлендцы), отличившийся в Судане, был убит наповал. Та же участь постигла Вуда из Северных Ланкаширцев. Холл и Биван (Нортумберлендцы) получили ранения. Прибытие поезда с войсками, направлявшимися в лагерь, охладило буров и помогло нашему отряду выпутаться из положения, принявшего серьезный оборот, поскольку противник, имея численное превосходство, уже начал охватывать фланги. Войска вернулись в лагерь, не выполнив

поставленную задачу, но, похоже, такова неизбежная судьба многих кавалерийских рекогносцировок.



Британский улан

12-го ноября Лорд Метуэн прибыл на Оранжевую и приступил к организации колонны для наступления на Кимберли. Генерал Метуэн, которому еще не исполнилось пятидесяти пяти лет, имел определенный южноафриканский опыт, командуя в 1885 году большим отрядом иррегулярной кавалерии, действовавшим в Бечуаналенде. У него была репутация доблестного и бесстрашного солдата.

Войска, мало-помалу собираемые на Оранжевой, отличались не столько численностью, сколько великолепными боевыми качествами. Здесь была Гвардейская бригада (1-й Гвардейский Шотландский, 3-й Гренадерский, 1-й и 2-й Колдстримские батальоны), 2-й батальон Йоркширской Легкой Пехоты, 2-й Нортхемптонцев, 1-й Нортумберлендцев, крыло Северных Ланкаширцев, чьи товарищи держались у Кимберли, и морская бригада с артиллеристами и морской пехотой. Кавалерии представлял 9-й Уланский с приданной конной пехотой, а артиллерию 75-я и 18-я батареи Королевской Полевой Артиллерии.



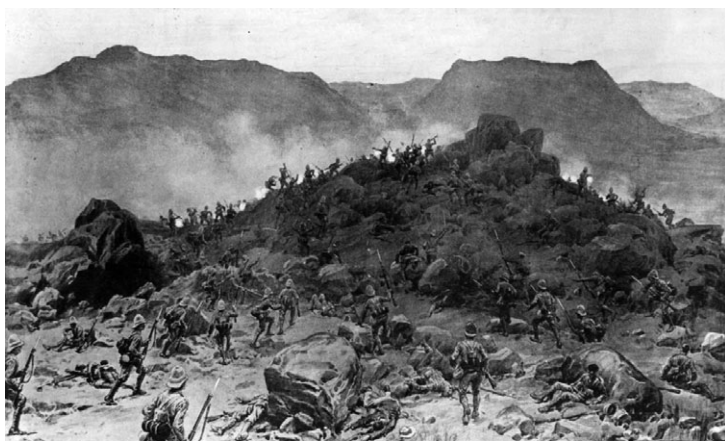
Генерал Пауль Метуэн

К колонне предъявлялись требования исключительной мобильности, поэтому даже офицерам запретили брать в поход палатки и бытовые мелочи – совсем не пустяк в климате, где тропический день сменяется арктической ночью. На рассвете 22-го ноября около восьми тысяч человек выступили в этот насыщенный событиями поход. До Кимберли было не более шестидесяти миль, но никто из них не знал, сколько времени займет марш и какие испытания ожидают их в пути. Днем 22-го, в среду, лорд Метуэн продвигался вперед, пока не вошел в соприкосновение с бурами, занявшими оборонительные рубежи у Белмонта. Вечером полковник Уиллоби Вернер осмотрел позиции противника, и войска получили приказ – на утро атаковать.

Силы буров намного уступали нашим. Они имели около двух-трех тысяч человек, но занимали чрезвычайно удобную для обороны позицию. Игнорировать противника, оставляя его в тылу, означало подвергать опасности нашу линию снабжения. Путь британцам преграждала двойная цепь крутых холмов, пересекавших дорогу на Кимберли, и враг, удобно устроившийся на гребнях среди валунов. За неделю, имевшуюся в распоряжении буров, они вырыли окопы, в которых могли относительно безопасно укрываться, одновременно сметая со

склонов все живое огнем своих ружей. Американский корреспондент, мистер Ральф, чьи письма остаются одним из наиболее живых свидетельств войны, красочно описал эти изолированные друг от друга логова, устланные соломой и остатками пищи, в каждом из которых засел суровый и стойкий боец. Наиболее подходящее название для подобных укрытий – "гнезда хищных птиц". На рассвете 23-го ноября снайперы буров уже сидели в этих гнездах, пожевывая билтонги и маис. Лишь самый зоркий наблюдатель в самую сильную оптику мог бы заметить кое-где меж камней пару внимательных глаз или ствол "Маузера". С первыми лучами солнца буры увидели противника.

Последовал солдатский бой в старом добром британском стиле. Этакая малая Альма, против более смертоносного оружия. Войска шли решительно и безмолвно на неприступные, усыпанные валунами и утыканные скалами позиции. С мрачным юмором они вспоминали о пропущенном завтраке, зная, что со времен Азенкура и Талаверы военная история утверждает – завтрак ослабляет дух британского солдата. Когда слишком горячий штаб-офицер прогарцевал перед строем, Нортумберлендские Фузилеры разразились ревом на своем грубом, северо-английском наречии: "Будь ты проклят! Убирайся к черту! Огонь!" В золотых лучах восходящего солнца люди бросились на холмы, карабкаясь, оступаясь, подбадривая себя богохульными криками. Отважные парни – их единственным желанием было достичь оцетинившегося стволами гребня там, наверху.



Британцы штурмуют позиции буров у Белмонта

Лорд Метуэн планировал комбинированную атаку в лоб и с флангов, но, то ли Гренадеры сбились с направления, то ли из-за подвижности буров, обход оказался невозможным, в итоге все свелось к фронтальному наступлению. Бой распался на очаги, и теперь отдельные копии с неизменным успехом и неизменными потерями штурмовались различными подразделениями британцев. Воинская честь отражена в скупых сводках потерь. Гренадеры, Колдстримцы, Нортумберлендцы, Шотландская Гвардия. Отважные Гвардейцы густо усеяли своими телами склоны холмов, но их товарищи захватили вершины. Буры держались отчаянно и разряжали ружья почти в лица штурмующих. Молодому офицеру выстрелом в упор буквально разорвало рот. Гвардеец Бланделл получил смертельное ранение от человека, которому предложил свою флягу. На одном участке оборонявшиеся выбросили белый флаг, и понадеявшиеся на него британцы нарвались на залп. Именно там мистер Кнайт из "Морнинг Пост" стал жертвой двойного нарушения правил войны – его рана, стоившая ему правой руки, была нанесена разрывной пулей. Человек, поднявший белый флаг, попал в плен, и тот факт, что он не был поднят на штыки, немало свидетельствует в пользу человечности британского солдата. Будет несправедливо обвинять всех за преступления немногих, и, возможно, те, кто умышленно стрелял по нашим госпиталям, были прокляты не только нами, но и собственными товарищами.

Победа обошлась недешево, пятьдесят убитых и двести раненых устлали склоны. Но, подобно другим стычкам с бурами, эти жертвы принесли скромные плоды. Потери противника, похоже, были сравнимыми с нашими, кроме того, около пятидесяти их бойцов попали в плен. Наши солдаты рассматривали буров с большим интересом. Пленные выглядели сборищем неуклюжих угрюмых парней в грубой простой одежде и очевидно представляли собой беднейших бюргеров, которым, как и в средние века досталось в бою больше всех. Ведь сегодня, как и в прошлом, у кого туже кошелек, у того резвее лошадь. Большинство буров под конец боя покинули позиции и преспокойно галопировали вдаль. Засевшая в качестве заслона среди копии группа снайперов, сдерживавала нашу кавалерию, пытавшуюся организовать преследование. Лорд Метуэн утверждал, что лишь отсутствие достаточного количества кавалеристов и орудий не позволили ему обратить поражение противника в полный разгром. Однако настроение отступавших буров можно проиллюстрировать красноречивым примером,

когда один из них, повернувшись в седле, жестами дразнил и высмеивал победителей. В это время он подставлял себя под огонь полубатальона, и вполне оправданно был невысокого мнения о нашей стрелковой подготовке, не считая британский полубатальон серьезной угрозой для одного человека.

Остаток дня 23-го ноября войска провели в Белмонт-Кемпе, а на следующее утро предприняли наступление на Энслин, находившийся примерно в десяти милях далее. Перед ними лежала равнина, опоясанная неприступными копи, такими же грозными, как у Белмонта. Уланы и Римингтонские Скауты – малочисленные, но чрезвычайно способные представители армейской кавалерии, доложили, что холмы хорошо защищены. Таким образом, освободители Кимберли уперлись в очередное препятствие.

Наступление велось вдоль линии железной дороги Кейптаун-Кимберли, и поддерживалось поездом с установленным на нем морским орудием. Полотно, разрушенное бурами, чинилось до состояния, позволявшего составу сопровождать войска. В субботу 25-го, в шесть утра, это орудие совместно с полевой артиллерией начало действовать по копи, занятым противником. Один из уроков данной войны заключается в лишении нас иллюзии относительно высокой эффективности шрапнели. Раз за разом теоретически неудобные для удержания позиции на деле оказывались отлично приспособленными к обороне. Войска, принимавшие участие в столкновениях с противником, по мере роста боевого опыта все больше теряли веру в шрапнель. Против врага, укрывшегося в траншеях или среди валунов, следует найти какой-то иной метод артиллерийского воздействия.

Замечания о шрапнели применимы, по крайней мере, к половине боев на этой войне, но особенно уместны при упоминании акции у Энслина. Громадный копи являлся ключом позиции, и британцы, готовя наступление, потратили на его обработку огромное количество времени и зарядов. Артиллерийский огонь буквально прочесал вершину, обшарив, как надеялись, каждую щель, в которой мог бы затаиться стрелок. Одна из батарей сделала не менее пяти сотен залпов. Затем пехота получила приказ наступать. Учитывая напряжение, испытанное Гвардией при Белмонте, ее держали в резерве. Нортумберлендцы, Нортхемтонцы, Северные Ланкаширцы и Йоркширцы наступали справа и, поддерживаемые артиллеристами, очистили лежавшие перед ними траншеи. Однако, несомненно, главную работу выполнили моряки и морские пехотинцы Морской

Бригады, которые с честью прошли сквозь испытания, редко выпадающие на долю человека. Морякам поставили задачу захватить неприступный холм, который так долго и тщательно обрабатывала наша артиллерия. Они решительно бросились вверх по склону, но были встречены ужасным огнем. Казалось, стрелял каждый камень, и первые ряды буквально таяли под ливнем свинца, извергаемого "маузерами". Очевидцы говорили, что бригада едва просматривалась в песчаной пыли, поднятой пулями. На мгновение люди откатились назад, ища укрытия, но вскоре, переведя дыхание, поднялись вновь с боевым кличем, рвущимся из просоленных глоток. Их было около четырехсот человек: две сотни моряков и две сотни морских пехотинцев, и потери во время стремительного броска были ужасающими. Тем не менее, они взобрались на холм, ведомые и подбадриваемые своими отважными офицерами, часть из которых были мальчишками-гардемарины. Этелстон, отважный командир "Пауэрфула", поймал пулю. Пламбе и старший офицер Морских Пехотинцев были убиты. Капитан Протеро с "Дорис", падая, все еще кричал своим морякам: "возьмите этот копи и удержите!" Юный Хаддарт, гардемарин, умер, не успев как следует пожить. Джон из Морской Пехоты был ранен, но поднялся и вновь пошел в атаку со своими людьми.



Гардемарин Алонсо Хаддарт, погибший у Энслина

Наши отважные моряки принадлежали к породе людей, готовой сражаться где угодно и с кем угодно, на суше и на море, даже неся тяжелейшие потери. Когда в конце концов они за-

хватали плацдарм на гребне пропитанного кровью холма, позади осталось лежать три офицера и восемьдесят восемь бойцов из 206 человек начавших штурм. Пятьдесят процентов за несколько минут! Половина общих потерь британцев у Энслина пришлось на этот небольшой отряд, доблестно поддерживавший честь и репутацию Флота. С такими людьми, несущими службу под военно-морским флагом, мы можем быть целиком уверены в безопасности нашего родного Острова.

В целом бой у Энслина стоил нам около двух сотен убитыми и ранеными, и трудно назвать хоть одно преимущество, полученное нами, кроме еще одного шага, сделанного к Кимберли. Мы захватили копи, но потеряли людей. Потери буров убитыми и ранеными, вероятно, не превышали половины наших, а истощение и слабость нашей кавалерии не позволила нам организовать преследование и помешала захватить орудия противника. В течение трех дней люди провели два изматывающих боя в безводной местности под тропическим солнцем. Громадное напряжение сил привело к мизерным результатам. Поэтому не стоит удивляться, что описанные события послужили предметом острых дискуссий и в войсках и среди публики. Они всегда сводились к тому, на что жаловался лорд Метуэн: отсутствию кавалерии и конной артиллерии. Много несправедливых обвинений обрушилось на Военное Министерство — орган, во многих случаях работавший поразительно и неожиданно хорошо, но в данном случае, учитывая необычайную мобильность нашего противника, допустивший проволоочки с доставкой артиллерии и кавалерии — проволоочки, дающие определенную почву для размышлений.

Буры, участвовавшие в этих двух акциях, принадлежали преимущественно к коммандо из Якобсдаля и Фауресмита, плюс какое-то количество бюргеров из Босхофа. Знаменитый Кронье со своей старой гвардией трансваалеров спешил из-под Мафекинга, и пленные, захваченные у Белмонта и Энслина, горько сожалели, что, не поспев вовремя, он не смог принять командование над ними. Показания пленных подтверждали, что противник получил подкрепление, а значит, задача освобождения Кимберли далека от разрешения. В самый разгар боя патруль Улан, высланный с нашего правого фланга, доложил о появлении значительного отряда бурских всадников, занявших позиции на холме справа в нашем тылу. Их появление нельзя было игнорировать, и лорд Метуэн приказал полковнику Уиллоби Вернеру двинуть против них Гвардейскую бригаду. Храброму офицеру не повезло — он получил серьезную травму,

упав с лошади, но выполнил свою миссию до конца. Гвардия, пройдя по равнине, расположилась таким образом, что вновь прибывшие бюргеры не могли помочь своим товарищам без открытого боя (противоречившего всем бурским традициям), и бурам оставалось лишь наблюдать, как их собратья терпят поражение. На следующий день этот отряд вернулся на север и без сомнения был среди тех, с кем нам довелось столкнуться в бою у Моддер-Ривер.

Марш от Оранжевой начался в среду. В четверг состоялся бой у Белмонта, в субботу у Энслина. Все это время днем людей мучила жара, а ночью холод. Остро чувствовалась нехватка воды, качество которой большей частью было отвратительным. Войска нуждались в отдыхе, поэтому все воскресенье провели у Энслина. Утром в понедельник (27 ноября) они возобновили свой изнурительный марш на Кимберли.

Итак, 27-го ноября с первыми лучами зари маленькая армия – грязно-серая колонна в пыльном вельде, двинулась к намеченной цели. Ночью британцы остановилась на отдых у прудов возле Клипфонтейна, за весь день так и не вступив в соприкосновение с противником. В сердцах солдат зародилась надежда, что после двукратного поражения противник не будет противодействовать дальнейшему продвижению. Однако те, кто знал о присутствии Кронье и его твердом характере, смотрели на ситуацию менее оптимистично.

Возможно, здесь необходимо сказать несколько слов о прославленном лидере, игравшем на западном участке театра военных действий ту же роль, что Жубер на восточном. Команданту Кронье исполнилось шестьдесят пять лет. Это был человек со спокойными манерами и пламенной душой, выделявшийся непревзойденной решительностью даже в среде буров. Обожженный солнцем мужественный бородач со спокойным мягким выражением лица – он говорил мало, но по существу, к тому же обладал даром зажигать сердца и воодушевлять павших духом. Своей храбростью и распорядительностью в охотничьих экспедициях и войнах с дикарями командант завоевал искреннее восхищение соотечественников. В войне 1880 года Кронье возглавлял буров, осаждавших Потчестроом, и вел дело с безжалостной решительностью, не стесненной рыцарскими обычаями войны. В конце концов он принудил город сдаться, утаив от гарнизона факт подписания общего перемирия – поступок, от которого впоследствии открестилось его собственное правительство. В дальнейшем он жил как диктатор и патриарх среди своих ферм и стад, пользуясь уважением

многих и внушая страх всем и каждому. Какое-то время он был Комиссаром по Туземным делам, заслужив на этом поприще репутацию человека, с которым трудно иметь дело. Вновь призванный на поле боя во время рейда Джеймсона, он безжалостно загнал противника в безвыходное положение и потребовал, как это зафиксировано в документах, самых суровых мер по отношению к пленным. И теперь именно этот способный, ловкий, твердый как сталь человек во главе грозной армии встал на пути измотанных солдат лорда Метуэна. Противники стояли друг друга. С одной стороны отличные артиллеристы, закаленные, опытные стрелки, искусные в обороне, с другой – легендарная британская пехота, исполненная чувства долга, дисциплинированная и отважная. А серовато-коричневая колонна все ползла и ползла по пыльному вельду.



Генерал Пит Кронье

Вероятно, холмы и буры настолько крепко переплелись в сознании наших командиров, что последние, зная о Моддер-Ривер петлявшей по равнине, казалось, напрочь отбросили мысль о возможности столкнуться на ее берегах с врагом. То ли чрезмерная самоуверенность, то ли небрежная разведка привели к тому, что британцы прозевали сосредоточение поч-

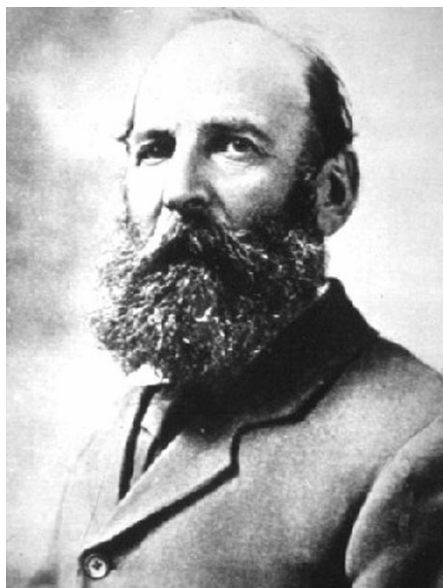
ти равного по силе противника с многочисленной артиллерией на расстоянии всего семи миль от наступавшей колонны и продолжали движение, совершенно не подозревая о нависшей над ними опасности. Очевидное даже для гражданских лиц предположение, что река представляет удобный рубеж для упорного сопротивления, кажется, совершенно игнорировалось. Не стоит упрекать генерала за упущение, которое, наверняка, терзает его сердце гораздо больше, чем наше. Мы, несомненно, симпатизируем благородному и отважному человеку, который даже во сне кричал, что "должен был взять те два орудия", но допущение, что ни кавалерия, ни разведка не несут ответственность за подобную вопиющую неосведомленность – противоречит здравому смыслу. Правда есть свидетельства, что кавалеристы докладывали лорду Метуэну о присутствии врага. Утром во вторник 28-го ноября британские войска получили приказ немедленно выступать, с тем, чтобы завтракать у Моддер-Ривер – мрачная шутка, которую способны оценить лишь пережившие этот завтрак.



Аргайлские и Сазерлендские Хайлендеры в Кейп-Тауне перед отправкой на Моддер-Ривер

Ночью прибыли Аргайлские и Сазерлендские Хайлендеры, возмевшие потери этой недели. Утро выдалось безоблачным, слепящее солнце висело в бездонно-синем небе. Хотя и не получившие завтрак, люди шли бодро. Над колоннами по-

висли жизнерадостные облачка табачного дыма. Солдатам было приятно осознавать, что смертоносные копии, пусть на время, остались позади, а раскинувшаяся перед ними бескрайняя равнина, полого спускается к полоске зелени, отмечавшей русло реки. На противоположном берегу виднелись несколько домов. Среди них выделялся отель, куда в мирное время, приезжали отдохнуть бизнесмены из Кимберли. Он выглядел тихим и безобидным, с распахнутыми окнами, выходящими в прелестный сад. Но за окнами и в саду притаилась смерть, а маленький человек, стоя в дверях разглядывавший в бинокль британскую колонну – ее служитель, сам Кронье. Рядом с ним стоял бюргер, оказавшийся в будущем еще более серьезным противником. С семитскими чертами лица, резко выступавшим носом, густой бородой, орлиным взором, с кожей, ставшей почти коричневой за многие годы, проведенные в вельде – Де ла Рей, один из трех вождей, чьи имена навсегда связаны с отважным сопротивлением буров. Здесь он выступал в роли советника, а всем заправлял Кронье, мастерски выбравший позицию для обороны.



Генерал Коос Де ла Рей

Избранная им диспозиция была и оригинальной и мастерской. Вопреки обычной военной практике, принятой при защите реки, он укрыл своих людей на обоих берегах. Утверждают

что те, в чьей надежности он был менее уверен, заняли оборону на британской стороне, таким образом они могли отступить лишь под огонь своих более стойких компаньонов. Расположение траншей на склонах выбрали настолько удачно, что в некоторых местах противник обеспечил тройную линию огня. Его артиллерия, состоявшая из нескольких тяжелых орудий и пулеметов (включая один из дьявольских "пом-помов"), тактически грамотно разместилась в укрытиях на бурском берегу и имела ряд подготовленных запасных позиций, позволявших быстро перемещать орудия, как только их расположение будет засечено. В целом, позиция противника растянулась на четыре-пять миль. Ряды траншей, река, еще траншеи, укрепленные дома и отличная, грамотно расположенная артиллерия – перед нашей доблестной маленькой армией стояла серьезная задача.

В мозгу каждого не военного читателя может возникнуть банальный вопрос – зачем вообще атаковать подобную позицию. Почему войска не переправились выше по течению, где не было таких труднопреодолимых преград? Ответ на этот вопрос, если на него вообще возможно вразумительно ответить, заключается в следующем: о противнике было известно настолько мало, что мы безнадежно увязли в деле еще до того, как узнали о диспозиции буров, а когда обстановка прояснилась, оказалось, что выводить войска из боя гораздо опаснее, чем послать их в атаку. Отступление по открытой равнине, в тысяче ярдов от противника, означало верную гибель. Попав в подобную переделку, самым мудрым и лучшим решением было довести дело до конца.

Кронье все еще задумчиво стоял в гостиничном саду. По вельду ползла колонна пехоты. После семи миль насвежем горном воздухе парни мечтали об обещанном завтраке. Без четверти семь патруль Улан внезапно попал под обстрел. Там, впереди, между ними и пищей посмели стать какие-то буры! Тут же развернули артиллерию, Гвардию послали вперед-вправо, 9-ю бригаду под командованием Пол-Карю, включая вновь прибывших Аргайлских и Сазерлендских Хайлендеров, влево. Они бросились вперед, в фатальную зону поражения, и только тогда, на них обрушились четыре мили ружейного, орудийного и пулеметного огня. Все, от генерала до рядового, мгновенно осознали, что, сами того не ведая, втянулись в жестокую схватку.

До того, как прояснилась расстановка сил, Гвардия оказалась в семи сотнях ярдов от бурских траншей, а другие войска на расстоянии около девяти сот ярдов, на очень пологом скло-

не, где почти невозможно найти хоть какое-нибудь укрытие. Перед ними раскинулся обманчиво-безмятежный ландшафт: река, дома, отель, вокруг ни человека, ни дымка. Все мирно и пустынно, лишь иногда мелькнет быстрая вспышка или про- блеск пламени. Но разрывающий барабанные перепонки гро- хот вселял ужас. Люди, чьи нервы оставались стальными при громоыхании тяжелых орудий, монотонном реве "Максимов" и треске "Маузеров", узнали новый, неведомый ранее страх от характерного "плап-плап" автоматических скорострельных пушек. "Максим" Гвардейцев попал в адскую метель мелких, величиной не более ореха, летевших длинными очередями снарядов, и в одно мгновение и люди и орудие были выведены из строя. Что касается ружейных пуль, то воздух от них бук- вально гудел и вибрировал, а песок кипел, словно лужа под проливным дождем. Наступать – невозможно, отступить – не- достойно. Люди припали лицом к земле и благодарили Госпо- да, если удавалось укрыться за какой-нибудь муравьиной ку- чей. А напротив них, ярус за ярусом, словно гигантская рябь, пульсировали линии стрелков. Пехота, отвечая на огонь, стре- ляла, стреляла, стреляла. Но куда? Лицо или рука, время от времени мелькавшие над бруствером траншеи или из-за валу- на, на дистанции семьсот ярдов не цель. Было бы интересно узнать, сколько британских пуль получили в этот день билет на постой.

Кавалерия оказалась бесполезной, пехота – бессильной. Оста- вались орудия. Когда пехота беспомощна или истощена, она всегда с мольбой обращает взоры на артиллерию, и редко ко- гда отважные артиллеристы остаются глухи к ее мольбам. 75-я и 18-я Полевые Батареи, грохоча колесами, устремились впе- ред, и развернулись в тысяче ярдов от противника. Морские орудия работали с четырех тысяч, но их оказалось недостаточ- но, чтобы подавить противостоявшие им крупнокалиберные орудия.

Лорд Метуэн, должно быть, молил о пушках, как Веллинг- тон молил о ночи, и никогда судьба не откликнулась более дра- матично. С тыла британцев подходила батарея: неожиданная и неизвестная. Изможденные, загнанные лошади тяжело хватили воздух. Люди, с ног до головы покрытые грязью и потом, при- лагали нечеловеческие усилия, чтобы заставить животных ид- ти судорожным шагом. Трупы лошадей, павших от полного изнеможения, отмечали путь. Сержантские лошади были в орудийных упряжках, а сами сержанты, шатаясь, брели у пе- редков орудий. 62-я Полевая Батарея, преодолела тридцать две

мили за восемь часов, и теперь, слыша впереди грохот битвы, последним, отчаянным усилием бросилась на линию огня. Майор Гранет и его люди заслужили свою славу. Даже отважные германские батареи во время франко-прусской войны, спасшие пехоту при Шпихерне, не могли похвастаться большей доблестью.



Командир 9-й бригады генерал-лейтенант Пол-Карю

Теперь пушки противостояли пушкам, и пусть победят лучшие! Наши восемнадцать полевых орудий и два морских против укрытых вражеских. Между небом и землей навстречу друг другу с воем летели десятки снарядов. Изможденные люди 62-й батареи, забыв о тяготах перехода, не обращая внимания на усталость, в предельном напряжении все еще тянули свои покрытые грязью 15-ти фунтовки. Противник, желая увеличить действенность огня, позволил им подойти как можно ближе к Тугеле, и когда половина батареи оказалась в зоне ружейного выстрела, на упряжки обрушился свинцовый ураган. Один и тот же тактический прием, использованный на двух удаленных друг от друга участках, демонстрирует, насколько тщательно лидеры буров разработали план боя. "Не успел я отвести лошадей, — рассказывал офицер, — как они

подстрелили одного из моих возниц и двух лошадей. Мою лошадь также убили. Пока мы разворачивали орудие, один из артиллеристов получил пулю в голову и упал у моих ног. Другой был убит, поднося снаряд. Только тогда мы сообразили, в чем дело". Но постепенно орудия британцев брали вверх. То там, то здесь на стороне противника смолкали небольшие холмы, еще недавно извергавшие пламя. Одно из тяжелых орудий было выведено из дела, другое оттянули на пятьсот ярдов. Но огонь вражеских стрелков, трескучими волнами продолжал прокатываться по траншеям, и наши орудия не могли подойти ближе без риска лишиться людей и лошадей. Было уже далеко за полдень, а злополучный завтрак казался далек, как никогда.



Бой у Моддер-Ривер (из журнала "Life")

По мере приближения вечера складывалась патовая ситуация. Орудия не могли продвигаться вперед, более того, потери оказались настолько тяжелыми, что возникла необходимость отвести пушки с дистанции 1200 ярдов на дистанцию 2800 ярдов. К этому моменту 75-я Батарея потеряла трех офицеров из пяти, девятнадцать человек и двадцать две лошади. Пехота не могла ни наступать, ни отойти. На правом фланге попыткам Гвардейцев обойти линию обороны противника мешала река Рит, почти под прямым углом впадающая в Моддер. Гвардейцы весь день пролежали под обжигающим солнцем, под ураганом пуль, со свистом пронесившихся над их головами. "Это напоминало непрерывный вой ветра в телеграфных прово-

дах", – рассказывал один из корреспондентов. Люди переговаривались, курили, многие из них спали. Они лежали на магазинах своих винтовок, чтобы защитить их от перегрева. То там, то здесь слышался глухой стук – это пуля находила цель, и человек задыхался от внезапной боли или судорожно дергал ногами. Но в целом потери на этом участке были небольшими, поскольку здесь имелись кое-какие укрытия, и пули большей частью со свистом проносились над головой.

Тем временем на левом фланге произошло событие, способное принести британцам победу. На этом участке было достаточно пространства для развертывания, и 9-я Бригада, сосредоточившись, нащупывала подходы к вражеским позициям. Наконец, обнаружив место, где огонь был менее жестоким, решительным броском британцы достигли реки. Йоркширцы, под командованием лейтенанта Фокса, штурмовавшие ферму, установили контроль над бродом, через который командир бригады лично повел своих Хайлендеров и Фузилеров. На этот отряд пехоты, численностью не более пятисот человек, обрушился огонь бургских стрелков и артиллерии, причем по ним работали не только орудия противника, но и собственные пушки, поскольку нашим артиллеристам не сообщили, что войска успешно форсировали Модер. Пехота крепко вцепилась в небольшую деревушку Росмид, ставшую *point d'appui*, и постепенно получала небольшие подкрепления, тонкой струйкой сочившиеся с другого берега. "Ребята, кто готов погоняться за выдрами?", – крикнул майор Колеридж (Северные Ланкаширцы), бросаясь в воду. С каким наслаждением, этим жарким, обжигающим днем солдаты прыгали в реку, плыли, и, выбравшись на противоположный берег, ощущали приятный холодок от прилипшей к телу униформы. Провалившиеся в вымоины спасались, держась за распущенные обмотки, протянутые товарищами. Таким образом между тремя и четырьмя часами значительный отряд британцев закрепился на правом фланге буров и мертвой хваткой вцепился в плацдарм, отлично понимая, что судьба сегодняшнего дня целиком зависит от того, смогут ли они удержать захват.

"Э, да здесь река!", – воскликнул Кордингтон, когда, ведя свой отряд, обнаружил, что необходимо форсировать Рит. "Мне дали понять, что Модер можно перейти в брод в любом месте", – говорил лорд Метуэн в официальном рапорте. Читая отчет об операции, поражаешься ненадежным и отрывочным разведанным, стоявшим нам так дорого. Солдаты как всегда упорно шли вперед, но, если бы они заранее знали, какие пре-

пытствия их ожидают, задача была бы несравненно легче. С другой стороны, будем справедливы – личная отвага и твердая решимость лорда Метуэна служили вдохновляющим примером для войск. Ни один генерал не мог вселить подобную твердость в сердца солдат.



Хайлендеры форсируют Моддер (рисунок из "Life")

И лишь когда этот знойный голодный день подходил к концу, буры, наконец, стали уходить из траншей. Шрапнель накрывала их все точнее, а давление на правый фланг наполнило сердца бюргеров неясной тревогой и страхом потерять свои великолепные орудия. Под покровом ночи буры переправились через реку, отвели орудия, оставили траншеи, и утром, когда измотанные британцы и их беспокойный генерал вновь приступили к решению нелегкой задачи, они обнаружили опустевшую деревню, покинутые дома и горы гильз от "маузеров", указывавшие, где занимал позиции их стойкий противник.

Лорд Метуэн, поздравляя войска с победой, говорил о "самой тяжело доставшейся победе в нашей военной истории". Подобные же выражения использовались в официальном донесении. Не стоит слишком критически относиться к словам человека, еще не остывшего от горячки боя, но, тем не менее, человек, изучавший военную историю, вряд ли сможет сдерживать улыбку наткнувшись на столь пышный эпитет и сравнение этой акции с Албуэром или Инкерманом, где число участвовавших в битве британцев было совершенно иным. Стычку,

в которой погибли или получили ранения около пятисот человек, нельзя заносить в одну категорию с упорными и отчаянными битвами, из которых большинство победителей были скорее вынесены, чем вышли самостоятельно. Однако бой на реке Модер имел определенную специфику, отличавшую его от сотен подвигов, память о которых украшает штандарты наших полков. Это был третий по счету бой, проведенный войсками в течение недели. Люди находились под огнем от десяти до двенадцати часов, голодные, без воды, под жарким тропическим солнцем. В первый раз они столкнулись на открытой местности с огнем современных ружей и современных пулеметов. И похоже, практика подтвердила мнение специалистов, утверждавших, что отныне фронтальные атаки, подобные английской при Альме или французской при Ватерлоо, стали невозможными. Встречать грудью безжалостный град пуль и осколков, извергаемый современным скорострельным оружием, стало выше пределов человеческой отваги. Если бы наш фланг не захватил плацдарм на противоположном берегу реки, то выбить противника с занимаемых позиций было бы невозможно. Более того, этот бой продемонстрировал, что самая лучшая артиллерия бессильна рассеять решительных стрелков, удерживающих хорошую позицию. Из менее крупных, но не менее памятных событий в истории навсегда останется форсированный марш 62-й батареи, а артиллеристы отметят использование бурами оружейных ячеек, способствовавших тому, что в ходе боя мы не могли достоверно определять дистанцию до их пушек.



Британский перевязочный пункт на Моддер-Ривер

В этот день у британцев слава выпала на долю Аргалских и Сазерлендских Хайлендеров, Йоркширской Легкой Пехоты, 2-го батальона Колдстримцев и артиллерии. Из всего списка потерь (450 человек), 112 пришлось на отважных Хайлендеров и 69 на Колдстримцев. Потери буров оценить чрезвычайно трудно, поскольку в ходе всей войны они прилагали невероятные усилия для их сокрытия. Ряд отчаянных затяжных боев, если верить официальным подсчетам Претории, стоил противнику одного раненного бюргера. Возможно, такой подход, в каком то роде, лучшая политика, но она характеризует народную доблесть в гораздо меньшей степени, чем длинные списки, рождавшиеся в кабинетах Военного Министерства и наполнявшие горечью наши сердца. Наверняка можно утверждать лишь то, что потери буров у Моддер-Ривер не могут быть значительно меньше наших и почти все они вызваны огнем артиллерии, поскольку во время боя их стрелки, в основном, не были видны. Итак, все закончилось. Неистовое состязание подошло к концу. Кронье под покровом ночи скрытно отошел с сердцем, исполненным непоколебимой уверенности в будущем и неистовой решимости продолжать борьбу, а британские солдаты в изнеможении рухнули на только что отвоеванную землю и забылись тяжелым сном.

МАГЕРСФОНТЕЙН

Войска Лорда Метуэна в течение недели провели три боя, потеряв убитыми и ранеными около тысячи человек – более одной десятой общей численности. Если бы враг оказался серьезно деморализован, генерал, без сомнения, сразу пошел бы на Кимберли, лежавший всего в двадцати милях. Однако, информация, которой он располагал, свидетельствовала, что буры отступили на очень сильную позицию у Спитфонтейна и полны решимости сражаться. Так же стало известно, что к ним на помощь подошло сильное командо из-под Мафекинга. В этих условиях лорду Метуэну не оставалось ничего иного, как предоставить людям заслуженный отдых и ожидать подкреплений. Помня историю первого освобождения Лакнау, генерал не хотел повторения подобной ошибки.

Было еще одно соображение, руководствуясь которым Метуэну требовалось усилить свои позиции. Ведь с каждой пройденной милей он все больше обнажал и растягивал коммуникации, делая их уязвимыми для рейдов из Фауресмита и южных районов Оранжевой Республики. Любая серьезная угроза железной дороге ставила британскую армию в критическое положение, поэтому на наиболее уязвимых участках были приняты необходимые меры предосторожности. И очень кстати, поскольку 8-го декабря, командант Принслоо, из Оранжевой Республики, внезапно появился у Энслина с тысячей всадников и двумя легкими семифунтовыми орудиями, энергично атаковав две роты Нортхемptonцев, охранявших станцию. Одновременно буры разрушили пару кульверт (водопропускных труб) и повредили триста ярдов железнодорожного полотна. Несколько часов Нортхемптонцы под командой капитана Годли находились в очень сложном положении, но, сумев отправить в Моддер-Кемп телеграмму о помощи, они получили подкрепление в составе Уланов 12-го полка и вездесущей 62-я батареи. С обычной мобильностью буры отошли, и через десять часов железная дорога была полностью восстановлена.

К силам, расположившимся лагерем на Моддере, прибыли подкрепления, и войска Метуэна стали даже сильнее, чем в начале марша. Самыми желанными были Уланы 12-го полка и

батарея "G" Конной Артиллерии, повысившие мобильность войск и позволившие генералу возобновить прерванное наступление. Под командой отважного но невезучего Ваухопа прибыли великолепные батальоны Хайлендерской Бригады: 2-й батальон "Блек Уотч", 1-й Гордонцев, 2-й Сифортцев и 1-й Хайлендерской Легкой Пехоты. Четыре пятидюймовые гаубицы, усилили артиллерию. В то же время Канадцы, Австралийцы и несколько линейных батальонов прикрыли железную дорогу от Де Аара до Белмонта.



Хайлендерская Легкая Пехота

Публике дома казалось, что эти силы представляют собой достаточный материал для неудержимого наступления. Но рядовые наблюдатели, как и некоторые военные критики, еще не в достаточной степени осознали огромное преимущество, предоставляемое современным оружием обороняющейся стороне. Приложив невероятные усилия Кронье и Де ла Рей укрепили неприступные позиции лежавшие перед фронтом вероятного наступления британцев. Они пребывали в твердой уверенности, что мы, как и в трех предыдущих случаях, начнем игру на избранной ими местности и по их правилам.

Субботним утром 9-го декабря, британский генерал предпринял попытку выяснить, чем ему грозит лежащий впереди полумесяц мрачных холмов. С этой целью на рассвете он отправил вперед 9-й Уланский, батарею "G" Конной Артиллерии и тяжелое 4,7-дюймовое корабельное орудие, величественно влекомое по равнине тридцатью двумя волами в сопровождении восьмидесяти морских артиллеристов. Что обстреливать на

этих залитых солнцем, усыпанных валунами холмах, молчаливо и безжизненно лежавших в сиянии разгоравшегося африканского дня. Тщетно гигантское орудие метало снаряды, начиненные пятьюдесятью фунтами "лиддита" за скалистые гребни, тщетно 12-ти фунтовые пушки обшаривали каждую расщелину и ямку шрапнелью. Холмы не отвечали. Ни вспышка, ни проблеск не выдали отряд буров, затаившийся среди валунов. Разведка вернулась с теми же сведениями, с какими выступила из лагеря.



4,7-дм морское орудие у Магерсфонтейна

Каждую ночь необычное зрелище лишало сна войска, идущие на помощь. В северной части горизонта, за грозными холмами, одиноко метался в черном небе длинный, мерцающий, вздрагивающий луч, то вздымаясь ввысь, то припадая к земле, словно пламенеющий меч серафима. Это беспокойно, отчаянно вспыхивал и затухал большой прожектор компании Де Бирс. Кимберли ждал новостей и молил о помощи. В ответ, сквозь двадцать миль тьмы, через холмы, за которыми укрылся Кронье, взвивалась встречная колонна света, отвечавшая, обе-

щавшая и успокаивавшая. "Не тревожься, Кимберли. Мы здесь! За нами Империя. Мы о вас не забыли. Возможно через дни, возможно через недели, но мы придем, не волнуйтесь".

Около трех часов в воскресенье 10-го декабря, силы, предназначенные расчистить путь армии у Магерсфонтейна, начали свое отчаянное предприятие. 3-я Бригада (Хайлендеров), включала "Блек Уотч", Сифортцев, Аргалцев и Сазерлендцев и Хайлендскую Легкую Пехоту. Гордонцы, только что прибывшие в лагерь, выступили в поход на следующий день. Кроме пехоты к фронту двинулся 9-й Уланский, конная пехота и вся артиллерия. Шел сильный дождь, и солдаты, с одним одеялом на двоих разбили бивак на холодной мокрой земле в трех милях от врага. В час ночи, не поев, промокшие насквозь, они пошли сквозь морось и темень штурмовать грозные позиции. В этот нелегкий путь их вел майор Бенсон (Королевская Артиллерия) и два Римингтонских Скаута.

По небу ползли тяжелые низкие тучи, а непрерывавшийся дождь еще больше сгущал темноту. Чтобы люди в потемках не отставали, из четырех батальонов Хайлендеров сформировали сплошную, максимально плотную колонну. Впереди шли "Блек Уотч" за ними Сифортцы и остальные.

Левифланговые в каждой шеренге держались за веревку, чтобы сохранить строй. Спотыкаясь и падая злосчастный отряд брел сквозь ночь, не зная куда направляется и какая задача перед ним стоит. Не только рядовые, даже некоторые старшие офицеры пребывали в состоянии абсолютного неведения. Бригадир Ваухоп естественно был в курсе происходившего, но его вскоре заставила замолчать смерть. Остальные понимали, что должны или занять вражеские траншеи, или внезапно атаковать противника, но, судя по походному порядку, не предполагали, что находятся в непосредственной близости от бурских стрелков. Почему они все еще двигались такой плотной массой, мы никогда не узнаем, как не узнаем и того, какие мысли проносились в мозгу отважного и опытного командира, шедшего рядом с ними. Некоторые свидетели утверждают, что за ночь до случившегося видели на его удивительно аскетичном лице печать судьбы, выражавшуюся таким словом как "обреченность". Дыхание близкой смерти, возможно, уже коснулось леденящим холодом его души.

Длинные траншеи, ошестинившиеся "маузерами" в руках изготовившихся, неумолимых, пристально высматривавших цель, стрелков, располагались совсем рядом. Буры знали, что британцы идут. Они ждали. Пока плотная колонна, почти в

четыре тысячи человек, с приглушенным топотом солдатских ботинок брела сквозь дождь и мрак, смерть и увечья занимали позиции на ее пути.



Командир 3-й бригады, генерал-майор Эндрю Ваухон

Не важно, что именно послужило сигналом, то ли проблеск фонаря бурского разведчика, то ли солдат споткнулся о натянутую проволоку, то ли случайный выстрел. Сигнал мог быть любым. На деле, как уверял меня бур, присутствовавший там, их насторожил звук консервных банок, привязанных к колючей проволоке. Что бы это ни было, через мгновение, прямо перед лицами британских солдат темноту вспорола пульсирующая линия пламени, рвущаяся из ружейных стволов, а уши заполнил грохот выстрелов. За момент до случившегося у британских командиров, казалось, мелькнуло сомнение относительно местонахождения отряда. Был отдан приказ развернуться, но уже не осталось времени для его выполнения. Ураган свинца обрушился на голову и правый фланг колонны, моментально рассыпавшиеся под убийственным беглым огнем. Ваухон получил пулю, поднялся но, получив еще одну, упал, теперь уже навсегда. Молва вложила в его уста слова укора, но благородная и мужественная натура этого солдата не допускает подобного предположения. "Какая жалость", – вот единственная фраза, которую "брат Хайлендер" приписывает ему. Люди валились сотнями, словно колосья под косой жнеца, кто

мертвым, кто раненым, кто сбитым с ног в смешавшихся рядах, и далеко по вельду несясь вопль, в котором гнев слился со страданием обезумевшей и мечущейся толпы. Это было ужасно. С такого расстояния и в таком боевом порядке одна пуля, выпущенная из "маузера", пробивала несколько человек. Тех, кто бросился вперед, утром нашли мертвыми у самых вражеских позиций. Немногие уцелевшие "Блек Уотч" из рот "А", "В" и "С" похоже не отступили, а вцепились в землю непосредственно перед фронтом бурских траншей, в то время как остатки пяти других рот пытались обойти противника с фланга.

Из передовых подразделений только шестеро бойцов, пролежав весь день в двухстах ярдах от врага, смогли под покровом темноты, невредимыми вернуться к своим. Остатки бригады, с трудом выбравшись из-под груд мертвых и умирающих товарищей, поспешно отошли с проклятого места. Те, кому особенно не повезло, в темноте запутались в проволочных заграждениях, и утром, изрешеченные пулями, висели, по выражению очевидца, "словно вороны".



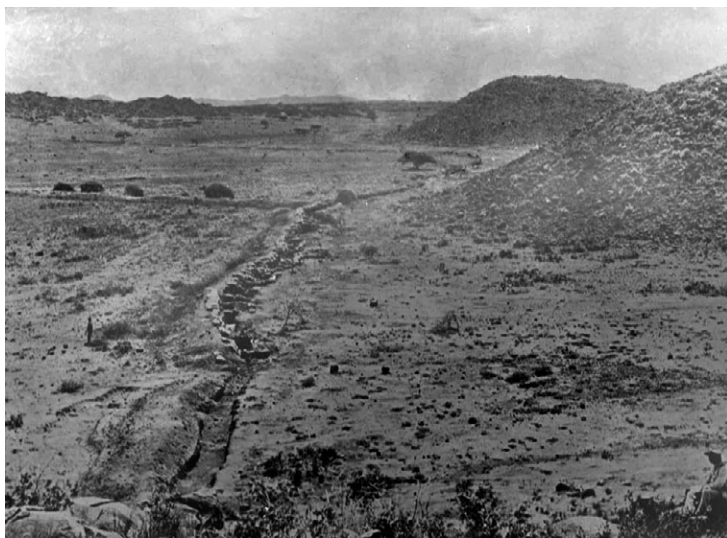
Атака двух рот "Блек Уотч" (рисунок из "Life")

Кто отважится упрекнуть Хайлендеров за бегство? Даже взглянув на обстоятельства не с точки зрения застигнутых врасплох, ошарашенных людей, а спокойно и здраво, видно, что они приняли лучшее в данной ситуации решение. Ввергнутые в хаос, потерявшие офицеров, не зная поставленной зада-

чи, первым делом они искали укрытие от смертельного огня уже уложившего на землю шесть сотен их товарищей. Главная опасность состояла в том, что потрясенные люди могли поддаться панике, рассеяться в темноте на незнакомой местности и прекратить свое существование как воинское подразделение. Но Хайлендеры остались верны своим традициям и характеру. В темноте раздавались выкрики, резкие голоса звали Сифортцев, Аргайлцев, роту "С", роту "Н", и повсюду из мрака доносились отзвуки сородичей. Через полчаса после рассвета батальоны Хайлендеров восстановили боевые порядки и потрясенные, ослабленные, но не утратившие присутствия духа, приготовились продолжить бой. Попытки наступления были предприняты на правом фланге. То бросаясь вперед, то отступая, одно небольшое подразделение даже достигло вражеских траншей и вернулось со штыками обагренными кровью, приведя с собой пленных. Но большая часть людей лежала, уткнувшись лицом в землю, время от времени стреляя в сторону врага, хотя буры были слишком хорошо укрыты. Один из офицеров, расстрелявший 120 патронов, признавался, что ни разу не видел что-либо похожее на определенную цель. Лейтенант Линдсей выдвинул "максим" Сифортцев на огневой рубеж и, несмотря на то, что вся прислуга, кроме двух человек, была выведена из строя, орудие отлично работало до конца дня. "Максим" Уланов не отставал от собрата, хотя при нем, к вечеру, остались только командовавший им лейтенант и один солдат.

На счастье орудия находились поблизости и, как всегда, быстро пришли на помощь. Еще не успело взойти солнце, а гаубицы уже бросали свой "лиддит" на 4000 ярдов, три батареи (18-я, 62-я и 75-я), работали шрапнелью с дистанции в милю, а батарея Конной Артиллерии устремила на правый фланг, пытаясь обстрелять траншеи противника продольным огнем. Пушки подавили ружейный огонь и дали измученным Хайлендерам возможность немного передохнуть. В целом ситуация напоминала бой на Моддер-Ривер. Пехота, лежа под огнем в шести-восьми сотнях шагов от противника, не имея возможности ни двинуться вперед, ни отступить. Бой продолжала только артиллерия, и огромное морское орудие в тылу присоединило свое гулкое рывканье к оглушительному грохоту сражения. Но буры уже поняли (умение быстро усваивать уроки войны — одно из ценнейших качеств бюргера), что шрапнель менее опасна для стрелков укрывшихся в траншеях, чем лежащих среди камней. Эти тщательно подготовленные траншеи про-

тивник вырыл, отступив несколько сотен ярдов от подножья холмов, что затрудняло корректировку нашего огня. Тем не менее, именно артиллерии буры обязаны всеми своими потерями. Разумность решения Кронье разместить траншеи перед копи усугубилась мистической привязанностью, которую артиллеристы питали к любому мало-мальски возвышающемуся объекту. Принц Крафт рассказывал историю, как у Садовы он снял свои орудия с передков в двух сотнях ярдов перед церковью, а австрийцы вели ответный огонь исключительно по колокольне. Подобным же образом и наши артиллеристы с расстояния в две тысячи ярдов не смогли избежать перелетов при стрельбе по малозаметной цели, поражая в основном ясно видимые объекты позади нее.



Траншеи буров у Магесфонтейна

В течение дня прибывали подкрепления из состава сил, отавленных для охраны лагеря. Подтянулись Гордонцы с 1-м и 2-м батальоном Колдстримских Гвардейцев, а всю артиллерию передвинули поближе к позициям противника. Поскольку, по некоторым признакам, противник намеревался атаковать наш правый фланг, Гвардейские Гренадеры вместе с пятью ротами Йоркширской Легкой Пехоты, выдвинулись ему навстречу, а три оставшиеся роты Йоркширцев Бартера охраняли брод, по которому противник мог перейти Моддер. Этот угрожающий маневр на нашем правом фланге, имея он успех, поставил бы

Хайлендеров в критическое положение, но конная пехота и Уланы 12-го полка сражавшиеся в пешем строю, отважно сдерживали противника все утро, пока им на помощь не подошли Гвардейцы и Йоркширцы.

Именно в долгой и успешной борьбе за фланг 3-й бригады встретили свою смерть майор Милтон, майор Рей и другие отважные воины. Колдстримцы и Гренадеры уменьшили давление противника на этом участке, после чего Уланы вернулись к своим лошадям, в очередной раз доказав, что кавалеристы с современными карабинами при нужде могут быстро превращаться в более полезную пехоту. Лорд Эрли заслуживает всяческих похвал за нешаблонное использование своих людей, и доблесть, с которой он повел их на наиболее критический участок боя.

Пока Колдстримцы, Гренадеры и Йоркширская Легкая Пехота сдерживали буров на нашем правом фланге, неукротимые Гордонцы, герои Даргая, сжигаемые жадой мести за своих товарищей из Хайлендерской Бригады, пошли в атаку прямо на траншеи противника и без каких-либо серьезных потерь подошли к ним почти на четыреста ярдов. Но один батальон не мог взять вражеские позиции, а после понесенных потерь вопрос о дневном наступлении даже не стоял. Любые планы подобного рода, способные родиться в голове лорда Метуэна, развеялись раз и навсегда, при внезапном и беспорядочном отходе избитой бригады. Люди едва поддавались контролю. Для большинства из них этот бой стал "крещением огнем", к тому же они провели под палящим солнцем, без пищи и воды целый день. Солдаты быстро откатились почти на милю, и орудия частично остались без прикрытия. К счастью, безынициативность буров, часто игравшая нам на руку, в очередной раз спасла британцев от катастрофы и унижения. Лишь стойкость наших отважных Гвардейцев не позволила отступлению перерасти во что-то более страшное.

Гордонцы и Шотландские Гвардейцы все еще прикрывали орудия, но они находились слишком близко к вражеским траншеям, а рядом не осталось войск, способных оказать поддержку. При подобных обстоятельствах было крайне необходимо восстановить порядок в рядах Хайлендеров, и майор Эварт с оставшимися в живых офицерами метался среди рассеявшихся солдат, прилагая нечеловеческие усилия, чтобы собрать и ободрить людей. Ошеломленные бойцы, повинувшись человеческой природе, медленно отползали подальше от смертельной зоны туда, где не так густо сыпались пули. Но заигра-

ли волынки, зазвучали горны и бедные измученные парни, с трудом сгибая ноги, с икрами, обгоревшими до волдырей под палящим солнцем, поковыляли исполнять свой долг. Они вновь прикрыли орудия, и опасность миновала.

По мере приближения вечера, стало ясно, что ни одна из атак не завершится успехом, и бессмысленно держать людей перед вражескими траншеями. К угрюмому Кронье, затаившемуся в окопах за колючей проволокой, не удалось даже приблизиться, не говоря уже о том, чтобы нанести поражение. Некоторые считают, что если бы наши войска остались на позициях, как они сделали это у Моодер-Ривер, противник в очередной раз отошел бы, и утром дорога на Кимберли оказалась бы свободной. Я не вижу оснований для подобного мнения, напротив, имею некоторые возражения. На Моддере Кронье покинул рубежи обороны, зная, что позади него лежат другие еще более сильные, у Магерсфонтейна позади бургских позиций раскинулась равнина, и уйти из траншей означало полностью сдать игру. Кроме того, зачем ему было уходить после нанесенного нам тяжелого удара? Мы ведь ничего не добились. Неужели Кронье отказался бы от плодов победы без всякой борьбы?

Лучше просто скорбеть о поражении, не травя душу мечтаниями, что большая стойкость превратила бы его в победу. Несомненно, позицию буров можно было взять обойдя с фланга, но наши силы оказались не настолько мобильны и многочисленны для подобного маневра. Вот в чем заключается причина наших неприятностей и никакие догадки – что могло бы случиться при иных обстоятельствах – ничего не изменят.

Примерно в половине шестого орудия буров, молчавшие весь день из каких-то неизвестных соображений, открыли огонь по нашей кавалерии. Их появление на поле боя послужило сигналом к общему отступлению и последняя попытка повернуть ход событий в свою пользу была нами оставлена. Хайлендеры измотаны, с Колдстримцев достаточно, конная пехота понесла жестокие потери. Для новой атаки оставались Гренадеры, Шотландская Гвардия и два-три линейных батальона. Есть случаи, как например Садова, когда генерал должен разыграть свою последнюю карту. Есть другие, когда, имея в тылу свежие силы, лучшим решением будет сберечь войска и затем атаковать вновь. Генерал Грант придерживался аксиомы, что лучший момент для атаки – момент, когда вы полностью истощены, ведь ваш противник, скорее всего, находится в таком же состоянии, а моральное превосходство всегда на сто-

роне атакующего. Но лорд Метуэн мудро решил, что в отчаянных решениях нет необходимости. Его люди отошли (в некоторых случаях самовольно) за пределы досягаемости бургских пушек, и утреннее солнце застало упавшие духом войска на обратном пути в лагерь на Моддере.



"Black Watch" после Магерсфонтейна

Неудачная атака при Магерсфонтейне стоила британцам около тысячи человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, из которых более семи сотен пришлось на долю Хайлендеров. Только в этой бригаде пали пятьдесят семь офицеров, включая ее бригадира и полковника Гордонцев – Доунмена. Полковник Кордингтон (Колдстримцы) был легко ранен, но в ходе всего боя оставался в строю и вечером вернулся в лагерь сидя на передке "максима". Лорд Винчестер (тот же батальон), весь день неблагоразумно, но героически подставлявший себя под огонь противника, был убит. "Блэк Уотч" потеряли убитыми и ранеными девятнадцать офицеров и более трехсот бойцов – катастрофа, во всей славной и кровавой истории этого полка сравнимая разве что с резней у Тикондероги в 1757 году, когда под мушкетами Монткальма пало не менее пятисот человек. Давно Шотландия не переживала столь горестного дня как день Магерсфонтейна. Она всегда с расточительным великодушием отдавала свою лучшую кровь за Империю, но сомнительно, чтобы какая-либо другая битва принесла столько скорби и в семью лорда, и в семью бедняка от берегов Твида до Кейтнесского побережья. Существует леген-

да – когда в Шотландию приходит горе, в старом Эдинбургском замке вспыхивают призрачные огни, во мраке ночи бросаая бледные отсветы на каждое его окно. Если есть свидетель, видевший это зловещее зрелище, он должно быть находился у замка в роковую ночь 11 декабря 1899 года. Что касается потерь буров, то точно определить их не представляется возможным. По официальным сообщениям они составили семьдесят убитых и две с половиной сотни раненых, но сообщения пленных и дезертиров дают гораздо большую цифру. Одно подразделение (Скандинавский корпус) занимавшее передовую позицию у Спитфонтейна было смято Сифортцами убившими, ранеными или взявшими в плен восемьдесят человек.

Говорят, что на следующий день, в своих комментариях по поводу боя, лорд Метуэн подверг бригаду Хайлендеров критике, и этот слух, не будучи опровергнут, стал общепринятым. Однако он зародился из-за совершенного непонимания сути замечаний лорда Метуэна, хвалившего солдат за храбрость и скорбевшего вместе с ними по поводу катастрофы, постигшей прославленные батальоны. Поведение солдат и офицеров, попавших в обстоятельства, страшнее которых трудно вообразить, достойно лучших традиций британской армии. Похоже, с момента смерти Ваухопа, ранним утром до принятия командования Хьюз-Галлетом поздно вечером, людьми никто не командовал. "Мой лейтенант был ранен, а капитан убит", – рассказывал рядовой. "Генерал погиб, но мы остались где были, поскольку приказ отступать никто не отдавал". Подобное мог сказать о себе любой солдат бригады, пока обходной маневр буров не вынудил их откатиться назад.

Самый важный урок, полученный в этом сражении, состоит в том, что при одних условиях современный бой чрезвычайно кровопролитен, в то время как при других – относительно бескровен. Из потерь почти в тысячу человек, семьсот пришлось на первые пять минут, а за весь последующий день артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь добавил лишь три сотни. Подобным же образом у Ледисмита колонна Уайта, длительное время (с 5.30 до 11.30) находившаяся под жестоким огнем, потеряла всего около трехсот человек. При умелом ведении боевых действий потери в будущих сражениях будут значительно меньше, чем раньше, и, как следствие, сами бои будут тянуться гораздо дольше. Победа достанется не самым пламенным, а самым выносливым. Обеспечение бойцов пищей и водой приобретет огромное значение, ведь им придется проходить испытание на выносливость длящееся скорее недели,

чем дни. С другой стороны непродуманное управление войсками будет столь сурово наказываться, что быстрая сдача в плен может оказаться единственной альтернативой уничтожению. Что касается движения четырехбатальонной колонной, оказавшегося для нас столь фатальным, следует заметить, что любое другое построение в ходе ночной атаки едва ли возможно, хотя при Тель-эль-Кебуре исключительные условия марша, проходившего по открытой пустыне, позволило войскам последние пару миль двигаться в более рассредоточенных формированиях. В кромешной тьме очень трудно вести батальон линией двухротных колонн, поскольку за любой оплошностью может последовать катастрофа. Вся ошибка состояла в небольшом просчете (несколько сотен ярдов) при определении положения траншей противника. Развернись подразделения на пять минут раньше, вполне возможно (хотя и не гарантированно), вражеская позиция была бы взята.



Хайлендеры, взятые в плен при Магерсфонтейне

Бой не обошелся без примеров воинской доблести, смягчающих горечь поражения и укрепляющих уверенность в будущем. Гвардия уходила с поля боя как на параде, не обращая внимания на шрапнель, рвущуюся над головами. Вызывает восхищение выдержка, проявленная батареей "G" Конной Артиллерии на следующее утро после битвы. Произошло следующее: считалось, что объявлено прекращение огня, однако, морское орудие на нашем левом фланге, игнорируя его, начало

стрельбу. Буры сразу же открыли ответный огонь по батарее Конной Артиллерии, которая, признавая нашу вину в нарушении перемирия, осталась неподвижна, с орудиями, взятыми на передки, каждая лошадь, каждый артиллерист, каждый ездовой на своем месте. Люди мужественно переносили обстрел, который, к счастью, вскоре ослаб и прекратился, поскольку противник понял, что произошло недоразумение. Стоит отметить, что в бою участвовало три полевых батареи, которые, подобно батарее "G" Королевской Конной Артиллерии, за 30 часов выпустили более 1000 снарядов каждая, находясь в 1500 ярдах от позиций буров.

Но из всех подразделений, заслуживших признание, не было доблестнее отважных хирургов и санитаров-носильщиков, на долю которых выпадают все опасности войны, но которых часто минует ее слава. Эти люди, оказывая помощь раненым, тяжело трудились под огнем целый день. Бивор, Энзор, Дуглас, Пробин – все в равной степени исполнили свой долг.

Кажется почти невероятным, но это чистая правда: к 10 часам утра после окончания боя, еще до того как войска вернулись в лагерь, не менее пяти сотен раненых уже отправились в Кейптаун по железной дороге.



Кейп-Таун. Выгрузка британских солдат, раненных под Маггерсфонтейном, из санитарного поезда.

СРАЖЕНИЕ ПРИ СТОРМБЕРГЕ

Мы проследили за событиями в Северном Натале, финалом которых стала осада Ледисмита и рассказали о судьбе колонны, пытавшейся освободить Кимберли. Расстояние, разделявшее две британские армии можно прочувствовать, если европейский читатель вспомнит, на сколько миль Париж отстоит от Франкфурта, а американский предположит, что Ледисмит это Бостон, а Метуэн пытается снять осаду с Филадельфии. Безводные пустыни и непроходимые горные хребты разделяли подмостки, на которых игрались эти драмы. Британская сторона не располагала возможностью быстро перемещать войска с одного направления на другое, в то время как Жубер и Кронье, разделенные какой-то сотней миль, могли протянуть друг другу руку помощи, имея два варианта маршрута: окружной – по железнодорожной ветке Блумфонтейн-Йоханненсбург-Лейнгс-Нек и прямой короткий из Гаррисмита в Ледисмит. Обладание короткими внутренними линиями коммуникаций предоставляло бурам громадное преимущество, позволяя мгновенно перебрасывать основную массу войск с одного фронта на другой.

В следующей главе я расскажу как Армейский Корпус, прибывший из Англии, действовал в Натале, имея основной задачей предотвращение захвата колонии, и дополнительной – помощь осажденному гарнизону. А пока разберемся с операциями, проводившимися на огромном пространстве, разделявшем наши восточную и западную армии.

Несколько недель после объявления войны позиции Британии в северной части Капской Колонии были крайне слабыми. В Де Аре скопилось огромное количество стратегических запасов, которые могли легко оказаться во власти буров Оранжевой Республики, осмелюсь они на набег. Имей бюргеры кавалерийского командира, обладавшего решительностью и азартом Стюарта или Шеридана, их удар расстроил бы весь план кампании, лишив нас запасов амуниции и продовольствия стоимостью в миллион фунтов. Однако противник упустил удобный момент. Когда 1-го ноября буры в своей обычной неторопливой манере перешли границу, британцы уже приняли необходимые меры безопасности, подтянув подкрепления и

сконцентрировав силы в жизненно важных точках. До начала генерального наступления перед британскими командирами стояли следующие задачи: удерживать мост через реку Оранжевую (открывавший путь на Кимберли), прикрыть железнодорожный узел Де Ар с хранившимися там запасами, любой ценой защитить линию железной дороги ведущую из Кейптауна в Кимберли и как можно дольше удерживать хотя бы одну из двух веток ведущих в Оранжевую Республику (одна через Колесберг, другая через Стромберг). Две основные группировки бюргеров вторглись в колонию вдоль этих железнодорожных веток, перейдя Оранжевую соответственно у Норвалс-Понт и Бетули. По мере своего продвижения буры призвали в свои ряды многочисленных рекрутов из числа граждан Капской Колонии голландского происхождения. Малочисленные британские войска, откатываясь под давлением противника, вынуждены были оставить и Колесберг на одной ветке, и Стромберг на другой.

Нам предстоит отследить действия двух британских отрядов. Один под командой генерала Френча (того самого, который выиграл бой под Эландслаагте), состоявший преимущественно из кавалеристов, действовал на более важной Колесбергской линии. Быстрое продвижение буров в этом направлении угрожало сообщению Кейптаун – Кимберли. На начальной стадии войны британская сторона не блистала даром предвидения, но в случае с Френчем нам повезло. В ходе последних больших маневров на Солсбери-Плейн он показал себя отличным кавалерийским командиром и на счастье ему не пришлось сидеть в осажденном Ледисмите, откуда он уехал последним поездом. Операции Френча, с поучительными примерами применения кавалерии и конной артиллерии, достойны отдельного рассмотрения.

Другой британский отряд, противостоявший бурам, наступавшим через Стромберг, возглавлял генерал Гетекри – человек, заслуживший высокую репутацию своим бесстрашием и неукротимой энергией, хотя в ходе Суданской компании генерала часто критиковали за чрезмерные и не всегда оправданные физические нагрузки, которым он подвергал войска. Солдаты, с присущим им грубоватым юмором, прозвали его "Генерал Боли-спина". Вид его высокой сухопарой фигуры с худощавым лицом Дон-Кихота и воинственно торчащим подбородком убеждал любого в несокрушимой энергии Гетекри, не наводя, однако, на мысль об избытке интеллектуальных способностей необходимых для командующего. В бою при Атбаре

он, будучи командиром бригады, первым достиг и собственными руками проделал проход в заребе* – великолепный подвиг для солдата, но вряд ли достойный генерала. Этот случай прекрасно иллюстрирует сильные и слабые стороны Гетекри.



Генерал Уильям Гетекри

Генерал Гетекри номинально командовал дивизией, но его силы настолько безжалостно растаскивались то Буллером, то Метуэном, что реально в его распоряжении имелось не более бригады. Теснимый бурами, в начале декабря он оказался у Стеркстроома, в то время как бюргеры заняли очень сильную позицию у Стормберга, в тридцати милях севернее. Имея столь тесный контакт с противником и будучи уверен в своих силах, Гетекри не мог оставаться в бездействии. Возможно, он располагал приватной информацией, касавшейся влияния буров на колонистов голландского происхождения, а, возможно, зная, что Буллер и Метуэн ведут наступление на востоке и западе, стремился что-либо предпринять в центре. По той или иной причине в ночь на 9-е декабря Гетекри начал собственное наступление.

* Колочая изгородь.

Его намерения и даже точное время, похоже, стали всеобщим достоянием за несколько дней до самого предприятия. Корреспондент "Таймс" в сообщении от 7-го декабря в деталях описывает все намерения британцев. Подобную открытость можно ставить нашим генералам в заслугу, как людям, но для солдата это не лучшая черта. В ходе всей кампании военные приложили чрезвычайно мало усилий для дезинформации противника, как правило, они все делали открыто, не пытаясь утаить свои планы. Вспомните, как Наполеон нанес удар по Египту. Он распространил слух, что собирает экспедицию в Ирландию, одновременно шепнув паре приближенных, что в действительности собирается атаковать Геную. Самые высокопоставленные особы знали о настоящей цели армии и флота не более последнего пьяницы. Конечно, было бы несправедливо ожидать хитрости корсиканца от прямодушного сакса, но, тем не менее, странно и достойно всяческого сожаления, когда в стране, кишасей шпионами, каждый заранее знает о подготовке так называемой "внезапной атаки".



Перевозка войск по железной дороге

Для наступления генерал Гетекри имел 2-й батальон Нортумберлендских Фузилеров (960 человек) с одним "Максимумом", 2-й батальон Ирландских Стрелков (840 человек) с "Максимумом" и 250 Конных Пехотинцев. Он также располагал

двумя батареями Полевой Артиллерии (74-й и 77-й). Общая численность подчиненных ему войск не достигала и 3000 бойцов. Около трех часов по полудни люди погрузились в открытые железнодорожные вагоны и, по неизвестной причине, наверняка взбесившей импульсивного генерала, три часа чего-то ждали, томясь под палящим солнцем. Около восьми часов вечера войска выгрузились у Молтено. Оттуда, наскоро поужинав и немного передохнув, выступили в ночной поход, намереваясь на рассвете подойти к траншеям буров. Создается впечатление, что заново описываешь операцию у Магерсфонтейна, до того похоже развивались события.

Около девяти вечера, в непроглядной тьме колонна вышла из Молтено и двинулась через вельд. Чтобы приглушить грохот орудий колеса обернули шкурами. Было известно, что до цели не более десяти миль, но проходил за часом час, а проводники все еще не были уверены, что вышли в нужную точку. Стало совершенно ясно – войска сбились с пути. Люди еле тащили ноги от смертельной усталости, ведь после изнурительного дня им пришлось шагать всю ночь по пересеченной, усыпанной камнями местности. Изможденные солдаты то и дело спотыкались. Рассвет застал колонну все еще блуждавшей в поисках цели. Неугомонный генерал шагал впереди, наравне со всеми, ведя лошадь в поводу. Его план потерпел неудачу, но этот энергичный и дерзкий человек не мог повернуть назад не попытавшись нанести удар. Можно восхищаться его энергией, но нельзя не прийти в ужас, анализируя сложившееся положение. Вокруг лежала дикая скалистая местность, идеально подходившая для засад, на которые буры большие мастера, а колонна все еще брела плотным порядком. Если даже предпринимались попытки выслать боевое охранение в голову и на фланги, то дальнейший ход событий показал, насколько небрежно неслась дозорная служба. В четверть пятого, в ясном свете южноафриканского утра выстрел, еще один, а затем непрерывный перекатывающийся треск винтовок сообщил, что мы получили еще один горький урок на тему "во что обходится пренебрежение элементарными мерами предосторожности на войне". Стрелки буров укрылись на гребнях обрывистых холмов и с короткой дистанции расстреливали наш открытый фланг. Похоже, это были повстанцы Капской Колонии, а не буры из дальнего вельда и возможно этому счастливому обстоятельству мы обязаны сравнительно небольшими потерями. Несмотря на внезапность нападения, ситуацию еще можно было спасти, если бы сбитые с толку солдаты и офице-

ры в точности знали что делать. Несомненно, все богаты задним умом, но, похоже, единственно правильным решением было отвести войска, а затем, в случае необходимости, планировать атаку. Вместо этого пехота бросилась штурмовать склон холма и забралась достаточно высоко лишь для того, чтобы упереться в отвесные скалы. Наступление замерло. Люди залегли за валунами, пытаясь укрыться от интенсивного огня недосягаемых стрелков. В это время начала работать наша артиллерия, и ее залпы (не первый раз в этой кампании) причинили больше ущерба своим, чем противнику. По меньшей мере один отличный офицер пал вместе со своими солдатами, сраженный британской шрапнелью. Талана-Хилл и Моддер-Ривер также продемонстрировали (возможно, в менее трагическом виде), что при современной дальнобойности орудий и трудности точного определения позиций своей пехоты, использующей бездымный порох, командиры батарей должны обладать самыми холодными головами и самыми мощными оптическими приборами во всей армии, поскольку цена их ошибок ужасна.



*Попытка Нортумберлендских Фузелеров
атаковать позиции буров у Стормберга*

Когда стало ясно, что атака провалилась, возник вопрос, как отвести людей. Одни бойцы сбегали вниз по склону но, выскочив из-под прикрытия спасительных валунов, попадали под ураган свинца, другие держались на достигнутом рубеже, надеясь, что удача все-таки нам улыбнется, или просто решили отлежаться в относительной безопасности за камнями, а не метаться по простреливаемому пространству. Те войска, что смогли отступить, похоже не представляли сколько их товарищей остались позади, а поскольку разрыв между ними и людьми, продолжавшими лежать на холме, постоянно рос, таяла и надежда на воссоединение отряда. Все пехотинцы оставшиеся на высоте попали в плен. Остальные, собравшись в пятнадцати сотнях ярдов от места засады, стали отходить к Молтено.

В это время с гряды открыли огонь три бургских орудия. Они стреляли с поразительной точностью, но к счастью снаряды не разрывались. Будь военные подрядчики буров в этой войне так же надежны как их артиллеристы, наши потери оказались бы намного серьезнее. Возможно, мы видим одно из последствий коррупции, ставшей проклятием этой страны. Орудия с большим проворством передвигались вдоль гряды, ведя частый, хотя и малоэффективный огонь. Наши батареи (74-я и 77-я) с горсткой кавалеристов, делали все возможное для прикрытия отступления, сдерживая следовавшего по пятам противника.

Сам предмет неприятен для обсуждения, но стоит отметить, что это единственный пример в кампании, когда многочисленные неудачи переросли в деморализацию войск, участвовавших в бою. Гвардия, спокойно отходившая с поля боя, словно она в Гайд-Парке, а не у Магерсфонтейна, солдаты у Николсонс-Нек, возмущенные, что их не повели в последнюю безнадежную атаку – вот примеры воинской доблести явленной в минуту поражения. Но при Стормберге усталость и бессонница полностью лишили людей боевого духа и самообладания. Солдаты ложились спать прямо на обочине дороги, и изможденные офицеры поднимали их пинками. Многих британцев следовавшие за колонной буры взяли в плен спящими. Подразделения распались на небольшие беспорядочно бредущие группы, и около десяти часов в Молтено вползли жалкие остатки потрепанного отряда. Почетное место в арьергарде досталось Ирландским Стрелкам, до самого конца сумевшим сохранить подобие боевого порядка.

Наши потери убитыми и ранеными на фоне случившегося

выглядят ничтожными. Будь они значительнее, британская воинская честь была бы запятнана в меньшей степени. Двадцать шесть убитых и шестьдесят восемь раненых – это все. В плен попали шесть сотен человек, оставшихся на склоне холма и уснувших при отступлении, из которых половина пришлась на Ирландских Стрелков, а другая на Нортумберлендских Фузилеров. Вдобавок при поспешном отступлении были брошены два орудия.

Не дело историка, особенно штатского, лишний раз беречь душевные раны храброго человека, который, сделав все, чего можно добиться личной храбростью, вернувшись в Молтено, рыдал, оплакивая своих "бедных ребят". Гетекри потерпел поражение, однако и Нельсон после Тенерифа, и Наполеон после Акра в отличие от него сумели добиться величия. Единственная польза, которую можно извлечь из поражения – всестороннее изучение причин трагедии. Слишком рискованно считать наши промахи неподходящими объектами для открытой и честной дискуссии.



Коммандант Оливер с участниками боя у Стормберга

Военному предпрятию не вредит, если оно рискованно и требует значительных физических усилий от участников. Напротив, разработка таких планов – один из признаков полководческого гения. Но, работая над нюансами, этот же полководческий гений обязан со всей тщательностью предусмотреть и исключить любые излишние действия, усложняющие исполнение плана. Идея молниеносной внезапной атаки на Сто-

рмберг была великолепна, но детали операции должны быть открыты для критического разбора.

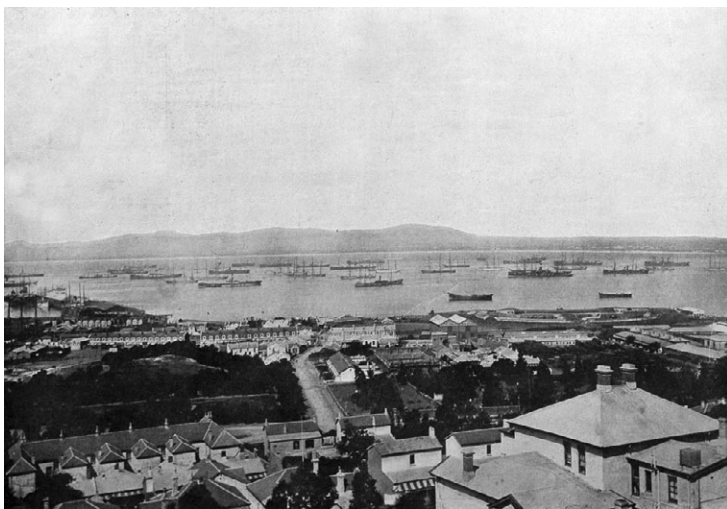
Потери буров при Стромберге нам не известны, но, похоже, в данном случае нет повода не верить противнику, утверждавшему, что они были очень незначительны. В бою их люди не подставляли себя под огонь, в то время как мы, как обычно, сражались на открытой местности. В численности они, скорее всего нам уступали, а качество их стрельбы и недостаточно энергичное преследование делает наше поражение еще унижительнее. Орудия бюргеров работали с большим мастерством и отвагой. В бою участвовали команды из Бетули, Роуксвилла и Смитфилда под общим командованием Оливера, а также изменники из числа граждан Капской Колонии.

Поражение генерала Гетекри на территории враждебно настроенного стратегически важного района, могло иметь трагические последствия. К счастью ничего непоправимого не произошло. Несомненно, разгром британцев способствовал вербовке мятежников, но вражеского наступления не последовало, и Молтено остался в наших руках. Гетекри получил подкрепление в составе свежей 79-й батареи и Дербиширцев, так что с 1-м батальоном Королевских Шотландцев и крылом Беркширцев генерал оказался достаточно силен для удержания занимаемых позиций до момента общего наступления.

Итак, в Стромберге сложилась та же абсурдная унижительно-тупиковая ситуация, что и на Моддер-Ривер.

СРАЖЕНИЕ ПРИ КОЛЕНСО

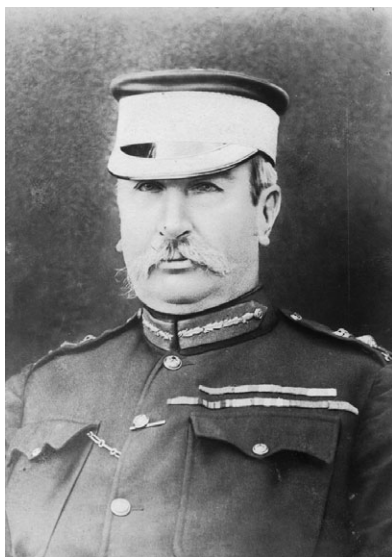
За какую-то неделю британские силы в Южной Африке испытали горечь двух серьезных поражений. Кронье, укрывшись в глубоких траншеях за проволочными заграждениями, преградил Метуэну путь на Кимберли, а в северной части Капской Колонии были разбиты и отброшены солдаты Гетекри. Но британская нация, не пав духом, продолжала следить за событиями в Натале. Там был Главнокомандующий, там была и основная часть армии. По мере того как бригада за бригадой и батарея за батареей прибывали в Кейп-Таун, а оттуда безотлагательно направлялись в Дурбан, становилось ясно, что основные события развернутся именно в Натале, и именно там, возможно, вспыхнет луч надежды. В клубах, гостиных, железнодорожных купе — повсюду, где люди встречались и вели разговоры, можно было слышать одни и те же слова: "Вот подождите! Скоро двинется Буллер!" В этой фразе отражалась надежда всей Империи.



Британские военные транспорты на рейде Кейп-Тауна

Сэр Джордж Уайт был отброшен в Ледисмит 30-го октября,

а 2-го ноября телеграфная связь с городом прервалась. 3-го ноября противник перерезал железнодорожную линию. 10-го ноября буры захватили Коленсо и рубежи по Тугеле. 14-го произошла стычка с бронепоездом. 18-го враг был уже возле Эсткорта. На 21-е он достиг реки Моои. 23-го Хилдьярд атаковал буров возле Уиллоу-Гранде. Все эти события еще будут нами рассмотрены. Последняя акция отметила поворот к лучшему. Сэр Редверс Буллер принял за задачу: форсированию реки и освобождению Ледисмта, вызвавшего о помощи из-за гряды холмов на севере. Гул отдаленных орудийных выстрелов из дня в день свидетельствовал о настойчивых атаках и упорной обороне.



*Главнокомандующий Натальской Армией
сэр Рэдверс Буллер*

Перед боевым генералом стояла чрезвычайно сложная задача. Южный берег реки представлял собой длинный пологий склон, по которому огонь вражеских стрелков мог гулять, словно бритва. Наступление через большой участок открытой местности представляло непростую задачу. Это один из тех многочисленных случаев в настоящей войне, когда люди задавались вопросом: почему, если можно создать щит, способный прикрыть лежащего бойца от пуль, такое устройство не использовать здесь? Попеременное продвижение подразделений,

с безопасным отдыхом после каждого броска, снизило бы напряжение, испытываемое солдатами под постоянным смертельным огнем. Однако поздно рассуждать, что можно было бы сделать для облегчения предстоявших испытаний. Нашим людям требовалось преодолеть обширное открытое пространство, после чего их поджидал – нет, не враг, а широкий и глубокий поток, с единственным, возможно заминированным, мостом и единственным бродом, как показала жизнь, не существовавшим в природе. По ту сторону реки ярус за ярусом возвышались холмы, увенчанные скалами и изрезанные траншеями, в которых укрылись тысячи лучших снайперов мира, поддерживаемых замечательной артиллерией. Если же, преодолев открытую местность и форсировав реку, удалось бы штурмовать и захватить гребень холмов, то за ним высился еще один, доминировавший над первым, и так далее. Гряды, чередуясь с ложбинами, словно гигантские океанские волны вздымались в северном направлении до самого Ледисмита. Каждую линию холмов предстояло атаковать открыто, в то время как защитники без труда могли подыскать себе надежные укрытия. Добавьте к этому, что бурами командовал молодой и энергичный Луис Бота. Задача выглядела безнадежной, но честь не позволяла предоставить осажденный гарнизон своей собственной судьбе и требовала идти на риск.

Наиболее очевидный упрек заключается в следующем: если следовало атаковать, то почему это было сделано при условиях, навязанных противником. Нам представляется почти невероятным преодоление подобных препятствий – открытый склон, река, траншеи. Но дальнейшие операции доказали, что обмануть бдительность буров и быстрым броском преодолеть Тугелу не такая уж сложная задача. Военные авторитеты заявляют, хотя в это трудно поверить, что в истории нет примеров, когда решительная армия была бы остановлена водным рубежом. От Веллингтона на Дору до русских на Дунае читателю можно привести массу примеров, когда линии обороны, идущие по реке, преодолевались с легкостью. Но Буллер столкнулся с определенными проблемами. У него не хватало кавалерии, а противник, обладавший исключительной маневренностью, мог легко атаковать его открытые фланги и тыл. У генерала еще не было значительного численного превосходства, возникшего позднее и позволившего предпринимать дальние обходы. Но одно преимущество (более мощная артиллерия), у него все же имелось. Естественно, самые тяжелые орудия обладают наименьшей мобильностью, и соответственно, чем

меньше маневров будет при наступлении, тем эффективнее окажется артиллерийская поддержка. Руководствуясь этими или какими-то другими соображениями, на рассвете 15-го декабря в пятницу Буллер решился на фронтальную атаку хорошо укрепленных бурских позиций и выступил из лагеря у Чивели.

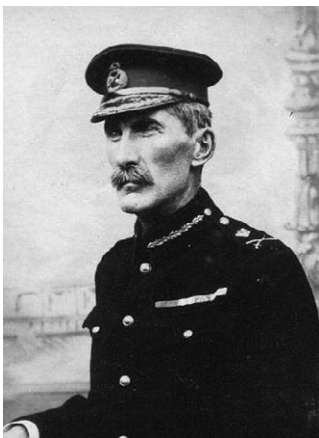
Войска, которые генерал Буллер вел в бой, были лучшими из когда-либо находившихся под командованием британских генералов со времен битвы на Альме. Его пехота состояла из четырех крепких бригад:

2-я бригада под командованием Хилдьярда (2-й батальон Девонцев, 2-й батальон "Куинсов" или Западно-Суррейского полка, 2-й батальон Западно-Йоркширского и 2-й Восточно-Суррейского);

4-я бригада Литтелтона (2-й батальон Камеронцев, 3-й Стрелков, 1-й Даремцев и 1-й батальон Стрелковой Бригады);

5-я – бригада Харта (1-й батальон Иннискиллинских Фузилеров, 1-й Коннаутских Рейнджеров, 2-й Дублинских Фузилеров и Пограничники, последние вместо 2-го батальона Ирландских Стрелков, находившихся в распоряжении Гетекри);

Остается упомянуть 6-ю бригаду Бартона, включавшую 2-й батальон Королевских Фузилеров, 2-й батальон Шотландских Фузилеров, 1-й Уэльских Фузилеров и 2-й Ирландских Фузилеров.



*Командир 2-й бригады
Хилдьярд*



*Командир 6-й бригады
Бартон*

Общая численность пехоты достигала 16 000 человек. Кавалерия под командованием лорда Дандоналда, была пред-

ставлена 13-м Гусарским, 1-м Королевским, Конной Пехотой Бетьюна, Конной Пехотой Торнейкрофта, тремя эскадронами Южно-Африканской Конницы и сводным полком конной пехоты, набранным из Стрелков и Дублинских Фузилеров, эскадрона Натальских Карабинеров и Имперской Легкой Конницы.

Несмотря на то, что твердолобые солдафоны и педанты критически относились к иррегулярной коннице, она состояла из наилучшего боевого материала во всей армии. Часть ее бойцов имела личные счеты с бурами, других толкала на подвиги жажда приключений. Как пример последнего – один эскадрон Южно-Африканской Конницы почти полностью состоял из техасских погонщиков, прибывших с собственными лошадьми, чтобы сражаться в рядах братьев по крови.

Но, если кавалерия была слабым местом генерала Буллера, то его артиллерия представляла собой грозную силу, как по качеству орудий, так и по их количеству. В его распоряжении имелись пять батарей (30 орудий) Полевой Артиллерии: 7-я, 14-я, 63-я, 64-я и 66-я. Кроме того, он располагал шестнадцатью морскими орудиями с "Террибл" – четырнадцатью 12-ти фунтовыми и двумя 4,7-дюймовыми, отлично зарекомендовавшими себя в Ледисмите и колонне лорда Мэтуена. В целом, силы, выступившие из Чивели-Кемп, насчитывали 21 000 человек.



*Британская иррегулярная конница.
Римингтонские скауты*

Задача, поставленная перед армией, казалась простой по замыслу, однако жизнь показала, насколько сложной она была в действительности. Река доступна для форсирования в двух пунктах: через Бридл-Дрифт в трех милях левее, и непосредственно через мост у Коленсо, лежавший впереди. 5-й (Ирландской) бригаде предстояло энергичным броском переправиться через Бридл-Дрифт, а затем идти вдоль берега на помощь 2-й (Английской) бригаде у Коленсо. 4-й бригаде поставили задачу двигаться между 5-й и 2-й, чтобы, в случае необходимости, помочь войскам, испытывающим затруднения. Тем временем, кавалерия под командованием Дандоналда прикрывает правый фланг и атакует Хлангвана-Хилл – сильную позицию, на южном берегу Тугелы, надежно удерживаемую противником. Оставшаяся бригада Фузилеров поддерживает этот маневр на правом фланге. Орудиям предстояло прикрывать атакующих и, если удастся, занять позицию, с которой можно вести анфиладный* огонь по траншеям противника. Таковы вкратце задачи, поставленные Буллером перед войсками.

В ярком чистом утреннем свете под безоблачным голубым небом батальоны двинулись вперед, уверенные в успехе. Перед ними простиралась обширная равнина, затем изгиб реки, а дальше спокойно и безмятежно, как на прекрасной картине, волна за волной тянулись гряды холмов. В пять часов утра заработали морские орудия, и огромные рыжие столбы пыли у подножий отдаленных высот обозначили место разрыва лидитных снарядов. Но ответа не последовало. Ничто не шелохнулось на залитых солнцем склонах. Зрелище яростного обстрела мягкого и мирного ландшафта выглядело бессмысленной жестокостью, но все знали – там, за каждым валуном, в каждой расщелине затаилась смерть.



Орудия Морской Бригады в бою у Коленсо

* Продольный

Слишком трудно дать единую вразумительную картину сражения, развернувшегося на фронте протяженностью в семь или восемь миль, поэтому, возможно, следует поочередно описать действия каждой колонны, начиная с левого фланга, где Ирландская бригада Харта атаковала Бридл-Дрифт.

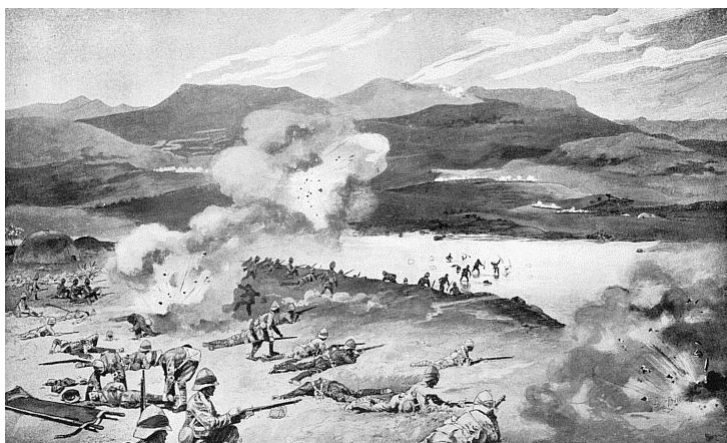
Под прикрытием безответного, а, следовательно, и неприцельного огня тяжелых орудий, ирландская пехота двинулась вперед к намеченным пунктам атаки. В первой линии шли Дублинцы, за ними Коннаутцы, Иннискиллинцы и Пограничники. Может показаться невероятным, но после горького опыта Магерсфонтейна и Стромберга, бойцы второй и третьей линии выдвигались колоннами и не собирались разворачиваться в цепи, пока противник не откроет огонь. Ударь шрапнель по такому плотному строю, и в одно мгновение потери оказались бы настолько же тяжелыми, насколько бессмысленными.

По мере приближения к броду (расположение, и сам факт существования которого не были установлены) выяснилось, что войска наступают в излучине реки, вследствие чего с правого фланга они подвергались ожесточенному ружейному огню, а с фронта поливались градом шрапнели. Не наблюдалось ни единого признака вражеских позиций, а люди падали один за другим. Представьте это сверхъестественное, пробирающее до глубины души ощущение нереальности происходящего, когда батальон идет в атаку по залитой солнцем, безжизненной равнине, отмечая пройденный путь стонущими, задыхающимися, корчащимися от боли людьми, способными лишь догадываться, откуда прилетели пули, впившиеся в их тела. Монотонный перестук и треск "маузеров" слился в сплошной шум, напоминавший шипение жира на раскаленной сковороде. Воздух вибрировал, но никто не мог точно сказать, где находится источник. Наконец вдалеке, над одним из холмов повисла тонкая вуаль дыма, обозначившая, откуда пришла смерть к шестерым бойцам, словно по какой-то бесчеловечной команде одномоментно рухнувшим наземь. В этой войне нашим солдатам вновь и вновь приходилось проходить через подобный адский шторм, и невольно задаешься вопросом, не станут ли они последними из смертных, которым выпало подобное испытание. Следует найти другие методы наступления, или вообще упразднить лобовую атаку, как вид боя, поскольку бездымный порох, скорострельные пушки и современные ружья дают слишком много преимуществ обороняющейся стороне.

Отважные ирландцы рвались вперед, в горячке боя не думая о потерях. Четыре батальона смешались в один. Очень

скоро от боевых порядков и управления не осталось и следа. Лишь отважный дух и неистовое желание как можно скорее сойтись с противником в рукопашной. Накатывая разъяренной, ревущей гигантской волной, они не дрогнули под огнем, пока не достигли берега реки. Северяне Иннискиллингцы и южане Коннаутцы, оранжевые и зеленые, протестанты и католики, кельты и саксы, на этом поле они соперничали лишь в том, кто из них щедрее прольет свою кровь за общее дело. И пусть будут прокляты провинциальные политики и узколобые религиозные фанатики, сеющие рознь среди подобных людей!

Они достигли берега, но где же брод? Перед ними лежала широкая и спокойная река без единого признака мелководья. Несколько лихих парней бросились в воду, но ружья и патроны потащили их ко дну, хотя один или два добрались до противоположного берега. В отношении дальнейшего, мнения свидетелей расходятся. Возможно, хотя это представляется маловероятным, река была частично запружена бурами и стала глубже, но более вероятным выглядит утверждение, что в ходе стремительного наступления бригада сбилась с направления. Не исключен также вариант, что войска просто не нашли брод. Как уже случалось неоднократно, солдаты залегли, не желая отступать, и не имея возможности двинуться вперед под безжалостным ливнем свинца с фронта и фланга.



Дублинские Фузилеры пытаются форсировать Тугелу

В каждой ямке, за каждым муравейником сбившиеся в кучки Ирландцы ожидали лучших времен. Несмотря на обстоятельства, они сохранили присущие им юмор и бодрость духа,

чему есть немало примеров. Полковник Коннаутцев Брук был сражен, ведя своих людей в атаку. Рядовой Ливингстон помог доставить офицера в безопасное место, и лишь затем, теряя сознание, признался, что его "немного зацепило". Выяснилось, что он получил пулю в горло. Другой солдат опустился на землю с простреленными ногами. "Дайте мне оловянную дудку, и я сыграю вам все, что вы захотите", – крикнул он, имея ввиду Даргайского трубача*. Еще один, с рукой, повисшей на сухожилиях, угрюмо попыхивал короткой черной трубкой.



*Траншеи буров перед фронтом наступления
Ирландской Бригады*

Время от времени вопреки здравому смыслу в боях вспыхивала неукротимая кельтская отвага. "Ребята, примкнуть

* В Индии 20 октября 1897 года при атаке Даргайских высот трубач Хайлендеров Джордж Файндлейтер, будучи ранен в обе ноги и не имея возможности встать, под жестоким огнем играл полковой марш, поддерживая дух своих товарищей

штыки, и пусть нас запомнят!" – вот последние слова сержанта-знаменщика. Пять часов под тропическим солнцем, извлявшиеся в пыли, изнемогавшие от жажды люди цеплялись за отвоеванный кусок земли. Британская шрапнель на недолете рвалась над их головами. По ним вел огонь поддерживавший батальон, не предполагавший, что передовые ряды продвинулись настолько далеко, но, осыпаемая свинцом с фронта, фланга и тыла 5-я бригада мертвой хваткой вцепилась в свою добычу.

К счастью, приказ об отходе был близок, поскольку, без сомнения, не поступи он в подразделения, батальоны бессмысленно погибли на том самом месте, где залегли. По-видимому, этот приказ отдал сам Буллер, в течение всего дня проявлявший неумолимую энергию и вездесущность. При отступлении абсолютно не наблюдалось признаков спешки или паники, но солдаты и офицеры безнадежно перемешались и генералу Харту, с чьими оценками иногда можно не соглашаться, но чье хладнокровие и отвага несомненны, пришлось немало потрудиться, приводя в порядок великолепную бригаду, всего шесть часов назад выступившую из Чивели-Кемп. В бою пало от пяти до шести сотен людей – потери, приблизительно соответствующие понесенным Бригадой Хайлендеров у Магерсфонтейна. Больше всех пострадали Дублинцы и Коннаутцы.

В бедствиях 5-й бригады повинно слишком много факторов. Абсолютно излишне подчеркивать, что одни и те же упущения неизменно приводят к одному и тому же результату. Почему люди шли в атаку на невидимого противника в неразвернутых порядках? Почему впереди не было скаутов, способных точно установить местоположение брода? Где были заслоны застрельщиков? Как уже не раз случалось в ходе Африканской кампании – к опыту последних боев и параграфам воинских наставлений отнеслись как к пустому месту. Возможно, в лекционных залах и существует наука о войне, но слишком малая ее часть нашла дорогу в вельд. Стойкая доблесть рядовых, безоглядная решимость батальонных офицеров – это наши активы, но им редко сопутствуют осмотрительность и дар предвидения наших высших командиров. Писать подобные замечания – неблагодарная задача, но одним из главных уроков этой войны должно стать понимание, что армия слишком важная часть государства, чтобы оставаться в руках одной касты, и что гражданский долг каждого человека бесстрашно и свободно высказывать то, что он считает правдой.

Оставив зловключения 5-й бригады, перейдем, продвигаясь

слева направо, к 4-й бригаде Литтелтона. Бригада, не имея отдельного участка фронта для атаки, получила задачу поддерживать действия соседей. Своими морскими орудиями она делала все возможное, чтобы помочь Ирландцам выпутаться из создавшегося положения и прикрыть их отход. Однако сама по себе бригада не сыграла заметной роли в бою, и ее потери оказались незначительными. Правее Литтелтона развернулась Английская бригада Хилдьярда, атаковавшая Коленсо и мост. Под началом Хилдьярда находились 2-й батальон Западных Суррейцев, 2-й батальон Девонского полка (чья товарищи из 1-го батальона хорошо показали себя под Ледисмитом), Восточные Суррейцы и Западные Йоркширцы. Противник несомненно предвидел, что главный удар британцы нанесут на этом участке, поэтому кроме многочисленных и хорошо оборудованных окопов, мост прикрывала по меньшей мере дюжина тяжелых орудий, не считая державшие его под прицелом многочисленные скорострельные пушки. Развернувшись в цепь, атаку вели Девонцы и 2-й батальон "Куинсов" (длинная линия точек цвета хаки, настолько сливавшаяся с равниной, что люди, если они останавливались, с трудом различались невооруженным глазом). Их поддерживали Восточные Суррейцы и Западные Йоркширцы. Бойцам бригады, наступавшим под чрезвычайно интенсивным огнем, выпало не менее суровое испытание, чем их товарищам из бригады Харта, смягченное лишь тем, что войска изначально развернулись в полуротные колонны с интервалом в шесть шагов, а река, раскинувшаяся прямо перед ними, спасла от флангового огня, оказавшегося столь фатальным для Ирландцев. Несмотря на потерю двухсот человек, передовым частям посчастливилось достичь Коленсо, а Западные Суррейцы, продвигаясь пятидесятиардовыми перебежками, захватили станцию, но катастрофа, случившаяся чуть ранее с поддерживавшей их артиллерией, все свела на нет. Чтобы понять, что произошло, мы должны проследить судьбу подразделения, действовавшего еще правее.

Здесь сосредоточилась артиллерия, получившая приказ поддерживать войска на главном направлении удара, в составе двух полевых батарей (14-й и 66-й) под командованием полковника Лонга, и шести морских орудий (двух 4,7-дюймовых и четырех 12-ти фунтовых) под началом лейтенанта Оджилви с "Террибл".

Лонг имел репутацию рьяного и лихого офицера, и его управление египетской артиллерией в Атбарской битве во многом обусловило успех всей акции. К несчастью, туземные

кампании, в которых неоправданные вольности и промахи оставались безнаказанными, породили порочные традиции. В этом же убедились и французы со своими Алжирцами.



Атака Западных Суррейцев

Наш собственный сомкнутый строй, наша приверженность к залповому огню и, в рассматриваемом случае, методы использования нашей артиллерии – все это пагубное наследие войн с дикарями. Только так можно объяснить действия Лонга, когда на начальной стадии боя две его батареи рванули вперед, обошли с фланга наступавшую пехотную бригаду, оставили позади медленно ползущие морские орудия с их воловьими упряжками и развернулись в тысяче ярдов от вражеских траншей. С этой позиции Лонг открыл огонь по Форт-Вили, являвшемуся стержнем данного участка обороны противника.

Но двум несчастным батареям не судилось изменить ход боя, как надеялся их командир. Скорее они послужили классическим примером незащитности артиллерии против огня современных винтовок. Даже знаменитое описание Мерсерсом эффекта воздействия флангового огня на его конную артиллерию при Ватерлоо не может дать представление об урагане свинца, обрушившемся на обреченные батареи. Мертвые и искалеченные лошади падали одна за другой. Раненные животные от страха и боли неистово бились в упряжках, калеча соседних. Один ездовой, обезумев от страха, вскочил на лидера, отрезал постромки и стремглав умчался с поля боя. Но подавляющее большинство артиллеристов явило образец великолепной выдержки и дисциплины. Команды офицеров, наводка орудий, стрельба – все выполнялось методично, словно под

Оукхемптоном. К несчастью, они оказались не только под убийственным ружейным огнем, ведшимся частично из траншей по фронту, частично из пригорода Коленсо с левого фланга.



Полковник Лонг

Скорострельные автоматические пушки буров отлично определили дистанцию, и их крохотные снаряды непрерывно трещали и хлопали на позиции батарей. У орудий уже лежал ковер мертвых тел, тем не менее, у каждого еще метались разгоряченные офицеры и взмокшие от пота отчаянные артиллеристы. Несчастный Лонг упал, получив две пули в руку и печень. "Не сдаваться, черт возьми! Не сдавать орудия!" – кричал он, когда его тащили в маленький овраг неподалеку. Капитан Голди и лейтенант Шрайбер были убиты. Полковник Хант рухнул дважды раненный. И офицеры, и солдаты выбывали из строя один за другим. Орудия не могли стрелять, но и отвести их было невозможно, поскольку каждая попытка подогнать упряжки из укрытия, где стояли передки, заканчивалась гибелью лошадей.

Выжившие нашли убежище от смертоносного огня в донга, в сотне ярдов от осыпаемых пулями пушек, куда ранее отнесли Лонга. Одно орудие на правом фланге все еще стреляло, обслуживаемое четырьмя артиллеристами, отказавшимися его бросить. Эти четверо, словно заговоренные, среди вздымавшегося песка и голубых венчиков шрапнели, неумоимо накатывали свою родную пятнадцатифунтовку после каждого вы-

стрела. Вдруг один, словно задохнувшись, рухнул на лафет, его товарищ, свесив голову на грудь, осел у колеса, третий, взмахнув руками, уткнулся лицом в песок. Оставшийся в живых мрачный, покрытый пылью человек, выпрямившись во весь рост, замер по стойке "смирно", глядя в глаза смерти, пока и его не сразил свинец. Вы можете сказать – бесполезная жертва, но пока люди, видевшие их смерть, рассказывают эту историю у походного костра, подобные примеры возбуждают боевой дух нашей расы больше, чем зов трубы или грохот барабана.



*Маркеры отмечают позицию орудий Лонга,
на заднем плане Хлангване-Хилл*



Орудия буров, контролирующие излучину Тугелы

Два часа горстка офицеров и солдат пряталась в ненадеж-

ном укрытии на дне донга, иногда бросая взгляд на прочесываемую пулями равнину и ряд смолкших орудий. Многие были ранены. Их командир лежал тут же, в бреду все еще отдавая приказы батареям. Отважный хирург Баптье, пробравшийся к ним под жесточайшим огнем, делал все, что в человеческих силах, помогая страдающим от ран. Время от времени люди выскакивали на открытое пространство, иногда в надежде выпустить хоть один снаряд, иногда чтобы вынести раненного товарища из-под безжалостного града пуль. Насколько ужасным был свинцовый шторм, демонстрирует факт, что один артиллерист был найден с шестьюдесятью четырьмя ранами. В этих вылазках погибло несколько человек, после чего уцелевшие, пав духом, вновь залегли в донга.

Они верили, что орудия еще не потеряны, и что прибытие пехоты позволит им вновь вступить в бой. Пехота, наконец, подошла, но в таком незначительном количестве, что скорее усугубила положение, чем облегчила его. Полковник Баллок подтянул две роты Девонцев в дополнение к двум ротам Шотландских Фузилеров, изначально прикрывавших орудия. Но эта горстка солдат не могла изменить ход событий. Они также залегли в овраге в ожидании лучших времен.

Наконец отчаянное положение батарей привлекло внимание генералов Буллера и Клери. Они подошли к езовым, укрывавшимся в нулла* вместе с оставшимися лошадьми. Между ними и оврагом, где прятались артиллеристы Лонга и Баллок со своими Девонцами, лежало открытое пространство. "Есть добровольцы спасти орудия?" – крикнул Буллер. Вызвались капрал Нурс, канонир Янг и еще несколько человек.

Отчаянное предприятие возглавили три личных адъютанта генералов: Конгрив, Шофилд и Робертс – единственный сын знаменитого солдата. Они взяли две упряжки. Последовала бешеная скачка сквозь адский огонь, и каждая команда привезла по одному орудью. Но потери оказались ужасающими, а младший Робертс получил смертельную рану. Конгрив оставил отчет, красноречиво свидетельствующий, что может творить современный ружейный огонь на дистанции в тысячу ярдов. "Первая пуля прошла сквозь мой левый рукав, оцарапав локоть, затем осколок камня ударил меня по правой руке, вскоре одна пуля попала в лошадь, а вторая в мою правую ногу, затем еще одна пуля в лошадь и это был конец". Отважный парень умудрился доползти до горемык, прятавшихся в донга. Робертс

* Nullah - *инд.* пересохшее русло реки.

настоял, чтобы его бросили там, где он упал, не желая подвергать опасности других.



Попытка британцев спасти орудия у Коленсо

Тем временем прибыли две дополнительные упряжки под командой капитана Рида из 7-й батареи. Он предпринял еще одну отчаянную попытку спасти орудия. Цена оказалась слишком велика. Две трети лошадей и половина людей, включая капитана, выбыли из строя, после чего генерал Буллер приказал прекратить дальнейшие попытки спасти покинутые батареи. И он, и генерал Клери получили легкие ранения, кроме того, действия войск на поле сражения требовали их неотступного внимания. Но, даже делая скидку на давление многочисленных обязанностей, неразбериху и сумятицу большого боя, случившееся невозможно понять. Решение безропотно отдать орудия в руки противника выглядит одним из самых невероятных случаев в британской военной истории. Не вызывает сомнений: если наши артиллеристы не могли оставаться под огнем противника, буры в равной степени не смогли бы овладеть орудиями под огнем пары батальонов нашей пехоты. Имелось немало подразделений, слабо вовлеченных в сражение, которые можно было выделить для подобной задачи. Люди из Конной Пехоты вызывались взять это дело на себя, и никто не смог бы исполнить задачу лучше. Времени также было с избытком. Орудия бросили около одиннадцати, а буры отважились захватить их не ранее четырех. Пушки не только можно было спасти, они могли послужить великолепной приманкой,

манящей буров из траншей. Наверняка Черри Эмметт и его люди приближались к трофеям со страхом и опаской, не смея поверить в невероятную удачу. Однако унижительный и необъяснимый факт остается фактом – батареи покинули, войска отошли. Противнику достались десять орудий, Девонцы со своим полковником и Фузилеры, весь день укрывавшиеся в донга.

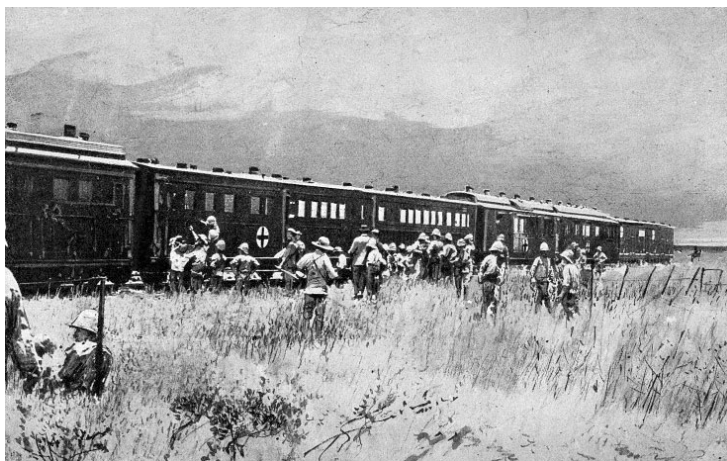
Продвигаясь слева направо, мы проследили действия бригады Харта у Бридл-Дрифт, бригады Литтелтона, поддерживавшего наступление, Хилдьярда, атаковавшего Коленсо и злосчастных батарей, пытавшихся ему помочь. Осталось рассмотреть влияние на общую операцию действий двух отрядов на правом фланге: конницы Дандоналда, атаковавшей Хлангване-Хилл – укрепленную позицию буров на юг от реки, и помогавшей им бригады Бартон.



Дуглас Кохрейн, 12-й граф Дандоналд

Силы, имевшиеся в распоряжении Дандоналда, были совершенно недостаточны для захвата сильно защищенной высоты, и возможно, его действия в действительности являлись разведкой боем, а не реальной атакой. В целом он располагал не более чем тысячей человек, преимущественно бойцами иррегулярной армии, а перед ним возвышался крутой холм, опоясанный траншеями, прикрытый заграждениями из колю-

чей проволоки и огнем пулеметов. Но для отважных колонистов это был первый настоящий бой и они с энтузиазмом пошли в атаку. Спешившись, бойцы около полутора километров продвигались шагом, пока не оказались в пределах досягаемости огня затаившихся буров и не получили урок, уже усвоенный их товарищами на других участках наступления – приблизительно равные по численности, наступающие по открытой местности войска не имеют никаких шансов против окопавшегося противника, и чем решительнее напор, тем жестче ответ. Колонисты вели себя не хуже старых солдат, делая все, что только может сделать смертный. Они отошли спокойно и медленно, оставив на поле боя 130 своих отважных товарищей. 7-я Полевая Батарея предприняла все возможное для поддержки наступления и прикрытия отхода. В этот горький день ни на одном участке сражения не сверкнул даже лучик успеха, способный согреть сердца и вознаградить усердие наших стойких, выносливых солдат.



Коленсо. Погрузка раненых в санитарный поезд

О бригаде Бартона рассказывать особенно нечего. Она не поддержала атаку на Хлангване-Хилл на одном фланге и не помогла прикрыть злосчастные орудия на другом. Дандоналд просил Бартона о помощи, но тот отказал. Если настоящий замысел генерала Буллера состоял в проведении разведки боем, с целью определить конфигурацию и силу занимаемой бурами позиции, тогда, конечно, объяснимы чувства его бригадиров, не желавших втягивать войска в битву, возникшую в результате недоразумения. С другой стороны, насколько мож-

но судить по отданным в течение дня приказам, серьезное столкновение планировалось изначально, и вследствие этого ситуация, когда две бригады из четырех сыграли столь незначительную роль, выглядит довольно странно. Бартон отвечал за прикрытие правого фланга от возможных контратак буров. Но эта задача может объяснить бездействие бригады до того момента, пока не стало очевидным, что противник атаковать не планирует. При правильной оценке ситуации, по меньшей мере два батальона могли быть выделены для прикрытия потерянных орудий ружейным огнем. Две роты Шотландских Фузилеров разделили судьбу орудий. Две других роты и рота Ирландских Фузилеров поддерживали орудия огнем, но ведь бригада в целом, вместе с 1-м Королевским и 13-м Гусарским, в этот тяжелый день также могла подставить плечо товарищам.



Железнодорожный мост, взорванный бурами перед боем

Итак, первая попытка освободить Ледисмит завершилась. Около двенадцати часов войска получили приказ отступать в лагерь. Не было никаких признаков беспорядочного бегства или паники, при отходе люди проявили такую же выдержку, как и при наступлении. Но факт остается фактом – мы потеряли около 1200 человек убитыми, ранеными и пленными, абсолютно ничего не приобретя взамен. Мы даже не могли утешиться мыслью, что противник понес урон, сравнимый с нашим, поскольку враг в ходе боя настолько ловко маскировался,

что его потери едва ли превысили сотню человек. Что касается артиллерии, то она в очередной раз доказала свое бессилие в борьбе с противником, засевшим в укрытии.



Санитарные вагоны британцев

К счастью, наши потери убитыми оказались во много раз меньше, чем ранеными, (как всегда случается при ружейном огне, в отличие от более опасной шрапнели). Мы имели приблизительно 150 человек убитыми и около 720 ранеными. Более унизительным пунктом потерь оказались около 250 человек, попавших в плен. Это были артиллеристы, Девонцы и Шотландские Фузилеры, захваченные в донга вместе с небольшим количеством Коннаутцев, Дублинцев и солдат других подразделений, которые, укрывшись в овраге, уже не смогли его покинуть и сидели там, пока общее отступление не поставило их в безвыходное положение. Нескольким горсткам солдат буры, видимо не слишком желавшие увеличивать число пленников, позволили отойти. Полковник Теккерей (Иннискилингские Фузилеры) с небольшой группой солдат оказался в окружении, но благодаря чувству такта и остроумию сумел безопасно вывести бойцов к своим. Потери пришлось, в основном, на бригады Харта, Хилдъярда и иррегулярные колониальные войска, отлично проявившие себя в бою.

В своем официальном рапорте генерал Буллер заявил, что, по его мнению, если бы не действия полковника Лонга и последовавшее за ними несчастье с орудиями, сражение могло бы увенчаться успехом. Это сказано слишком сильно, и, возможно, перекладывает чересчур большую ответственность на

храброго, но невезучего офицера. На войне бывали случаи, когда и более безрассудное выдвижение вперед части нашей артиллерии меняло судьбу сражения, в этом плане слишком суровое обвинение человека, осмелившегося рискнуть, но проигравшего – плохая политика. Наступление по открытой местности на противника, засевшего в траншеях, через реку, протекавшую по фронту, само по себе настолько безнадежное предприятие, что Лонг, видимо, понимал – только отчаянные меры могут спасти положение. Ввести орудия в дело, развернувшись перед фронтом своей пехоты, не имея ясного представления о переднем крае противника, всегда было и будет одним из наиболее рискованных предприятий на поле боя. "Это явное безумие, – говорил принц Крафт, – разворачивать артиллерию на дистанции 600 или 800 ярдов от позиций, удерживаемых вражеской пехотой, если последняя не находится под ружейным огнем, ведущимся с еще более близкого расстояния". Именно это "явное безумие" и совершил полковник Лонг. Но его можно частично оправдать, если принять во внимание, что Лонг разделял общее мнение, считая, что буры находятся на холмах, в то время как их передовые траншеи располагались внизу, у реки. Имея в своем распоряжении недостаточно средств, Лонг произвел такую разведку, какую смог, и хотя горячность и неукротимый дух завлекли полковника в западню, стоившую столь дорого, тем не менее, критику гораздо проще найти извинение этой ошибке, чем последующей, позволившей противнику захватить покинутые орудия. Нет ни одного свидетельства, что потеря орудий повлияла на судьбу сражения в целом, поскольку на других участках поля боя, где пехота имела полную и непрерывную поддержку артиллерии, результат оказался немногим лучше, чем в центре.

Итак, о Коленсо все. В Британской военной истории трудно найти акцию хуже организованную и в некоторых аспектах более странную, чем этот бой. И чем больше проливается свет, тем удивительнее выглядит случившееся. Оно имеет свой пролог и свой эпилог, подвергающие суровому испытанию снисхождение и милосердие, с каким британское общество всегда относилось к неудачам Генерала.

Прологом стало сообщение, отправленное Буллером генералу Уайту, о подготовке атаки на 17-е число, в то время как бой начался 15-го. Гарнизон Ледисмита оказался не готов провести отвлекающую атаку, чтобы не позволить противнику отправить на поддержку Боте существенное подкрепление, если бы тот в нем нуждался. Эпилог выглядит куда серьезнее.

Хотя генерала Буллера официально информировали, что Уайт обеспечен провизией на семьдесят дней, он, возможно пав духом, отправил гелиограмму, советуя осажденным сдать город. Первый ответ Уайта заслуживает места в одном ряду с подозрительной тубой у отсутствующего глаза адмирала Нельсона. Он ответил, что противник наверняка подделывает сообщения Буллера. На это Буллер отреагировал уточняющей гелиограммой, текст которой вместе с ответом сэра Джорджа Уайта приводится ниже:

Сообщение от 16-го декабря, с поправками от 17-го декабря, 1899 года

"Вчера я пытался взять Коленсо, но потерпел неудачу; противник для меня слишком силен, могу предпринять лишь операции по обходу, но для их подготовки потребуется не менее полного месяца. Сможете ли вы столько продержаться?

"Сколько дней вы можете держаться? Я предлагаю вам расстрелять все боеприпасы, какие сможете и оговорить наиболее приемлемые условия сдачи. Если вы имеете альтернативные предложения, я могу остаться здесь, но без подкреплений прорваться не могу. Моя пехота, как выяснилось, не может вести бой на удалении более десяти миль от лагеря, да и то, если обеспечена водой, а воды здесь мало. Что бы ни случилось, соберите и сожгите шифры, кодовые книги и все расшифрованные сообщения".

От сэра Д.Уайта сэру Р.Буллеру. 16-го декабря 1899 года.

"Ваше сегодняшнее сообщение получил и с ним ознакомился. Мои предложения таковы: вы должны занять самую сильную из возможных позиций, позволяющую вам сохранять контакт с противником и постоянно, с максимальной интенсивностью, беспокоить его как артиллерийским огнем, так и другими доступными средствами. Я могу растянуть провизию на срок гораздо больший, чем месяц, и не стану обдумывать условия сдачи, пока меня к этому не принудят. Вы можете нанести противнику гораздо больший урон, чем предполагаете. Все наши шпионы-туземцы докладывают, что ваш артиллерийский огонь производит на врага большое впечатление. Ваши потери так велики? Если вы выйдете из соприкосновения с противником, это в огромной степени увеличит его шансы сокрушить меня, и будет иметь самый неблагоприятный эффект в каком-либо другом месте. Пока вы в контакте с ним и имеете связь со мной, он вынужден считаться с нами обоими. Приложите все усилия, чтобы как можно скорее получить подкрепления, включая войска из Индии, и призовите в обеих колони-

ях каждого человека, способного нести службу и держаться в седле. Взгляните на дело оптимистичнее. Потеря здесь 12000 человек будет для Англии тяжелым ударом. Мы еще не должны об этом думать. Боюсь, я не смогу к вам пробиться. Здесь тревожно растет заболеваемость брюшным тифом. Уже 180 случаев, все за последний месяц. Отвечайте. Я все держу в секрете, пока не узнаю о ваших планах".



Штаб генерала Уайта со в осажденном Ледисмите

Можно понять и оправдать человека, испытавшего шок разгрома и физическое истощение, подобные выпавшим на долю Буллера. То, что он не был немедленно отозван, свидетельствует, что Правительство приняло эти факторы во внимание. Но факт остается фактом: британский генерал, стоявший во главе двадцати пяти тысяч солдат, советует другому генералу, располагавшему двенадцатью тысячами бойцов и находящемуся в двадцати милях от него, сложить оружие перед армией противника, существенно уступавшей британцам в численности, лишь потому, что один раз потерпел неудачу. Вот суть совета, данного Буллером и отвергнутого Уайтом. Чтобы предотвратить катастрофу, способную повергнуть нацию в шок, еще было время, и этого времени хватало, чтобы все ресурсы Империи полноводной рекой хлынули в Наталь. В какое-то мгновение судьба не только Южной Африки, но, как я искренне считаю, судьба всей Империи повисла на волоске, завися от решения старого солдата, осажденного в Ледисмите,

вынужденного отражать предложения собственного главнокомандующего с той же твердостью, что и атаки противника. Он, кто так нуждался в помощи и ободрении, как показывают документы, сам выступил в роли помощника и вдохновителя. Это было невероятное испытание, и сэр Джордж Уайт прошел его со стойкостью и преданностью, спасшими нас не только от страшной беды в настоящем, но и от ужасных воспоминаний, которые преследовали бы британскую армию на протяжении столетий.



*Офицеры буров читают поздравительное послание
президента Крюгера после победы у Коленсо*

ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

Неделя с 10-го до 17-го декабря 1899 года стала самой черной неделей на памяти нашего поколения и самой неудачной для британской армии за целое столетие. В кратчайший промежуток времени (какие-то семь дней), при всех оговорках и оправданиях, мы проиграли три отдельных сражения. Правда, ни одно из этих поражений не было критичным для кампании в целом, но совокупный эффект оказался сильнейшим, ведь ни одна из трех группировок британцев в Южной Африке не добилась успеха. Мы потеряли около трех тысяч человек и двенадцать орудий, однако еще серьезнее оказался эффект, вызванный падением нашего престижа. В результате буры уверились в своих силах, и все больше рекрутов вливалось в их ряды.

Поучительно, просматривая европейскую прессу того времени, следить за ликованием (порой на грани неприличия), с которыми воспринимались наши неудачи. Позиция, занятая французской прессой, вполне естественна, поскольку наша общая история является, большей частью, историей противостояния, и мы с удовлетворением можем воспринимать враждебность Франции как дань нашим успехам. Россия, будучи самым ретроградным государством Европы, испытывает природный антагонизм к образу мыслей и интересам державы, наиболее рьяно отстаивающей идею личной свободы и передового общественного устройства. Подобные слабые оправдания можно найти и для печатных органов Ватикана. Но что можно сказать о бессмысленной брани, доносившейся из Германии, страны, чьим союзником мы были в течение столетий. Во времена Мальборо, в самые тяжелые времена для Фридриха Великого, в годы великой всемирной борьбы с Наполеоном, мы поддерживали их как братья по оружию. То же относится и к Австрии. Эти страны не были стерты Наполеоном с карты Европы лишь благодаря британскому упорству и британским субсидиям.

Горько осознавать, что эти народы яростно обрушились на нас в тот единственный момент современной истории, когда мы получили шанс отличить друзей от врагов. Я верю, что в

будущем, ни под каким предлогом, на подобных союзников не будет потрачена ни одна британская гинейя, и не прольется ни единая капля крови британского солдата или матроса. Из этой истории мы должны извлечь политический урок, и, в будущем, всячески крепя мощь и единство нашей империи, позволить всему остальному миру, исключая наших американских со- племенников, следовать своей собственной судьбе без помощи или помех с нашей стороны. Вызывает изумление, что даже американцы настолько плохо знают народ, из которого вышли, что газета, подобная "Нью-Йорк Геральд", могла предполо- жить, будто наше поражение при Коленсо послужит для нас прекрасной возможностью прекратить борьбу. Другие веду- щие американские газеты оценили ситуацию более здраво, понимая, что даже десять лет подобных поражений не истощат ни нашей решимости, ни наших ресурсов.



Лондон. Новости из Южной Африки

На Британских островах, как и во всей империи, неудачи были встречены с угрюмой, но непреклонной решимостью

продолжать войну до победы и пойти на любые жертвы. В этой череде унижительных поражений утешало лишь одно — наши недоброжелатели вынуждено признали нелепость исходной посылки, что сильный коварно напал на слабого. Под влиянием поражений существенно уменьшилась оппозиция войне внутри страны. Даже наиболее безответственные партийные ораторы опасались утверждать, что бурам навязали войну, когда каждое новое сообщение из Южной Африки демонстрировало, насколько тщательно подготовились к столкновению они, и как много предстоит наверстывать нам. Многие из тех, кто осуждал войну, из спортивного азарта принимая сторону слабого, начали понимать, что при географической удаленности этих людей, природе их страны, подвижности, численности и стойкости их бойцов, мы ввязались в предприятие, требовавшее таких усилий, каких еще не приходилось предпринимать Империи. На заре конфликта строки Кипплинга о "пятидесяти тысячах конницы и пехоты, отправляющихся в Тейбл-Бей" казались гиперболой. Теперь до общественного мнения дошло, что цифра и в четыре раза большая не является чрезмерной. Нация слилась в едином порыве. Британцы боялись одного (выражая это громко и повсеместно), что Парламент поведет себя в сложившейся ситуации слишком мягко и не решится потребовать достаточных жертв. Страну охватило такое воодушевление, что стало невозможно проводить митинги в поддержку мира без угрозы нарушения общественного порядка. Прекрасно редактируемый лондонский ежедневник, один из немногих выступавших против войны, под давлением общественного мнения вынуждено изменил свою точку зрения. В провинциях оппозицию не было слышно. Большинство колоний также единодушно поддерживали метрополию. Неудача нас сплотила, в то время как успех мог бы породить пацифистские настроения.

Решимость нации отразилась на решительности мер, принятых Правительством. Не успел глубоководный телеграфный кабель донести до Островов скорбный список британских потерь, как страна предприняла шаги, доказавшие всему миру, насколько велики наши скрытые резервы и тверд наш дух. 18-го декабря, через два дня после Коленсо, для продолжения кампании было решено:

1. Поскольку генерал Буллер занят в Натале, руководство кампанией в целом передать в руки лорда Робертса (с лордом Китченером в качестве начальника штаба). Таким образом, знаменитый старый солдат и не менее славный молодой, при-

зывались на помощь своей стране.

2. Объявить призыв всех армейских резервистов.

3. 7-ю дивизию (10 000 человек) отправить в Африку и начать формирование 8-й дивизии.

4. Туда же отправить значительное количество артиллерии, включая бригаду гаубиц.

5. Отправить за границу одиннадцать батальонов Милиции.

6. Сформировать и отправить крупный контингент Волонтеров.

7. Отправить Йоменов (территориальная конница)

8. По усмотрению Главнокомандующего сформировать в Южной Африке кавалерийский корпус.

9. Принять предложения колоний по отправке собственных воинских контингентов.



Боец Имперской Йоменри

Благодаря этим мерам к нашей, не менее чем сотысячной африканской армии, добавлялись еще от семидесяти до ста тысяч человек.

Конечно, одно дело создавать армию на бумаге и совсем другое превратить красивые планы в реальные подразделения

и эскадроны в свободной стране, где нетерпимо малейшее принуждение. Но если кто-то и сомневался, что в нашей древней нации еще теплится молодой задор, то его опасения вскоре рассеялись. Для войны на краю света, где невидимый враг из засады наносит смертельные удары, нашлось столько добровольцев, что призывные пункты не справлялись с наплывом. Длинные вереницы молодых людей в цилиндрах и сюртуках, ожидавшие свою очередь в канцеляриях воинских подразделений, представляли собой волнующее зрелище. Эти юноши стремились на войну с такой страстью, будто грубая пища, ночи в бескрайнем вельде и пули буров – лучшее, что могла дать им жизнь. Имперская Йоменри – подразделения наездников и стрелков – в наибольшей степени отвечала спортивным привычкам нашей расы.

Одни из добровольцев могли ездить верхом, но плохо стреляли, другие умели стрелять, но не держались в седле. Было отвергнуто больше кандидатов, чем принято, но в самый короткий срок восемь тысяч мужчин всех сословий надели серые куртки и бандольеры*. Тут были и англичане и шотландцы, и великолепные наездники – ирландские охотники на лис. Аристократы и конюхи плечом к плечу стояли в шеренгах рядовых, а среди офицеров было немало известных сквайров и обер-егермейстеров. С отличным оружием, на прекрасных лошадях – трудно вообразить лучшие подразделения для намечавшейся работы. Патриотические чувства были настолько сильны, что Йомены не только встали в строй со своим снаряжением, но и перечислили причитающееся им жалование в военный фонд. Многие из богатых повес, возможно впервые в жизни, оправдали собственное существование. Из одного клуба, слывшего прибежищем "золотой молодежи", три сотни членов отправились на войну.

Кроме этих, только создаваемых подразделений, британские генералы в Африке могли рассчитывать на две дивизии, одна из которых уже начала выгрузку, а другая еще находилась в море. Речь идет о 5-й дивизии под командованием сэра Чарлза Уоррена и 6-й дивизии под командованием генерала Келли-Кенни. Пока эти силы не подошли, лучшей тактикой для трех наших армий оставалось выжидание, поскольку, без неотложной потребности спасать осажденный гарнизон или непредвиденных осложнений в Европе, каждая проходящая неделя играла на нас. В войне наступило долгое затишье. Ме-

* Нагрудные патронташи.

туэн закрепился на Моддер-Ривер, Гетекри стоял у Стеркстрома, а Буллер копил силы для очередной попытки освободить Ледисмит. В этот промежуток времени лишь генерал Френч провел серию удачных операций в окрестностях Колесберга, которые будут описаны ниже. А сейчас кратко упомянем, чем занимались наши группировки до окончания периода вынужденного бездействия.

После отпора, полученного у Магерсфонтейна, Метуэн откатился на берега Моддер-Ривер и укрепив их, обезопасил себя на случай наступления противника. Кронье, в ответ, растянул свои позиции на флангах, попутно усовершенствовал и без того труднопреодолимую оборону. Таким образом, сложилась выгодная для нас ситуация: войска Метуэна снабжались по железной дороге, тогда как к Кронье все запасы доставлялись за сотню миль гужевым транспортом. Британские войска, особенно Бригада Хайлендеров, после перенесенных тяжелых испытаний крайне нуждались в отдыхе. Генерал Гектор Макдоналд, чья репутация отразилась в заслуженном солдатском прозвище "Боевой Мак", был вызван из Индии на место несчастного Ваухопа.



Генерал Гектор Макдоналд

В ожидании подкреплений Метуэн сохранял спокойствие, а буры, к счастью, следовали его примеру. Серебристые про-

блески прожектора в северной части горизонта по прежнему свидетельствовали, что Кимберли бесстрашно переживает настоящее и с надеждой смотрит в будущее.

1-го января пал британский пост в Курумане, при этом в плен сдались двенадцать офицеров и 120 полицейских. Однако этот городок лежал в стороне от основных театров военных действий и его захват ни как не повлиял на общий ход операций. Случившееся примечательно тем, что это был первый укрепленный пост, захваченный бурами.



Британские солдаты на Моддер-Ривер распределяют подарки, полученные от Королевы

Монотонность длительного бездействия прервал стремительный рейд, совершенный подразделением, охранявшим коммуникации Метуэна. Этот отряд состоял из двухсот Квинслендерцев, сотни Канадцев (Торонтская рота), сорока конных Мюнстерских Фузилеров, госпиталя из Нового Южного Уэльса и двух сотен бойцов Легкой Пехоты Герцога Корнуэльского при поддержке одной батареи Конной Артиллерии. Необычным подразделением, малочисленным и к тому же собранным со всех уголков земли, командовал полковник Пилчер. Внезапно и быстро выйдя из Белмонта, отряд нанес удар по крайнему правому флангу буров, где находился лагерь местных повстанцев из граждан колонии. Трудно передать восторг сол-

дат в преддверии акции. "Наконец!" – радовались канадцы, получив приказ наступать. Успех был полным. Повстанцев разбили и вынудили отступить, их лагерь был взят, а сорок мятежников попали в плен. Наши потери оказались небольшими – трое убитых и несколько раненых. Летучий отряд занял городок Дуглас и поднял над ним британский флаг, но, зная, что город удержать не удастся, войска вернулись в Белмонт. Захваченные повстанцы были отправлены в Кейп-Таун, где предстали перед судом.



Полковник Пилчер



Конная артиллерия Пилчера готовится к маршу

Маневр прикрывался выдвижением сил из колонны Метуэна под командой Бабингтона. Этот отряд состоял из Улан 9-го и 12-го полков, конной пехоты, батареи "G" Конной Артиллерии и имел задачу прикрыть Пилчера с севера. Стоит особо упомянуть факт, что два отряда, действуя на расстоянии около тридцати миль, смогли установить между собой телефонную связь, причем среднее время между запросом и ответом составляло всего семнадцать минут.

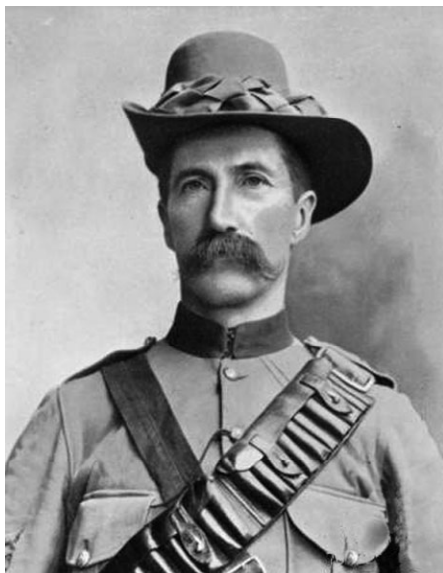


Генерал-майор Джеймс Бабингтон

9-го января, воодушевленная этим маленьким успехом, кавалерия Метуэна совершила повторный рейд на территорию Оранжевой Республики, замечательный тем, что, не считая Родезийского отряда полковника Пламера, это был первый переход нашими войсками вражеской границы. Экспедиционные силы под началом Бабингтона состояли из тех же подразделений и той же батареи, что прикрывали Пилчера.

Для операции выбрали юго-восточное направление, чтобы как можно дальше обойти левый фланг бургских позиций. При поддержке Викторианских Конных Стрелков был разорен значительный участок вражеской территории, а некоторые фермы разрушены. Последнюю экстремальную меру можно рассматривать как предупреждение бурам, что грабежи, допускавшие-ся ими в Натале, не останутся безнаказанными. Однако и даль-

новидность, и гуманность подобного курса вызывает некоторые сомнения. Определенно, у президента Крюгера были причины для протеста, направленного нам по поводу этих событий. К концу второго дня экспедиция вернулась в Моддер-Кемп, не встретив ни одного вражеского бойца.



Сержант Викторианских Конных Стрелков

За исключением одной-двух подобных кавалерийских вылазок, случайного обмена выстрелами дальнобойных орудий, редких случаев снайперской охоты и одной-двух ложных ночных тревог (расцвечивавших весь фронт у Магерсфонтейна яркими желтыми лентами яростного ружейного огня), на участке Метуэна не происходило ничего достойного упоминания. Так продолжалось до самого выступления генерала Гектора Макдоналда на Коодоосберг, приуроченного к решительной операции лорда Робертса, частью которой являлся этот маневр.

Действия сил генерала Гетекри в течение долгого периода времени, с момента поражения под Стромбергом до финального наступления, могут быть описаны очень кратко. Хотя номинально генерал командовал дивизией, войска Гетекри постоянно отвлекались то на восток, то на запад, поэтому он редко имел под своим началом более бригады. В эти недели ожидания Гетекри располагал тремя полевыми батареями (74-й, 77-й и 79-й), отрядом конной полиции и иррегулярной кавалерии,

остатками Королевских Ирландских Стрелков и 2-го батальона Нортумберлендских Фузилеров, 1-м батальоном Королевских Шотландцев, Дербиширцами и Беркширцами. Общая численность его дивизии составляла около 5500 человек, при этом, имея перед лицом победоносного противника, а за спиной мятежное население, он отвечал за округ от Стеркстроома до Ист-Лондона на побережье.



Капитан Раймонд де Монморенси

При таком положении дел Гетекри не мог решиться на что-то большее, чем защита Стеркстроома, и придерживался подобной тактики, пока фронт буров не развалился сам собой. Монотонность бездействия скрашивали лишь вылазки и набеги, главным образом организуемые капитаном Де Монморенси – но ранняя смерть прервала карьеру офицера с яркими задатками партизанского лидера. Последние недели уходящего года запомнились рядом мелких стычек около городка Дордрехт, послуживших войскам своего рода упражнением в партизанской войне.

3-го января буры двинулись вперед и атаковали лагерь Капской Конной Полиции, располагавшийся в восьми милях перед главной позицией Гетекри. Однако противник действовал вяло и был отбит с малыми потерями с его стороны (и еще меньшими с нашей). С тех пор, до момента, когда общее на-

ступление по всей линии фронта не расчистило дорогу, в колонне генерала Гетекри не происходило никаких серьезных событий.



*Письма с родины
(Почтовый офис в Южной Африке)*

Булер также выжидал. Убедившись, что Ледисмит может держаться, он принялся копить силы для второй попытки освободить стойкий, но измученный гарнизон. После неудач у Коленсо бригады Хилдъярда и Бартоня вместе с конной пехотой, морскими орудиями и двумя полевыми батареями оставались у Чивели. Остальные силы отошли на несколько миль дальше (к Фриру). Буры, ободренные успехами, отправили рейдеров за Тугелу на фланги нашей группировки, где их сдерживали лишь патрули, прикрывавшие пространство от Спрингфилда на западе до Винена на востоке. Несколько разоренных ферм и небольшой список убитых и раненных с каждой стороны – таков результат этих бессистемных и вялых стычек.

Время здесь, как и повсюду, работало на британцев. В армию Буллера постоянно прибывали подкрепления. К новому году в Эсткорте почти укомплектовали 5-ю дивизию сэра Чальза Уоррена, готовую появиться на фронте в любой момент. Эта дивизия включала 10-ю бригаду (Имперская Легкая Пехота, 2-й батальон Сомерсетцев, 2-й Дорсетцев и 2-й Миддлсекцев) и 11-ю бригаду, прозванную Ланкаширской (2-й батальон Королевских Ланкастерцев, 2-й Ланкаширских Фузиле-

ров, 1-й Южных Ланкаширцев плюс батальон Йоркцев и Ланкастерцев). Дивизия располагала также 14-м Гусарским полком и тремя батареями Полевой Артиллерии (19-й, 20-й и 28-й). Другие батареи, включая гаубичную, уже прибыли для усиления войск Буллера, которые теперь насчитывали до 30000 человек. Однако чтобы войска приобрели мобильность, необходимую для флангового маневра, требовались невероятные усилия по подготовке транспорта, и новый план генерала Буллера начал воплощаться в жизнь лишь 11-го января.



Командир 5-й дивизии сэр Чарльз Уоррен

Перед тем как рассказать об этом наступлении и связанных с ним несбывшимися надеждами, мы должны вернуться к осаде Ледисмита и поведать, насколько близки были наши войска к унижению, а некоторые сказали бы к позору, видеть, как город, который они собирались спасти, пал у них на глазах. Этого не произошло лишь благодаря невероятному упорству и невероятной же, буквально дикой выносливости изнуренных болезнями, полуголодных людей, сумевших удержаться на слабых оборонительных рубежах, прикрывавших Ледисмит.

ОСАДА ЛЕДИСМИТА

Британцу не очень приятно вспомнить понедельник 30-го октября 1899 года. В поспешном и плохо организованном сражении мы потеряли отряд, отправленный на левый фланг, в то время как наш правый фланг, пусть без особых потерь, но как-то унижительно, загнали обратно в Ледисмит. Наша артиллерия уступала по дальности стрельбы, нашу пехоту остановили, а кавалерию словно парализовали. Восемьсот пленных могут показаться незначительными потерями в сравнении с Седаном или Ульмом, но все относительно, и войска, сложившие оружие у Николсонс-Нек – самый крупный британский отряд, сдавшийся со времен наших великих дедов, когда злосчастный герцог Йоркский командовал во Фландрии.

Сэр Джордж Уайт столкнулся с неизбежностью блокады, к которой, по-видимому, совершенно не готовились, поскольку, несмотря на все еще свободную железную дорогу, позволил остаться в городе громадному числу бесполезных ртов. Ледисмит лежал в низине, окруженной господствующей над ней цепью холмов. Некоторые из высот располагались поблизости, другие в отдалении. Ближайшие холмы находились в наших руках, но в первые дни войны не было предпринято даже попыток укрепить и удержать Булвана-Хилл, Ломбардс-Коп и другие позиции, с которых противник мог обстреливать город. Можно ли было их удержать – по данному вопросу у военных нет единого мнения, но большинство склонялось к мысли, что, по крайней мере Булвана-Хилл, имевший собственные источники воды, оборонять следовало. Однако этот чисто академический вопрос, поскольку внешняя цепь холмов быстро оказалась в руках противника. Таким образом, периметр обороны протяженностью четырнадцать миль проходил по внутренней линии: Кисарс-Кемп, Вагон-Хилл, Райфлмен-Пост и Хелпмакаар-Хилл. Сложность обороны столь растянутой линии более чем оправдывает генерала Уайта, решившего не только бросить внешние высоты, но и приказавшего кавалерии оставаться в городе.

После Ледисмитского сражения и отступления британцев, буры в свойственной им осторожной, но действенной манере,

готовились к осаде города, а британский командующий, сми-
рившись с судьбой, довольствовался мыслью, что ему удалось
отвлечь на себя и остановить армию противника, неудержи-
мым потоком хлынувшую в колонию. Во вторник, среду, чет-
верг и пятницу бурские коммандо постепенно, с юга и востока,
замыкали кольцо окружения. Действия нашей кавалерии и раз-
ведчиков время от времени беспокоили бюргеров, однако
пресса сильно преувеличила эффект подобных стычек. В чет-
верг 2-го ноября, под оживленным ружейным огнем, из города
вырвался последний поезд. Его пассажирам пришлось укры-
ваться от пуль за сидениями. В два часа по полудни того же
дня, противник перерезал телеграфную линию, и одинокий
город в мрачном расположении духа принялся готовиться к
своей новой задаче – отражению атак буров до того недалеко-
го, как хотелось верить, дня, когда из лабиринта холмов на юге
выйдет освободительная армия. У тех, кто хорошо знал и вра-
га, и холмы сердце стыло от дурных предчувствий. Они зада-
вались вопросом: сможет ли армия пробиться к городу? Но
большинство, от генерала до рядового, безоговорочно верили в
доблесть своих товарищей и удачу британского оружия.

Один из примеров подобного благоволения судьбы, в обра-
зе бесценных морских орудий, они видели своими глазами.
Орудий, эффектно прибывших в наиболее кризисный момент
боя, укротивших монстра на Пепворт-Хилл и прикрывших от-
ступление армии. Без них осажденные оказались бы бессильны
перед жерлами гигантских "Крезос". Вопреки наивной уверен-
ности буров в особом Промысле Божьем (то, что один герман-
ский критик назвал "поставить под ружье Всемогущего") в
первые месяцы войны счастливый случай, или милосердное
вмешательство, вновь и вновь спасали британцев от разгрома.
Теперь, в первые недели ноября, когда каждый холм с севера и
юга, с востока и запада озарялся вспышками и окутывался ды-
мом выстрелов, когда огромные 96-ти фунтовые снаряды с
ревом и скрипом проносились над головой, солдаты и жители
города с надеждой смотрели на крепких бородатых моряков,
работавших у длинноствольных 4,7-дюймовок. Эти орудия
Лембтона, вместе с двумя устаревшими 6,3-дюймовыми гау-
бицами (с прислугой из людей, уцелевших после гибели 10-й
Горной Батареи), всеми способами старались мешать огню
тяжелых бурских орудий. Если они и не спасали положение,
то, по крайней мере, могли вести дуэль, а, имея возможность
отвечать выстрелом на выстрел, гарнизон чувствовал себя го-
раздо увереннее.

К концу первой недели ноября буры взяли город в огненное кольцо. К востоку от Ледисмита лежала большая зеленая равнина протяженностью в несколько миль, изрезанная петлями Клип-Ривер, служившая выпасом для лошадей и скота. За ней высился знаменитый Булвана-Хилл, со своей длинной, словно срезанной вершиной.

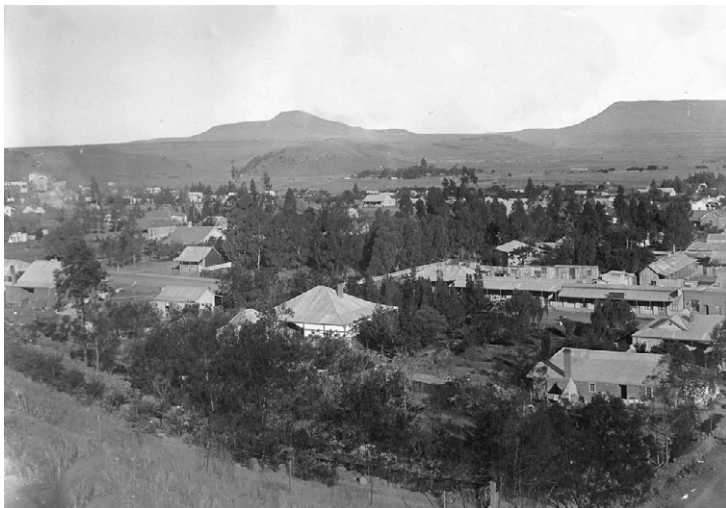


Ледисмит, вид на Булвана-Хилл

Там буры установили один большой "Крезо" и несколько меньших орудий. К северу, на Пепворт-Хилл, стоял другой "Крезо", а между ними, на Ломбардс-Коп, так же расположились батареи противника. Британские морские орудия установили на этой стороне, поскольку здесь периметр обороны был наиболее уязвим для атак противника. Отсюда, в западном направлении, до Бестерса на юге тянулась непрерывная цепь холмов, на которых также стояли орудия буров, которые, не угрожая городу непосредственно, эффективно удерживали гарнизон от вылазок. Позиции буров были неприступны – это признавалось всеми критиками, и в массе высказанных ими замечаний ни разу не прозвучала мысль, что Уайту с его гарнизоном следовало предпринять попытку прорыва, поскольку это повлекло бы за собой тяжелые неоправданные потери.

Первый день осады омрачился смертью лейтенанта Эгертона с "Пауэрфул", одного из самых талантливых офицеров Флота. Он лежал на парапете из мешков с песком, наблюдая за эффективностью нашего огня, когда разрывом вражеского снаря-

да ему оторвало ногу и ступню на другой ноге. "Конец моему крикету", – сказал отважный спортсмен, и его понесли в тыл, с сигарой в стиснутых зубах.



Ледисмит, вид на Ломбардс-Коп

3-го ноября вдоль дороги на Коленсо выслали усиленный кавалерийский отряд, чтобы выяснить, каковы силы противника на этом направлении. Полковник Броклхарст взял с собой 18-й и 19-й Гусарские полки, 5-й Уланский и 5-й Гвардейский Драгунский. Кроме того, в вылазке участвовала Легкая Конница и Натальские Волонтеры. Разведка закончилась какой-то ни к чему не приведшей беспорядочной стычкой, примечательной, в основном, великолепным поведением колониальных войск, доказавших, что они не уступают в отваге солдатам регулярной армии, одновременно превосходя их в тактическом мастерстве, столь необходимом на данном театре войны. Смерть майора Таунтона, капитана Кнеппа и молодого Бранбанта, сына генерала, столь много сделавшего на более поздней стадии войны – слишком дорогая цена за сведения, что буры располагают значительными силами на юге.

К концу недели город смирился с мыслью об осаде и занялся рутинными проблемами. Генерал Жубер, с присущим ему благородством, позволил гарнизону отправить всех некомбатантов в место, получившее название Интомби-Кемп, вскоре переименованного шутниками в Фанкерсдорп (*fank* – трус), где они находились в безопасности от артиллерийского обстрела,

хотя все тяготы снабжения естественно ложились на измученный комиссариат.



Вид на Интомби-Кемп

Но большинство здоровых взрослых горожан решили разделить общую судьбу и крепко вцепились в свой истерзанный снарядами городок. К счастью, русло реки имело крутые берега, в которых осажденные рыли пещеры, служившие отличными бомбоубежищами. В этих укрытиях горожане подобно троглодитам жили несколько месяцев, возвращаясь в свои дома лишь в благословенный седьмой день отдыха, подаренный им богобоязненной осаждающей стороной.

Периметр обороны разделили таким образом, что каждое подразделение несло ответственность за собственный участок. За южную сторону, до вершины холма, прозванного Кисарс-Кемп, отвечали Манчестерцы. Между Ломбардс-Коп и городом, на северо-востоке, стояли Девонцы. На уязвимом северном направлении оборону занимали бойцы Стрелковой Бригады, Стрелки и остатки 18-го Гусарского полка. На западе стояли Уланы 5-го полка, 19-й Гусарский и 5-й полк Гвардейских Драгун. Остальные войска расположились по окраинам города.

Похоже, заняв позиции на господствующих высотах, буры рассчитывали на быструю капитуляцию нашей армии. Но к концу недели они, как и британцы, осознали, перспективу долговременной осады. Бюргеры вели по городу интенсивный, но не слишком результативный огонь, хотя с каждой неделей его

эффективность росла. Их стрельба с дистанции в пять миль отличалась исключительной точностью. Одновременно стрелки противника становились все более настырными и во вторник 7-го ноября буры предприняли вялую, отбитую без особого труда, атаку с юга на позиции Манчестерцев. Однако 9-го числа их попытка носила серьезный и упорный характер. Действия началась с сильного артиллерийского обстрела и демонстративного ружейного огня по всему периметру, имевшему целью помешать сосредоточению наших резервов в действительном месте атаки, которая вновь проводилась на Кисарс-Кемп. Очевидно, буры с самого начала считали, что здесь лежит ключ ко всей позиции, поскольку обе серьезные атаки (9-го ноября и 6-го января) были направлены именно в эту точку.

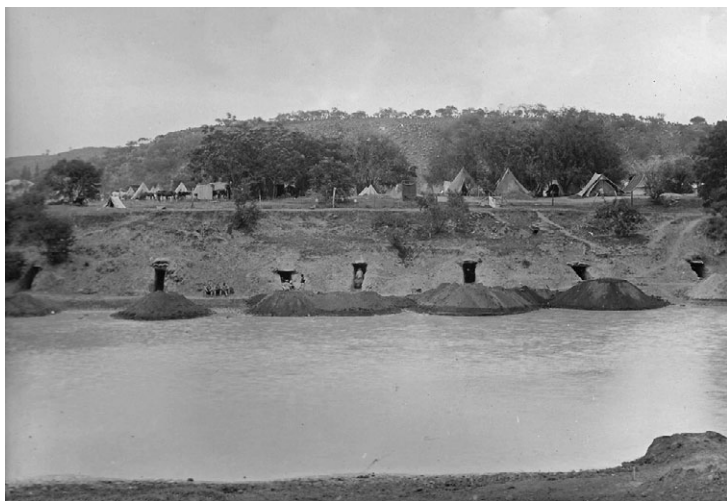


Манчестерцы на Кисарс-Кемп

Манчестерцев у Кисарс-Кемп усилили 1-м батальоном 60-го Стрелкового полка, занявшего продолжение той же гряды — высоту, прозванную Ваггон-Хилл. На рассвете выяснилось, что стрелки буров находятся на дистанции восемь сотен ярдов, и с раннего утра до наступления темноты холм находился под непрерывным обстрелом. Буры (за исключением случаев, когда обстоятельства им в высшей степени благоприятствуют), несмотря на несомненную личную отвагу, не слишком хороши в атаке. Их национальные привычки, основанные на бережном отношении к человеческой жизни, всячески восстают против подобной формы боя. Как результат, два подразделения на укрепленных позициях смогли сдерживать противника весь день, потеряв немногим более тридцати человек убитыми и

ранеными, в то время как бургеры, от шрапнели 42-й батареи и огня пехоты, должно быть, пострадали намного больше. Результатом акции стала твердо обоснованная уверенность, что при свете дня у буров очень мало шансов прорвать линию обороны. Поскольку на эту дату выпал еще и день рождения Принца Уэльского, то наш дневной успех дополнительно отметили двадцать одним оглушительным залпом морских орудий.

Провал попытки захватить Ледисмит, похоже, склонил противника к мысли, что затяжная игра, в которой голод, артобстрел и заразные болезни выступают их союзниками, будет надежнее и дешевле, открытого штурма. С вершин отдаленных холмов они принялись изводить город артобстрелом, в то время как гарнизон и жители запаслись терпением и научились если не радоваться, то, по крайней мере, невозмутимо переносить ужасный треск 96-ти фунтовых снарядов и шрапнель грохотавшую по кровлям домов.



Лагерь и укрытия Имперской Легкой Конницы

Еды было достаточно, к тому же осажденным повезло, что в Ледисмите оказался первоклассный организатор – полковник Вард (знаменитость Ислингтона). Опираясь на помощь полковника Стоунмана он систематизировал сбор и отпуск продовольствия и военным, и гражданским, растянув его на срок больший, чем можно было рассчитывать. Под проливными дождями, по колено в грязи, досадуя на собственную бездельность и чувствуя унижительность сложившейся ситуации,

долгие изнурительные недели солдаты ждали освобождения, которое, казалось, не придет никогда. В какие-то дни обстрел был более интенсивным, в какие-то менее, время от времени затевали перестрелку снайперы. Иногда кавалеристы, прихватив орудия, совершали вылазку из города, но чаще всего войска бездействовали – таковы были будни Ледисмита. Лишь неизменная "Ледисмитская Лира" своими шутками в какой-то мере скрашивала удручающую монотонность. Снаряды сыпались на город то ночью, то утром, то в полдень, и даже самые робкие прониклись если не храбростью, то фатализмом. Грохот разрывов и мелодичное гудение шрапнели постоянно звучали в ушах осажденных. Через подзорные трубы британцы могли видеть нарядные женские платья и зонтики бурских дам, прибывших поездом посмотреть на мучения обреченного гарнизона.

Буры были достаточно многочисленны, занимали сильные позиции и поддерживались великолепной артиллерией. Они имели все шансы, изолировав британские войска в Ледисмите, сразу же устремиться на завоевание Наталя. Поступи буры таким образом, трудно сказать, что помешало бы их рейдерам доскакать до самого океана. Между ними и Дурбаном стояли какие-то отряды, полу-батальоны и местные волонтеры. Но и здесь, как на Оранжевой Реке, буров поразил странный паралич. Изначально перед ними лежала беззащитная колония, а первые транспорты с армейским корпусом едва прошли Сент-Винсент, но когда они, наконец, решили действовать, бухта Дурбана оказалась забита нашими судами, а десять тысяч человек уже стояли на их пути.

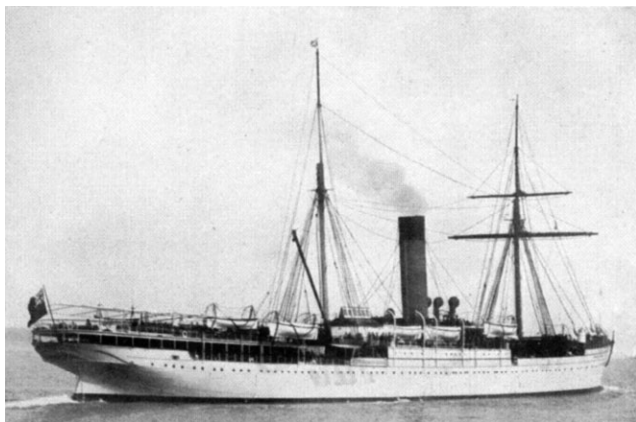


Орудия Морской Бригады на подступах к Дурбану

На время отвлечемся от судьбы Ледисмита и проследим за этим движением буров на юг. За два дня блокады города они развернули свой левый фланг и атаковали Коленсо, лежавший в двадцати милях южнее, огнем дальнобойных орудий вынудив Дурбанскую Легкую Пехоту оставить позиции. Британцы откатились на двадцать семь миль и сконцентрировались у Эсткорта, оставив жизненно важный железнодорожный мост у Коленсо в руках противника. Противник утвердился на северном берегу Тугелы, и множество вдов надело траурную вуаль, прежде чем этот берег вновь стал нашим.

Это была самая страшная неделя войны. Захватив Коленсо, буры предприняли еще один шаг. Они формально присоединили весь Северный Наталь к Оранжевой Республике – весьма опасный прецедент. С удивительной самонадеянностью бюргеры столбили участки под будущие фермы и отправляли своих людей занимать недавно завоеванные земли.

5-го ноября буры оставались настолько инертными, что британцы небольшим отрядом вернулись к Коленсо и вывезли кое-что из оставленного имущества – факт, позволяющий предположить, что первоначальное отступление было преждевременным. Четыре дня прошли без всякой активности со стороны противника – четыре ценнейших для нас дня. Вечером 9-го ноября наблюдатели с сигнальной станции на Столовой Горе заметили дым большого парохода, проходящего остров Роббен. Это был "Рослин Кастл" с первыми подкреплениями.



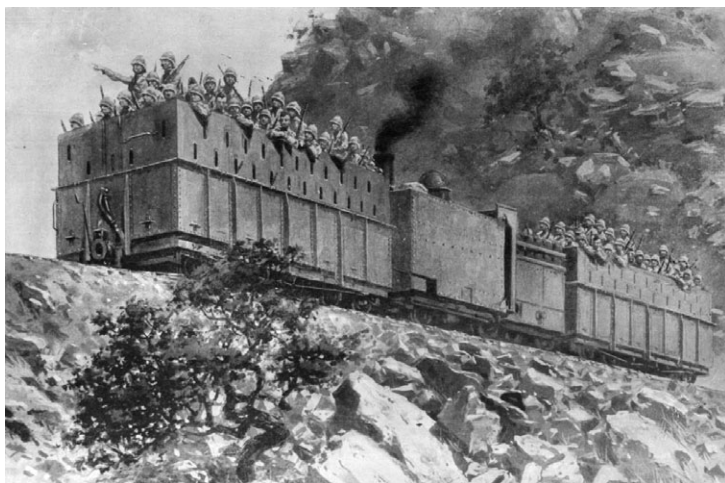
"Рослин Кастл" – первый транспортник, доставивший британские подкрепления в Южную Африку

В течение недели "Мур", "Йоркшир", "Аурания", "Хаварден

Кастл", "Гаскон", "Армениан", "Ориентал" – целый флот судов с 15 000 человек на борту прошел Мыс, держа курс на Дурбан. В который раз моряки спасли Империю!

Только теперь, безнадежно опоздав, буры предприняли неожиданное и довольно эффектное предприятие. Севернее Эсткорта, где генерал Хилдьярд ежедневно получал подкрепления, подходившие с моря, расположились два маленьких городка (по крайней мере, таковыми они считаются на географических и железнодорожных картах). Фрир (около десяти миль севернее Эсткорта) и Чивели (лежавший посредине оставшегося десятимильного интервала между Фриром и Коленсо).

15-го ноября бронированный поезд вышел из Эсткорта, получив приказ разведать, что творится вдоль линии железной дороги. В ходе кампании эту неуклюжую штуковину уже постигло одно несчастье, и теперь еще большая беда подтвердила мнение, что использование подобных монстров в одиночку абсолютно недопустимо.



Британский бронепоезд (рисунок из "Life")

Как средство оперативной доставки артиллерии на поле боя с целью поддержки действующих войск, при гарантированной возможности быстрого отступления в случае необходимости, бронированные поезда, несомненно, займут свое место в современной войне. Но как средство разведки трудно выдумать что-либо более дорогое и неэффективное. Разведчики-кавалеристы могут собрать гораздо больше информации, будучи менее заметными, и имея гораздо больше возможностей

для выбора маршрута. После нашего опыта бронепоезда имеют все шансы "на всех парах" умчаться из военной истории.

В поезде находились девяносто Дублинских Фузилеров, семьдесят Дурбанских Волонтеров и десять моряков с 7-фунтовым орудием. Экспедицию сопровождали капитан Халдейн (Гордонцы), лейтенант Франклэнд (Дублинские Фузилеры) и известный корреспондент Уинстон Черчилль. Случилось то, что должно было случиться. Поезд въехал прямо в наступающую бурскую армию, был обстрелян, попытался бежать, но опрокинулся, наткнувшись на устроенный бурами завал. Железнодорожный инцидент сам по себе вещь довольно нервирующая, то же можно сказать и о засаде, а их сочетание производит ошеломляющий эффект. Среди британцев нашлись храбрые сердца, оказавшиеся на высоте положения. Халдейн и Франклэнд привели в чувство солдат, а Черчилль приободрил машиниста паровоза. Локомотив отцепили и, забив будку машиниста ранеными, отправили в тыл. Черчилль, имевший возможность бежать на этом локомотиве, благородно вернулся, чтобы разделить судьбу своих товарищей. Ошеломленные и потрясенные солдаты какое-то время вяло отстреливались, но, не имея возможности ни отступить, ни дожидаться помощи, сдались в плен. Самые суровые военные критики не могут их осуждать. Немногим, кроме тех, кто спасся на паровозе, удалось выскользнуть из западни. Наши потери составили: двое убитых, двадцать раненых и около восьмидесяти сдавшихся в плен. Примечательно, что из трех офицеров двум (Халдейну и Черчиллю) впоследствии удалось бежать из плена.

Теперь в Южный Наталь хлынули два потока вооруженных людей. Снизу (с юга) состав за составом подтягивались регулярные британские войска, радостно приветствуемые на каждой станции. Над каждой фермой, вдоль железной дороги развешался "Юнион Джек", и жители, вышедшие посмотреть на проносившиеся мимо громадные составы, слышали отзвуки солдатских песен. А сверху (с севера), по свидетельству Черчилля, суровые и решительные фермеры молча рысили сквозь дождь, или пели псалмы у походных костров. Удивительно, что эти отважные, честные и глубоко религиозные люди невольно защищали средневековые и коррупцию, тогда как наши буйные и невосдержанные на язык Томми оказались на стороне цивилизации, прогресса и равноправия.

Силы вторжения, численность которых не могла превышать несколько тысяч человек, грозные лишь своей подвижностью, обошли более многочисленных, но менее активных бри-

танцев у Эсткорта и ударили по нашим коммуникациям. День или два обсуждался вопрос о дальнейшем отступлении, но Хилдьярд, поддержанный советами и присутствием полковника Лонга, решил удерживать позиции. К 21-му ноября разьезды буров продвинулись на юг до самой Ноттингемской Дороги, точки, лежащей в тридцати милях южнее Эсткорта и всего лишь в сорока милях севернее важного города Питермаритцбурга. Положение приняло угрожающий характер. Если противник не будет остановлен, в его руках окажется второй по размерам город колонии. К тому же, со всех сторон стекались новости о разграбленных фермах и разрушенных домах. По меньшей мере, некоторые из рейдеров противника вели себя с непозволительной грубостью. Разбитые в щепки рояли, поврванные картины, безжалостно вырезанный скот, отвратительные надписи – вот яркие проявления хищнической и необузданной стороны парадоксального характера буров. (Мне не раз доводилось слышать от фермеров Оранжевой Республики признание, что разорение, которому они подверглись, было возмездием за их прежние бесчинства в Натале).



Погрузка британского батальона в поезд. Дурбан

В тридцати милях южнее Хилдьярда, оставшегося у Эсткорта, на реке Моои стоял Бартон. Буры предприняли вялую попытку сбить его с позиции, но Жубер уже начал осознавать неисчерпаемость британских резервов и невозможность (с имевшимися в его распоряжении людьми) окружить и блоки-

ровать британские позиции. Он приказал Боте отойти с Моо-Ривер и тот ушел на север.

Крайняя точка бурского проникновения в Наталь была поставлена, но мы не можем утверждать, что это случилось благодаря бою у Уиллоу Гранджа. В данной акции британцами командовали Хилдъярд и Уолтер Китченер, возглавлявшие гарнизон Эсткорта, вставший на пути двухтысячного отряда рейдеров под командованием Луиса Боты. В деле участвовали Восточные Суррейцы, четыре роты Западных Суррейцев, Западные Йоркширцы, Дурбанская Легкая Пехота, 7-я батарея Полевой Артиллерии, два морских орудия и несколько сотен бойцов Колониальной Конницы.

Обнаружив, что противник установил на холме орудие, способное обстреливать Эсткорт, 22-го ноября отряд предпринял ночную атаку, надеясь его захватить. Высоту взяли без труда, но орудия там не оказалось. На рассвете буры предприняли мощную контратаку, и наши войска, понеся небольшие потери и добыв еще меньшую славу, вернулись в город. Суррейцы и Йоркширцы показали себя очень хорошо, но занимали неудобную позицию и плохо поддерживались артиллерией. Конная Пехота Мартина отважно прикрывала отступление. Стычка закончилась тем, что британцы потеряли четырнадцать человек убитыми, плюс пятьдесят ранеными и пленными. Эти потери, несомненно, превосходят потери буров. После ничего не решавшей акции возле Уиллоу Гранджа продвижение буров на юг приостановилось, и генерал Буллер, прибывший на фронт 27-го ноября, обнаружил, что противник вновь занял оборону по Тугеле. Генерал отправился во Фрир, где целиком посвятил свое время и энергию организации армии, с которой ему, после трех поражений, судилось пробить дорогу к Ледисмиту.

Одним из неожиданных и мало известных результатов экспедиции буров в Южный Наталь, стала травма, полученная Жубером при падении с лошади. Последствия оказались столь серьезными, что Жубер вышел из строя до конца кампании. Вскоре он вернулся в Преторию, передав командование на Тугеле в руки Луиса Боты.

Оставив Буллера приводить в порядок армию у Фрира, а буров рыть бесконечные траншеи на берегах Тугелы, еще раз вернемся к судьбе несчастного города, на котором сосредоточилось внимание всего мира и, от которого, возможно, зависела судьба Империи. Несомненно, если бы Ледисмит пал и двенадцать тысяч британских солдат, со всевозможными запасами

стоимостью в миллион фунтов, оказались в руках захватчиков, мы бы стали перед альтернативой или прекратить борьбу, или повторно покорять Южную Африку, начиная от Кейп-Тауна. Южная Африка – это замковый камень Империи, а Ледисмит, на короткий отрезок времени, стал замковым камнем Южной Африки. Но самоотверженность войск, защищавших этот истерзанный снарядами городишко, и вера общества, следившего за ними, не пошатнулись ни на минуту.

8-е декабря примечательно великолепной операцией, проведенной осажденными. О предстоящей вылазке вовне не просочилось ни звука. Даже за четверть часа до ее начала офицеры задействованных подразделений не имели ни малейшего представления о цели предприятия. О, *si sic omnia**! В десять вечера отряд выскользнул из города – шесть сотен солдат иррегулярной армии, набранных из Имперской Легкой Конницы, Натальских Карабинеров и Пограничных Конных Стрелков. Командовал отрядом Хантер – самый молодой и наиболее лихой из британских генералов. Его заместителями были Эдвардс и Бойстон. Люди не знали, куда их ведут, и что им предстоит делать. Они просто бесшумно крались в темноте. Лишь серп луны, изредка мелькавший в просветах туч, тускло освещал затененную мимозами равнину. Наконец, впереди замаячила черная глыба – это был Ган-Хилл, с которого один из "больших Крез" досаждал защитникам города. У подножья холма оставили сильный резерв (четыре сотни), а остальные (сотня бойцов Имперской Легкой Конницы, сотня Пограничников и Карабинеров, десять саперов и майор Хендерсон в качестве проводника) начали осторожный подъем на вершину. Голландский дозор окликнул их, но удовлетворился ответом говорившего по-голландски Карабинера. Люди крались все выше и выше, нарушая тишину лишь стуком случайно скользящего по склону камня и шумом собственного дыхания. Большинство из них оставили обувь внизу. Даже в темноте они в некоторой степени сохраняли боевой порядок, загнув правое крыло вперед, для охвата противника с фланга. Тишину разорвали внезапный треск "Маузера" и факел выстрела. Затем еще один, и еще, и еще! "Вперед, парни! Примкнуть штыки!" – загорланил Кэрри Дэвис. Штыков у британцев не было, но это детали. При слове "штыки" артиллеристов как ветром сдуло, и из мрака перед отрядом возник силуэт огромного орудия, в неясном ночном свете казавшегося просто гигантским. Снять

* О, если бы так всё!

огромный замок! Обмотать длинный ствол артиллерийскими зарядами! Не подпускать охрану, пока не закончена работа! Хантер стоял рядом с орудием, держа в руке фонарь, пока саперы не подготовили подрывной заряд. С грохотом, заставившим обе армии выскочить из палаток, гигантский ствол вместе с лафетом подскочил в воздух и опрокинулся в находившуюся позади яму. Укрытую по соседству гаубицу так же превратили в груды металла. Прикрывавший позицию "Максим" ликующие победители утащили с собой. С первыми лучами солнца под аккомпанемент смеха и радостных возгласов британский отряд вернулся в город. Один раненый (доблестный Хендерсон) – небольшая цена за самую лихую и тщательно спланированную вылазку этой войны. Секретность при подготовке и решительность при исполнении – вот соль солдатского ремесла. Предприятие прошло настолько легко, а охранение буров оказалось настолько беспечным, что, возможно, будь все орудия противника атакованы одновременно, на утро у бюргеров не осталось бы ни единой пушки. (Повреждения "Крезо" оказались не столь фатальными, как надеялись. Орудие отправили в Преторию, где от ствола отпилили три фута и изготовили новый замок. Затем пушку отправили к Кимберли. Именно это тяжелое орудие, прибывшее туда на поздней стадии осады, вызвало немалый переполох среди обитателей городка.)



Замок бурского "Крезо" в британском лагере

Тем же утром (9-го декабря) в направлении Пепворт-Хилл

британцы выслали кавалерийский разъезд с задачей выяснить, располагает ли противник на этом участке значительными силами. Раскатистый грохот "Маузеров" ответил на вопрос утвердительно. Два убитых и двадцать раненых – такова цена, заплаченная нами за полученные сведения. За пять недель осады мы произвели три подобные разведки, и трудно понять, что они нам дали и чем оправдать потери. Для гражданского лица подобное категоричное суждение есть проявление излишней самоуверенности, но оно вполне совпадает с мнением подавляющего большинства наших офицеров.

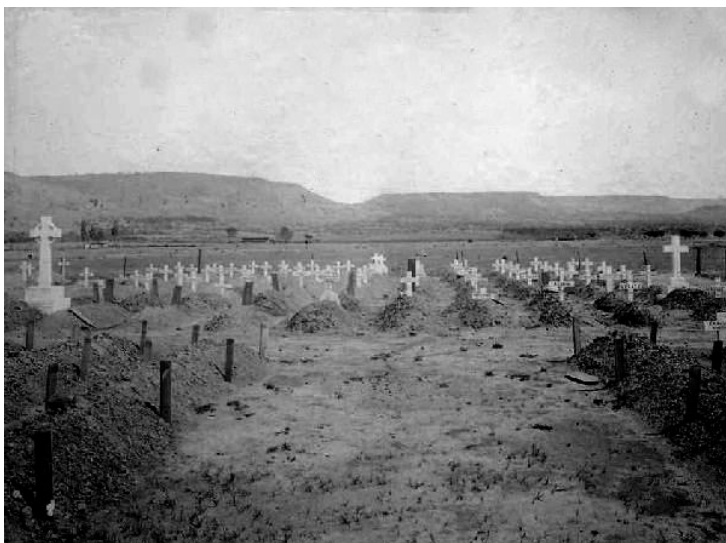
Регулярная армия ревновала, что колониальные войска проявили себя лучше кадровых, но ее тщеславие удовлетворилось лишь три ночи спустя, когда четверем ротам 2-го батальона Стрелковой Бригады поставили аналогичную задачу. Кроме Стрелков, под командование полковника того же батальона – Меткалфа, передали небольшой отряд саперов и артиллеристов. Целью предприятия избрали 120-мм гаубицу, стоявшую на Сарпрайз-Хилл.

Рассказы о произошедшем разнятся лишь в деталях. По какой-то причине запальный шнур для подрыва артиллерийского заряда оказался дефектным, и прошло не менее полутора часов, пока гаубицу подорвали. Когда это, наконец, сделали, то сделали на совесть, хотя нашим людям каждая минута казалась вечностью. Отряд спустился с холма, но к этому времени буры окружили его со всех сторон. На окрики англичан буры отвечали по-английски, и лишь очертания широкополой шляпы или британского шлема, едва угадываемые во мраке, позволяли отличать друзей от врагов. Сохранилось замечательное письмо молодого Рейтца (сына секретаря Трансвааля), участвовавшего в событиях той ночи. В соответствии с его словами буров было всего восемь человек, но любые утверждения или контраргументы при такой темноте в равной степени бездоказательны. В рассказе Рейтца проглядываются очевидные несоответствия. "Мы открыли по ним огонь, – пишет он, – британцы остановились и, приняв нас за своих закричали: "Стрелковая Бригада". Затем один из них, поняв, что это не ошибка, приказал "В атаку!". Один офицер, капитан Пейли, продолжал идти вперед, хотя уже получил две пули. Жубер послал в него еще одну, и тот упал почти у наших ног. Четыре англичанина окружили Яна Луттига и начали бить его прикладами по голове и колоть в живот штыками. Ян схватил двоих из них за глотки и закричал: "Ребята, помогите!". Два товарища, оказавшиеся поблизости, застрелили двух британцев, а двое других

удрали. Вскоре по тропе подошло около восьми сотен англичан (в действительности на холме находилось две сотни наших солдат, но в темноте подобное преувеличение простительно). Мы залегли за бугорком, затаившись, как мыши. После этого англичане закололи троих наших штыками и двоих ранили. Утром мы обнаружили капитана Пейли и еще двадцать одного солдата убитым или раненым". Вполне очевидно, что Рейтц говорит лишь о том, что в его маленьком отряде было восемь человек, но отсюда не следует, что это число представляет все силы, преградившие путь отступавшим Стрелкам. По его собственному заявлению, пять соотечественников были убиты в свалке, следовательно, общие потери, возможно, оказались значительнее. Мы потеряли одиннадцать человек убитыми, сорок три ранеными и шесть пленными, однако это не чрезмерная цена за гаубицу и моральный дух, крепнувший от подобных подвигов. Если бы не злосчастный запальный шнур, второй успех мог бы быть таким же бескровным, как и первый. "Мне жаль", – с сочувствием говорил автор письма раненному Пейли. "Но мы "сделали" эту пушку", – прошептал тот в ответ. И так считала вся бригада.

Под артиллерийским огнем, при скудном пайке, тифе и дизентерии гарнизону светил единственный луч надежды и утешения – Буллер находился всего в двадцати милях и солдаты могли слышать грохот его орудий. Если он всерьез пойдет в наступление, все страдания осажденных кончатся. Но вдруг, в один момент, этот единственный источник света погас, и им открылась истинная природа происходившего. Буллер действительно двинулся... но назад. Он потерпел поражение под Коленсо, и оказалось, что осада не закончилась, а лишь началась. С отяжелевшими сердцами, но прежней решимостью, солдаты и горожане приготовились к продолжению суровой борьбы. А ликующий противник сменил поврежденные орудия и ту же затянул петлю.

С этого момента и до начала нового года хроника осады вращается вокруг двух тем: числа оправившихся от болезней и цен на продукты. В один день через руки крайне утомленных, самоотверженных врачей проходили пятьдесят больных, в другой – семьдесят. Слегли пятнадцать сотен солдат, а затем это число дошло до двух тысяч. Воздух пропитался вонью нечистот и кишел отвратительными мухами, облепывавшими скудные пайки. Яйца стоили шиллинг за штуку, сигареты – шестипенсовик, виски – пять фунтов за бутылку. Трудно было найти город, менее искушаемый пьянством и обжорством.



Кладбище в Интомби-Кемп

В этой войне артиллерийский огонь зарекомендовал себя отличным средством для тех, кому требуется боевое возбуждение при минимуме опасности. Время от времени, возможно, лишь один из пяти тысяч снарядов, ведомый более злым роком, чем мастерством, находил свою цель. Таким удачно выпущенным снарядом, разорвавшимся в толпе буров под Кимберли, говорят, убило девять и ранило семнадцать человек. В Ледисмите также случались дни, окрашенные в красный, когда артиллеристы противника стреляли лучше, чем могли надеяться. 17-го декабря один снаряд убил шестерых и ранил троих (Натальские Карабинеры), к тому же вывел из строя четырнадцать лошадей. Ужасающий факт, что на земле одновременно валялись пять оторванных человеческих ног, засвидетельствован документально. 22-го декабря другой трагический выстрел унес жизни пяти и ранил двадцать Девонцев.

В тот же, наверное, самый злополучный день, были ранены четыре офицера (включая полковника) и один сержант 5-го Уланского полка. Несколько дней спустя опять настала очередь Девонцев – один офицер убит и десять бойцов ранено. Рождество прошло среди страданий, голода, болезней и отчаянных попыток порадовать детей подарками. Нелегко создать праздничное настроение, когда самым частым презентом от Санта-Клауса становился 96-фунтовый снаряд. В довершение всех печалей стало известно, что боеприпасы к тяжелым ору-

диям на исходе, и их следует беречь на крайний случай, тогда как на город по-прежнему сыпался град снарядов. Две-три сотни в день не были чем-то особенным.



Штаб-квартира генерала Уайта

Монотонные обстрелы, с которых начался новый год, превратились в отважную и яркую схватку. 6-го января буры начали большое наступление на Ледисмит – натиск, настолько храбро предпринятый и так отважно встреченный, что этот бой, несомненно, заслужил место в списке классических битв британской военной истории. Это дело не стыдно вспомнить ни одной из сторон. Слава стойкой пехоте, удержавшей свои траншеи, и слава простым обитателям вельда, которые под командованием гражданских лиц заставили нас сражаться на пределе своих возможностей.

Возможно, буры пожелали раз и навсегда, любой ценой покончить с постоянной угрозой их тылу, а возможно, их встревожила неспешная подготовка Буллера ко второму наступлению, и они поняли, что если уж действовать, то следует действовать быстро. Во всяком случае, в самом начале нового года бюргеры решили захватить город. Штурмовая партия состояла из нескольких сотен добровольцев из Хейделберга (Трансвааль) и Гаррисмита (Оранжевая Республика) под командованием Де Вильерса. Их поддерживали несколько тысяч стрелков, готовых закрепить успех или прикрыть отступление. Целью стал длинный гребень, один край которого носил название Ки-

сарс-Кемп, а другой Ваггон-Хилл. Холм, протяженностью в три мили, лежал к югу от города, и буры очевидно считали, что именно здесь находится наиболее уязвимый участок обороны, поскольку атака 9-го ноября была направлена сюда же. Сейчас, два месяца спустя, они собрались предпринять повторную попытку с большей решимостью против ослабевшего оппонента. В районе двенадцати часов, наши скауты услышали отголоски псалмов, доносившихся из бурских лагерей. Около двух часов ночи толпы разувшихся бюргеров с винтовками в руках начали скапливаться у подножья гребня, пробираясь сквозь заросли мимозы и валуны, покрывавшие склон холма. Несколько наших рабочих партий готовили новые позиции для орудий, и производимый ими шум заглушил звуки приближавшихся буров. И на Кисарс Кемп – на восточной оконечности гребня, и на Ваггон-Хилл – на западной (эти точки, я повторяю, отстояли друг от друга на три мили), начало атаки явилось для британцев совершенным сюрпризом. Аванпосты были уничтожены или взяты в плен и буры оказались на гребне раньше, чем британцы их заметили. Линия отдаленных холмов осветилась вспышками выстрелов орудий противника.

На Кисарс-Кемп располагалось надежное подразделение – Манчестерцы, с одним пулеметом "Кольт". Линию обороны формировали небольшие сангары на десять-двадцать человек в каждом. Несколько сангаров противник сумел захватить, но британцы перегруппировались и стойко держались в оставшихся. Треск выстрелов разбудил спящий город. Улицы наполнились выкриками офицеров и бряцанием оружия. Люди строились в темноте и спешили на опасные участки.

Три роты Гордонцев, оказавшиеся у Кисарс-Кемп бросились в бой под командованием капитана Карнеги. Четыре роты того же батальона подошли к ним из города, потеряв по пути своего полковника, Дик-Канингхема, едва оправившегося от ран, полученных под Эландслаагте. Случайный снаряд, выпущенный с расстояния в три тысячи ярдов стоил ему жизни. Затем на линию огня бросили еще четыре роты Стрелковой Бригады, и общая численность пехоты на этом участке, достигла двух с половиной батальонов. Ни один человек не оказался лишним. С рассветом выяснилось, что буры и британцы удерживают соответственно южный и северный склоны, в то время как узкое плато между ними образовало спорный участок, обильно поливаемый кровью. Вдоль фронта протяженностью в четверть мили из-за каждого валуна сверкали горящие ненавистью глаза, и извергали пламя стволы винтовок. Линия

боя то немного смещалась к городу (когда бургеры поднимались в атаку), то откатывалась назад (когда наши солдаты сосредотачивались на возможном участке прорыва). Четыре часа противники находились так близко друг от друга, что при желании могли перебрасываться камнями или ядовитыми насмешками. Некоторые сангары, оказавшись в тылу у буров, продолжали бой. В одном из них, удерживаемом четырнадцатью рядовыми Манчестерского батальона, к концу кровавого дня в живых осталось только два защитника.

С первыми лучами солнца 53-я Полевая батарея, та самая, что прекрасно зарекомендовала себя у Ломбартс-Коп, отличилась вновь. Обойти буров, чтобы открыть фланговый огонь по их позициям, оказалось невозможно, поэтому артиллеристам, чтобы достать противника на обратном склоне холма, пришлось посылать снаряды почти над головами наших бойцов, удерживавших гребень. Огонь батареи, работавшей под непрерывным градом снарядов большого бурского орудия, установленного на Булвана-Хилл, был настолько аккуратным, что ни один из выстрелов не пришелся по нашим порядкам. Майор Эбди и его люди расчистили склон, не причинив вреда своим товарищам. На другом фланге не меньшее мастерство продемонстрировала 21-я батарея майора Блевитта, действовавшая под еще более интенсивным огнем противника, чем 53-я. Каждый, кто видел железную стойкость британских артиллеристов и изумлялся их способности вести ответный огонь среди туч пыли, вздымаемых рвущимися вражескими снарядами, по достоинству оценит славный урок, преподнесенный двумя нашими батареями, на открытых позициях, перепаканных осколками. Очевидец отметил в своих записках, что вид майора Блевитта, неспешно расхаживавшего меж орудий и отбросившего носком ботинка еще горячий осколок, был одним из самых живых и волнующих впечатлений, вынесенных из этого боя. Не забудется и сержант Босли, с рукой и ногой, оторванными бурским снарядом, требовавший от товарищей сбросить его с лафета и продолжать огонь.

Одновременно, если не раньше, с броском на Кисарс-Кемп аналогичная атака, такая же внезапная и решительная, была предпринята на западном участке позиции, именуемом Ваггон-Хилл. Босоногие буры, скрытно подкравшись в темноте, обрушили шквал огня на небольшой отряд Имперской Легкой Конницы и Саперов, удерживавших передовые позиции. Маттиас (Конница), Дигби-Джонс и Деннис (Саперы) проявили именно ту "предраассветную отвагу", которую Наполеон считал

высочайшей воинской доблестью. Будучи застигнуты врасплох, но, не потеряв самообладания, британцы вступили в отчаянную перестрелку на близкой дистанции. Из тридцати Саперов полегло семнадцать, а из маленького отряда волонтеров – почти половина. Этот участок позиции был слабо укреплен, и вызывает удивление, что такой опытный и предусмотрительный солдат, как Ян Гамильтон, оставил его в подобном состоянии. Оборонявшиеся не имели по отношению к атакующим никаких заметных преимуществ. Ни траншей, ни сангаров, ни проволочных заграждений. К тому же они значительно уступали противнику в численности. Две роты 60-го Стрелкового и небольшой отряд вездесущих Гордонцев, случайно оказавшихся в это время на холме, тут же бросились в драку, но не смогли остановить приливную волну. Из тридцати трех Гордонцев под командой лейтенанта МакНогтена тридцать были ранены*. Когда наши люди отступили под защиту северного склона, их усилили полутора сотнями Гордонцев под командой Миллер-Уоллнатта – человека, словно отлитого по образцу викинга-берсеркера. К ним на помощь также подошли две сотни человек из Имперской Легкой Конницы, горевших желанием помочь товарищам. Затем подоспела половина батальона Стрелков. К восходу солнца на оконечностях длинного гребня сложилась почти идентичная ситуация. И там и здесь штурмующие овладели одним склоном, но были остановлены оборонявшимися, а британские орудия, ведя огонь через голову собственной пехоты, прочесывали обратный скат холма шрапнелью.

На Ваггон-Хилл давление буров оказалось наиболее долгим и энергичным, а наше сопротивление наиболее отчаянным. Со стороны противника боем руководил доблестный Де Вильерс, в то время как с нашей отряды защитников собирал и вел в атаки Ян Гамимльтон. Постоянно получая подкрепления с подножья высоты, буры сражались с необычной решимостью. Кто был свидетелем этого боя, достойного слога Гомера, никогда не усомнится в доблести нашего противника. Это была настоящая бойня. Погиб Эдвардс из Легкой Конницы. На орудийной площадке британцы и буры вели огонь практически в упор. Де Вильерс из Оранжевой Республики застрелил Миллер-Уоллнатта. Ян Гамильтон выстрелил в Де Вильерса из ре-

* Гордонцы и Саперы составляли эскорт одного из 4,7-дюймовых орудий Лембтона, монтировавшихся на холме. Орудие обслуживали десять моряков, потерявших в этом бою трех своих товарищей.

вольвера, но промахнулся. Пуля молодого Албрехта из Легкой Конницы достала Де Вильерса. Бур по имени Де Джагер попал в Албрехта. Дигби-Джонс из Саперов застрелил Де Джагера. Через несколько минут отважный парень, уже заслуживший славу, достойную ветерана, был смертельно ранен и Денис, его товарищ по оружию и славе, пал рядом с ним.

Наше время не помнит более достойного боя, чем бой на Ваггон-Хилл в то январское утро, и не было лучших бойцов, чем люди Имперской Легкой Конницы, составившие ядро обороны. Здесь, как и у Эландслаагте, они доказали, что достойны стоять в одном ряду с представителями лучших полков Британской армии.

Весь долгий день вдоль гребня с переменным успехом продолжалась упорная схватка. Чаша весов колебалась то в одну сторону, то в другую, но штурмующие так и не были отбиты, а оборонявшиеся разгромлены. Британцы и буры настолько перемешались, что не один раз раненый боец одной стороны служил упором для винтовки противника. Один несчастный, использованный подобным образом, получил шесть пуль от собственных товарищей, пытавшихся достать искусного стрелка противника. Около четырех часов дня закрывшая небо гигантская туча, на которую не обращали внимания, разразилась ужасающим штормом с яркими молниями и потоками воды. Удивительно, что британскую победу при Эландслаагте возвестила точно такая же гроза. Но на холме, пронизанном пулями, цепи стрелков обратили на стихию внимания не больше, чем два бульдога, вцепившиеся друг другу в глотки. Вверх по скользкому склону, по грязи, смешавшейся с кровью, поднимались резервы буров, а им навстречу, по северному, спешили на помощь своим товарищам британцы. Солдат Девонского полка — лучших представителей мужественного графства повел в атаку их отважный полковник Парк. Девонцы сумели смять буров, стоявших на пути, а Стрелки, Гордонцы и Легкая Конница присоединившись к их неистовому броску, окончательно очистили гребень.

Но это был еще не конец. Буры решились на отчаянное предприятие и теперь им предстояло заплатить по счетам. Припадая к земле, короткими перебежками они отступали к подножью холма, а за ними следом неслись бурлящие потоки воды. Стоило бюргеру на мгновение задержаться на краю оврага, как его тут же настигал безжалостный ураган свинца. Многих смыло, утащив по узким ущельям в Клип-Ривер, и их имена никогда больше не встречались в списках фельд-

корнетов. Но большинству удалось спуститься, найти своих лошадей, оставленных в укрытии и галопом ускакать по широкой Булванской равнине. Это были настоящие храбрецы, достойно потерпевшие поражение в достойном бою.



Атака Девонцев на Вагон-Хилл (рисунок из "Life")

Победные возгласы Девонцев, очистивших гребень, вдохновили измотанных людей, сражавшихся за Кисарс-Кемп, на аналогичный подвиг. Манчестерцы, Гордонцы и Стрелки, при поддержке двух батарей, решительным ударом выбили противника с долго оспариваемой позиции. Томми – мокрые, замерзшие, измотанные, не имевшие крошки во рту двадцать шесть часов кряду, покрытые грязью с ног до головы, стояли среди мертвых и умирающих, победно крича и потрясая оружием.

Британцы находились на волосок от гибели. Сдай мы позицию на гребне, город бы не устоял, и история, возможно, пошла бы по-другому. В старые дни открытого плотного строя (как на Маджубе) нас бы смели с позиции в какой-то час. Но теперь хитрый боец за валуном встретился с противником, равным ему по хитрости. Солдат, наконец, обучился кое-чему из искусства охоты. Он прятался в укрытии, он поджидал свою жертву, он не обращал внимания на опрятность формы, отбросив устаревшие традиции восемнадцатого века с его яркими мундирами и косичками. Он бил бура сильнее, чем кто-либо когда-либо его бивал.

До нас не дошли рапорты о потерях противника в этом предприятии, но только с гребня мы вернули ему 80 тел, в то время как склоны, донга и река имели собственные отдельные

истории. По самым скромным оценкам их потери составили не менее трехсот человек убитыми и ранеными, а некоторые склоняются к еще большему числу.



*Прибытие в Преторию санитарного поезда с
ранеными бюргерами*

Наши потери оказались очень серьезными, и пропорция между убитыми и ранеными была необычайно высокой из-за того, что основную долю составляли ранения в голову. Убитыми мы потеряли 13 офицеров и 135 солдат. Ранеными 28 офицеров и 244 солдата – всего 420 человек. Лорд Ава, благородный сын благородного отца, пламенный Дик-Канингхем, нестигаемый Миллер-Уоллнатт, храбрые ребята-саперы Дигби-Джонс и Денис, Адамс и Пекмен из Легкой Конницы, рыцарственный Лафоне – мы оплакиваем не только число погибших, но и их достоинства. Печальный анализ отчетов о потерях показывает, что слава этого дня выпала на долю Имперской Легкой Конницы (десять офицеров убито, полк возглавил один из младших офицеров), Манчестерцев, Гордонцев, Девонцев и 2-й батальон Стрелковой бригады.

В течение дня на британские позиции было предпринято еще две атаки, одна на Обсервейшн-Хилл на севере, другая на Хелпмакар на востоке. Из них последняя была довольно вялой и очевидно носила отвлекающий характер, но другая велась довольно упорно, и штурмующие не прекращали своих попыток, пока Шутте (их командир) и около сорокапятидесяти буров не были убиты или ранены. Повсюду про-

тивника встретила редкая, но стойкая цепь стрелков, и неутомимые артиллерийские батареи.

По всей Империи за ходом этой великой борьбы следили с напряженным вниманием и мучительным чувством, порожденным бессильным состраданием. Гелиограммами к Буллеру, а затем в самые дальние части гигантского тела Империи, по нервам телеграфных проводов, пришли сообщения о начале атаки. Затем, после перерыва в несколько часов, донеслось "Противник повсюду отбит, но бой продолжается". Затем "Атака продолжается. Противник получает подкрепление с юга". Затем "Атака возобновлена. Очень сильное давление". Это было последнее сообщение в тот день, погрузившее Империю в дурные предчувствия. Даже наиболее умеренные и информированные лондонские газеты публиковали безутешные прогнозы и самые безотрадные опасения. Впервые прозвучало предположение, что эта кампания может оказаться нам не по силам. А затем, наконец, пришли официальные новости об отражении штурма. Не только в Ледисмите измученные солдаты и офицеры воздавали благодарность Господу за его безграничную милость, но и в Лондоне тысячи сердец были потрясены величием и трагизмом пережитого момента, и тысячи губ, уже позабывших святые слова, слились в один хор с молитвами воинов, славивших Бога на другом краю Земли.

ОПЕРАЦИИ У КОЛЕСБЕРГА

Из четырех британских армий, действовавших в поле, я попытался рассказать историю западной, двигавшейся на помощь Кимберли, восточной, потерпевшей поражение у Коленсо, и одной из центральных, остановленной у Стормберга. Теперь опишем действия второй группировки центральной армии.

Как уже говорилось, после объявления войны прошли долгие три недели, прежде чем силы Оранжевой Республики вторглись в Капскую Колонию. И, возможно, именно этой, ниспосланной судьбой, задержке мы обязаны тем, что решительные бои развернулись среди копи Стормберга и Колесберга, а не в ущельях Гекс-Веллей в непосредственной близости от Кейп-Тауна, и что армия вторжения не удвоилась за счет единоплеменников из Колонии. Несомненно, финал войны остался бы прежним, но зрелище всей Южной Африки, охваченной огнем, мог бы вызвать чрезмерную напряженность на континенте, всегда чреватую смертельной опасностью.

Вторжение в Колонию произошло вдоль железнодорожных линий, соединявших наши страны: одной, пересекавшей Оранжевую Реку у Норвалс-Понт, и другой, проходившей у Бетули, в сорока милях восточнее. Британских войск здесь не было, (этот факт стоит учесть скептикам, если таковые еще остались, воображающим, что Британия имела какие-то планы относительно Республик), и буры, не торопясь, направились на юг. Встречавшее их, голландское население Колонии колебалось между зовом крови и справедливо-великодушным отношением Империи. Многих фермеров захватчики склонили на свою сторону, и, подобно всем изменникам, эти люди отличались особой злобой и нетерпимостью по отношению к своим соседям, сохранившим лояльность. То там, то здесь в городках, лежавших в отдалении от железной дороги, подобных Беркли-Ист или Ледигрей, бюргеры, прихватив ружья и бандольеры, собирались в отряды, повязывали на шляпы оранжевые шарфы и вливались в ряды наших противников. Возможно, эти невежественные, жившие в изоляции фермеры с трудом осознавали, что творят (в дальнейшем британские военно-полевые суды им это разъяснили). В некоторых из пограничных районов

мятежники составляли до девяноста процентов голландского населения.

Тем временем британские командиры усиленно пытались наскрести хоть немного солдат, способных остановить врага. Требовалось два отряда: один против буров, наступавших через Бетули и Стормберг, другой для отпора захватчикам, перешедшим реку у Норвалс-Понт и оккупировавших Колесберг. Первую задачу, как уже упоминалось, поручили генералу Гетекри. Вторую – генералу Френчу, победителю при Эландслагте, вырвавшемуся из Ледисмита последним поездом и получившему новое и важное задание. Френч собирал свои войска у Арундела, а Гетекри у Стеркстроома. В этой главе мы рассмотрим операции отряда Френча.



Генерал Джон Френч

Генерал Френч, для которого Южная Африка, не в пример другим полководцам, оказалась не могилой, а колыбелью репутации, еще до войны приобрел славу находчивого и энергичного кавалерийского офицера. Те, кто наблюдал, как он командовал кавалерией на больших маневрах 1898 г. в Солсбери, остались самого высокого мнения о способностях Френча, и, благодаря решительной поддержке генерала Буллера, руководившего этими маневрами, Френч получил назначение в Южную Африку. Невысокого роста, плотный, с воинственно выпяченным подбородком, одновременно осторожный и дерзкий, он обладал трезвым умом и неукротимой энергией.

Тщательно продумывая свои планы, этот человек проводил их в жизнь с резвостью, свойственной прирожденному кавалеристу. Он славился быстротой решений, "мог думать галопом", как говорили его восторженные поклонники. Таков был человек – живой, находчивый и решительный – которому доверили остановить Колесбергских буров.

Хотя бюргеры вели главное наступление вдоль железнодорожных линий, осознав, насколько слабые силы им противостоят, они решились расширить полосу наступления к востоку и западу, оккупировав Дордрехт с одной стороны и Стейнсберг с другой. Захват этих пунктов не имел особого значения, поэтому внимание британцев сосредоточилось на главном направлении удара противника.

Первоначально Френч располагал горсткой людей, собранной с миру по нитке. Базой ему служил Наувпоорт, откуда 23-го ноября он провел рекогносцировку по железной дороге в направлении Арундела (следующей деревушки на линии), взяв с собой роту "Блек Уотч", сорок конных пехотинцев и эскадрон улан из Нового Южного Уэльса. Экспедиция не дала никаких результатов, кроме установления контакта с противником. Этот контакт с разными превратностями поддерживался много месяцев, пока захватчиков вновь не оттеснили за Норвалс-Понт. Обнаружив, что Арундел защищен слабо, Френч перешел к нему и развернул там свой лагерь, в котором простоял до конца декабря, расположившись в шести милях от оборонительных рубежей буров у Ренсбурга (к югу от Колесберга). Перед ним стояла задача предотвратить дальнейшее продвижение противника в Колонию, поскольку для серьезной попытки отбросить бюргеров войск явно не доставало.



Кемп Ново-Южноуэльских Конных Стрелков у Арундела

Перед выдвижением на Арундел (13 декабря) численность

отряда Френча несколько возросла. Большинство его людей имели лошадей, что обеспечивало войскам необычную для британцев мобильность. 13-го декабря часть буров предприняла попытку продвинуться на юг, легко пресеченную британской кавалерией при поддержке конной артиллерии. Местность, на которой действовал Френч, утыкана одиночными холмами, которые так любят буры – копи, часто настолько причудливой формы, что, глядя на них, возникает мысль об оптическом обмане. Между этими высотами простирались значительные участки зеленой или красновато-коричневой саванны – наилучшая местность для действий кавалериста или конного артиллериста. Вражеские стрелки цеплялись за холмы, а войска Френча осторожно кружили по равнине, постепенно сжимая полукольцо вокруг позиций буров, угрожая отрезать то или иное выступающее копи, и таким образом медленно загоняя противника обратно в Колесберг. Небольшой, но мобильный отряд Френча прикрывал очень большую территорию, и едва ли один день проходил без стычек с противником на том или ином участке. Один пехотный батальон (Беркширцы), удерживавший центр, отлично сидевшие в седлах Тасманийцы, Новозеландцы и Австралийцы совместно с "Серыми Шотландцами" (2-й Драгунский), Иннискиллингцами и Карабинерами сформировали подвижный, но непроницаемый кордон, прикрывший Колонию. Их поддерживали две батареи Конной Артиллерии "О" и "R". Генерал Френч ежедневно отправлялся на осмотр вражеских позиций, а его скауты и аванпосты получили приказ сохранять максимально тесный контакт с противником.

30-го декабря враг оставил Ренсбург (свой передовой пост) и сконцентрировался у Колесберга, против которого Френч двинул свои силы, войдя в Ренсбург. На следующий день, 31-го декабря, генерал начал энергичную и серию операций. В пять часов вечера в воскресенье британцы выступили из Ренсбургского лагеря сопровождаемые батареями "R" и половиной батареи "О" Королевской Конной Артиллерии, Гусарами 10-го полка, Иннискиллингцами и Беркширцами, чтобы занять позицию к западу от Колесберга. Полковник Портер с полубатареями "О", собственными Карабинерами и Новозеландскими Конными Стрелками, покинул лагерь в два часа ночи в понедельник и занял позицию на левом фланге противника. Беркширцы под командованием майора МакКракена, оттеснив бурский пикет, захватили холм, а кавалерия продольным огнем обрушилась на правый фланг врага и, после рискованной ар-

тиллерийской дуэли, принудила орудия противника к молчанию. Однако на следующее утро (2-го января 1900) обнаружилось, что буры, получив значительное подкрепление, вернулись на старые позиции, и Френчу, в ожидании дополнительных подразделений, пришлось довольствоваться сдерживанием противника.

Ждать пришлось недолго, так как вскоре подошел батальон Суффолкцев, за ним Сводный Полк (сформированный из Гвардейской Кавалерии) и 4-я батарея Полевой Артиллерии. Однако буры также получили подкрепления и энергично пытались прорвать образовавшийся кордон. 4-го числа противник начал решительные действия. Около тысячи человек под командованием генерала Схумана обогнули левый фланг британцев. Они проскользнули незаметно для дозоров и на рассвете заняли позицию на холме, в тылу наших позиций. Однако батарея "О", метким огнем вынудила противника отойти. При отступлении через равнину буров преследовали гусары 10-го полка и эскадрон Иннискиллингцев, сумевшие отрезать нескольких беглецов. В то же самое время Де Лисли со своей конной пехотой вновь овладел ранее оставленной позицией. В этой акции потери буров составили около девяноста человек, а двадцать один бюргер попал в плен. Наши потери – шесть человек убито, включая майора Харви (10-й Гусарский), и пятнадцать ранено.

Воодушевленные успехом британцы, силами Суффолкского батальона, предприняли попытку овладеть холмом, являвшимся ключом ко всей вражеской позиции. Городок Колесберг лежал в котловине, окруженной кольцом копи, и захват нами хотя бы одной из высот лишал противника возможности удерживать оборону. План действий приписывают полковнику Суффолкцев Ватсону, но пора отказаться от обычая, в случае провала, перекладывать ответственность на подчиненных. Когда боевые действия венчаются успехом, мы с восторгом чествуем генералов, но в случае неудачи сразу удостаиваем внимания полковника Ватсона, полковника Лонга или полковника Торнейкрофта. Будет честнее признать, что в данном случае генерал Френч приказал полковнику Ватсону предпринять ночную атаку высоты.

Дело кончилось катастрофой. В полночь бойцы четырех рот, кто в брезентовых туфлях, кто просто в носках, отправились на рискованное дело, и как раз перед рассветом оказались на склоне холма. Солдаты двигались в четвертьколоннах, с интервалом в два шага. Рота "Н" шла головной. Британцы на-

ходились на полпути к вершине, когда из темноты на них обрушился шквальный огонь. Полковник Ватсон отдал приказ отступить, по-видимому, надеясь, что люди смогут укрыться в "мертвом" пространстве, из которого войска только что вышли, но вскоре погиб, так и не успев наладить управление боем. В кромешной тьме на труднопроходимой местности по нашим рядам хлестал свинцовый ураган. Роты перемешались, отовсюду неслись противоречивые приказы. Головная рота зацепилась за позицию, хотя все офицеры (Бретт, Кери и Батлер) выбыли из строя. Однако остальные подразделения отошли, и на рассвете обнаружилось, что солдаты роты "Н", большинство из которых уже получили ранения, лежат под самым носом у буров. Какое-то время они еще продолжали держаться, бессмысленно жертвуя жизнями. В конце концов, не имея возможности ни атаковать, ни отойти, оставшиеся в живых сдались.



Полковник Артур Ватсон

В данном случае имеется гораздо больше оснований, чем при Магерсфонтейне, утверждать, что противник подготовился, будучи заранее предупрежден. Все участвовавшие в бою офицеры, от полковника до мальчишки субалтерна, были убиты, ранены или взяты в плен. В этом злосчастном, но не роняющем нашей чести предприятии, еще раз доказавшем, что для успешного проведения ночной атаки требуются точнейший расчет и абсолютная секретность, мы потеряли одиннадцать офицеров и сто пятнадцать бойцов. Четыре роты батальона отправились в Порт-Элизабет для укомплектования офицерским составом. К счастью, прибытие 1-го батальона Эссек-

цев позволило Френчу закрыть возникшую в его позиции брешь.

Вопреки досадной задержке, Френч продолжил выполнение первоначального плана удержания противника по фронту и охвату его с востока. 9-го января Портер со своими Карабинарами, двумя эскадронами Гвардейской Кавалерии, Новозеландцами, Уланами из Нового Южного Уэльса и четырьмя орудиями после небольшой стычки овладел позицией, именуемой Слингсфонтейн, лежавшей еще северо-восточнее, создав угрозу на главном пути отступления противника к Норвалс-Понту. Последовало несколько столкновений, но позицию удалось удержать. 15-го числа буры, надеясь, что широкий охватывающий маневр должен нас ослабить, предприняли энергичную атаку на позицию, удерживаемую новозеландцами и ротой 1-го Йоркширского батальона, отправленного на помощь Френчу. Противника встретили залпом и взяли в штыки. Капитан Опп (Йоркширцы) получил пулю, но командование принял капитан новозеландцев Мэддокс, наилучшим образом проявивший себя в критической ситуации. Мэддокс вступил в настоящую дуэль с лидером буров – джентльменом во фраке и цилиндре, и благодаря удаче сумел застрелить своего грозного оппонента. Двадцать один мертвый бур и их многочисленные раненые, оставшиеся на поле боя, послужили маленьким утешением за поражение Суффолкцев.



*Полковник Томас Портер с офицерами
Новозеландских Конных Стрелков*

На следующий день (16-го января) фортуна, колебавшаяся то в одну, то в другую сторону, вновь от нас отвернулась. Трудно дать вразумительное описание деталей происходивших столкновений, поскольку с обеих сторон они велись тонкими кордонами, прикрывавшими громадную территорию, на которой каждое копи превратилось в форт, а пространство между ними патрулировалось кавалерией.

Поскольку Френч растянул свои силы в северо-восточном направлении, буры также удлиннили фланг, чтобы предотвратить охват. Маленькие армии все растягивали и растягивали фронт, пока тот не превратился в две тонкие подвижные нити. Боевые действия переродились в стычки небольших отрядов и захват одиноких патрулей – игра, в которой склонность буров к партизанской тактике давала им некоторые преимущества, хотя наша кавалерия быстро приспособилась к новым условиям. Именно так попал в беду патруль из шестнадцати австралийцев (люди из Южно-Австралийской Конницы и Уланы из Нового Южного Уэльса), одиннадцать из которых сдались в плен, трое вернулись в лагерь, один погиб, а один получил ранение.



Штаб-квартира Френча под Арунделом

Дуэль между Френчем, с одной стороны, и Схуманом с Ламбертом с другой, в дальнейшем свелась скорее к маневрированию, чем к боям. Опасно растянутую линию британцев (протяженностью более 30 миль), как уже было упомянуто, усилили 1-м батальоном Йоркширцев, а позднее 2-м батальоном Уилтширского полка и секцией 37-й Гаубичной Батареи. По всей вероятности, две маленькие армии несущественно разнились численно, однако буры имели преимущество, как всегда действуя по внутренней дуге линии фронта. Монотонность операций прервали Эссексцы, с помощью канатов и си-

лы воли, затащившие две 15-фунтовые пушки 4-й Полевой Батареи на вершину Колескопа (на несколько сотен футов возвышавшуюся над равниной), настолько обрывистую, что подъем туда представлял собой сложную задачу даже для не обремененного поклажей человека.

С вершины британцы открыли огонь по лагерю буров, вынудив последних перенести его, а те в течение нескольких дней не могли определить позиции наших орудий. Это энергичное предприятие артиллеристов можно поставить в пример командирам батарей, не понимающим, что могут совершить крепкие тали и сильные руки. Орудия на Колескопе не только доминировали над всеми маленькими копи на дистанции в 9000 ярдов, но и совершенно господствовали над городом Колесберг, который, однако, из политических и гуманных соображений никогда не подвергался обстрелу.



Подъем британских орудий на Колескоп

К концу января, постепенно пополняясь, силы Френча достигли десяти тысяч человек, тонкой линией растянутых на огромном пространстве. Его пехота состояла из 2-го батальона Беркширского полка, 1-го батальона Королевского Ирландского, 2-го батальона Уилтширцев, 2-го Вустерцев, 1-го батальона Эссекского полка и 1-го батальона Йоркширцев. Кавалерия

была представлена 10-м Гусарским, 6-м Драгунским, Иннискиллингцами, Новозеландцами, Уланами из Нового Южного Уэльса, отрядом Римингтонских Скаутов и Сборным Гвардейским Полком.

Артиллерию представляли батареи "R" и "O" Конной Артиллерии, 4-я батарея Полевой Артиллерии и секция 37-й Гаубичной Батареи. Рискую утомить читателя, я все же перечислил войска Френча, поскольку в ходе войны не было ни одной операции (возможно за исключением Родезийской Колонны), относительно которой настолько трудно составить ясное представление. Постоянно перемещавшиеся войска, бескрайний театр военных действий, крохотные фермы, дававшие наименования позициям – все это обуславливало неопределенность и расплывчатость доходившей до публики информации.



10-й Гусарский под Колесбергом

Британцы все еще стояли полумесяцем, протянувшимся от Слингесфонтейна на правом фланге до Клооф-Кемп на левом, а общий ход операций по-прежнему был нацелен на охват противника справа. Этой частью войск командовал генерал Клементс. Энергичный Портер продвигался все дальше и дальше. Линия британцев постепенно растянулась почти на пятьдесят

милей. Неясность в освещении действий наших войск обусловлена тем, что ни один из корреспондентов не мог составить четкого представления о событиях, происходивших на столь протяженном фронте.

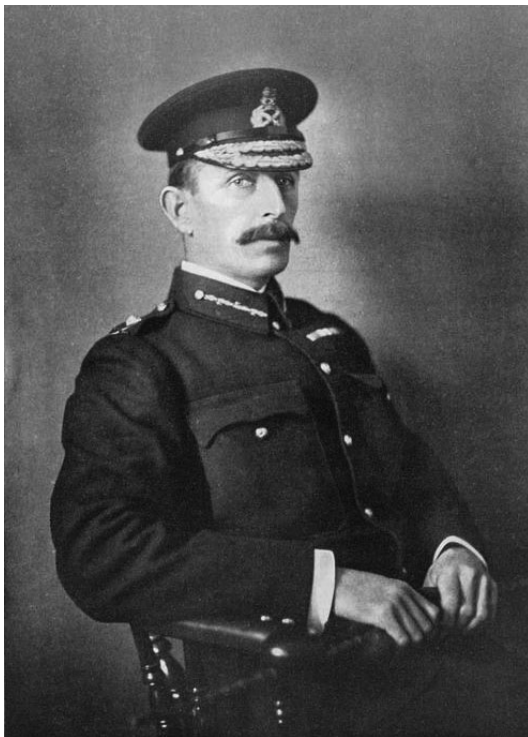


Эсsekцы у Арундeла грузятся для проведения вылазки

25-го января Френч отправил Стефенсона и Барбазона провести рекогносцировку к северу от Колесберга. Оказалось, что буры создают новые позиции у Ритфонтейна, девятью милями ближе к своей границе. Последовала небольшая акция, в которой мы потеряли десять или двенадцать Уилтширцев и добыли некоторые сведения о расположении бюргеров. Остаток месяца противники оставались в состоянии настороженного выжидания. Ни один из них не обладал силами, достаточными для прорыва линии обороны другого. Вскоре Френч отправился в Кейп-Таун, помогать генералу Робертсу в разработке плана, в корне изменившего ситуацию в Южной Африке.

Подкрепления продолжали тонкой струйкой вливаться в британские войска. Последними прибыли Австралийцы под командованием Хоада (из пехотинцев превратившиеся в кавалеристов) и батарея "J" Королевской Конной Артиллерии из Индии. Но пополнение в рядах буров оказалось настолько существенным, что они смогли перейти в наступление. Де ла Рей с тремя тысячами всадников оставил Моддер, и его прибытие вдохнуло жизнь в защитников Колесберга. В то самое время, когда моддерские буры появились у Колесберга, британцы начали отправлять кавалерийские части на Моддер, готовясь к маршу на Кимберли. Силы Клементса (именно он принял командование на этом участке) уменьшились в тот самый мо-

мент, когда численность буров значительно возросла. В результате перед британцами встала задача не удержания позиций, а принятия мер во избежание серьезного поражения.



Генерал-майор Клементс

Маневр Де ла Рея был направлен в обход правого фланга нашей позиции. 9-го и 10-го февраля конные патрули (преимущественно Тасманийцы, Австралийцы и Иннискиллинцы) вошли в соприкосновение с бурами. Произошло несколько стычек без значительных потерь с обеих сторон. Буры окружили британский патруль, и одиннадцать человек (Тасманийцев и Проводников) оказались в плену. 12-го числа обходной маневр буров получил дальнейшее развитие, когда они атаковали наши позиции справа от Слингесфонтейна.

Ключом британских позиций в этом районе был копи, удерживаемый тремя ротами 2-го батальона Вустерского полка. Именно сюда буры нанесли стремительный удар, но получили энергичный отпор. Они подошли в сплошной темноте, в час между заходом луны и восходом солнца, так же, как при

большой атаке Ледисмита. Тусклый рассвет застал их в наших передовых сангарах. Бурские генералы не любят ночных атак, но они обожают использовать темноту для занятия выгодной исходной позиции, и как только небо начинает сереть, бросаются вперед. В рассматриваемом случае противник именно так и поступил. Передовые посты догадались о присутствии врага, лишь услышав топот ног и заметив призрачные силуэты, возникшие из холодного утреннего тумана. Перебив всех людей в сангарах, атакующие устремились дальше. Солнце еще не успело оторваться от кромки вельда, а половина копии оказалась в руках противника. Стреляя и подбадривая себя криками, они рвались дальше.

Но Вустерцы были старыми испытанными солдатами, и в рядах батальона насчитывалось не менее четырехсот пятидесяти отличных стрелков. Огонь наших рот, занимавших холм, оказался настолько точным, что буры не смогли продолжать наступление.



Сангары британцев

Весь день стрелки противоборствующих сторон вели отчаянную дуэль. Полковник Канингхем и майор Стаббс погибли, пытаясь вернуть утраченные позиции. Ховел и Бартоломей продолжали подбадривать солдат, и огонь британцев вскоре начал доминировать на поле боя. Под руководством Хекета Пейна, командовавшего ближайшим постом, батарея "J" вывела свои орудия на открытую позицию и обстреляла участок копии, занятого бурами. Последние, хотя и получили подкреп-

ление, не смогли наступать из-за меткого ружейного огня оборонявшихся. Один из Вустерецев – чемпион Бисли*, с пулей в бедре, сделал сотню выстрелов до того, как обессилел от потери крови. Это была великолепная оборона и приятное исключение из правил, когда отрезанные от основных сил войска не пали духом перед лицом многочисленного и настойчивого противника. С наступлением темноты буры отступили, потеряв более двух сотен человек убитыми и ранеными. Клементс распорядился свернуть правое крыло. Выполняя приказ, Хекет Пейн, отозвав Вустерские роты, отошел ночью в направлении Ренсбурга. В этом бою британцы потеряли двадцать восемь человек убитыми, почти сотню ранеными и пропавшими без вести. Большая часть потерь пришлась на раннее утро, когда буры захватили сангары.

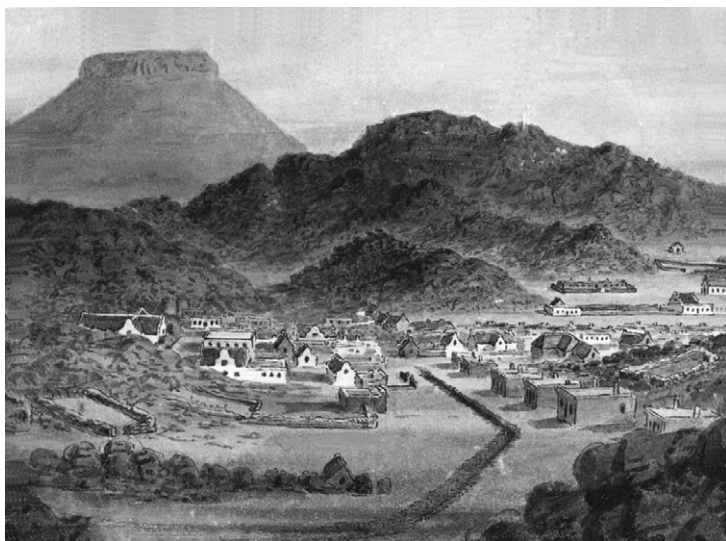
Пока шел бой на крайнем правом фланге британцев, другой, не менее ожесточенный и во многом схожий, происходил на крайнем левом, где занимал позиции 2-й батальон Уилтширского полка. Несколько рот этого батальона оказались отрезанными на копи и окружены стрелками буров. Отчаянная атака сотни Викторианских Стрелков помогла ослабить давление противника. Доблестные Австралийцы потеряли майора Эдди, шесть офицеров из семи и большую часть людей, но еще раз доказали, что из всех рассеянных по миру народов, имеющих общий корень, нет народа более пламенного, храброго и чтящего воинский долг, чем жители великого острова-континента.



Австралийские Конные Стрелки

* Стрельбище, где проводились соревнования по стрельбе.

Беда историка, освещавшего действия Австралийских контингентов, заключается в том, что, как правило, по своей природе эти великолепные солдаты использовались отдельными отрядами, неся службу в разведке и легкой кавалерии – службу, пополняющую списки потерь, а не страницы летописей. Скажем раз и навсегда: вся Африканская армия восхищалась решительными и отважными сынами Австралии и Новой Зеландии – превосходными наездниками и отличными стрелками. В воинстве, где было много смелых солдат, трудно найти подобных храбрецов.



Колесберг, на заднем плане Колесберг-Коп, где были установлены два 15-фунтовых британских орудия

С этого момента стало ясно, что обходной маневр потерпел неудачу. Противник настолько окреп, что угроза охвата нависла уже над нашими войсками. Ситуация осложнялась тем, что, будь войска Клементса сметены, ничто не мешало бы противнику перерезать коммуникации армии, собираемой Робертсом для вторжения в Оранжевую Республику. Понимая это, Клементс поспешно оттянул фланги, собрав все силы у Ренсбурга. При отходе всегда существует опасность, что отступление перерастет в панику, а паника имела бы слишком серьезные последствия. Без несчастья не обошлось. Две роты Уилтширского полка, не получив четкого приказа, оказались отрезаны и

после боя (в ходе которого третья часть людей была убита или ранена) сдались. В эти нелегкие дни сложнее всех пришлось Картеру (полковнику Уилтширцев), для кого ночь отступления была шестой, проведенной без сна. Потерю двух рот можно отнести к несчастным случаям, всегда имевшим место на войне. Часть Иннискиллинских Драгун и Викторианских Конных Стрелков при отступлении также были отрезаны, но в целом Клементсу посчастливилось собрать свою разбросанную армию без особых потерь.

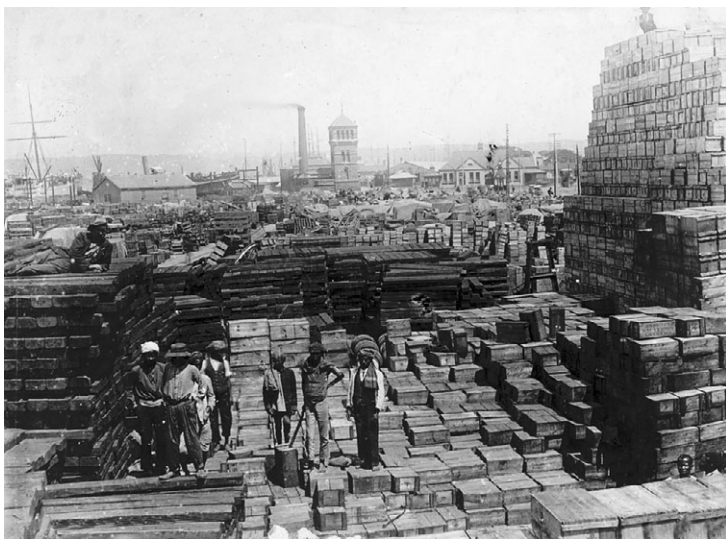
Отход тяжело воспринимался солдатами, затратившими столько времени и усилий на растягивание линии фронта, но, по-видимому, спокойно переживался генералами, понимавшими, что, чем больше сил противник стянет к Колесбергу, тем меньше бурских снайперов станут на пути армии Роберта, готовой начать свой марш. Колескоп так же пришлось оставить. Орудия отвели, и 14-го февраля наши войска прошли через Ренсбург, отойдя к Арунделу – месту, откуда шесть недель тому Френч начал терзать противника.

Однако будет несправедливо говорить, что британцы, вернувшись на исходную позицию, потерпели неудачу. Их первой задачей было предотвращение дальнейшего продвижения "фристейтеров"* в Колонию, и, в самый критический период войны, задача была успешно выполнена с минимальными потерями. В конце концов, давление на противника настолько возросло, что бурам, сохраняя паритет, пришлось ослабить значительный участок своей главной позиции. К моменту, когда Клементс вновь оказался в Арунделе, цель операций фактически была выполнена. Френч – этот буревестник войны – из Кейп-Тауна перелетел на Моддер-Ривер, где его ожидал более ценный приз, чем Колесберг. Клементс же продолжал прикрывать Нааупорт – важный железнодорожный узел, пока наступление армии Роберта коренным образом не изменило ход войны.

* Буров Оранжевой Республики.

СПИОН-КОП

Пока Метуэн и Гетекри топтались на Моддере и у Стеркстроома, пока неутомимый Френч сгонял буров к Колесбергу, сэр Редверс Буллер – тяжелый, упрямый, скрытный человек, собирал и готовил войска к наступлению на Ледисмит. Минул почти месяц с той злосчастной фронтальной атаки у Коленсо, когда его пехота отступила, а десять пушек нет. За это время прибыло подкрепление, в том числе дивизия сэра Уоррена и значительное количество орудий. Но, принимая в расчет характер местности, на которой предстояло действовать и боевые качества буров, способных в любой момент перерезать коммуникации, даже сторонние наблюдатели считали его силы недостаточными для выполнения поставленной задачи.



Армейские грузы в порту Дурбана

Однако великолепная британская пехота горела энтузиазом и доверяла своему командующему. Надо признать, что, сколько бы мы не критиковали отдельные моменты в кампаниях Буллера, он, несомненно, обладал даром убеждения и умел

воодушевлять своих парней. Несмотря на Коленсо, его плотно сбитая фигура и бесстрастное лицо вселяли в окружающих уверенность в неизбежной победе. Его артиллерия стала намного сильнее, особенно по весу залпа, но кавалерия оставалась относительно слабой. Когда 10-го января он, наконец, предпринял попытку флангового обхода, то взял для этого девятнадцать тысяч пехотинцев, три тысячи кавалеристов и шестьдесят орудий, включая шесть гаубиц, способных стрелять 50-ти фунтовыми ливидитными снарядами, и десять дальнбойных морских пушек. Бригада Бартона и незадействованные в маневре подразделения охраняли базу и линии коммуникаций.



5-дюймовая гаубица

В распоряжении Буллера находились следующие силы:

Дивизия Клеры.

Бригада Хилдьярда (2-й батальон Вест-Суррейского полка, 2-й Девонширского, 2-й Вест-Йоркширского, 2-й Ист-Суррейского полка).

Бригада Харта (1-й батальон Иннискиллингских Фузилеров, 1-й батальон Пограничников, 1-й батальон Коннаутских Рейнджеров, 2-й Дублинских Фузилеров).

Полевая Артиллерия: три батареи – 19-я, 28-я и 63-я,

Один эскадрон 13-го Гуссарского полка, Королевские Инженеры.

Дивизия Уоррена.

Бригада Литтлтона (2-й батальон Камеронцев, 3-й Королевских Стрелков, 1-й Даремской Легкой Пехоты, 1-й Стрелковой Бригады).

Бригада Вудгейта (2-й батальон Королевского Ланкастерского полка, 2-й Ланкаширских Фузилеров, 1-й Южно-Ланкаширского, 1-й Йоркско-Ланкастерского)

Полевая Артиллерия: три батареи - 7-я, 78-я и 73-я;

один эскадрон 13-го Гуссарского.

Войска корпусного подчинения.

Бригада Кука (Имперская Легкая Пехота, 2-й батальон Сомерсетского полка, 2-й Дорсетского, 2-й Миддлсекского)

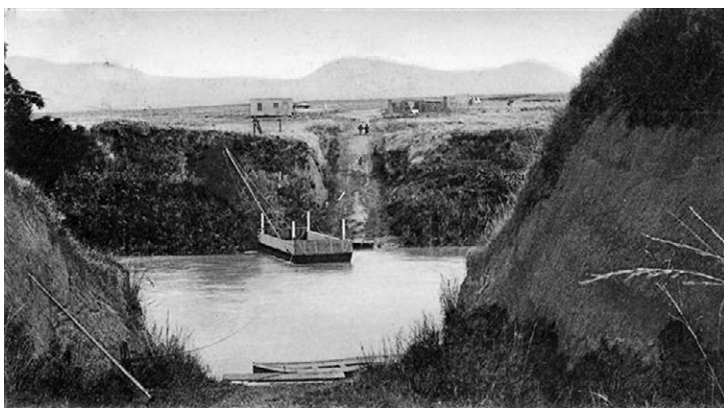
61-я Гаубичная Батарея, две 4,7-дюймовые морские пушки, восемь 12-фунтовых морских пушек

Один эскадрон 13-го Гуссарского, Королевские Инженеры.

Кавалерия.

1-й Королевский Драгунский полк, 14-й Гусарский, четыре эскадрона Южно-Африканской Конницы, один эскадрон Имперской Легкой Конницы, Конная Пехота Бетьюна, Конная Пехота Торнейкрофта, один эскадрон Натальских Карабинеров, один эскадрон Натальской Полиции, одна рота Королевских Стрелков (конная пехота), шесть пулеметов.

Действия этих боевых частей я и попытаюсь описать.



Паромная переправа на Потгитерс-Дрифт

В шестнадцати милях западнее Коленсо есть брод через реку Тугела, называемый Потгитерс-Дрифт. Генерал Буллер намеревался захватить эту переправу вместе с паромом, и таким образом выйти на правый фланг буров, засевших у Коленсо. Вдоль реки тянулась линия высоких холмов, но если их пре-

одолеть, то простиравшаяся до самых Ледисмитских высот местность, была сравнительно легкопроходимой. Генерал Буллер и его люди отважились на это рискованное предприятие, веря в свои силы и надеясь на несомненный успех.

Кавалерия Дандоналда, быстро продвигаясь вперед, преодолела Малую Тугелу, приток главной реки, у Спрингфилда, и закрепилась на холме, господствовавшим над бродом. Зайдя так далеко, Дандоналд проигнорировал полученные инструкции, поэтому, восхищаясь его решимостью и отвагой, стоит с большим снисхождением вспоминать менее удачливых офицеров, чьи частные предприятия оканчивались бедой и укорами общественного мнения. Не вызывает сомнения, что противник намеревался удержать весь участок, и ему помешала лишь быстрота нашего продвижения. Ранним утром небольшой отряд Южно-Африканской Конницы под командованием лейтенанта Керлайсла, несмотря на огонь бюргеров, вплавь пересек реку, и привел паром. Эта акция, по счастью обошедшаяся без крови, была отлично спланирована и смело исполнена. Путь для наступления открыли, и, если бы мы и дальше действовали с подобной скоростью, то, несомненно, смогли бы рассеять бунтов до того, как противник сконцентрировал свои силы. Наша пехота неповинна, что все обернулось иначе. Она бодро продвигалась сквозь грязь, наступая на копыта кавалерии, совершив форсированный марш, возможно, самый изнурительный за всю кампанию. Но армия в 20 000 человек не может переправляться через реку в двадцати милях от базы без тщательного обеспечения путей снабжения. Вагоны еле тащились по дорогам, раскисшим от бесконечных дождей, превративших каждый ручеек в реку. Волы могли упираться изо всех сил, двигатели тягачей работать на полную мощность, а лошади падать одна за другой, но не в человеческих силах обеспечить снабжение авангарда, позволив ему идти в собственном темпе. Поэтому, захватив Маунт-Элис – высоту, господствовавшую над бродом, и обеспечив себе условия для форсирования реки, войска несколько дней предавались вынужденному ожиданию, наблюдая, как копошатся вдалеке энергичные темные фигуры, что-то перетаскивая, возводя и копая на склонах холмов преграждавших путь британцам. Далеко на горизонте сквозь багровое море с утра до ночи мигал крохотный отблеск. Это сигнализировал гелиограф Ледисмита, рассказывая о бедах осажденных и призывая на помощь. А в ответ, с вершины Маунт-Элис мерцала и вспыхивала звезда надежды, успокаивая и ободряя. На разделявшем их пространстве суровые хозяева вельда с

ожесточением рыли траншеи. "Мы идем! Мы идем!", – кричали с Маунт-Элис. "Только через наши трупы", – отвечали им люди с лопатами и кирками.

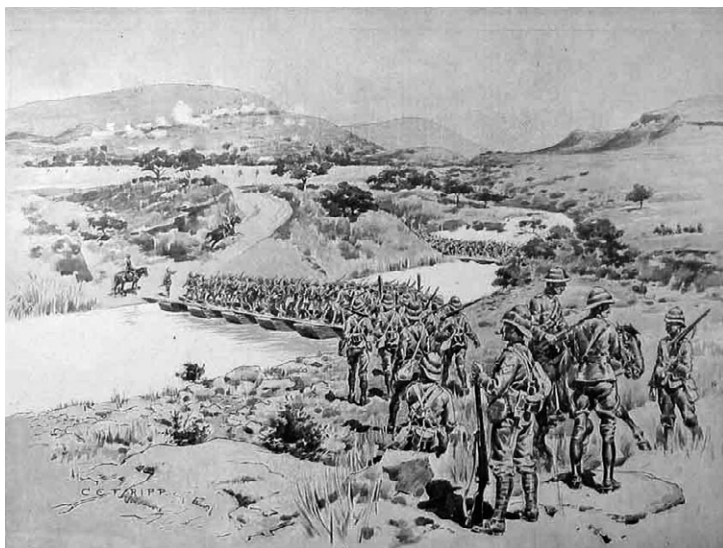
В четверг, 12-го января, Дандоналд занял высоты, 13-го был отбит паром и подошла бригада Литтелтона, закрепившая позиции, захваченные кавалерией. 14-го были доставлены тяжелые морские орудия для прикрытия переправы. 15-го бригада Кука и другие пехотные части сконцентрировались у брода. 16-го четыре батальона Литтелтона переправились на другой берег, и только тогда стало очевидно, что план Буллера, на самом деле гораздо глубже, чем казался, а все его предприятия у Потгитерс-Дрифт были демонстрацией, призванной прикрыть переправу через брод Тричардс-Дрифт, в пяти милях западнее. Таким образом, пока бригады Литтелтона и Кука демонстративно атаковали Потгитерс-Дрифт в лоб, три другие бригады (Харта, Вудгейта и Хилдьярда) 16-го числа совершили быстрый ночной переход к основной переправе, уже захваченной кавалерией Дандоналда. 17-го там был наведен понтонный мост, по которому силы британцев перешли для удара во фланг бургским траншеям, защищавшим Потгитерс.



Бригада Литтелтона форсирует Потгитерс-Дрифт

Все было великолепно спланировано и отлично исполнено. Несомненно, эта переправа – лучший стратегический ход кампании, если допустить, что британцы предпринимали прежде

какие-нибудь стратегические ходы. На 18-е число пехота, кавалерия и большинство орудий без потерь переправились через реку. Однако буры продолжали удерживать линию обороны, и единственным результатом изменившейся расстановки сил оказалось возведение ими новой серии укреплений, в строительстве которых бюргеры стали непревзойденными специалистами. Британцы, перейдя на правый берег, оказались значительно дальше от Ледисмита, чем в начале операции. Однако бывают ситуации, когда двадцать миль меньше четырнадцати, и, похоже, это был тот самый случай. Первый шаг всегда самый трудный. Позиции буров лежали прямо перед британцами, проходя по краю высокого плато и упираясь на левом фланге в высокий пик Спирит-Копа.



Войска Уоррена у Тричардс-Дрифт

С овладением или взятием под контроль главной высоты, половина дела была бы сделана. Именно за эту цепь холмов и пришлось сражаться двум, самым упрямым расам на земном шаре. Немедленное наступление, несомненно, позволило бы сходу овладеть позицией, но, по каким-то необъяснимым соображениям, за непонятным перемещением сил на левый фланг последовал отход дивизии Уоррена с удерживаемых позиций. Как итог – потеря двух драгоценных дней. Сегодня у нас есть заверения команданта Эдвардса, в то время исполнявшего роль начальника штаба генерала Боты, что, своевре-

менно предприняв решительный поворот влево, мы могли совершенно обойти позиции буров с фланга, открыв путь на Ледисмит.

В первый день британцам сопутствовал небольшой успех, тем более приятный, что в то время он был редким явлением. Людей Дандоналда перебросили на левый фланг прикрыть пехоту и прощупать фланг противника. Там они заманили в засаду сильный патруль буров. Некоторые из бюргеров бежали, некоторые отважно отстреливались, засев на небольшом холме, но в итоге в плен попало двадцать четыре бура, не считая тринадцати убитых и раненых (включая де Меца – хейлборнского фельдкорнета). Потери британцев в этом хорошо спланированном деле составили двое убитых и двое раненых. Затем бойцы Дандоналда заняли позицию на крайнем левом фланге Уоррена.



Дозор буров у Спирит-Копа, вид на Тугелу

Теперь британцы двигались на буров двумя отдельными колоннами, первая, включавшая бригады Литтелтона и Кука, наступала по фронту от Потгитерс-Дрифт, в то время как главная колонна, возглавляемая Уорреном, переправившись через Тричардс-Дрифт, обходила буров справа. В центре, между ними, на фоне синего натальского неба отчетливо вырисовывался неприступный бастион Спирит-Копа. Тяжелые морские орудия на Маунт-Элис (две 4,7-дюймовки и восемь двенадцатифунто-

вых) расположились таким образом, что могли поддерживать любую из колонн. Для поддержки фронтального наступления Литтелтону придали гаубичную батарею. Два дня медленно, но упорно, британцы теснили буров, засыпая их позиции снарядами. Суровые и выдержанные бюргеры не желали до наступления кризисного момента обнаруживать расположение своих крупнокалиберных орудий, опасаясь их преждевременного вывода из строя, и ограничивались огнем стрелков.

19-го января обходной маневр Уоррена обеспечил ему тесный контакт с противником, и тридцать шесть британских полевых орудий вместе с шестью вновь прибывшими гаубицами, подавляли любое сопротивление, встречавшееся на пути.



Генерал-лейтенант Невилл Литтолтон

Уоррен продвигался по местности, изрезанной многочисленными складками. Наступление обыкновенно сводилось к последовательному захвату одного гребня за другим. На ранней стадии войны это сопровождалось бы большими потерями, но теперь, хорошо усвоив урок, пехотинцы выдерживали интервал в десять шагов, и каждый боец самостоятельно, подобно буру, выбирал укрытие. Противник с достоинством отступал. Не было ни победы с одной стороны, ни бегства с другой, лишь упорное продвижение и упорядоченный отход. Ночью пехота спала в боевых линиях. Возобновив движение на рас-

свете, в три часа утра она обнаружила, что теперь ее встречают не только ружья, но и долго молчавшие орудия буров, обрушившие яростный огонь на наступавших британцев. Вновь, как и у Коленсо, основная тяжесть боя выпала Ирландской бригаде Харта, проявившей присущее ей мужество, которое издавна, служила она Британии или нет, ассоциируется с ее именем. Изрядная доля потерь и славы досталась также Ланкаширским Фузилерам, Йоркцам и Ланкастерцам. Медленно, но уверенно британцы охватывали врага. Доблестный полковник Тобин (Южно-Африканская Конница) въехал на вершину холма и просигналил шляпой, что все чисто. Его товарищи, следуя по пятам, овладели позицией, потеряв в бою майора Чайлда. В ходе этой акции Литтелтон удерживал буров в траншеях, ведя огневой бой на дистанции 1500 ярдов. Сближится с противником ему так и не удалось. К вечеру 20-го января британцы захватили несколько миль территории, потеряв триста человек убитыми и ранеными. Солдаты находились в приподнятом настроении, и будущее казалось безоблачным. Вновь люди ночевали на линии огня, и вновь на рассвете слышали грохот крупнокалиберных орудий и треск винтовок.



*Британские войска продвигаются к Спидон-Копу
(рисунок из "Life")*

Утром 21-го числа боевые действия привычно начались при поддержке полевых батарей и 61-й батареи гаубиц, интенсивно отвечавших на огонь противника. В одиннадцать пехота пошла вперед, передвигаясь на манер, способный повергнуть в ужас

мастодонтов из Алдершота. Рваная бахрома ползущих, пригибающихся, перебегающих от укрытия к укрытию бойцов. Они двигались расчетливо и осторожно, не собираясь играть в поддавки со смертью. Куда делись офицеры с их хорошо заметными мундирами и сверкающими палашами, где храбрецы, бегущие во весь рост, где люди, слишком гордые, для того чтобы залечь? Тактика трехмесячной давности теперь казалась средневековым. Весь день боевые порядки волнами катились вперед. К вечеру мы отвоевали еще одну полосу каменистой земли, и еще один караван увез сотню наших раненых в базовый госпиталь у Фрира. В этот день основные потери пришились на бригаду Хилдгярда.

К утру 22-го января подразделения собрались перед главной позицией буров. Солдаты отдыхали, а командиры решали, в каком месте предпринять последний штурм. То ли на правом фланге, где сосредоточены основные силы буров, то ли на левом, где возвышались бастионы Спирон-Коп, названного так потому, что в 1835 году с этих высот разведчики буров впервые увидели обетованную землю Наталя. Если бы только удалось его взять и удержать! Буллер и Уоррен тщательно изучали голую вершину в подзорные трубы. Захват высоты выглядел рискованным предприятием, но именно риском проверяется храбрость мужчины. Один отчаянный рывок, и ключ от запертых ворот в наших руках. Вечером они отправили в Лондон телеграмму, погрузившую всю Империю в тревожное ожидание. Спирон-Коп будет атакован этой ночью.

Для выполнения задачи выделили восемь рот 2-го батальона Ланкаширских Фузилеров, шесть рот 2-го батальона Королевских Ланкастерцев, две роты 1-го батальона Южных Ланкаширцев, 180 людей Торнейкрофта и полуроту саперов. В целом всю работу поручили Северянам.

Под покровом беззвездной ночи люди, словно отряды ирокезов, выслеживающих врага, крались по извилистому, едва угадываемому пути, ведущему на вершину. Их вели Вудгейт – бригадир Ланкаширцев, и Бломфилд (Фузилеры). Британцам, после утомительного марша по пересеченной местности, пришлось карабкаться по крутому склону на высоту в 2000 футов, но войска двигались в хорошем темпе, и в самый темный час, предшествующий рассвету, они одолели последний обрыв. Укрывшись среди камней и глядя на безмятежно горящие далеко внизу огни, где, на равнине спали их товарищи, Фузилеры восстанавливали дыхание. Изморось укрыла землю, тяжелые густые облака висели прямо над головой. Люди с винтовками

наперевес и примкнутыми штыками осторожно двинулись вперед. Они крались, пристально вглядываясь в темень, выискивая малейшие намеки на присутствие врага, врага – первым признаком которого обычно являлся оглушительный выстрел. Возглавляли предприятие люди Торнейкрофта, ведомые своим отважным командиром. Наконец передовой отряд вышел на ровный участок. Гребень был захвачен.

Медленно, затаив дыхание, передовая линия стрелков продолжила движение. Возможно ли, что позиция покинута противником? Внезапно из темноты раздался резкий окрик "Wie da?", затем выстрел, затем ответный треск винтовок и воинственный клич – это Фузилеры бросились в штыковую. Послышался топот убегающих и аванпост буров, а это были бюргеры из Фрайхейда, исчез в темноте. Победный крик, разбудивший обе армии, сообщил, что сюрприз удался и позиция захвачена.

В неверном свете зарождавшегося дня бойцы обследовали узкий холмистый гребень, край которого они захватили. Им повстречалась еще одна траншея, слабо удерживаемая и быстро брошенная противником. Затем войска, не зная, что происходит вокруг, стояли и ждали, покуда полностью рассветет, чтобы определиться, где они находятся и какая работа предстоит – как оказалось, фатальная ошибка, но настолько природная, что трудно винить в ней офицера, приказавшего остановиться. В самом деле, с его точки зрения было слишком опасно продолжать двигаться вслепую, рискуя потерять уже обретенное преимущество.

Только около восьми утра, когда туман рассеялся, генерал Вудгейт понял, как обстоят дела. Гребень, на одном конце которого находились его люди, то поднимаясь, то опускаясь, тянулся на несколько миль. Если бы он захватил все плато или имел несколько орудий, у него была бы надежда овладеть всей позицией. Но он удерживал лишь половину плато, на дальнем конце которого основательно закрепились буры. Вершина Спирит-Копа в действительности оказалась острым выступом в линии обороны буров, а за ней лежала еще одна высота, укрывшая отряд стрелков и несколько орудий. Британцы очутились под перекрестным огнем. Плато было гораздо уже, чем обычно описывает пресса. Во многих местах ширина фронта наступления не превышала сотни ярдов, и солдатам приходилось двигаться буквально плечом к плечу, так как места для развертывания не хватало даже одной роте. Укрытий было катастрофически мало, совершенно недостаточно, чтобы все люди могли ими воспользоваться, и орудийный огонь, особен-

но огонь "пом-помов", вскоре стал губительным. Само собой напрашивалось решение сосредоточить войска под прикрытием края плато, но буры проявили высокое тактическое мастерство. По приказу команданта Принслоо, Хейделбергские и Каролинские командос настолько решительно двинулись вперед, что британцы не могли отвести даже часть своих людей. Буры подкрадывались со всех сторон, пули летели справа, слева, по фронту, повсеместно выискивая и настигая свои жертвы. Доблестный Вудгейт был ранен в самом начале боя, погибли многие из его Ланкаширцев. Оставшиеся держали позицию, вжавшись в землю, изредка стреляя по возникавшему то там, то тут стволу винтовки, или мелькнувшей на миг широкополой шляпе. С утра до полудня артиллерия, "Максим" и ружейный огонь неистовым ливнем хлестали по плато. Британские орудия внизу, на равнине, не могли точно нащупать позиции противника, и буры спокойно расстреливали беззащитную пехоту. Но на наших артиллеристах нет вины, поскольку холм скрывал артиллерию буров, состоявшую из пяти орудий и двух "пом-помов".

После ранения Вудгейта Буллер поручил оборону холма Торнейкрофту, имевшему заслуженную репутацию решительного командира. После полудня к нему на помощь направили бригаду Кука: Миддлсексцев, Дорсетцев и Сомерсетцев вместе с Легкой Имперской Пехотой. Приход подкрепления к защитникам плато скорее увеличил сводки потерь, чем силы оборонявшихся. Три тысячи дополнительных штыков не могли помешать огню невидимых орудий, и именно они стали основным источником потерь. На плато было так тесно, что редкий снаряд противника не находил цель. У войск не было ни укрытий, чтобы спрятаться, ни достаточного пространства, чтобы увеличить интервал в цепях. Самое большое давление противник оказывал по фронту, на мелкие траншеи, покинутые бурами и занятые Ланкаширскими Фузилерами. Они насквозь простреливались продольным артиллерийским и ружейным огнем, и вскоре число убитых и раненых в них превысило число живых. Стрелки противоборствующих сторон находились настолько близко друг к другу, что, по крайней мере в одном случае, буры и британцы лежали на разных склонах одной и той же скалы. Горстка доведенных до отчаянья бойцов поднялась, показывая, что с них довольно, но Торнейкрофт, человек огромной физической силы, бросился на наступающих буров. "Убирайтесь в Ад! – кричал он, – "я здесь командую, и не позволю сдаваться. Продолжать огонь".



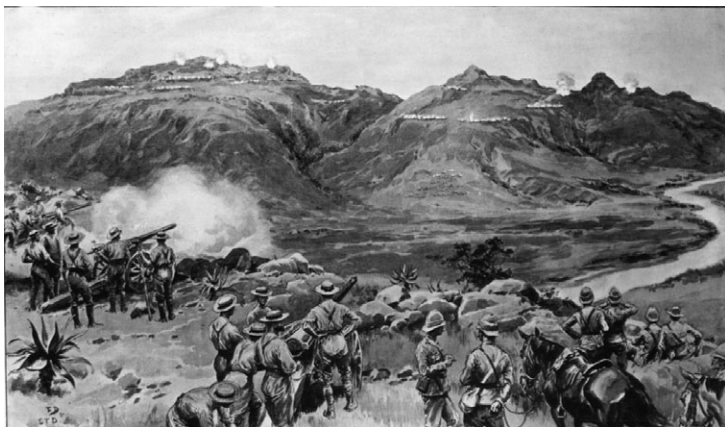
Подполковник Торнейкрофт

Снова и снова люди Луиса Боты с беспримерной отвагой атаковали передовые позиции британцев, наступая с дерзостью, которой мы от них не ожидали, не видя такого со времен большой атаки под Ледисмитом. Около двух часов дня они ворвались в траншею, занятую Фузилерами, захватив в плен остатки двух рот, но вскоре были оттуда выбиты.

Окруженной группе Южно-Ланкаширцев предложили сдаться. "В плен – только мертвым", – кричал им в ответ сержант-знаменщик Нолен. Непрерывный многочасовой грохот рвавшихся меж камней снарядов, стоны и крики изуродованных осколками людей – все это крайне изматывало войска. Наблюдатели, находившиеся внизу, видя, как на переполненном людьми плато разрывается до семи снарядов в минуту, изумлялись стойкости воск. Солдат получал ранение, и еще, и еще, но все равно сражался. Никогда, со времен Инкермана, наши люди не участвовали в такой жестокой, беспощадной схватке. Младший офицерский состав держался великолепно. Капитану Мюриэлю (Миддлесеку) прострелили щеку, когда он давал сигарету раненому, но он продолжал командовать ротой, пока повторно не получил пулю в голову. Скотт Монкриф, того же полка, выбыл из строя только после четвертого ранения. Гринфилл из Торнейкрофтцев, будучи ранен, воскликнул: "Все в порядке, ерунда". На второе ранение заметил: "Ничего, я могу оставаться в строю". Третья пуля убила его. Росс из Ланкастерцев, уползший с санитарных носилок, был найден мертвым на самом дальнем гребне. Юный Меррей из Шотландских Стрелков, истекая кровью пяти ран, шатаясь,

шел со своими людьми. Солдаты были достойны своих командиров. "Не отступать! Не отступать!", – кричали они, когда кто-нибудь пятился назад. В каждом батальоне находились безвольные, трусливые "тряпки" и слабые духом. Многие из них брели вниз по заднему склону холма, вместо того чтобы смотреть смерти в глаза на вешине, но основной костяк британских войск никогда не держался упорнее, чем во время "Страшного Суда", вершившегося на роковой высоте.

Позиция была настолько плоха, что никакие усилия, ни офицеров, ни солдат, не могли исправить безнадежного положения. Перед ними стояла убийственная дилемма. Если отступить, стрелки буров захватят позицию. Если держаться, противник продолжит убийственный огонь своей артиллерии, на который мы не могли отвечать. Внизу, на Ган-Хилл, мы имели не менее пяти батарей: 78-ю, 7-ю, 73-ю, 63-ю и 61-ю Гаубичную, но между ними и противником возвышался изрытый траншеями хребет, скрывавший орудия, обстреливавшие британцев на Спийон-Копе.

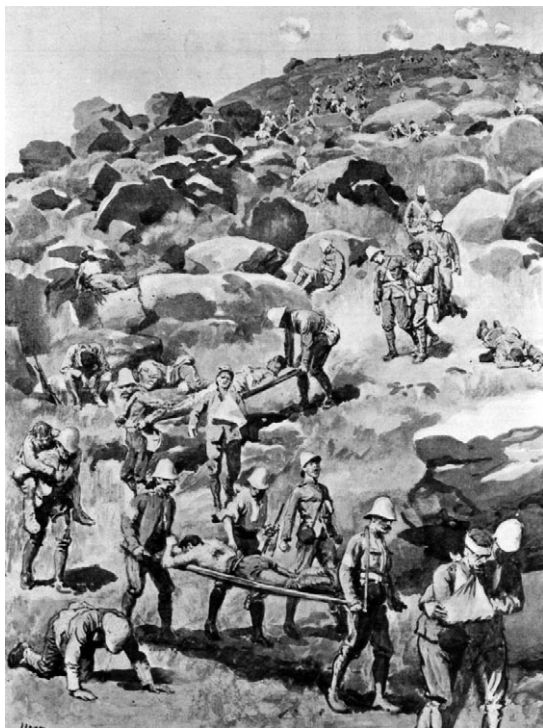


Орудия Морской Бригады пытаются поддержать свои войска во время боя на Спийон-Коп (рисунок из "Life")

Морские орудия на Маунт-Элис делали все, что могли, но дистанция была слишком велика, а позиции пушек буров неизвестны. Очевидно, что наша артиллерия, расположенная таким образом, при всем желании не могла спасти пехоту от избиения.

Остается вопрос, можно ли было поднять британские орудия на вершину. Мистер Уинстон Черчилль, неоднократно в течение войны демонстрировавший здравость суждений, ут-

верждал – такая возможность была. Не рискуя опровергать мнение непосредственного очевидца событий, я осмелюсь настаивать на существовании убедительных доказательств того, что без взрывных работ и других мер, на которые не хватало времени, это было невозможно. Капитан Ханвелл (78-я батарея) в день боя с огромным трудом, на четырех лошадях, доставил легкий "Максим" на вершину, и, по его мнению, согласному с мнением других артиллерийских офицеров, подъем орудий был невозможен без подготовки дороги. С наступлением ночи полковника Сима с отрядом саперов отправили для расчистки тропы и подготовки двух огневых позиций на вершине, но, поднимаясь, он встретил отступавшую пехоту.



На склонах Спидон-Кона (рисунок из "Life")

В течение дня на холм постоянно прибывали подкрепления, в бой оказались втянуты две полные бригады. С другого склона гряды Литтелтон послал Шотландских Стрелков, которые, достигнув гребня, внесли свою долю хаоса в бойню на плато. Когда сгустились сумерки, и разрывы снарядов огненными

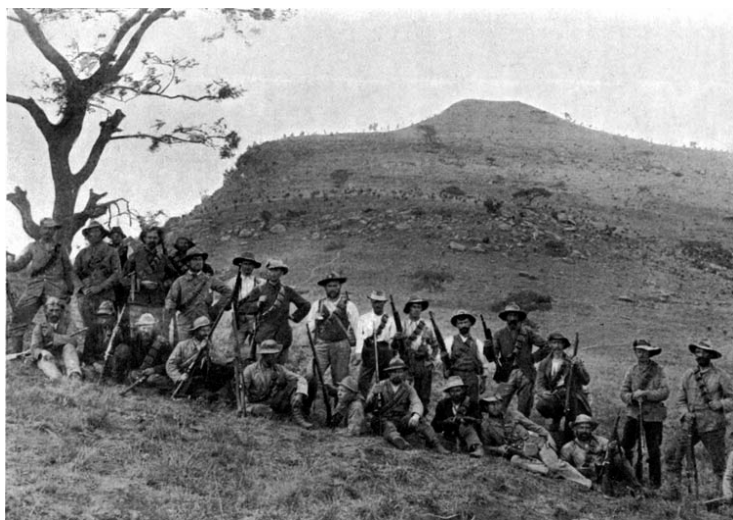
сполохами отчетливо виднелись темноте, изможденные и страдавшие от жажды люди все еще лежали на каменистой земле. Растерянные, потерявшие свои подразделения и командиров. Порядок сохранили лишь Дорсетцы, то ли благодаря превосходной дисциплине, то ли лучшим укрытиям, то ли факту, что их форма несколько отличалась по цвету от обычной. Двенадцать часов ужаса на многих солдат произвели странный эффект. Часть людей была подавлена дневным боем, некоторые находились в полубессознательном состоянии, утратив способность ясно мыслить. Некоторые лежали, словно в пьяной дреме. Но большинство с угрюмым терпением переносили страдания, тягчайшим из которых была жажда.

До наступления темноты 3-й батальон Королевских Стрелков из бригады Литтелтона предпринял в высшей степени доблестную и успешную попытку облегчить положение своих товарищей на Спийон-Копе. Чтобы частично отвлечь на себя огонь буров, люди поднялись по северному склону и захватили высоты, являвшиеся продолжением того же хребта. Хотя целью маневра была лишь активная демонстрация, но Стрелки продолжали идти вперед до тех пор, пока, задыхаясь от нехватки воздуха и почти выбившись из сил, не оказались на самой вершине. Победителями стояли они на отбитой у противника позиции, отметив пройденный путь почти сотней мертвых или умирающих товарищей. Они продвинулись гораздо дальше, чем требовалось, и получили приказ отступить. Отважный полковник Бьюкенен Риддел как раз читал записку Литтелтона, когда бурская пуля попала ему в голову, и еще один герой пополнил список отважных командиров, погибших, как подобает воинам – на поле брани, стоя во главе своих солдат. Чисхолм, Дик-Канингхем, Доунмен, Уилфорд, Ганнинг, Шерстон, Теккерей, Ситвелл, МакКарти, О'Лери, Эрли – они прошли со своими людьми через ворота смерти.

Это был замечательный подвиг 3-го батальона Стрелков. "Лучшая завязка, лучшая атака высоты и лучший бой, какой мне доводилось видеть" – сказал их командир бригады. Вполне очевидно, если бы Литтелтон не бросил своих людей в бой, наши парни на вершине холма не удержались бы, но так же очевидно, что останься Стрелки на захваченной позиции, бурам ни за что не удалось бы вновь занять Спийон-Коп.

И вот, глядя на едва различимых в сгущавшихся сумерках, но все еще осыпаемых градом снарядов, бойцов, измотанному Торнейкрофту предстояло решить: стоит ли удерживать плато еще один день, который наверняка будет подобен только что

пережитому, или, пользуясь благословенной темнотой, отвести потрепанные и расстроенные войска вниз. Если бы он видел уныние буров и их подготовку к отступлению, то остался бы на позиции. Но бюргеров он видеть не мог, зато собственные ужасные потери были налицо. Он лишился около сорока процентов людей. Три сотни мертвых и умирающих – мрачное зрелище даже для обширного поля битвы, но когда они загромождают тесное пространство, когда с небольшой возвышенности открывается вид на беспорядочно разбросанные груды изувеченных, разорванных тел, а стоны раненых сливаются в один монотонный бесконечный хор, требуются действительно железные нервы, чтобы устоять при виде подобной катастрофы. В более суровые времена Веллингтон смог превозмочь ужас вида четырех тысяч тел, заполнивших узкое пространство пролома городской стены Бадахоса, но его укрепляло знание, что цель, ради которой пали эти люди – достигнута. Останься дело незавершенным, даже его стойкая душа содрогнулась бы при мысли о необходимости продолжать бой. Торнейкрофт видел беспощадное избиение своих людей прошедшим днем и содрогался при мысли, что предстоит пережить еще один. "Лучше шесть батальонов в безопасности спустятся с холма сейчас, чем будут сметены с него утром", – сказал он и отдал приказ отступать.



Буры, принимавшие участие в отражении британской атаки, на фоне вершины Спийон-Копа

Очевидец, встретивший войска, оставлявшие позиции, рассказывал мне, что, хотя люди ковыляли, качаясь от изнеможения, они не производили впечатления разгромленных и обращенных в бегство. Подразделения смешались, но солдаты двигались спокойно, соблюдая порядок, тонкой бесконечной нитью бредя сквозь темноту. Их иссушенные губы с громадным трудом шептали: "Вода! Где вода?" У подножия холма они вновь построились по подразделениям и двинулись в лагерь. Наутро залитая кровью вершина холма, с грудями убитых и раненых, оказалась в руках Боты и его людей, своим мужеством и упорством заслуживших победу. Сегодня не подлежит сомнению, что еще в 3 часа утра, Бота, зная, что Стрелки захватили позиции буров, считал положение безнадежным, и был изумлен, когда два его разведчика доложили, что дело кончилось не поражением, а победой.



Луис Бота (в центре) после боя на Спидон-Копе

Какой вывод мы можем сделать из этой акции – смело задуманной, отважно начатой и мужественно перенесенной. В течение всей войны результаты артиллерийского огня с обеих

сторон были разочаровывающие, но на Спирит-Копе, без сомнения, именно орудия буров стали творцами победы. Дома так горько оплакивали произошедшее, что сложилась тенденция критиковать битву слишком сурово, но, опираясь на свидетельства нашего командования, трудно сказать, что можно было предпринять, для иного результата. Знай Торнейкрофт то, что известно нам, он, несомненно, удержал бы свои траншеи на холме. Размышляя об этом, трудно понять, почему принятие решения, от которого зависел итог всей операции, было оставлено на усмотрение простого подполковника. "Где командиры?" – кричали Фузилеры, и историк может лишь повторить вопрос. Генерал Уоррен был у подножья холма. Если бы он поднялся наверх и решил, что позицию следует удерживать, то мог отправить вниз измученные войска, сменить их небольшим количеством свежих, приказать саперам углубить траншеи, и обеспечить доставку воды и орудий. Именно командир дивизии был обязан быстро и решительно управлять событиями, и помочь людям, весь день втянутым в тяжелый бой.

Опубликованные официальные сообщения безуспешно пытались объяснить происшедшее, отсутствием взаимопонимания и согласия между Буллером и Уорреном, и тем, что последний, в ходе операции, утратил всяческую уверенность в благоприятном исходе. В этих документах генерал Буллер выразил мнение, что, действуй Уоррен решительнее, обход левого фланга оказался бы относительно легким делом. В данной части с ним согласно большинство военных критиков. Однако он добавляет: "19-го я должен был принять командование на себя. Я видел, что дела идут не очень хорошо, все это видели. Сейчас я виню себя, что не поступил подобным образом. Я воздержался от вмешательства, чтобы не нарушать субординацию и не дискредитировать генерала Уоррена в глазах подчиненных. Если бы я выбыл из строя, а ему пришлось отступать на другой берег Тугелы, то при отсутствии доверия войск, последствия могли быть очень серьезными. Пусть высший суд решит, насколько оправданным было мое решение". Не требуется никакого высшего суда, кроме здравого смысла, чтобы заявить, что оно было абсолютно не оправданно. Какие последствия могли быть серьезнее, чем провал операции по снятию блокады Ледисмита, а неудачные действия в любом случае дискредитировали Уоррена в глазах солдат. Кроме того, субординация ничуть не страдает оттого, что командующий непосредственно возглавляет операцию в критической фазе.

Однако точка в этом персональном споре, очевидно, так никогда и не будет поставлена.

Из-за скопления четырех тысяч человек на пространстве, которое могли прикрыть пять сотен, мы понесли очень тяжелые потери. Не менее пятнадцати сотен были убиты, ранены или пропали без вести. Артиллерийский огонь обусловил чрезвычайно высокую долю убитых. Больше всех пострадали Ланкаширские Фузилеры, а их командир полковник Бломфилд был ранен и взят в плен. Королевские Ланкастерцы также понесли тяжелые потери. У Торнейкрофтцев из 180 участвовавших в бою вышло 80 человек. Необстрелянная Имперская Легкая Пехота, прошедшая крещение огнем, потеряла 130 человек. Особенно тяжелыми были потери среди офицеров: 60 человек убито или ранено. По сведениям буров они потеряли 50 человек убитыми и 150 ранеными, что очевидно недалеко от правды. Если бы не артиллерийский огонь, потери англичан были бы немногим больше.



Павшие на Спюон-Копе

С момента переправы через Тугелу генерал Буллер потерял около двух тысяч человек, а задача, стоявшая перед ним, осталась не выполненной. Следовало ли ему рисковать дополнительными потерями, штурмуя высоты, лежавшие перед ним, или надлежало вернуться за реку и искать более легкий путь?

К обоюдному удивлению и разочарованию публики, и армии он выбрал второе. 27-го января, без помех со стороны буров он отступил на другой берег Тугелы. Следует признать, что отступление было выполнено превосходно, а успешная переправа людей, орудий и запасов перед лицом победившего противника – признак высокого воинского искусства. Его бесстрастная и твердая манера поведения восстановила дух и доверие раздраженных и разочарованных войск. А поводы для недовольства армии и публики были налицо. После двухнедельной кампании, тяжелых лишений и огромных потерь положение Ледисмита и его освободителей ничуть не улучшилось.

Буллер удержал позиции на Маунт-Элис, но это все, чем он мог оправдать принесенные жертвы и напряжение духа. Вновь последовала утомительная пауза, а Ледисмит, переживая горькое разочарование, уменьшил рацион и уныло ожидал следующего движения с Юга.

ВААЛЬКРАНЦ

Ни генерал Буллер, ни его войска не утратили присутствия духа после провала плана и тяжелых потерь, понесенных на Спирит-Копе. Солдаты ворчали, это верно, но главным образом оттого, что им не дали идти вперед. Они клялись, что сумели бы прорваться сквозь ощерившийся смертью лабиринт холмов, даже если бы потери составили две трети. И, несомненно, они бы прорвались. Но, от начала до конца, генерал проявлял большое (некоторые говорят даже чрезмерное) уважение к человеческой жизни, и не собирался выстилать дорогу армии трупами, если оставался шанс найти менее кровавое решение. Утром, вернувшись в лагерь, он изумил и войска, и Империю, объявив, что нашел ключ к позиции противника и надеется через неделю войти в Ледисмит. Кто-то верил, кто-то пожимал плечами. Но, не обращая внимания ни на советы друзей, ни на уколы злопыхателей, бесстрашный Буллер работал над новой комбинацией.

Через несколько дней прибывшие подкрепления более чем восполнили потери предыдущей недели. Батарея конной артиллерии, два тяжелых орудия, два эскадрона 14-го Гусарского и от двенадцати до четырнадцати тысяч вновь призванных пехотинцев явились разделить его славу или поражение. Утром 5-го февраля армия предприняла еще одну попытку проторить путь к Ледисмиту. Люди знали, что в городе свирепствует брюшной тиф, что осколки, пули и микробы вывели из строя значительную часть гарнизона, а рацион (в основном мясо истощавших лошадей и интендантских мулов) становится все скуднее. Видя, что товарищи (а во многих случаях это были батальоны одних тех же полков), испытывают нужду всего в пятнадцати милях севернее, солдаты Буллера были готовы полностью выложиться в решительном броске.

Предыдущая попытка прорыва предпринималась к западу от Спирит-Копы. Но, если двигаться от этого холма на восток, выходишь к горе, называемой Доорнклооф. Между этими двумя пиками протянулся невысокий гребень, именуемый Бракфонтейн, и маленький, одинокий холм – Ваалькранц. Замысел Буллера состоял в следующем: если он сумеет захватить Ва-

алькранц, то сможет обойти высоты и выведет свои войска на плато, лежащее за ними. Он все еще удерживал Потгитерс-Дрифт, а огнем тяжелых орудий, установленных на Маунт-Элис и Сварт-Копе, контролировал местность на другом берегу реки. Таким образом, Буллер мог перебросить войска за реку при первой необходимости. Генерал планировал шумную демонстрацию напротив Бракфонтейна, а затем внезапный захват Ваалькранца. Таким образом он надеялся отпереть наружную дверь, за которой скрывался проход к Ледисмиту.



Подъем морских орудий на Сварт-Коп

Предварительной мерой являлась доставка орудий на Сварт-Коп, мероприятие столь же необходимое, сколь и трудоемкое. Была прорублена дорога. Моряки, инженеры и артиллеристы под руководством майоров Финдли и Эпли Смитта работали с полной самоотдачей. Горную батарею, две полевые пушки и шесть морских 12-ти фунтовых орудий обвязали тросами и под дружное моряцкое "йо-хо" потащили на вершину. Снаряды несли в руках. Пятого числа в шесть часов утра орудия, расположенные на другом участке позиции, открыли яро-

стный, но, скорее всего, неэффективный огонь по Бракфонтейну, Спирит-Копу и другим бурским позициям, лежавшим напротив.



*Морское 12-фунтовое орудие ведет огонь
с южного склона Сварт-Коп*



Вид на Бракфонтейн-Хилл со стороны британцев

Затем на Бракфонтейн предприняли ложную атаку, подкрепленную показной суматохой и демонстрацией, продолжав-

шуюся до тех пор, пока не закончились все приготовления к настоящему наступлению. Бригада Уинни (бывшая бригада Вудгейта, оправившаяся после Спирит-Копа), поддерживаемая шестью батареями полевой артиллерии, батареей гаубиц и двумя 4,7-дюймовыми морскими орудиями, успешно выполнила эту часть плана. Тремя часами позже в Преторию полетела телеграмма, повествующая, с каким триумфом бюргеры отразили атаку, которая даже не планировалась.

Вначале отошла пехота, затем, побатарейно, сохраняя образцовый порядок и выправку – артиллерия. 78-я батарея, отводившаяся последней, попала под сосредоточенный огонь бурских орудий, и ее настолько заволочло тучами пыли, поднятой вражескими снарядами, что наблюдатели лишь изредка видели то промелькнувший передок, то на секунду возникший силуэт орудия. Из этого смертельного вихря батарея вышла без спешки, в полном порядке, каждая мелочь, до последнего ведра, на своем месте. Один зарядный ящик, вместо погибших лошадей, тащили номера расчета. Так чинно, с презрением к опасности и противнику прошло это отступление. Доблесть наших артиллеристов – одна из отличительных черт этой войны, но при ложной атаке у Бракфонтейна она сверкала особенно ярко.



Отход 78-й батареи

В то время как внимание буров сосредоточилось на Ланкаширцах, несколько миль восточнее, в месте, называемом Мюнгерс-Дрифт, через реку быстро навели понтонный мост.

Три пехотные бригады (Харта, Литтелтона и Хилдьярда), заранее сосредоточенные на этом участке, готовились проскользнуть на противоположный берег, как только ложная атака в достаточной степени отвлечет внимание противника. Сокрушительный артиллерийский огонь семидесяти стволов (орудий, установленных на Сварт-Копе и батареях, переброшенных сюда с Бракфонтейнской демонстрации) был внезапно перенесен на реальный объект атаки – одинокостоящий Ваалькранц.

Трудно припомнить позиции, когда-либо подвергавшиеся подобной бомбардировке. Каждое орудие выбросило больше металла, чем целая германская батарея в дни их последней большой войны. 4-х и 6-ти фунтовые орудия, упоминаемые принцем Крафтом, выглядят игрушечными пугачами рядом с могучими гаубицами и 4,7-дюймовками. Однако, хотя склон холма буквально иссекли шрапнелью, сомнительно, что эта неопишуемая мощь причинила много вреда искусным и невидимым стрелкам.

Около полудня пехота устремилась по мосту, отважно и умело сооруженному под ожесточенным огнем противника саперами майора Ирвина. Атаку возглавила Даремская Легкая Пехота (бригада Литтелтона). За ней следовал 1-й батальон Стрелковой Бригады, поддерживаемый Шотландцами и 3-м Стрелковым. Даже Легкая Дивизия в дни своей славы на Пиренеях не штурмовала испанские холмы с большим воодушевлением и стремительностью, чем ее потомки, устремившиеся к склонам Ваалькранца.

В развернутых порядках британцы двинулись по равнине, игнорируя треск и визг шрапнели, а затем начали взбираться по холму. Солдаты перебежали с места на место, прыгали от укрытия к укрытию, пригибались, продвигаясь короткими бросками, то вскакивая, то припадая к земле, пока наблюдатели, расположившиеся на Сварт-Копе, не увидели в окуляры зрительных труб блеск штыков и силуэты решительных людей на вершине, собиравших силы для последнего рывка. Буров выбили из траншей, но меж валунов остались лежать семь британских офицеров и около семидесяти убитых или раненых солдат. Несколько подстреленных буров, пятеро пленных, горстка басутских пони да выжженный солнцем безводный холм – таковы привычно-скудные плоды нашей победы.



"Они просто делали свое дело..." (рисунок из "График")

Именно в ходе этой атаки имел место колоритный эпизод, которых так не хватает современной войне. Незаметность людей и орудий, растворение индивидуальности в массе, лишило поле боя занимательных эпизодов, которые, если и не оправдывают войну, то, по крайней мере, скрашивают ее. В данном случае орудие буров, отрезанное продвижением британцев, внезапно выскочило из своего укрытия, как заяц из-под кочки, и, уходя от опасности, понеслось по равнине. Упряжка отчаянно петляла, лошади стелились над землей, возница, сжавшись в комок, настигивал их без устали, маленькая пушечка мотылялась позади. Со всех сторон рвались британские снаряды — лиддит и шрапнель. Наконец доблестное орудие нырнуло в низину, чтобы спустя несколько минут показаться вдали, вне досягаемости нашего огня. С криками и улюлюканьем британская пехота следила за гонкой. Спортивный дух взял вверх над расовой ненавистью, и окончательное исчезновение орудия сопровождалось восторженными возгласами: "Нырнул в нору".

Даремцы расчистили путь, а другие подразделения бригады Литтелтона, идя по пятам, еще до ночи прочно закрепились на холме. Но фатальная медлительность, мешавшая генералу Буллеру в предшествующих операциях, вновь не позволила ему воспользоваться плодами успеха. По меньшей мере дважды в ходе этой кампании внезапный странный внутренний импульс побуждал его приостановить выполнение намеченного плана в самом разгаре и ничего не предпринимать до окончания дня. Так было при Коленсо, где, имея в своем распоряжении достаточно времени, он отдал приказ к общему отступлению, и бросил орудия, которые можно было прикрыть огнем пехоты и отвести под покровом темноты. То же самое случилось в критический момент боя за Ваалькранц. Согласно первоначальному плану операции предполагалось, что прилегавший холм, называемый Грин-Хилл, частично доминировавший над Ваалькранцем, так же будет взят. Совместно два холма составляли завершенную позицию, в то время как по отдельности каждый из них был нежелательным соседом другого. Однако на вопрос подскакавшего адъютанта, не пришло ли время атаки второго холма, генерал Буллер ответил: "На сегодня мы сделали достаточно", не выполнив эту важную часть собственного замысла. В результате весь план потерпел неудачу.

Скорость, являлась главным фактором, гарантировавшим успех задуманного. Скорость – это суть наступления. Обороняющийся не знает, где будет нанесен удар, и вынужден распределять людей и орудия так, чтобы прикрыть мили фронта. Атакующий знает, куда будет бить, и, под прикрытием аванпостов, имеет возможность сосредоточить свои войска, бросив все силы против относительно слабого (вследствие распыления ресурсов) противника. Но чтобы достичь успеха, он обязан быть быстр. Одним прыжком, подобно тигру, он должен смести войска противника в центре прорыва до того, как фланги придут тому на помощь. Но если время будет упущено, если растянутая линия обороны сумеет сжаться, если рассредоточенные орудия успеют собраться в месте прорыва, если позади первой линии обороны успеет возникнуть вторая, тогда единственное существенное преимущество, которым обладает атакующий, окажется потерянным. Во время второй и третьей попытки Буллера передвижение британских войск было настолько неторопливым, что, будь противник не самой мобильной армией мира, а самой медлительной, он все равно успел бы занять позиции, какие считал нужными. Уоррена, слоняв-

шегося без дела в первый день операции, закончившейся Спирон-Копом, с трудом, но можно оправдать возможными затруднениями снабжения войск. Но самому благожелательно настроенному критику придется немало попотеть над разумным объяснением летаргии под Ваалькранцем. Хотя светает вскоре после четырех, операция началась не ранее семи утра. Бригада Литтелтона штурмовала высоту в два, и весь долгий остаток дня больше ничего не предпринималось. Офицеры нервничали, солдаты ругались, а неутомимые буры с остервенением стягивали отовсюду орудия, преграждая путь, который мы хотели открыть*.

Бригада заняла Ваалькранц, возвела сангары и вырыла траншеи. Утром 6-го числа диспозиция британцев мало отличалась от Спиронкопской. Вновь несколько тысяч человек сгруппировались на вершине холма, со всех сторон открытые артиллерийскому огню, без единого орудия, способного их поддерживать. В одном или двух моментах ситуация для нас сложилась благоприятнее, чем в прошлый раз, и в результате мы смогли избежать больших потерь и разгрома. Более растянутая линия позволила пехоте обойтись без чрезмерной толчеи, но в других отношениях обстоятельства, в которых она оказалась, напоминали события двухнедельной давности.

План подразумевал, что Ваалькранц будет первым шагом к обходу Бракфонтейна и свертыванию всей позиции буров. Но после начального рывка британцы стали скорее обороняться, чем наступать. Каким бы ни был окончательный результат операции, вне сомнения, эта задержка раздражала и загоняла в тупик. На 6-е февраля сложилась следующая ситуация. За рекой на холме находилась одинокая британская бригада, беззащитная перед гигантским 96-фунтовым "Лонг Томом", укрывшимся на Доорнклофе, и несколькими меньшими орудиями, включая "пом-помы", осыпавшими британцев снарядами из ложбин и расщелин соседних холмов. С нашей стороны имелось семьдесят два орудия, больших и малых, производивших много шума и мало пользы. Мне кажется, не будет преувеличением сказать, что буры в какой-то степени произвели переворот в наших суждениях об использовании артиллерии, привнеся свежий взгляд и здравый смысл в область деятельности, чрезмерно скованную педантичными правилами. Бурская система – единичное орудие, укрытое там, где его никто не заме-

* Днем или двумя позже генерал Буллер заметил, что путь оказался не таким легким, как рассчитывали.

тит. Британская система – шесть орудий, как под линейку, с точно выдержанными интервалами расположенные на огневой позиции на виду у всех. "Всегда помните, – говорит одна из наших артиллерийских аксиом, – одно орудие – это не орудие". Какой из принципов ласкает взгляд на маневрах, не вызывает сомнений, но какой практичнее – пусть решит дуэль между шестью бурскими пушками и шестьюдесятью британскими. При использовании дымного пороха прятать орудие бессмысленно, поскольку дым все равно его выдаст, но с бездымным порохом пушки становятся настолько незаметными, что офицеры могут обнаружить позиции противостоящих им орудий лишь в сильную оптику, по слабому облачку пыли. Но если бы буры выстроили шесть своих орудий в линию, вместо того чтобы прятать одно за этим копи, а другое между теми дальними скалами, то определить их артпозиции было бы совсем не трудно. Опять же, согласно британским традициям орудия размещают вблизи одно от другого. У Ваалькранца два наших самых крупных орудия были установлены таким образом, что могли быть поражены одним снарядом, разорвавшимся между ними. Офицер, ответственный за их размещение, пренебрегший в подобном жизненно-важном вопросе очевидным требованием здравого смысла, наверняка был бы шокирован малейшим недосмотром в уходе за материальной частью или нарушением правил несения службы.



Тяжелые морские орудия британцев у Ваалкранца

Чрезмерное внимание к мелочам при недостатке здравого

смысла, слабая восприимчивость новых идей – вот наиболее серьезные и дискредитирующие недостатки, которые можно поставить в вину нашей армии. То, что задача пехоты стрелять, а не действовать подобно средневековым пикинерам, то, что первая задача артиллерии оставаться невидимой как можно дольше – эти два урока настолько часто преподавались во время войны, что даже с нашим закоснелым консерватизмом мы не можем их не усвоить.

Бригада Литтелтона, с трех сторон осыпаемая снарядами вперемешку с градом винтовочных пуль, все еще удерживала Ваалькранц. Позади нее в напряженном ожидании, словно разгоряченные псы, натянувшие поводки, сосредоточились две пехотные дивизии и две кавалерийские бригады, готовые наполнить своей кровью пересохшие русла ручьев, лишь бы прорваться на помощь к полуголодным товарищам. Но ничего не случилось. Проходил за часом час, все оставалось по-прежнему. Иногда в ряды британцев шлепался гигантский снаряд. Один, благодаря какому-то капризу судьбы (или ее артиллерийской составляющей) не разорвавшись, неуклюже прокатился сквозь всю дивизию, и солдаты с криками бросали в него свои шлемы. Орудия на Сварт-Копе, с расстояния почти в пять миль, посылали снаряды в монстра на Доорнклофе, пока, наконец, под аплодисменты пехоты не умудрились попасть в его пороховой магазин.

Для армии в целом операция стала пикником и спектаклем. Но для солдат на Ваалькранце все выглядело иначе. Несмотря на наличие сангаров и траншей, они попали под сильный перекрестный обстрел, и никакие ложные атаки и демонстрации на другом фланге не могли отвлечь концентрированный огонь, обрушившийся на их позиции. Один раз в западной части холма возникла неожиданная опасность. Атака буров была настолько хорошо задумана и организована, что сутулые бородастые фигуры в широкополых шляпах и бандольерах оказались на гребне до того, как их обнаружили. К счастью, ожесточенный огонь Даремцев и Стрелков очистил гребень, в очередной раз доказав, насколько легче держать оборону, чем наступать. Сумерки застали противников в том же положении, исключая факт, что днем был наведен еще один понтонный мост. По нему переправилась бригада Хилдьярда, сменившая людей Литтелтона, отошедших в тыл под прикрытие орудий на Сварт-Копе. За два дня Литтелтон потерял около двухсот пятидесяти человек, совсем немного, если бы он достиг хоть какой-то цели, но чрезмерная цена для простой демонстрации.



Понтонная переправа через Тугелу

Всю ночь солдаты Хилдьярда вгрызались в холм, копая дополнительные траншеи и возводя сангары в дополнение к ранее созданным Литтелтоном. Нерешительная ночная атака противника лишь единожды вынудила их отбросить лопаты и взять в руки винтовки. Когда утром выяснилось, что буры, как всегда, притащили одно из своих дальнобойных орудий, уставшие солдаты не пожалели о тяжелом ночном труде. Вновь практика показала, насколько безобидным является ожесточенный артиллерийский огонь для войск, занимающих растянутую позицию, оборудованную укрытиями. Сорок убитых и раненых на целую бригаду – вот результат канонады, длившейся весь день. К вечеру, вместе с темнотой пришло решение, что у противника слишком много орудий, что путь чересчур труден, и приказ отступить поставил крест на несбывшихся надеждах. Ваалькранц был покинут, бригада Хилдьярда, кипя от возмущения, вновь перейдя реку, отправилась в лагерь.

ФИНАЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ БУЛЛЕРА

Самым ярким и героическим эпизодом в осаде Ледисмита стало отражение "Большой атаки". Этой драме следовало бы венчать эпопею, но взамен история возвращается к скуке переполненных госпиталей, съеденным лошадям и нерегулярному артиллерийскому обстрелу. Последующие шесть недель бездействия отважный гарнизон все глубже погружался в трясину осады, тяготы которой из неудобств неумолимо превращались в несчастья, а из несчастий в страдания.



"Индийская пекарня" в Ледисмите

Далеко на юге люди слышали гром орудий Буллера. С прилежавших к городу холмов они с волнением следили за трагедией Спайон-Копы, сохраняя твердую уверенность, что еще немного, — и осада будет прорвана. Их надежды слабели с затуханием канонады, чтобы вновь воспрянуть при реве орудий у Ваалькранца. Но и Ваалькранц обманул надежды осажденных. Тем не менее, защитники, оставаясь во власти голода и болезней, все ждали и жали помощь, которая, как они верили, неминуемо придет.

Выше упоминалось о трех попытках генерала Буллера снять осаду с города. Генерала, уже начавшего было отчаиваться, поддержали послания лорда Робертса, а его армию, вопреки неудачам сохранившему присутствие духа, взбодрили добрые вести с Кимберлийского участка фронта. Генерал и армия готовились к последней решительной попытке. Солдаты надеялись, что в это раз им, наконец, позволят или пробиться к голодающим товарищам, или усеять костями опостылевшие холмы. Все, о чем они просили, это драться до конца и, наконец, добиться своего. Генерал Буллер уже испробовал на прочность центр позиции буров, проверил их крайний правый фланг, и теперь собирался попытать счастья на крайнем левом. Как объект атаки этот участок имел очевидные преимущества, и удивительно, почему первую попытку не предприняли именно здесь. Во-первых, на этом фланге главная позиция противника опиралась на гору Хлангване, возвышавшуюся к югу от Тугелы, так что, в случае разгрома, река, текущая позади, мешала быстрому отступлению буров. Во-вторых, Хлангване – единственное место, с которого можно уверенно обстреливать продольным огнем траншеи буров у Коленсо, следовательно, на этом фланге плоды победы были бы обильнее, чем на любом другом участке. Наконец, операция проводилась бы с опорой на железнодорожную линию, и войска могли действовать, не подвергаясь серьезной угрозе фланговой атаки или ударов по коммуникациям, как в случае наступления на Спирит-Коп. Правда, обход правого фланга буров имел свои преимущества, главное из которых – угроза путям отхода фристейтеров. Но в целом новый план сулил большие выгоды, и армия, с уверенностью в успехе, принялась за его осуществление. Из всех примеров твердости духа, явленных британскими войсками в этой войне, больше всего поражает абсолютная уверенность в успехе и искренний восторг, с которыми, после трех кровавых неудач, солдаты отправились на очередное предприятие.

9-го февраля началась переброска большей части войск с крайнего левого фланга в центр и на правое крыло. К 11-му числу 2-я дивизия Литтелтона (бывшая Клеры) и 5-я дивизия Уоррена ушли на восток, оставив кавалерийскую бригаду Барна Мердока защищать западный участок. 12-го февраля Дандоналд, прихватив всю колониальную конницу, два батальона пехоты и артиллерийскую батарею, предпринял разведку боем на Гусар-Хилл – ближайшую из нескольких высот, которые следовало занять, чтобы обойти позицию противника. Холм был взят, и генерал Буллер несколько часов использовал его

как наблюдательный пункт, после чего британцы отошли. При отходе кавалерия ввязалась в перестрелку с бурами, но огонь велся с большой дистанции, и потери обеих сторон оказались незначительными.



Конная пехота Буллера идет к Ледисмиту

То, что Буллер увидел в подзорную трубу за час или два, проведенные на вершине Гусар-Хилл, очевидно убедило его в правильности принятого решения, поскольку двумя днями позже (14-го февраля) сюда направилась вся армия. К утру 15-го, на склонах холма и его отрогах сосредоточились двадцать тысяч человек. 16-го числа заняли позиции тяжелые орудия, и все было готово к наступлению.

Перед британцами лежали внушительные оборонительные рубежи буров на Хлангване-Хилл и Грин-Хилл, при фронтальной атаке, наверняка бы, стоявшие несколько тысяч жизней. Дальше, на фланге бюргеров, возвышались Монте-Кристо и Синголо, которые, похоже, были крайними участками оборонительной линии противника. Согласно плану, внимание буров, засевших в траншеях, отвлекалось мощным артиллерийским огнем и демонстрацией подготовки атаки, в то время как настоящий удар наносился на крайнем фланге и имел перво-

очередной целью овладение гребнем Синголо. Эту высоту следовало взять до того, как войска подойдут к другим холмам.



*Местность у Питерс-Хилл
(справа гребень Монте-Кристо)*

Ранним утром 17-го февраля, лишь только обозначился восточный горизонт, иррегулярная конница и 2-я дивизия (Литтелтона) совместно с бригадой Уинни начали глубокий обходной маневр. Местность, по которой им пришлось идти, была настолько труднопроходимой, что кавалеристы двигались змейкой, друг за другом, и, встретив малейшее сопротивление, оказались бы бессильны. К счастью, Синголо-Хилл удерживался очень слабо, и к вечеру наша пехота и кавалерия крепко в него вцепились, обойдя, таким образом, крайний левый фланг буров. В этот раз горные крепости буров сыграли с ними злую шутку, поскольку при обычной мобильности бюргеров на открытых пространствах (с чем столкнулся Метуэн) требуется изрядное проворство, чтобы вообще нащупать их фланг. Однако, при наличии цепи высот, крайней точкой их линии обороны будет одна из них, и Буллер нашел такую точку на Синголо. В ответ на маневр британцев противник завернул фланг, пытаясь противостоять новой угрозе.

Однако даже теперь командование буров, очевидно, не осознало, что это и есть направление главного удара, а, возможно, река затрудняла подход подкреплений бюргеров. В любом случае не вызывает сомнения, что задача, ожидавшая британцев 18-го февраля, оказалась куда легче, чем они смели

надеяться.

Вся слава этого дня досталась Английской Бригаде Хилдьярда (Восточные Суррейцы, Западные Суррейцы, Западные Йоркширцы и 2-й батальон Девонцев). Развернувшись в цепи, активно используя укрытия (которых здесь было гораздо больше, чем обычно в ходе Южно-Африканской войны), они, стремительно продвигаясь, захватили часть гребня Монте-Кристо, а затем быстро очистили весь хребет.

По меньшей мере один из задействованных батальонов (Девонцев) подхлестывала мысль, что их товарищи (1-й батальон) томятся в Ледисмите. Захват холма сделал линии траншей, сдерживавших Буллера, непригодными для обороны и позволил генералу, послав в атаку фузилеров бригады Бартона, овладеть всей позицией противника на Хлангване и Грин-Хилл.



На склонах Монте-Кристо (рисунок из "Graphic")

Тактически победа была незначительной, поскольку британцы не захватили трофеев, достойных демонстрации, не считая брошенных бурских лагерей. Но это была большая стратегическая победа, отдававшая в нашу власть не только весь

южный берег Тугелы, но и позволявшая контролировать орудиями значительную часть северной стороны, включая траншеи у Коленсо, так долго преграждавшие путь. Сто семьдесят человек убитыми и ранеными (из которых убитыми лишь четырнадцать) – незначительные потери для подобного успеха. Стоя на захваченных высотах, ликующие войска угадывали в неверной дымке крыши Ледисмита, а осажденные, с учащенно бьющимися сердцами, рассматривали в оптику далекие пяташки, говорившие, что их товарищи приближаются.

К 20-му февраля британцы прочно закрепились вдоль всего южного берега реки. Бригада Харта заняла Коленсо, а тяжелые орудия подтянули ближе к противнику. Следующим этапом операции была переправа через реку, но вопрос заключался в том, где переправляться. Мудрость, приходящая с опытом, подсказывает нам, что ее следовало форсировать на крайнем левом фланге. Таким образом, мы бы обошли мощные оборонительные позиции буров у Питерса, так же как обошли рубежи у Коленсо. Но имея на руках сильную карту, мы не стали ее разыгрывать и предпочли более утомительную и рискованную игру. По-видимому, было сделано допущение (поскольку ни одна другая гипотеза не объясняет случившегося), что противник деморализован и не будет упорно держаться за позицию. От преимуществ флангового обхода отказались, решив наступать со стороны Коленсо, атакуя позиции у Питерса в лоб.

21-го февраля Буллер навел у Коленсо понтонный мост, и в тот же вечер его армия начала переправу. Сразу же стало ясно, что буры продолжают сопротивление. Ланкаширская бригада Уинни переправилась первой и еще до наступления темноты завязала горячий бой. Возвышавшиеся перед британцами небольшие копи, озарились вспышками ружейных выстрелов. Бригада удержала позиции собственными силами, но потеряла своего командира (второго за месяц) и 150 человек рядового состава. На следующее утро начали переправу главные силы пехоты, и армия, пробиваясь к Ледисмиту напрямую, втянулась в трудное и не совсем оправданное предприятие.

Противник к этому времени ослаб и численно, и психологически. Несколько тысяч фристейтеров оставили рубежи обороны, спеша защитить свою страну от вторжения армии Роберта, в то время как остальные были подавлены новостями (той частью, что бурские лидеры позволили им узнать). Но бюргеры по своей природе упорные бойцы, и многим храбрым ребятам еще предстояло пасть перед тем, как Буллер и Уайт обменялись рукопожатием на ледисмитской Хай-Стрит.



Переправа артиллерии по понтонному мосту

Первым препятствием, с которым столкнулась армия за рекой, оказался холмистый участок, постепенно очищенный продвижением нашей пехоты. К ночи передовые линии буров и британцев настолько сблизились, что ружейная стрельба не прекращалась до самого утра, и не раз небольшие отряды бюргеров бросались в атаку прямо на штыки нашей пехоты. Утром британцы продолжали удерживать позиции вдоль всего фронта, но, по мере того как подтягивалась пехота, а орудие за орудием вступало в бой, мы начали теснить нашего неподатливого врага на север. 21-го числа жарче всех пришлось Дорсетцам, Миддлсексам и Сомерсетцам. 22-го основная работа досталась Королевским Ланкастерцам, за которыми шли Южные Ланкаширцы. Потребовались бы терпение и работоспособность Кинглейка*, чтобы в этой свалке отследить действия каждой отдельной группы бойцов, с трудом пробивавшихся сквозь ружейный огонь. Упорное продвижение по низким копи продолжалось весь день, пока к вечеру мы не уткнулись в более серьезную линию обороны у Питерс-Хилл. Операция проходила с монотонной доблестью. Неизменная атака в развернутых порядках, неизменный треск "Маузеров" и грохот "пом-помов" с гребня, солдаты-победители на пустынной вершине, горстка подстреленных буров перед ними и много получивших пулю товарищей позади. Это были дорогостоящие триумфы, но каж-

* Автора многотомного труда о Крымской войне.

дый из них приближал британцев к цели. Подобно накатывавшемуся приливу они бились о подножие Питерс-Хилл. Достаточно ли они сильны, чтобы перехлестнуть через барьер? Исход затянувшейся битвы и судьба Ледисмита зависели от ответа на этот вопрос.

Бригадный генерал Фицрой Харт, которому доверили атаку, был уникальный и колоритный офицер. Солдат-денди, от верхушки шлема до каблуков тщательно начищенных ботинок являющий образец опрятности, он привнес в военное дело ту же педантичность, которой поражал в одежде.



Генерал-майор Фицрой Харт

Вызывающий в своей аккуратности, он под Коленсо полчас муштровал Ирландскую Бригаду, перед тем как повести ее в бой, и под убийственным огнем расставлял линейных, чтобы перестроение из сомкнутого в развернутый порядок было академически точным. Вину за тяжелые потери бригады в этой акции до некоторой степени приписывали ему, что нанесло ущерб популярности Харта, но когда солдаты узнали его получше, его романтическую отвагу, его эксцентричный солдатский юмор, то неприязнь сменилась восхищением. Его личное презрение к опасности было печально известно и достойно осуждения.

— Где генерал Харт? — спрашивал кто-нибудь во время боя.

– Я его не видел, но знаю, где вы его найдете. Идите вперед на линию огня, и вы увидите его стоящим на камне.

Он был словно заколдован.

– Куда направляетесь?

– К генералу Харту, – отвечал адъютант.

– Тогда прощайте, – кричали ему друзья.

Вся натура Харта была пропитана мрачным юмором. Со всей серьезностью говорят, и многие этому верят, что однажды он выстроил батальон на вершине холма, чтобы приучить людей не прятаться от пуль. Под хохот своих Ирландцев он расхаживал по линии огня,водя за ухо какого-то увальня. Это был человек, вселивший в Ирландскую Бригаду такой дух, что даже в армии храбрецов не было иных батальонов, удостоившихся записи: "их броски были самыми быстрыми, их броски были самыми длинными, они меньше всех оставались за укрытиями". Так отзывался о бригае один проницательный военный обозреватель. Именно Харту и его людям поставили задачу расчистить путь на Ледисмит.

В рискованное предприятие он отправился во главе своей славной пятой бригады (1-й батальон Иннискиллинских Фузилеров, 2-й батальон Дублинских Фузилеров, 1-й Коннаутских Рейнджеров и Имперская Легкая Пехота). Бригада находилась на острие британского наступления, и когда люди Харта пошли вперед, их место заняла Даремская Легкая Пехота и 1-й батальон Стрелковой Бригады Литтелтона. Высота, которую предстояло взять, находилась справа, и солдатам пришлось по одиночке под сильным огнем преодолеть больше мили, пока они добрались до исходного рубежа атаки. Отсюда, успев потерять около шестидесяти товарищей, ирландцы начали осторожное наступление на линию траншей и сангаров, изрезавшую коричневый склон.

До этого момента британцы пользовались укрытиями, и потери были относительно невелики. Но теперь, когда в лучах заходящего солнца холмы отбрасывали длинные глубокие тени, головной батальон (Иннискиллингцы) оказался на границе покрытой спасительными валунами местности. От главных траншей противника его отделял чистый, простреливаемый склон. Там, наверху, где хлестала шрапнель, и рвались крупнокалиберные лиддитные снаряды, солдаты смутно угадывали пунктир бородатых лиц и черных пятен широкополых шляп. Подбадривая себя криками, Иннискиллингцы выпрыгнули из-за укрытий, одним броском овладели первой траншеей и отчаянно устремились на вторую. Это была лихая атака упорно

защищаемых позиций. Буры всегда сражались великолепно, но в этот февральский вечер они превзошли самих себя. Закаленные обитатели вельда намертво вцепились в траншеи и, не обращая внимания на сокрушительный артиллерийский огонь, быстро и метко стреляли в яростно накатывавшихся ирландцев. На боевой клич сынов Зеленого Острова отвечал беспощадный рев "маузеров" и глубокие грудные голоса фермеров. Волна пехоты почти захлестнула склон.



Ингискиллингцы штурмуют копи (рисунок из "Life")

То припадая к земле, то вскакивая, солдаты, словно разъяренные быки, мчались прямо на грохочущую линию траншей, где над бруствером все еще мелькали лица, и откуда свинцовый ливень хлестал по рядам наступающих. Батальон на мгновение дрогнул, затем чуть подался вперед, вновь остановился. Его догнали поддерживающие роты Дублинцев и Коннаутцев. Цепи продвинулись еще немного, но наступательный порыв иссяк, и недавно еще сплоченный отряд вдруг рассыпался на отдельные группки, покотившиеся назад под укрытие камней, мимо своих менее удачливых товарищей. Это пример отступления, когда у выживших не было ни малейшего повода для стыда. Люди держались на пределе человеческих возможностей. Их полковник, десять офицеров и более половины батальона остались лежать на проклятом холме. Слава им, но так же слава отважным голландцам, которые, засев в траншеях, сумели выдержать натиск и ярость стремительной атаки. Сего-

дня удача улыбнулась им, завтра нам – такова судьба солдата, и его дело благодарить бога войны за достойного противника.

Но одно дело отбить атаку британца, а другое – сломить его. При Магерсфонтейне отбежав на несколько сотен ярдов от места Божьего Суда, Хайлендеры вновь стали боевой единицей. Подобно им Ирландцы отступили до ближайшего укрытия, где решительно вцепились в отвоеванные валуны. Ну, друг бур, если ты хочешь узнать преимущества обороняющегося перед атакующим, в час своего торжества попытайся выбить наших стойких и решительных парней с их позиции. Друг бур попытался, и, мастерски совершив фланговый обход, попробовал огнем выскрести британцев из-за камней. Бригада, хотя и изрядно потрепанная, без особого труда сдерживала противника, и на утро 24-го все еще оставалась на захваченном участке.

Потери были очень тяжелыми. Полковник Иннискиллинцев Теккерей, полковник Дублинцев Ситвелл, три майора, двадцать офицеров и около шестисот человек из 1200, реально вовлеченных в схватку. Понести такой урон и сохранить присутствие духа – наисложнейший тест, который могут пройти войска. Можно ли было избежать подобных потерь? Следуя первоначальному направлению наступления с Монте-Кристо, если бы мы обошли левый фланг противника, – возможно. В другом случае – нет. Холм стоял на пути, и его пришлось брать. На войне противник не играет в поддавки. Если проиграл – плати. В честной игре и платить приходится честно. Атаку хорошо подготовили, отлично провели, но она разбилась о превосходную оборону. В очередной раз мы доказали то, что доказывали уже не раз, – любая доблесть и дисциплина бесполезна при фронтальной атаке смелого рассудительного противника, вооруженного скорострельными винтовками.

Пока Ирландская бригада брала Рейлвей-Хилл, на левом фланге британцы предприняли еще одну атаку – скорее демонстративную (чтобы не дать бурам поддержать своих товарищей), чем действительную попытку прорвать линию обороны противника. Но она стоила жизни, по меньшей мере, одному храброму солдату. Среди павших был полковник Уэльских Фузилеров Торольд. За один вечер – Торольд, Теккерей и Ситвелл. Кто посмеет утверждать, что британские полковники прятались за спины своих солдат.

Армия зашла в тупик. Рейлвей-Хилл преграждал путь, и если его не смогли взять люди Харта, то трудно сказать, кто бы смог. 24-го две армии все еще стояли друг напротив друга –

Ирландцы цеплялись за склоны холма, а буры оседлали вершину. Весь день между ними то и дело вспыхивали ожесточенные перестрелки, но обе стороны использовали надежные укрытия и не высывались. Войска, находившиеся в резерве, иногда страдали от случайно залетевшего снаряда. Мистер Уинстон Черчилль в своих записках упомянул, что на его глазах три шрапнели, разорвавшиеся над обратным склоном холма, поразили девятнадцать человек и четыре лошади. Противник не мог знать, во что обошлись нам эти три разрыва, но и мы смеем надеяться, что наш артиллерийский огонь не всегда был так бесполезен, каким казался.

Генерал Буллер понял, что буры не просто ведут арьергардный бой – их армия упорно и отчаянно оборонялась, а значит, следовало вернуться к обходному маневру, от которого, как показали события, и не следовало отказываться. Ирландская бригада Харта находилась на правом фланге армии. Новый, просто отличный, план предусматривал, что Харт продолжит приковывать к себе внимание буров, в то время как Буллер перебросит центр и левый фланг через реку и затем обойдет левое крыло противника. В результате этого маневра Харт станет крайним левым флангом взамен крайнего правого, т.е. Ирландская бригада станет шарниром, вокруг которого повернется вся армия. Это была отличная идея, к тому же прекрасно реализованная. 24-е число было днем безрезультатного артобстрела и разработки планов. Тяжелые орудия еще раз перебросили через реку к гребню Монте-Кристо и Хлангване, а армию подготовили к броску с севера на восток. Противник продолжал пребывать в неведении и время от времени беспокоил людей Харта, но с четырьмя ротами 2-го батальона Стрелковой бригады, защищавшими фланг, ирландцы чувствовали себя в безопасности.

К сожалению из-за стычек между британскими передовыми постами и бурами, мы не получили возможности подобрать наших раненых, и несколько сотен несчастных парней тридцать шесть часов пролежали на ничейной полосе, страдая от жажды – один из самых скорбных эпизодов кампании. 25-го числа объявили перемирие, и выжившие, наконец, дождались крайне необходимой помощи. В тот же день сердца наших солдат сжались в комок при виде вагонов и орудий, вновь уходящих за реку. Что, их опять одурачили? Что, их кровь вновь пролилась тщетно? При этой мысли люди скрежетали зубами. Они не разбирались в высокой стратегии, для них слово "вперед" значило вперед, а "назад" значило назад, и они отлично

знали, какой приказ хотели услышать.

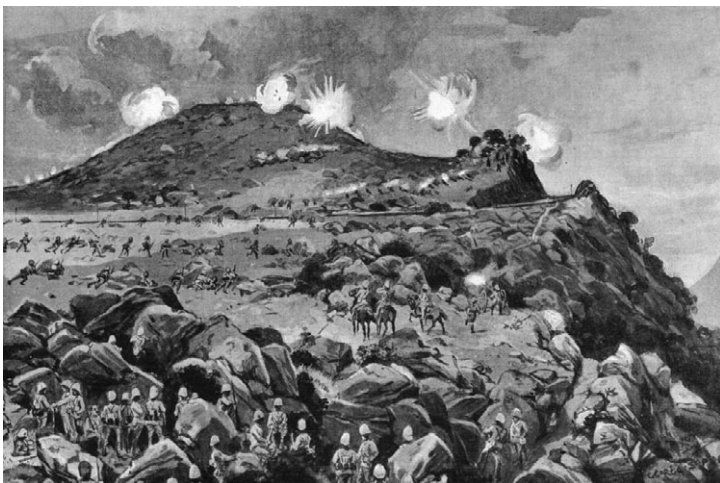
26-е число ушло на завершение перегруппировки. Под завесой огня тяжелой артиллерии британский правый фланг стал левым, а левый – правым. Возле старого бурского моста у Хлангване навели второй (понтонный), по которому прошли основные силы пехоты: Фузилерная Бригада Бартон, Ланкаширская Бригада Китченера (бывшая Уинни, бывшая Вудгейта) и два батальона Бригады Норкотта (прежде Литтелтона). Бригаду Кука оставили у Коленсо, охранять наш левый фланг и линии коммуникаций. Таким образом, пока Харт с Даремцами и 1-м батальоном Стрелковой Бригады сдерживал буров с фронта, основные силы армии быстро переместились на левый фланг. К утру 27-го все стояли на назначенных позициях, изготовившись к новой схватке.

Напротив места, где сосредоточились войска, возвышались три холма, занятые бурами, один из которых для удобства прозвали Бартон-Хилл. При прежней расстановке сил атака этой высоты была бы чрезвычайно трудным делом, но теперь, с тяжелыми орудиями, способными осыпать снарядами склоны и вершину, армия имела все необходимые преимущества. С первыми лучами солнца Фузилеры Бартон переправились через реку и под прикрытием снарядов, с диким воем пронесившихся над головами, пошли в атаку. То бросаясь вперед, то припадая к земле, они взбирались все выше, пока их штыки не засверкали на самой вершине. Могущество артиллерии сказало свое слово, обеспечив первый серьезный шаг в последней попытке освободить Ледисмит. Потери были незначительными, а выигрыш – громадным. Фузилеров, завладевших вершиной, словно надоедливые насекомые, кусали тучи стрелков противника, засевших на крыльях холма, но хватка британцев крепла с каждым часом.

Из трех холмов, которые требовалось взять, ближайший (восточный) перешел в руки британцев. На склоне самого дальнего (западного) по-прежнему лежала Ирландская Бригада, готовая в любой момент преодолеть одним броском несколько сотен ярдов до траншей противника. Между этими двумя высился третий, еще не тронутый. Стоит его взять и вся позиция наша. Последнее усилие! Развернуть на него все орудия! Орудия на Монте-Кристо, орудия на Хлангване! Направить на него каждую винтовку – винтовки людей Бартон, винтовки людей Харта, карабины кавалерии! Оскальпировать эту вершину пулеметным огнем! Ланкаширцы, солдаты Норкотта – теперь дело за вами! Славная смерть или высота за кото-

рой вас ждут изнемогающие товарищи! Все до последней пули и последнего солдата, весь огонь и весь порыв вложите в эти решающие мгновенья. Если вы проиграете сейчас, вы проиграете навсегда, а если выиграете, то в старости, когда поседее-те, воспоминание об этом утреннем бое заставит вашу кровь бежать быстрее. Затянувшаяся драма подходила к концу, и один день решал, каким будет этот конец.

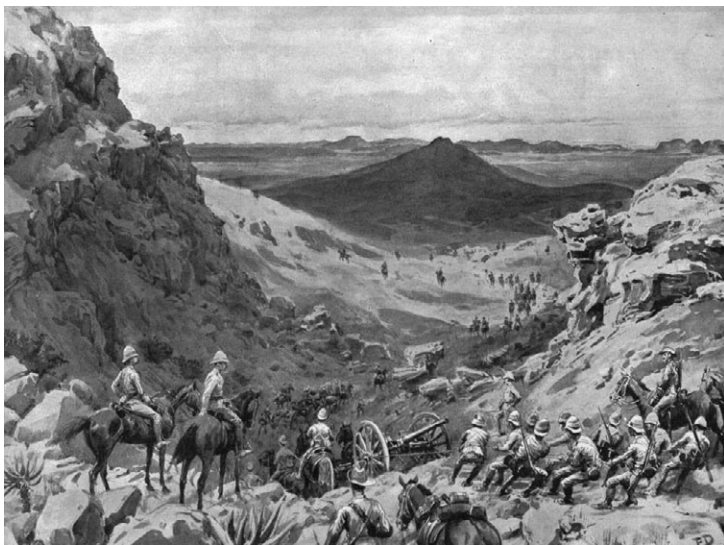
Сомнений в победе не было. По всему растянутому фронту в рядах атакующих не наблюдалось ни малейшего колебания. Это был апогей натальской кампании. Волна за волной бесконечные линии пехоты, мерцая оружием, взбирались на холм. С характерным северным акцентом, выкрикивая проклятия, по левому склону устремились к вершине Ланкастерцы, Ланкаширские Фузилеры, Южные Ланкаширцы, Йоркцы и Ланкастерцы. Спирит-Коп и тысяча их павших братьев звали к мести.



Дверь к Ледисмиту (рисунок из "Life")

"Помните ребята, глаза всего Ланкашира следят за вами", – обратился к ним доблестный МакКарти О'Лири. Старый 40-й полк буквально летел, отмечая пройденный путь телами убитых. Справа наседали Восточные Суррейцы, Камеронцы, 3-й батальон Стрелков, 1-й батальон Стрелковой Бригады, Даремцы и доблестные Ирландцы, жестоко потрепанные, но по-прежнему рвущиеся в бой. Огонь буров начал стихать, затем прекратился, и, наконец, они побежали! Человек, дико размахивавший шляпой на вершине Хлангване, видит на фоне неба

вдоль очертаний гребня силуэты британцев и понимает, что они взяли позицию. Ликующие солдаты танцуют и кричат на гребне высоты. Солнце во всем своем великолепии садится за величественный Дракенсберг, и вместе с ним навсегда уходят надежды буров владеть Наталем. Из сомнений и хаоса, крови и тяжелого труда, наконец, родился приговор, гласивший — стоящий на более низкой ступени цивилизации не должен пытаться поглотить более развитого. Мир принадлежит человеку двадцатого столетия, а не семнадцатого. После двухнедельных боев изнуренные солдаты упали на землю и уснули с уверенностью, что, наконец-то, дверь приоткрылась и уже виден свет. Еще одно усилие, и она полностью распахнется.



Дорога на Ледисмит открыта (рисунок из "Life")

За линией захваченных холмов, до самого Булвана-Хилл — этого проклятого соседа, причинившего столько страданий Ледисмиту, простиралась большая равнина. 27-го числа в руки Буллера перешли более половины вражеских позиций у Питерса, а оставшиеся стали непригодны для обороны. Буры потеряли около пяти сотен человек убитыми, ранеными и пленными. (Точные цифры, возможно, мы никогда не узнаем, но один, хорошо известный в Претории, бур сообщил мне, что бои при Питерсе были для них самыми тяжелыми за всю войну). Британскому генералу и его солдатам казалось, что еще один бой, и они будут в Ледисмите.

Но в данном случае британцы ошиблись. В этой кампании мы часто ошибались, впадая в излишний оптимизм, и теперь приятно удивились, обнаружив, что хотя бы раз реальность превзошла наши ожидания. Буры были разбиты – совершенно разбиты и сломлены. Вопрос: произошло ли это благодаря результатам натальской кампании, или известие о катастрофе, постигшей Кронье на западном фронте, вынудило их отходить на восток, навсегда останется предметом дискуссий. Лично я верю, что заслуга принадлежит доблестным солдатам натальской армии, и что в этот раз (Кронье или не Кронье) они бы в любом случае с триумфом пробились к Ледисмиту.

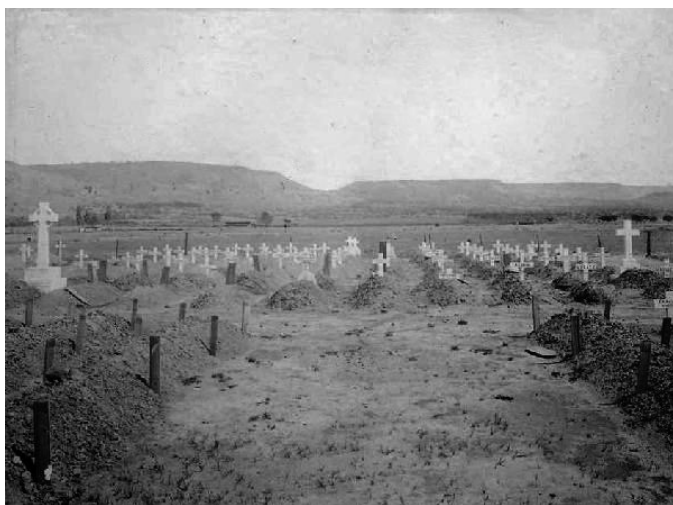
Порядком затянувшаяся история подходит к быстрой развязке. Осторожно прощупывая дорогу цепью кавалеристов, британцы продвигались по бескрайней равнине, то там, то здесь задерживаемые треском винтовочных выстрелов. Однако при сближении противник неизменно освобождал путь и исчезал. Наконец, Дандоналд понял, что между его кавалеристами и осажденным городом больше нет преград. С эскадроном Имперской Легкой Конницы и эскадроном Натальских Карабинеров он скакал вперед, пока в сгущавшихся сумерках ледисмитский пикет не окликнул приближавшийся отряд. Мужественный город был спасен.



*Корреспондент "Times" Лайонел Джеймс,
выехавший из Ледисмита вечером 28 февраля 1900 г.,
встречает эскадрон Имперской Легкой Конницы
освободительной колонны Буллера (рисунок из "Life")*

Трудно сказать, кто проявил большую стойкость – спасаемые или их спасители. Неприспособленный к обороне город,

лежавший в низине в окружении господствующих высот, защищался 118 дней. Люди выдержали две атаки и бесконечные обстрелы, на которые к концу осады гарнизон не мог отвечать из-за недостатка боеприпасов к тяжелым орудиям. Было подсчитано, что в пределах города упало более 16000 снарядов. В двух успешных вылазках британцы вывели из строя три тяжелых орудия противника. Люди голодали, конина подходила к концу, а болезни устроили настоящую децимацию.



Кладбище в Интомби-кемп

Одновременно в госпитале с брюшным тифом и дизентерией лежало более 2000 человек. Общее число прошедших через руки врачей сравнивалось с численностью гарнизона. Каждый десятый солдат умер от ран или болезней. Но в телах бо-
сых, одетых в обноски и истощенных солдат все еще жил бое-
вой дух. На следующий день после снятия осады 2000 из них
отправились преследовать буров. Один из очевидцев писал,
что сердце разрывалось от жалости при виде худых, сгорбив-
шихся под тяжестью винтовок и амуниции солдат, бредущих
за отступающим противником. Верещагин, глядя на эти две
тысячи преследовавшие грозного врага, нашел бы достойную
тему для своей картины. И только благодаря милосердию Гос-
пода, они не догнали буров!

Если деяния осажденных были велики, то и подвиги солдат
освободительной армии были не меньшими. Пройдя сквозь
глубины черного отчаяния и неудач, они добились абсолютно-

го успеха. У Коленсо они потеряли 1200 человек, на Спион-Копе 1700, на Ваалькранце – 400 и теперь, в последнем затяжном усилии еще 1600. Их общие потери составили более 5000 человек, или более 20 процентов всей армии. Некоторые батальоны пострадали особенно тяжело. Скорбную таблицу рекордов возглавили Дублинские и Иннискиллинские Фузилеры – у них в строю осталось лишь пять офицеров и 40 процентов бойцов. За ними следовали Ланкаширские Фузилеры и Королевские Ланкастерцы. Способность Буллера внушать и поддерживать в своих людях уверенность в успехе не подлежит сомнению. Несмотря на цепь неудач, под его командованием солдаты твердо и спокойно шли в очередной бой.



Парад в честь снятия осады с Ледисмита

3-го марта армия Буллера вступила в Ледисмит, торжественно пройдя через город. За проявленный героизм Дублинские Фузилеры удостоились чести возглавить парад. Рассказывают, что многие солдаты, стоявшие вдоль улицы, глядя на пять офицеров и горстку бойцов (все, что осталось от некогда полнокровного батальона), всхлипывали, словно дети. Возможно, в первый раз они осознали, во что обошлось их освобождение. Несколько часов под приветственные возгласы река храбрецов текла меж берегов, образованных такими же храбрецами. Но для ведения боевых действий гарнизон был бесполезен. Требовался, по меньшей мере, месяц отдыха и хорошего питания, чтобы эти люди вновь могли выйти в поле.

Итак, Тугельскую головоломку, наконец, решили. Но даже теперь, когда мы знаем все об этом деле, трудно прийти к заключению, что достойно похвалы, а что порицания. Несомненно, часть вины за первоначальные затруднения следует отнести на счет бодрого оптимизма Саймонса. Но он был не богом, а смертным, и заплатил за свою ошибку жизнью. Уайт, который и недели не успел пробыть в стране, не мог, даже если бы попытался, радикально изменить ситуацию. Он делал все что мог, допустил одну или две ошибки, блестяще действовал в паре случаев и, наконец, руководил обороной с упорством и отвагой, достойными высочайшей похвалы. К счастью, оборона Ледисмита не превратилась в абсолютно безнадежное дело, подобно защите Генуи (выпавшей на долю наполеоновского Массена), но еще несколько недель могли бы превратить ее в трагедию для всего фронта. Уайту повезло с войсками – половина из них были ветераны из Индии. (Один из старших офицеров, участвовавший в обороне Ледисмита, в качестве примера выдержки и дисциплины британских войск рассказывал мне следующее: фальшивые тревоги в бурских траншеях с начала и до конца осады являлись обычным делом, но не было ни одного случая, чтобы наши аванпосты допустили ошибку). Особенно Уайту повезло с офицерами: Френч, участвовавший в операциях до начала осады, Арчибальд Хантер, Ян Гамильтон, Хедворт Лембтон, Дик-Канингхем, Нокс, Де Курси, Гамильтон и другие brave солдаты, стоявшие (пока хватало сил) рядом с ним. Но более всего ему повезло с офицерами службы снабжения, особенно с полковниками Вардом и Стоунменом, поскольку успех обороны зависел от работы их служб не в меньшей степени, чем от героизма в сангарах и траншеях Кисарс-Кемпа.

Буллер, подобно Уайту, был вынужден приспособливаться к сложившейся ситуации. Хорошо известно, что, по его убеждению, берега Тугелы являлись истинным оборонительным рубежом Наталя. Когда он прибыл в Африку, осада Ледисмита уже началась, и генералу, спешившему на выручку Уайта, пришлось отказаться от плана прямого вторжения. Возможно, придерживаясь Буллер первоначального плана, гарнизон был бы разблокирован быстрее – но это вопрос еще долго будет служить великолепным предметом дискуссий военных специалистов. Если бы в ноябре Буллер знал, что Ледисмит сможет продержаться до марта, почему не допустить что, со своим армейским корпусом и всеми войсками, истребованными из Англии, за четыре месяца он не совершил бы бросок через

Оранжевую Республику, вынудив противника снять осаду и с Кимберли и с Ледисмита? Если бы буры упорствовали в продолжении блокад, они не смогли бы выставить на Оранжевой Реке более 20000 человек против 60000, которые Буллер мог иметь в первых неделях декабря. Можно было собрать войска Метуэна, войска Френча, войска Гетекри, войска Натала (за исключением гарнизонов Питермаритцбурга и Дурбана), имея в резерве еще шестьдесят тысяч солдат в колонии и на кораблях, готовых закрыть возможные прорывы противника. Двигаясь по открытой местности, способствующей проведению фланговых охватов он, возможно, к Рождеству был бы в Блумфонтейне, и не позднее января на Ваале. Что бы тогда делали буры? Остались бы они под Ледисмитом, чтобы узнать, что столица и золотые шахты захвачены в их отсутствие, или сняли бы осаду и ушли назад защищать собственные дома. Это, по мнению гражданского критика, был менее дорогостоящий способ победить. Хотя возможно, упорство противника проявилось бы в другом месте, и долгая борьба за Ледисмит обеспечила нам более уверенный и полный разгром буров в будущем. По меньшей мере, своими действиями мы спасли Наталь от опустошения, а это большое дело.

Приняв решение, Буллер приступил к делу со свойственными ему неторопливостью, осмотрительностью и упорством. Однако нельзя отрицать, что это упорство во многом определялось жесткими рекомендациями Робертса и солдатской стойкостью Уайта, отвергнувшего совет сдать город. Стоит признать, что перед Буллером стояла самая тяжелая задача этой войны, и он ее решил. А сделав подобное признание, должно смягчить критические замечания. Удивительно, но в ходе боевых действий генерал обнаружил совсем не те качества, которые ему приписывали, и не проявил черты характера, которые, как казалось публике, были ему свойственны. Он отправился в Африку, имея репутацию истинного Джона Буля, солдата, способного в равной степени держать и наносить удар, упорно, без малейших колебаний пробиваясь вперед. Не было никаких оснований приписывать ему особые стратегические способности. Но на деле, прекращение боя под Коленсо, форсирование Тугелы при подготовке к захвату Спирит-Копы, успешный отвод армии, находившейся в угрожающем положении, переправа у Ваалькранца с отличным ложным ударом у Бракфонтейна, заключительные операции (особенно радикальный перенос фронта на третий день Питерса) – стратегические маневры, широко задуманные и восхитительно осуществлен-

ные. С другой стороны, колебания при движении вперед, нежелание идти на риск или нести тяжелые потери в случае неудачно складывавшихся обстоятельств были неизменными чертами его стиля командования. Операцию на Ваалькранце особенно трудно защищать от нападков из-за неоправданной медлительности и нерешительности. Этот "суровый боец", как его называли, оказался чрезмерно чувствителен к потерям жизней своих солдат – превосходное качество само по себе, но на войне встречаются ситуации, когда сегодняшняя жалость назавтра оборачивается большей кровью. Победа была у него в руках, но в этот момент он не проявил качеств, востребованных обстоятельствами. Имея в распоряжении две кавалерийские бригады, он не заставил их преследовать разбитых буров, увозивших свои орудия и бесконечные вереницы фургонов. Несомненно, он мог понести тяжелые потери, но так же несомненно, его успех мог бы положить конец бурскому вторжению в Наталь, и жизни наших солдат в этом предприятии были бы потрачены не зря. Если кавалерия не используется для преследования отступающего врага, обремененного громадным обозом, тогда ее дни действительно сочтены.



Ликующий Лондон

На памяти нашего поколения ничто не взбудоражило британцев больше, чем известие о снятии осады с Ледисмита (исключая, возможно, последующее освобождение Макефинга). Даже холодный, бесстрастный Лондон, как оказалось, имел душу и бурлил от радости. Мужчины, женщины, дети, богатые и бедные, завсегдатаи клубов и извозчики смешались в порыве

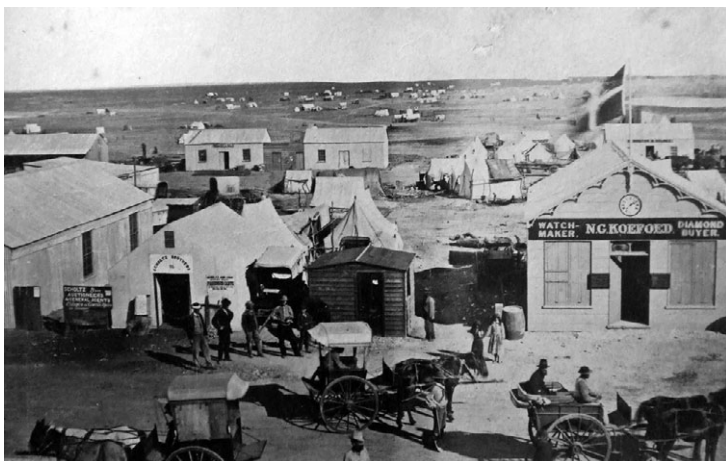
всеобщего восторга. Мысль о нашем гарнизоне, о его лишениях, о нашей неспособности облегчить страдания солдат, о надвигавшемся на них и на нас унижении долгие месяцы омрачала души. Эта мысль угнетала нас до такой степени, что Ледисмит стал слишком болезненной темой для разговоров. И вдруг, в одно мгновение, сумерки развеялись.

Взрыв восторга не был праздником победы над доблестными бурами, мы ликовали, что избежали позора, благодарили Господа, что кровь наших сыновей пролита не зря, но более всего были счастливы, что самые черные часы ночи уже миновали, и где-то на горизонте слабо рождается свет мира. Лондон этим мартовским утром дрожал от звона праздничных колоколов, и этим колоколам вторили другие в каждом городе и деревушке, под тропическим солнцем и в снегах Арктики, повсюду, где реет флаг Британии.

ОСАДА И ОСВОБОЖДЕНИЕ КИМБЕРЛИ

Уже говорилось, что по прибытии армейского корпуса из Англии одну (большую) его часть отправили в Наталь, а другую на западный фронт, где под командованием лорда Метуэна была предпринята рискованная попытка деблокировать Кимберли. Также рассказывалось, как после трех дорогостоящих побед войска лорда Метуэна потерпели сокрушительное поражение и были вынуждены оставаться в бездействии в двадцати милях от города, которому шли на выручку. Прежде чем описать, каким образом помощь все же пришла, следует уделить некоторое внимание событиям, происходившим в самом осажденном городе.

"Я заверяю вас, что в настоящее время нет оснований для опасений, что Кимберли или какая-либо другая часть колонии, как бы ни развивались события, подвергнется нападению. Мистер Шрейнер придерживается мнения, что ваши страхи беспочвенны, а ваши требования ничем не обоснованы". Таков был официальный ответ на обращение жителей, когда те, видя надвигающуюся тьму, молили о помощи. Однако, к счастью, молодой бурно развивающийся британский город обычно в состоянии позаботиться о себе сам, без вмешательства официальных лиц. Кимберли чрезвычайно повезло, что он являлся сердцем "Де Бирс Компании", ее сокровищем и источником силы. В городе хранилось достаточное количество боеприпасов и продовольствия, чтобы не оказаться беспомощным перед лицом врага. И хотя его пушки, в современном понимании, были пугачами, стрелявшими 7- фунтовыми снарядами на небольшое расстояние, а гарнизон состоял всего из семи сотен солдат регулярной армии, в то время как остальной контингент представляли шахтеры и мастеровые, среди защитников города встречались закаленные ветераны северных войн, а мысль, что эта земля особенно ценна для Империи, придавала им сил. Ледисмит был не более чем одной из стратегических позиций, в то время как Кимберли являлся единственным в своем роде — центром ценнейшего во всем мире участка земли. Его потеря оказалась бы тяжелым ударом по делу Британии и огромным вдохновляющим фактором для буров.



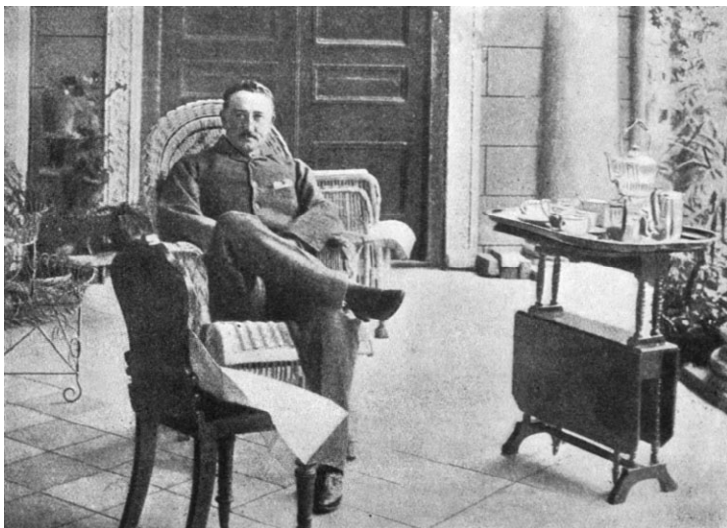
Едва родившийся Кимберли

12-го октября, спустя несколько часов по истечении ультиматума Крюгера, Сесил Родс помчался в Кимберли. Этот выдающийся человек так же яростно отстаивал будущее Южной Африки, как бур-доппер* отстаивал ее прошлое. И во внешности, и в характере Родеса имелись черты, которые без преувеличения можно назвать наполеоновскими. Неутомимая энергия, необычайная находчивость, внимание к деталям, широкий кругозор, умение уловить и сформулировать суть дела – все это напоминало великого императора. Так же как простота личной жизни при гигантском состоянии и такое же отсутствие угрызений совести при достижении честолюбивых целей, проявившееся, например, в грандиозных пожертвованиях Ирландской партии в обмен на поддержку в Парламенте, или история с рейдом Джеймсона. Наконец, сходство завершают определенный цинизм мысли и мрачный юмор. Но Родс был Наполеоном мира. Объединение Южной Африки под самой свободной и прогрессивной формой правления было его главной мечтой, на достижение которой он щедро тратил свою энергию и состояние. Развитие этой страны занимало его во всех аспектах, он неустанно заботился обо всем – от строительства железных дорог до импорта племенных быков.

15-го октября пятьдесят тысяч жителей Кимберли впервые услышали голос войны. Тревожный рев шахтных сирен и гудков, то затухая, то вновь накатываясь, пронесся над бескрай-

* Баптист.

ними просторами вельда, заставив содрогнуться обитателей отдаленных ферм. Те, кто пережили все – пули, снаряды и голод, утверждали, что этот дикий вой сирен был самым тяжелым испытанием для их нервов.



Сесил Родс в своей резиденции

Окрестности города наполнились отрядами бурских всадников. Железная дорога оказалась заблокирована. Противник уводил стада скота, но не предпринимал попыток атаковать город. Гарнизон, учитывая штатских и военных, насчитывал около четырех тысяч человек. Защитники города заняли стрелковые ячейки и редуты, ежеминутно ожидая атаку, которая так и не началась. Периметр обороны растянулся почти на восемь миль, но горы отвальной породы служили превосходными укреплениями, и по соседству, к счастью, не было холмов, причинивших так много неудобств Ледисмиту. Право, живописные окрестности города желанны, но не в случае его обороны.

24-го октября гарнизон, поняв, что штурм не будет, решил на вылазку. Отряд конников, на долю которых выпала большая часть работы и потеря, включал Конницу Алмазных Полей, небольшое подразделение Капской Полиции, роту Конной Пехоты и подразделение, называемое Кимберлийской Легкой Конницей. Во главе двухсот семидесяти добровольцев, майор Скотт-Тернер (отличный боец) продвигался на север, пока не вошел в соприкосновение с бурами. Последние, значительно превосходя наш отряд численно, попытались отрезать

британцев от города, но прибытие двух рот Северо-Ланкаширцев спасло ситуацию. В этой стычке мы потеряли трех человек убитыми и двадцать одного раненым. Точные потери буров неизвестны, но их командир (Бота) – погиб.



Вид на Кимберли с шахтного копра

4-го ноября командант Весселс официально обратился к осажденным, и, как утверждают, предложил полковнику Кекевичу вывести из города женщин и детей. Этого офицера обвиняют в том, что он не воспользовался разрешением, или, по крайней мере, не передал его гражданским официальным лицам. На самом деле подобное обвинение основано на недоразумении. В письме Весселса проводилось различие между женщинами-африканерами и англичанками. Первым предоставлялось убежище в лагере буров. Это предложение стало известно, и полдюжины человек им воспользовались. Однако в случае женщин-англичанок письмо не содержало обещания доставить их на Оранжевую Реку, и согласие могло бы превратить этих женщин в беззащитных заложников. Что касается вопроса об информировании населения, то не существует обычая публиковать подобные документы, но предложение показали мистеру Родсу, который согласился с невозможностью его принятия.

Нельзя коснуться данного вопроса без упоминания болезненного, печально-известного факта существования во время осады значительных трений между военным командованием и группой гражданских лиц, возглавляемых мистером Родсом. Среди прочих черт характера следует отметить склонность

Родса болезненно реагировать на любые возражения и чрезмерно раздражаться, когда дела велись не так, как он считал нужным.



*Туземные рабочие, нанятые Родсом,
роют траншеи у Кимберли*

Родс мог быть Наполеоном мира, но даже самые горячие его поклонники никогда не утверждали, что он Наполеон войны. Его предсказания, касавшиеся военных вопросов, в большинстве случаев были ошибочными, к тому же провал рейда Джеймсона не добавил доверия к полководческим талантам Родса. То, что его намерения были наилучшими, и что он всем сердцем желал блага Империи, не вызывает сомнения, но достойно сожаления, что, руководствуясь высокими мотивами, он интриговал против военных властей, опускаясь до угроз, и пытался воздействовать на лорда Робертса при ведении военных операций. Все признают его заслуги в помощи военным – он по доброй воле предоставлял то, что в противном случае гарнизон был бы вынужден реквизировать. Но нельзя отрицать, что город в дни осады сохранил бы большее единство, если бы мистера Родса в нем не было. Непонятно, что больше досаждало полковнику Кекевичу и его начальнику штаба, майору О'Мера – внутренние интриги или противник.

7-го ноября началась бомбардировка города из девяти 9-ти фунтовых орудий, на которую гарнизонная артиллерия не могла адекватно отвечать. Результат двухнедельного обстрела, во

время которого противник выпустил около семи сотен снарядов, был очень скромен. Погибли два гражданских лица. Командование гарнизона признало, что вопрос снабжения продовольствием заслуживает куда большего внимания, чем вражеский огонь. Однако, узнав о наступлении лорда Метуэна, все ожидали скорого снятия блокады. Суточный рацион составлял фунт хлеба, две унции сахара и полфунта мяса на человека. Однако на маленьких детях трагически сказался недостаток молока. В Ледисмите, Мафекинге и Кимберли были принесены в жертву сотни этих невинных душ.



Сесил Родс (в центре) во время осады Кимберли

25-е ноября стало для гарнизона красным днем календаря. Зная, что Метуэн близко, и они могут ему помочь, защитники Кимберли провели вылазку. Атака сводного отряда Легкой Конницы и Капской Полиции была проведена блестяще. Около сорока человек взяли штурмом артиллерийскую позицию противника, потеряв при этом всего четверых. Как доказательство победы британцы привели назад тридцать три пленника, но бурское оружие удалось улизнуть. В этом замечательном предприятии Скотт-Тернер получил ранение, которое, однако, не помешало ему тремя днями позже возглавить еще одну вылазку. В этот раз дело закончилось катастрофой. В современной войне, за вычетом исключительных обстоятельств, шансы на успех атакующего и обороняющегося явно не равны. Гарнизону стоит воздерживаться от атак укреплений противника – ис-

тина, которую постиг и Баден-Пауэлл у Гейм-Три-Хилл. А произошло следующее – после временного успеха британцы были отброшены ожесточенным огнем "Маузеров", при этом потеряв двадцать одного человека убитыми (в том числе и неукротимого Скотт-Тернера) и двадцать восемь бойцов ранеными. Все потери пришлось на колониальные войска. Империя может с гордостью отметить, что люди, за которых она сражалась, своим мужеством и преданностью доказали, что стоят принесенных Британией жертв.

И вновь потянулись монотонные дни осады. Вместе с уменьшением рациона таяли и надежды. Но 10-го декабря за кольцом блокады, у самого южного горизонта, в синем африканском небе заиграла маленькая золотая искорка. Это в лучах солнца блеснул воздушный шар колонны Метуэна. На следующий день глухое ворчание далеких орудий показалось жителям города сладчайшей музыкой. Но дни шли, а ничего не менялось, и лишь через неделю они узнали о кровавой магерсфонтейнской неудаче. Это означало, что помощь вновь откладывается на неопределенное время. С войсками Метуэна установили связь гелиографом, и сохранилось документальное свидетельство, что в первом послании, долетевшем с юга, спрашивалось о количестве лошадей. С непостижимой глупостью этот факт приводится как пример легкомыслия и некомпетентности наших военных. Настоящий смысл вопроса заключался в проверке, действительно ли разговор велся с гарнизоном, а не с противником. Следует признать, что в городе нашлись несколько чрезвычайно скандальных и неразумных людей.

Новый Год застал Кимберли с уменьшенным до четверти фунта мяса на человека пайком, и ухудшившимся здоровьем горожан. Однако всех остро занимала попытка построить в мастерских кампании "Де Бирс" орудие, способное достойно отвечать противнику. Этот замечательный образец, созданный американцем по фамилии Лабрам с помощью специально изготовленного оборудования и найденных в городе книг, воплотился в виде 28-фунтового нарезного орудия, оказавшегося одной из самых эффективных артиллерийских систем. С мрачным юмором на снарядах нацарапали сердечный привет от мистера Родса – превосходный ответ на широко известные угрозы противника привезти Родса в Преторию в клетке.

Буры, почувствовав силу неожиданно объявившегося орудия, некоторое время старались держаться подальше, пока не приготовили свой ответ. 7-го февраля гигантский "Крезо", спо-

способный посылать 96-ти фунтовые снаряды, открыл огонь с Каферсдама, расположенного в четырех милях от центра города. Снаряды, следуя порочному примеру германцев (в 1870 году), обрушились не на укрепления, а на густонаселенный город. День и ночь огромные фугасы рвались в Кимберли, разрушая дома, иногда калеча или убивая их обитателей. Несколько тысяч женщин и детей укрыли в освещенных электричеством шахтных штольнях, обеспечив им относительный комфорт и безопасность. Совершенно неожиданно бурам удалось взять реванш. По невероятному стечению обстоятельств, одной из немногих жертв их большой пушки стал гениальный Лабрам – конструктор 28-ми фунтового орудия. Но еще невероятнее кажется факт, что вскоре от английскую пулю, выпущенную с очень большой дистанции, получил француз Леон – человек, ответственный за доставку бурского "Большого Крезо".



"Long Cesil" на огневой позиции

Описывая осаду Кимберли историк вынужден довольствоваться скучным отчетом, ибо сам ход событий лишен ярких красок. Даже термин "осада" в данном случае не совсем правильно отражает суть происходившего, куда правильнее будет говорить о блокаде. Однако, независимо от терминов, обитатели города испытывали большое беспокойство. Хотя перспектива капитуляции никогда не обсуждалась, самые нетерпели-

вые начали выражать недовольство задержкой в приходе освободительной армии. Только впоследствии прояснилось, насколько эффективно Кимберли играл роль приманки, пока армия готовилась к решительному разгрому противника.

Наконец великий день настал. Сохранились воспоминания о волнующей встрече конного разъезда защитников и авангарда освободителей. Это событие оказалось неожиданностью и для друзей, и для врагов. 15-го февраля стычка между Кимберлийской Легкой Конницей и бурами была в самом разгаре, когда новый отряд всадников, неопознанный ни одной из сторон, появился на равнине и открыл огонь по бюргерам. Один из незнакомцев подсказал к кимберлийскому патрулю:

– Что, черт возьми, значат буквы K.L.H. на ваших погонах? – спросил он.

– Это означает "Кимберлийская Легкая Конница". А кто вы?

– Я Новозеландец.

Маколей (английский историк) в своих самых фантастических рассуждениях о будущем Новозеландца (которым он многократно предавался), никогда не рисовал его на острие освободительной армии, снимавшей осаду с британского города в сердце Африки.

Обитатели Кимберли, высыпав на улицы, пристально вглядывались в гигантское облако пыли, растущее в юго-восточной части горизонта, пытаясь угадать, что таит в себе эта накатывающаяся на них рыжая стена. По мере приближения огромного вала надежда в сердцах то и дело сменялась страхом. Не в одной голове мелькала мысль, что это идет армия Кронье. Но, наконец, завеса пыли истончилась, и показалась огромная масса всадников. Бесконечные ряды гусар и улан. Солнечные лучи, играли на наконечниках пик, мерцали ножны. На флангах, где пыль была гуще всего, угадывались батареи конной артиллерии. Изможденные, измученные, преодолевшие сотню миль всадники и спотыкавшиеся, загнанные лошади, увидев широко раскинувшийся перед ними долгожданный город, словно обрели второе дыхание и устремились к ликующей толпе горожан, заполнив воздух стуком копыт, бряцаньем оружия и грохотом орудийных колес. Под восторженные приветствия и слезы радости Френч въехал в Кимберли, а его люди разбили лагерь за городом.

Чтобы рассказать, как готовили и выпускали эту неудержимую стрелу, автор вынужден вернуться к началу месяца. В то время Метуэн и его люди все еще стояли лицом к лицу с

засевшими в траншеях бюргерами Кронье, который, не обращая внимания на артиллерийские бомбардировки, удерживал позиции между Кимберли и освободительной армией. Френч, передав руководство операциями у Колесберга Клементсу, отправился в Кейптаун для обсуждения дальнейших планов с Робертсом и Китченером. Оттуда они втроем выехали на Моддер-Ривер, которая с очевидностью напрашивалась на роль базы операций, спланированных с большей тщательностью, чем все предыдущие.

В самом начале февраля, для отвлечения внимания буров от грозы, готовой обрушиться на левый фланг, на крайнем правом фланге Кронье британцы предприняли убедительную демонстрацию, увенчавшуюся жаркой схваткой. Ударная группа включала Хайлендерскую Бригаду, два эскадрона 9-го Уланского, 7-ю роту Королевских Инженеров и 62-ю батарею. Во главе этих сил стоял знаменитый Гектор Макдоналд.



Гектор Макдоналд

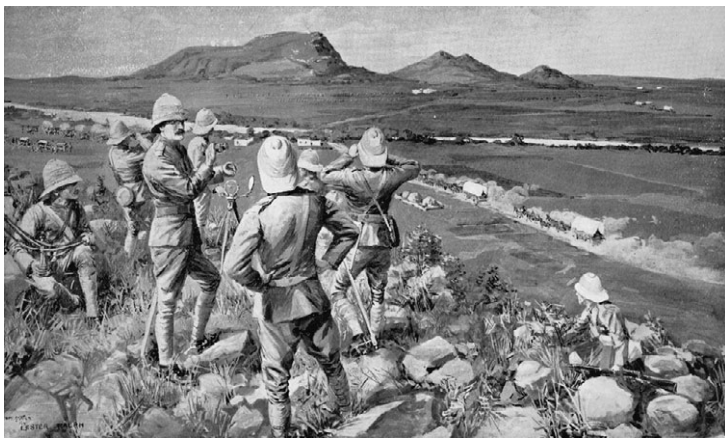
"Боевой Мак", как прозвали его солдаты, поступил в полк рядовым, прошел все ступени – капрал, сержант, капитан, майор, полковник и теперь, все еще в расцвете сил, ехал во главе

бригады. Сухопарый, угловатый шотландец с широким лицом и бульдожьей челюстью, он преодолевал кастовость и заведенный порядок службы британской армии с упорством бойцовой собаки, пугавшим и дервиша, и бура. Холодный ум, крепкие нервы и горячее сердце делали его идеальным пехотным командиром. Свидетели, наблюдавшие, как Макдоналд управлял своей бригадой в критический момент Омдурманского боя, рассказывали, что это был один из лучших эпизодов битвы. В бою он говорил на родном наречии, грубоватым, резким, простым языком, успокаивавшим и поддерживавшим северного солдата. Таков был человек, прибывший из Индии на место несчастного Ваухопа и сумевший поднять дух доблестной, но жестоко пострадавшей бригады.

Четыре батальона пехоты ("Блэк Уотч", Аргайлцы и Сазерлендцы, Сифортцы, Хайлендерская Легкая Пехота) покинули лагерь лорда Метуэна в субботу, 3-го февраля, и, заночевав у Фрасерс-Дрифт, на следующий день выступили к Коодоосбергу. День выдался очень жарким, переход чрезвычайно тяжелым, и много людей выбыло из строя, некоторые навсегда. Брод никем не охранялся и был захвачен Макдоналдом без проблем. После развертывания лагеря на южном берегу реки, через дрифт выслали несколько сильных партий, поставив им задачу закрепиться на Коодоосберге и нескольких примыкавших к нему копи, лежавших три четверти мили северо-западнее дрифта и являвшихся ключом позиции. В отдалении были замечены разведчики буров, спешившие в главный лагерь с новостями о прибытии британцев.

Эффект от их донесений обозначился ко вторнику (6 февраля), когда было замечено сосредоточение буров на северном берегу реки. На следующее утро бюргеры собрали достаточно людей и повели атаку на гребень холма, удерживаемый Сифортцами. Макдоналд бросил в бой две роты "Блек Уотч" и две роты Хайлендерской Легкой Пехоты. Буры великолепно использовали 7-ми фунтовую горную пушку, а их ружейный огонь, принимая во внимание, что наши люди имели надежные укрытия, был чрезвычайно метким. Бедный Тайт ("Блек Уотч"), хороший спортсмен и отважный солдат, еле оправившийся от одной раны, получил другую. "На этот раз они меня достали", — были его последние слова. Блейру (Сифортцы) шрапнельной пулей перебило сонную артерию. Он пролежал под огнем несколько часов, и все это время солдаты его роты, сменяя друг друга, прижимали рану. Но наша артиллерия вынудила замолчать орудие противника, а пехота легко сдержи-

вала его стрелков. Бабингтон с кавалерийской бригадой, прибыв из лагеря в час тридцать, двинулся вдоль северного берега реки. Зная, что люди и лошади устали после трудного перехода, войска Макдоналда все же надеялись, что Бабингтон сумеет обойти буров и захватит или их самих, или орудие. Но всадники, очевидно, не прочувствовали сложившуюся ситуацию и упустили возможность нанести внезапный удар. Акция завершилась вяло, и буры вышли из боя никем не преследуемые.



Акция у Коодоосберга (рисунок из "Life")

В четверг, 8-го февраля, британцы увидели, что противник отходит, но в тот же вечер наши войска также получили приказ возвращаться. Публика дома испытала чувство удивления и разочарования, не понимая, что, приковав внимание противника к правому флангу, колонна полностью выполнила поставленную перед ней задачу. Войска не могли там оставаться, поскольку они требовались для предстоящих больших операций. 9-го числа бригада вернулась, 10-го солдат лично поздравил лорд Робертс, а 11-го были отданы распоряжения, не только предопределившие деблокаду Кимберли, но и подготовившие сокрушительный удар, от которого бурам не судилось оправиться.

Маленький, смуглый, с морщинистым лицом, прищуренными глазами, всегда бодрый лорд Робертс, несмотря на свои шестьдесят семь лет, сумел сохранить энергию молодости. Ведя активную жизнь на открытом воздухе, в Индии мужчины сохраняют способность сидеть в седле, в то время как в Англии в подобном возрасте могут рассчитывать лишь на кресла своих клубов.



Генерал Фредерик Робертс

Любой, кто видел жилистую фигуру и живую походку лорда Робертса, с трудом верил, что он провел сорок один год службы в местах, которые из-за климата считаются нездоровыми. Будучи в возрасте, он сохранил привычку к воинским упражнениям, и русский путешественник упоминал в записках, что больше всего в Индии его удивил старый командующий армией, летящий на коне с пикой наперевес и берущий препятствия с ловкостью отлично тренированного кавалериста. Хотя уже в дни молодости, во время Мятежа, он продемонстрировал энергию настоящего солдата, только в ходе Афганской войны 1880 года Робертсу представилась возможность доказать, что ему присущи более редкие и ценные качества — способность быстро принимать решения и твердо им следовать. В переломный момент войны он и его армия словно растворились, а затем эффектно явились взору публики, как победители, в трехстах милях от места исчезновения.

Замечательные черты были присущи лорду Робертсу не только как солдату, но и как человеку. Он в превосходной сте-

пени обладал магнетическими качествами, вызывавшими не просто уважение, а настоящую любовь у всех, кто с ним сталкивался. Используя выражение Чосера, можно сказать, что Робертс "совершенный благородный рыцарь". Солдаты и офицеры испытывали к нему чувство личной привязанности, подобного которому бесстрастная Британская Армия вряд ли испытывала к кому-либо из своих лидеров. Его рыцарская учтивость, безупречный такт, дружелюбие, бескорыстие и неустанная забота о солдате внушали любовь простым верным натурам, следовавшим за ним с такой же непоколебимой преданностью, с какой "Ворчуны" Старой Гвардии шли за Великим Императором. Многие опасались, что для Робертса, подобно другим военным, донга и копи Южной Африки станут могилой и надгробием репутации, но он, напротив, последовательно демонстрировал такой стратегический размах и понимание эффективности маневров, связанных между собой одним замыслом и проводимых на гигантском пространстве, что удивил даже самых ревностных своих почитателей.

Во вторую неделю февраля войска были готовы, после чего последовала молниеносная серия ударов, поставившая буров на колени. Здесь мы опишем лишь подвиг превосходной кавалерийской группировки, которая, после рейда в сотню миль, возникла из рыжего облака пыли и смела буров с позиций вокруг Кимберли.

Чтобы нанести неожиданный удар, лорд Робертс не только предпринял убедительную демонстрацию у Коодоос-дрифта, на фланге бурской линии обороны, но и отвел главные силы почти на сорок миль южнее, перебросив их по железной дороге к Белмонту и Энслин. Степень секретности была такова, что даже командиры не представляли, куда отправляют их подразделения. Кавалерия, отобранная у Френча под Колесбергом, уже прибыла к месту сбора, совершив марш до Нааупорта, а оттуда переброшенная поездами. Она включала Карабинеров, Улан из Нового Южного Уэльса и Иннискиллингцев, сводный полк Гвардейской Кавалерии, 10-й Гусарский, конную пехоту и две батареи Конной Артиллерии – всего около трех тысяч клинков. К этому ядру добавили 9-й и 12-й Уланские полки с Моддер-Ривер, 16-й Уланский из Индии, "Серых Шотландцев" (с начала войны патрулировавших Оранжевую Реку), Ремингтонских Скаутов и две бригады конной пехоты под командованием полковников Ридли и Хеннея. Люди последнего, по пути к месту сбора, имели жаркую схватку, в которой потеряли пятьдесят-шестьдесят человек убитыми, ранеными и про-

павшими без вести. Артиллерию усилили пятью дополнительными батареями Конной Артиллерии, доведя общее количество орудий до семи батарей. В состав отряда также включили понтонную секцию Королевских Инженеров. Общая численность формирования возросла до пяти тысяч человек. В ночь на воскресенье 11-го февраля эти внушительные силы сконцентрировались в Рамдаме (двадцать миль северо-восточнее Белмонта) и приготовились к выступлению. В два часа ночи, в понедельник 12-го февраля, прозвучала команда начать движение, и длинная извилистая линия призрачных всадников потянулась через окутанный тьмой вельд. Топот тысяч копыт, бряцанье стали, громохание орудийных колес слились в один глубокий низкий гул, подобно шуму волн, накатывающих на галечный берег.



Артиллерия Френча у Ватервал-Дрифт

Между Френчем и Кимберли лежали две реки — Риит и Моддер. К рассвету 12-го числа голова его колонны достигла Ватервал-Дрифт, который, как выяснилось, оборонялся отрядом буров с одним орудием. Оставив небольшое подразделение для демонстрации, Френч повел своих людей через Декиелс-Дрифт, выше по течению, и выбил противника с позиции. Большой отряд буров пришел из Якобсдаля, и, немного запоздав с занятием позиции, не смог оказать сопротивление. Подожди мы на десять минут позже, дело могло принять серьезный оборот. Ценой небольших потерь Френч удержал оба бе-

рега брода, но только к полуночи вся длинная колонна переправилась через реку и стала биваком на северном берегу. Наутро наши силы несоизмеримо выросли благодаря прибытию еще одного всадника. Это был сам лорд Робертс, решивший проводить войска в поход. Его сухая, подтянутая фигура и лицо, словно вырезанное из красного дерева, воспаляли дух и внушали уверенность в успехе предприятия.

Переход второго дня (13-го февраля) стал довольно сложной военной операцией. До Моддер-Ривер войскам предстояло пройти тридцать долгих безводных миль, а после этого, возможно с боем, овладеть бродом. Стояла невыносимая жара. Весь долгий день с безоблачного неба палило безжалостное солнце. Единственной тенью, укрывавшей солдат, служила ими же поднимаемая туча пыли. Вокруг простиралась бескрайняя сухая равнина, иногда вздувавшаяся каменистыми холмами. Время от времени, на большом отдалении, угадывались чужие всадники – это разведчики буров с изумлением наблюдали за движением огромной массы войск. Раз или два эти люди собирались вместе, и на нашем левом фланге слышались выстрелы, но гигантская волна, продолжая катиться вперед, уносила их за собой. В безлюдной пустыне встречались лишь стада пестрых газелей-антидоров да серых антилоп, летевших по равнине или глазевших с изумлением (из которого охотник всегда сможет извлечь выгоду) на необычный спектакль.

Весь день гусары, драгуны, уланы скакали по высохшему вельду, пока люди и лошади не начали изнемогать от жары и усталости. Войска двигались фронтом шириной около двух миль. Каждый полк развернулся в две линии, и гигантская туча всадников, скакавших по бесконечной пустынной равнине, несомненно, являла собой величественное зрелище. Справа вельд был охвачен огнем, и черный дым от пылавшей травы накрывал фланг. Безжалостные солнечные лучи сверху и жар, исходивший от земли, были невыносимы. Артиллерийские лошади прямо в упряжках падали и умирали от полного истощения. Люди, молчаливые, с пересохшими глотками, но сохранившие присутствие духа, напряженно всматривались в игравшие на горизонте миражи, надеясь уловить первый отблеск Моддера. Наконец, когда солнце уже клонилось к западу, вдали мелькнула тонкая зеленая линия – кустарник, обрамлявший берега этой злополучной реки. Близость воды придавала сил, и кавалерия, стремясь захватить брод, рванулась вперед, а из груди майора Ремингтона, исполнявшего тяжелую обязан-

ность проводника, вырвался вздох облегчения. Он убедился, что действительно вывел войска в намеченную точку.

Основой всего маневра являлась скорость – намеченной цели следовало достичь до того, как противник успеет собрать силы для отпора. От этого зависело, сколько буров будет поджидать их на том берегу – пять сотен или пять тысяч. Можно представить, с каким напряжением Френч следил за своим первым полком, спускавшимся к Клип-Дрифту. Если буры заметили его маневр и перебросили сюда несколько 40-фунтовых орудий, то переправа через реку дастся ценой больших потерь. Но в этот раз мы их полностью переиграли. Френч пришел на Моддер одновременно с новостями о своем продвижении, и Бродвуд с уланами 12-го полка устремился к броду. Небольшой бурский отряд бросился в бега, оставив вагоны и припасы победителям. В ночь на 13-е Френч крепко удерживал брод, а ранним утром кофейного цвета вода уже вовсю летела из-под конских копыт и орудийных колес.



10-й Гусарский пересекает Клип-Дрифт

Кавалеристы Френча вышли на линию главных позиций буров, но нанесли удар по крайнему левому флангу. Правый фланг, благодаря демонстрации у Коодоос-дрифта, отстоял на пятьдесят миль. Вполне естественно, что имевшимися силами буры едва прикрывали такой растянутый фронт и надежно удерживали лишь центральную позицию у Магерсфонтейна. Но, видя, что Метуэн все еще стоит напротив, Кронье не мог ослабить центральный участок. В любом случае Клип-Дрифт располагался в двадцати пяти милях от Магерсфонтейна. Но в

среду (14-го февраля) буры на левом крыле смогли собраться в какое-то подобие группировки и попытались остановить победное продвижение нашей кавалерии. В тот день британцам пришлось задержаться на Клип-Дрифт, ожидая подхода пехоты Келли-Кенни, которой планировалось передать захваченный брод. Весь день небольшие отряды буров занимали позицию между колонной и Кимберли.

На следующее утро кавалерия возобновила движение. До города оставалось еще сорок миль, а впереди находился враг, силу которого никто не знал. Через четыре мили Френч наткнулся на позиции бюргеров – два холма с длинным низким перешейком между ними. Противник открыл ожесточенный ружейный огонь, поддержанный артиллерией.



Последний бросок к Кимберли

Но Френч не только не остановился, он даже не замедлил движения. Совершенно не обращая внимания на огонь, кавалерия волна за волной неслась через низкий перешеек и вдоль подошвы холмов. Бурские стрелки на копи могли наблюдать великолепное зрелище, редко выпадающее на современной войне – в развернутых порядках полк за полком, с 9-м Уланским во главе, галопом неслись по равнине и проскакивали через седловину. На земле остались лежать около двух десятков лошадей и с десятков людей, но, преследуя противника, британцы зарубили около сорока-пятидесяти буров. Похоже, это был один из немногих случаев, когда такое устаревшее и абсурдное оружие как клинок, оказалось для своего владельца чем-то большим, чем мертвый груз.

Дорога перед кавалерией была открыта, поскольку никакие отряды, высланные противником от Магерсфонтейна, не успе-

вали ее перехватить. Лошади, за четыре дня прошедшие сотню миль без достаточного количества пищи и воды, были настолько истощены, что обычным зрелищем стал кавалерист, не просто бредущий пешком, чтобы лошади было легче, но и несущий на себе часть поклажи или седло. Но, несмотря на крайнюю усталость, войска продолжали движение вперед, пока, после полудня, в отдалении не увидели то, что искали. На рыжей равнине, угадывались кирпичные стены и рифленые крыши Кимберли. Буры, осаждавшие город, расступились перед британцами, и этой ночью, 15-го февраля, освободительная колонна стала биваком на равнине в двух милях от околицы, а Френч со штабом въехал в спасенный город.

Южноафриканская война была безжалостна к кавалерии, действия которой повсюду затруднялись природой местности и тактикой противника, и этот род войск предоставил меньше всего возможностей отличиться.



Конный разъезд ведет огневой бой

Служба в разведке или патрулирование – одна из самых тяжелых, выпадающих на долю солдата, но, по самой природе, она не находит своего хроникера. Военный корреспондент, подобно Провидению, обычно следует за большими батальонами, и ни в какой другой кампании не осталось так много неотмеченного героизма, обыденных подвигов пикетов и конных патрулей, не попавших на полосы газет. Обращаясь же к большим операциям, трудно доказать, что кавалерия, как таковая, оправдала свое существование. По мнению многих, в бу-

душем кавалерия, как род войск, будет преобразована в конную пехоту.

Не требуется больших усилий, чтобы превратить наших кавалеристов в великолепных стрелков. Это доказал Магерсфонтейн, где уланы 12-го полка, спешившись по команде своего полковника, лорда Эрли, все утро отражали опасную фланговую атаку противника. Небольшое обучение использованию укрытий на местности, обмотки взамен сапог и винтовка вместо карабина даст нам внушительную силу в двадцать тысяч человек, способную делать все, что делает наша кавалерия и сверх того. Несомненно, на этой войне в некоторых случаях, например, при Колесберге или Даймонд-Хилл, можно сказать: "Здесь наша кавалерия хорошо поработала". Да, они отличные ребята на отличных лошадях, и от них должно ожидать хорошей работы. Но поклоннику кавалерии следует привести примеры, где кавалерия сделала что-либо недоступное конной пехоте (равной численности, равной храбрости, имевшей равноценный конский состав). Только тогда право кавалерии на дальнейшее существование будет доказано. Уроки Южноафриканской и Американской войн показывают, что солдат будущего – это всадник, хорошо обученный сражаться в пешем строю.

Еще несколько слов, как дополнение к этим коротким зарисовкам осады и освобождения Кимберли. Большое удивление вызвал факт, что гигантское многотонное орудие, перевозимое воловьей упряжкой со скоростью не более двух-трех миль в час, ускользнуло от нашей конницы. Это действительно удивительное событие следует рассматривать не как пример бездеятельности наших командиров, а скорее, как прекрасный образец упорства и цепкости буров, проявившихся в ходе всей войны. Как только Кекевич убедился в снятии блокады, он собрал всех свободных людей и поставил перед ними задачу захватить орудие. Оно уже снялось с позиции и уходило в тыл под прикрытием сильного оборонительного рубежа у Дорнфилда, удерживаемого стрелками и легкой артиллерией. Поняв, что не сможет прорвать оборону бюргеров, командир британского отряда – Мюррей, остановился перед противником. Следующим утром (в пятницу), в три часа, измученные люди и кони Френча получили то же задание. Но буры все еще упорно удерживали Дорнфилд. Их позиция была слишком сильна для лобовой атаки и слишком протяженна, чтобы обойти ее с фланга на истощенных лошадях. Только к ночи буры вышли из отлично проведенной арьергардной акции, оставив в

руках Капской Полиции одну легкую пушку, но обеспечив такую фору своему тяжелому оружию, что Френч, имевший более важные задачи, отказался от преследования.

ПААРДЕБЕРГ

Операция лорда Робертса, подготовленная с удивительной секретностью и проведенная чрезвычайно энергично, ставила перед войсками две отдельные задачи, каждую из которых удалось выполнить. Первая: кавалерии превосходящими силами обойти позиции буров и снять осаду с Кимберли (судьба этой экспедиции уже нами описана). Вторая: пехоте, следуя по пятам кавалерии и удерживая все, что та захватила, закрепить на левом фланге Кронье, прервав его связь с Блумфонтейном. Эта часть операции будет изложена ниже.

Что касается пехоты, то генерал Робертс собрал весьма внушительные силы. Гвардейцев под командованием Метуэна он оставил сдерживать буров у Магерсфонтейна. С Метуэном остались и солдаты, сражавшиеся в 9-й бригаде во время всего похода (1-й батальон Нортумберлендских Фузилеров, 2-й батальон Йоркширской Легкой Пехоты, 2-й Нортгемтонцев и одно крыло Королевского Северно-Ланкаширского). Эти войска получили задачу приковать к себе внимание Кронье.

Оставались еще три пехотные дивизии, одну из которых (9-ю) сформировали на месте:

6-я дивизия (Келли-Кенни)

12-я бригада (Нокс) – батальон Оксфордской Легкой Пехоты, 2-й батальон Глостерцев, Вест-Райдингцы и "Баффс".

18-я бригада (Стефенсон) – Эссекцы, Улэсцы, Уорикцы и Йоркцы.

7-я дивизия (Такер)

14-я бригада (Чермсайд) – Шотландские Пограничники, Линкольнцы, Хемпширцы и Норфолкцы.

15-я бригада (Уэйвелл) – Северные Стаффордцы, Чеширцы, Южно-Уэльсские Пограничники и Восточно-Ланкаширцы.

9-я дивизия (Колвил)

Хайлендерская бригада (Макдоналд) – "Блэк Уотч", Аргайлцы и Сазерлендцы, Сифортцы и Хайлендерская Легкая Пехота.

19-я бригада (Смит-Дорриен) – Гордонцы, Канадцы, Шропширская Легкая Пехота и Корнуоллская Легкая Пехота.

Этим войскам придали два дивизиона артиллерии: один (18-я, 62-я и 75-я батареи) под командованием полковника

Халла, второй (76-я, 81-я и 82-я батареи) под командованием полковника МкДоннелла. Кроме того, имелась батарея гаубиц и морской контингент (четыре 4,7-дюймовых и четыре 12-фунтовых орудия) под началом капитана Бердкрофта с "Филомел". Впоследствии, с прибытием Гвардейцев и дополнительной артиллерии, мощь группировки дополнительно возросла. Войска, выступившие в понедельник, 12 февраля, насчитывали приблизительно двадцать пять тысяч пехотинцев и восемь тысяч кавалеристов плюс 98 орудий – огромная армия для действий в бедной провиантом и почти безводной стране. Позади боевых колон, под рев животных и скрип колес, тянулись семь сотен вагонов влекомых одиннадцатью тысячами мулов и волов, собранных и подготовленных организационным гением лорда Китченнера.



Командир 6-й дивизии Томас Келли-Кенни

Войска концентрировались у Рамдама. Кавалерия выдвигалась своим ходом, а пехота по железной дороге до Белмонта или Энслина. В понедельник 12-го февраля выступила конница, а во вторник за ней устремилась пехота. Первым делом следовало занять позицию на фланге Кронье. С этой целью 6-я дивизия (Келли-Кенни) и 9-я (Колвила) были брошены вперед и 15-го февраля (четверг) подошли к Клип-Дрифт на Моддере, сменив кавалерию, ушедшую оттуда утром. Стало ясно, что нельзя оставлять Якобсдааль на нашем левом фланге в руках

врага, поэтому 7-я дивизия (Таккера) свернула в сторону и атаковала город. После горячей стычки бригада Уэйвелла им овладела. Особо примечателен факт, что Имперские Волонтеры Сити, впервые оказавшиеся под огнем, держали себя с достоинством своих предков – старых трейнбенов*.



Имперские Волонтеры Сити ведут бой за Якобсдааль

Потеряв двух человек убитыми и двадцать ранеными, мы впервые прочно закрепились в одном из вражеских городов. Там, в превосходном германском госпитале, мы обнаружили тридцать или сорок наших раненых.

В четверг 15-го февраля, после полудня (уйдя утром с Клип-Дрифт), наша кавалерия энергично двигалась на Кимберли. У Клип-Дрифт осталась 6-я дивизия Келли-Кенни, южнее (у Вегдраай) расположилась 9-я дивизия Колвила, в то время как 7-я дивизия приближалась к Якобсдалю. В целом британские силы вытянулись в линию протяженностью сорок миль. Вечернее солнце увидело освобождение Кимберли и взятие Якобсдаля, но оно же стало свидетелем захвата бурами одного из наших конвоев. Великолепный удар, расчетливо нанесенный по самому уязвимому месту.

Так и не ясно, откуда пришел отряд буров, появившийся в тылу британцев. Похоже, это была группа, участвовавшая в стычке с конной пехотой Хеннея, когда та двигалась от Оран-

* Милиционные отряды, созданные Джеймсом I.

жевой Реки к месту сбора у Рамдама. Совокупность фактов свидетельствует, что буры пришли не от Колесберга или какого-либо другого отдаленного пункта, а скорее были отрядом под командованием Пита Де Вета, младшего из двух знаменитых братьев. Спустившись к Ватерфал-Дрифт (броду через Риит), бюргеры заняли линию копи (которые, как предположит всякий, нам следовало бы тщательно охранять) и открыли интенсивный ружейный и артиллерийский огонь по конвою, только что выбравшемуся на северный берег реки. За короткий промежуток времени они выбили множество волов. Сто восемьдесят фургонов встали. Конвой, везший фураж и провиант, не имел собственного охранения, но брод удерживала рота Гордонцев во главе с полковником Ридли и сто пятьдесят конных пехотинцев. Артиллерии у британцев не было. Определенно, эти силы были неадекватны задаче обеспечения безопасности наиболее уязвимого и жизненно важного участка линии снабжения сорокатысячной армии. Первоначально буров было около пяти-шести сотен, но они занимали очень сильную позицию. С другой стороны, они не имели достаточного численного превосходства, чтобы покинуть убежище и смять британцев, залегших цепью между вагонами и противником, и ведущих непрерывный огонь. Британским огнем рубежом командовал настоящий солдат — капитан Хед (Восточные Ланкаширцы). Ни он, ни его бойцы не сомневались, что смогут сдерживать врага столько, сколько потребуется. Во второй половине дня к бурам постоянно подходили свежие силы, но вернувшаяся Конница Китченера и полевая батарея восстановили равновесие. К вечеру баланс сил изменился в пользу британцев, поскольку на сцене появился Таккер со всей 14-й бригадой, но пока обсуждался вопрос об атаке, от лорда Робертса пришел категоричный приказ бросить конвой и вернуть войска.

Если лорд Робертс нуждается в оправдании этого решения, то дальнейший ход событий его предоставил. Одна из военных максим Наполеона — концентрировать всю энергию на одной цели в одно время. Целью Робертса был обход и возможное окружение армии Кронье. Если бы он позволил бригаде ввязаться в арьергардный бой, план его кампании, основанный на быстрой передвижения, нарушился бы. Очень досадно потерять сто восемьдесят вагонов, но это означало лишь временные неудобства. План кампании был важнее, поэтому Робертс жертвовал конвоем и торопил войска с выполнением главной задачи. Люди, так долго и упорно защищавшие конвой, покидали

позиции с тяжестью на сердце и проклятиями на устах, но сегодня, надеюсь, лишь немногие из них оспаривают мудрость той жертвы. Наши потери в этом деле составили пятьдесят-шестьдесят человек убитыми и ранеными. Буры не смогли вывезти добычу и, в конце концов, раздали ее местным фермерам. Позднее, вновь проходя через эти места, британские войска изъяли потерянные запасы.



*Командир 9-й дивизии
Эдвард Колвил*



*Командир 7-й дивизии
Чарльз Таккер*

Еще одна неудача постигла нас днем ранее, когда рота "Е" Конницы Китченера, охранявшая источник воды, потеряла пятьдесят человек.

Но уже близились великие события, затмившие печальные инциденты, неизбежные в войне, ведущейся на бесконечных просторах против мобильного и предприимчивого противника. Почувствовав затягивавшуюся сеть, Кронье забеспокоился. Неукротимый боец, затративший столько сил на превращение линии копи в неприступную крепость, должно быть, с болью в сердце бросал надежные траншеи и стрелковые ячейки. Но он был не только упорным, но и опытным воином, который, подобно всем бурам, более всего опасался окружения – инстинкт, унаследованный от предков, сражавшихся верхом против пешего противника. Если бы вместо бездействия последних десяти недель Метуэн, сдерживая буров по фронту тонкой линией стрелков и пулеметов, бросил бы большую часть своих сил на Якобсдаль и на восток, он, возможно, добился бы тех же

результатов. При появлении слухов об англичанах на фланге, Кронье, пытаясь восстановить коммуникации с Блумфонтейном, от которых зависело его снабжение, немедленно оставил прежние планы и позиции. С невероятной резвостью сворачивая правое крыло, он огромной массой всадников, орудий и вагонов бросился в брешь между тылом британской кавалерии, спешившей к Кимберли, и головой британской пехоты у Клип-Дрифт. Еще оставалось достаточно пространства для прохода, и Кронье стремился к нему с яростной энергией дикого животного, рвущегося из западни. Часть его сил с тяжелыми орудиями ушла на Варрентон, обогнув Кимберли с севера, многие фристейтеры вернулись на свои фермы. Остальные, численностью около шести тысяч человек (в основном трансвааллеры), из всех сил пытались увернуться от британских объятий.



Британский конвой (Наталь, Биггарсберг)

Отход начался ночью 15-го февраля, и будь он осуществлен чуть быстрее, то, возможно, завершился бы прежде, чем мы о

нем узнали. Но тяжелые вагоны задерживали движение, и утром в пятницу 16-го февраля гигантское облако пыли, ползшее в северной части вельда с запада на восток, сообщило нашим аванпостам у Клип-Дрифт, что армия Кронье почти ускользнула из наших рук. Лорд Китченер, командовавший в тот момент у Клип-Дрифт, немедленно пустил в преследование свою конную пехоту, в то время как бригада Нокса бросилась вдоль северного берега реки, пытаясь вцепиться в правый бок уходящей колонны. Буры совершили ночной марш в тридцать миль из-под самого Магерсфонтейна, волны, тащившие вагоны, требовали отдыха, поэтому Кронье не мог оторваться от преследователей, не пожертвовав орудиями и обозом.



Уланы поят коней в пересохшем русле реки

Однако британцы гнались не за оленем, а скорее за матерым трансваальским волком, который то и дело, оборачиваясь, скалил зубы. Зрелище тянувшихся вдаль вагонов, крытых белой тканью, горячил кровь конных пехотинцев, побуждая Оксфордцев, "Баффс", Вес-Райдингцев и Глостерцев безостановочно скакать вдоль берега свежим, пропитанным ароматами трав, африканским утром. Но путь им преграждали копии, усеянные решительными бурами-допперами, и вожаки колонны можно было настичь, лишь переступив через трупы врагов. На англичан, спешивших по широкой равнине, внезап-

но обрушился ураган свинца. Длинная линия пехоты растянулась еще больше, охватывая фланг бургских позиций, и в очередной раз зазвучал жуткий дуэт "Маузеров" и "Ли-Метфордов". Вовремя подоспевшая 81-я батарея поспешила добавить свой басистый рев к их высоко звучащему хору. С великолепным расчетом Кронье держался максимально долго, а затем быстро отошел, заняв линию обороны двумя милями дальше, вновь преградив путь британцам. Весь день измученный, но решительный арьергард, сдерживал яростные атаки пехоты, и на закате дня вагоны все еще оставались недоступными. Следует помнить, что к северу от реки силы преследователей численно уступали преследуемым, таким образом, задерживая движение противника и давая время подойти британским войскам, бригада Нокса проделала отличную работу. Будь у Кронье хорошие советники или имел он больше информации, он, наверняка, пожертвовал бы орудиями и вагонами, чтобы быстрым рывком через Моддер вывести армию из-под удара. Но, похоже, он недооценил как численность британцев, так и их энергию.

Ночью в пятницу, 16-го февраля, Кронье расположился на северном берегу Моддера, сохранив при себе все припасы и орудия, не имея перед собой противника, хотя бригада Нокса и конная пехота Хеннея следовали по пятам. Для того, чтобы поддерживать контакт с Блумфонтейном, Кронье требовалось пересечь реку. Река поворачивала к северу, и чем скорее он переправится, тем лучше. На южном берегу находились значительные силы британцев. Их очевидной стратегической задачей было стремительное движение вперед и блокада каждого брода, которым могли воспользоваться буры. Река текла меж очень высоких берегов, таких крутых, что вполне заслуживали именованья маленьких утесов. Всадники, а еще меньше вагоны не имели шанса переправиться через Моддер в каком либо ином месте кроме тех, где за долгие годы люди и повозки пробили пологие спуски к мелководью. Поэтому британцы точно знали, какие места необходимо блокировать. От того, как будут использованы следующие несколько часов, зависел успех или провал всей операции.

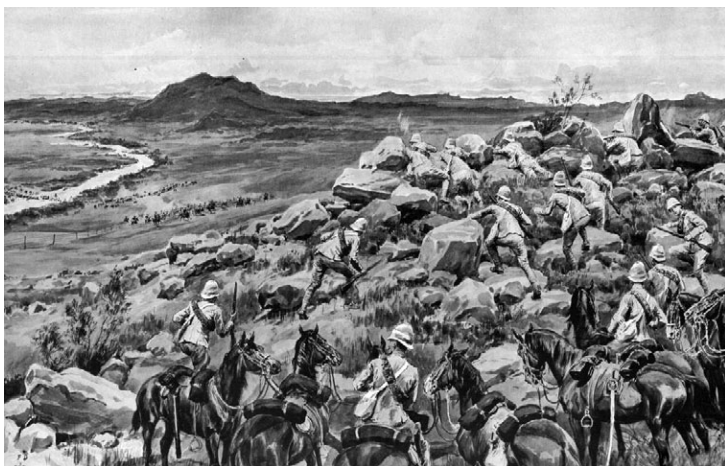
Ближайший брод (Клипкааль) располагался от Кронье на расстоянии 1-2 мили, затем шли Паардеберг-Дрифт и Волвескрааль-Дрифт, каждый приблизительно в семи милях один от другого. Реши Кронье преодолеть реку немедленно после боя, он мог бы воспользоваться Клипкаалем. Но люди, лошади и волы были истощены длинным двадцатичетырехчасовым

маршем и боями. Он дал своим изнуренным бойцам несколько часов отдыха и затем, бросив семьдесят восемь вагонов, продолжил движение. Еще до рассвета он пошел к самому дальнему броду (Волвескрааль-Дрифт). Достигни он переправы раньше противника, его армия была бы спасена. Тем временем, после скоротечной ожесточенной схватки, которая в быстром потоке событий привлекла к себе меньше внимания, чем того заслуживала, на Клипкраале закрепились "Баффс", Вест-Райдингцы и Оксфордская Легкая Пехота. Жарче всех пришлось Оксфордцам, потерявшим десять человек убитыми и тридцать одного ранеными. Этот бой не был пустой тратой солдатских жизней, поскольку, маленькая по масштабу и едва упоминаемая в истории акция, в действительности стала одной из важнейших в кампании.

Боевой дух лорда Робертса передался его командирам дивизий, бригадам, полковникам... Самый последний "Томми", устало бредя сквозь ночь, твердо верил, что в этот раз "Боб" наверняка поймают "старого Кронье". Конная пехота галопом прошла с севера на юг, перешла реку по Клип-Дрифт и прикрыла южную сторону Клипкраала. Туда же подтянулась бригада Стефенсона (дивизия Келли-Кенни). Нокс, обнаружив поутру, что Кронье ушел, присоединился к ним, держась северного берега. Оставив Клипкрааль в надежных руках, конная пехота немедленно бросилась дальше и захватила южную сторону Паардеберг-Дрифт, куда тем же вечером прибыли Стефенсон и Нокс. Британцам оставалось блокировать Волвескрааль-Дрифт, но эту задачу уже выполнил человек, всегда великолепно знавший свой долг. Где бы ни оказался Френч, он все делал прекрасно, но венцом его славы стал бросок от Кимберли наперерез Кронье.

Читатель помнит о тяжелых испытаниях, выпавших на долю кавалеристов при освобождении Кимберли. Они прибыли туда в четверг на смертельно уставших лошадях. В три часа утра (пятница) они уже были на ногах, и две бригады из трех весь день, выбиваясь из сил, пытались взять Дронфилдские позиции. Когда в тот же вечер Френч получил приказ немедленно выступить из Кимберли и попытаться отрезать армию Кронье, он не стал ссылаться на невозможность исполнить приказ, как поступили бы многие командиры. Напротив, Френч взял всех людей, чьи лошади были способных двигаться (что-то около двух тысяч из колонны, по меньшей мере, в пять тысяч), и выступил через несколько часов. Он спешил всю ночь. Лошади падали и умирали под всадниками, но кавалери-

сты продолжали скакать по темному вельду, освещаемому лишь бриллиантовыми россыпями звезд. По счастливой случайности или великолепному расчету они направились к единственному броду, все еще открытому для Кронье. К середине дня, в субботу, авангард буров был рядом с копи, контролировавшим брод. Но люди Френча, полные желания сразаться даже после тридцатимильного марша, пришпорили лошадей и на глазах у противника захватили позицию. Последняя дверь оказалась заперта. Перед Кронье встала альтернатива: или прорываться, оставив безопасные траншеи и сражаясь на условиях Робертса, или оставаться на прежней позиции, ожидая, пока британцы завершат окружение. Обнаружив, что отрезан Френчем и не имея ясного представления о силах британцев, он спустился к реке и занял длинный участок берега между Паардеберг-Дрифт и Волвескрааль-Дрифт, надеясь в дальнейшем пробиться на другую сторону реки. Так сложилась обстановка к ночи субботы, 17-го февраля.



Кавалеристы Френча блокируют бюргеров Кронье у Волвескрааль-Дрифт (рисунок "Life")

В эту ночь британские бригады, шатаясь от истощения, но полные решимости наконец-то сокрушить неуловимого врага, стягивались к Паардебергу. Бойцам Хайлендерской Бригады, измученным тяжелейшим переходом по мягкому песку от Якобсдаля до Клип-Дрифт, придавало энергии слово "Магерс-фонтейн". Оно словно вдохнуло в них свежие силы, и, передаваемое из уст в уста, позволило совершить еще один двенадцатимильный бросок к Паардебергу. На пятки Хайлендерам на-

ступала 19-я бригада Смит-Дорриена (Шропширцы, Корнуоллцы, Гордонцы и Канадцы) – возможно, лучшая бригада во всей армии.



Королевские Канадцы

Совершив бросок через реку, они заняли позицию на северном берегу. Старого волка обложили со всех сторон. С запада Хайлендеры оседлали южный берег, а Смит-Дорриен – северный. С востока дивизия Келли-Кенни стояла на южном берегу, а Френч со своими кавалеристами и конной пехотой на северном. Ни один бурский генерал не оказывался в более безнадежном положении. Он сам загнал себя в западню, из которой не осталось выхода.

Единственное, что в данной ситуации британцам не следовало делать, так это атаковать. Кронье занимал очень сильную позицию. Крутые берега реки служили великолепным укрытием для бурских стрелков. Кроме того, от русла отходили многочисленные донга, представлявшие собой восхитительные естественные траншеи. Атакуя с любой стороны, нашим войскам предстояло пересечь ровное пространство, шириной пятьсот-тысячу ярдов, где большое число атакующих лишь увеличивало размер потерь.

От военного, а тем более, гражданского лица требуется большая смелость, чтобы обсуждать операцию, проводившуюся под непосредственным руководством лорда Китченера, но общее согласие критиков придает вес выводу, который в качестве личного суждения мог бы показаться излишне категоричным. Не будь Кронье надежно блокирован, акцию с ее тяжелыми потерями можно было бы объяснить попыткой связать противника до завершения полного окружения. Но, кажется, ни у кого не вызывало сомнения, что буров полностью окру-

жили, и, как доказал опыт, в ожидании капитуляции нам следовало лишь поддерживать блокаду. Даже у величайших людей не все воинские таланты развиты в равной степени, поэтому, не пытаясь нанести обиду, можно заметить, что гениальность решений лорда Китченера непосредственно на поле боя пока не доказана в той же мере, как его предусмотрительность в роли организатора и его железная решимость.



Лорд Горацио Китченер

Не касаясь вопроса ответственности, опишем дальнейший ход событий. Воскресным утром 18-го февраля мы предприняли атаку на оборонительные рубежи отчаянных стрелков, залегших в донга и укрывшихся за обрывистыми берегами реки. Британцы наступали со всех сторон, двигаясь по совершенно открытой местности. Повсюду царило ужасающе-одинаковое забвение опыта, полученного британцами в жестоких уроках под Коленсо и на Моддер-Ривер. Мы определенно не нуждались в очередном доказательстве того, что ранее было доказано со всей очевидностью – храбрость не способна справиться с укрытыми, добротнo окопавшимися стрелками. Чем упорнее атака, тем тяжелее потери. По всему кольцу нашего атакующе-

го фронта (бригада Нокса, бригада Стефенсона, Хайлендерская бригада, бригада Смит-Дорриена) дело обстояло одинаково скверно. Во всех случаях солдаты продвигались вперед, пока не вступали в тысячеярдовую зону действенного огня. Здесь град пуль или сбивал их с ног, или вынуждал залечь. Понимая, что пытаются совершить невозможное, урон был бы не столь велик, но в благородном соперничестве люди различных батальонов продолжали делать короткие броски. Рота за ротой устремлялась к берегу реки, попадая под все более губительный огонь. На северном берегу отличилась бригада Смит-Дорриена (особенно Канадцы). С невероятным упорством они продвигались вперед под убийственным огнем. Корнуоллцы той же бригады рывком, вызвавшим всеобщее восхищение, почти достигли реки. Если горняки Йоханнесбурга когда-либо сомневались в боевых качествах шахтеров из Корнуолла, то полковая история этой войны развеет любые ложные слухи. Трусу не было места в бригаде Смит-Дорриена под Паардебергом.



Генерал Смит-Дорриен

Пока пехота несла потери от огня бургских стрелков, наши орудия (76-я, 81-я, 82-я полевые батареи и 65-я батарея гаубиц) обстреливали русло реки. Артиллерийский огонь, как всегда, доказал свою низкую эффективность против рассредоточенного и укрытого противника. Но, по меньшей мере, он отвлекал его внимание и делал стрельбу буров по открыто наступавшей пехоте менее действенной. И сегодня, как во времена Наполеона, орудия производят скорее моральный, чем материальный эффект. Около полудня с севера вступила в бой конная артиллерия Френча. Дым и пламя, поднимавшиеся из донга свидетельствовали, что некоторые из наших снарядов все же долетели до вагонов и горючих припасов противника.

Оборона буров устояла, но, в конце концов, противника удалось немного потеснить и сократить удерживаемый им участок реки. На северном берегу бригада Смит-Дорриена отвоевала значительный кусок земли. С другой стороны отлично поработали Уэльсы, Йоркширцы и Эссекцы бригады Стефенсона. В высшей степени отважная, но безнадежная атака была предпринята полковником Хэннэем и отрядом конной пехоты на северном участке. Он и большинство его солдат получили по пуле. Среди раненых оказались генерал Нокс (12-я Бригада) и генерал МакДоналд (Хайлендеры). Полковник Алдворт (Корнуоллцы) погиб, ведя в атаку своих людей. Пуля попала ему в голову, когда он подымал своих земляков в атаку. Одиннадцать сотен убитых и раненых свидетельствуют о решительности нашей атаки и упорстве буров. Потери среди батальонов распределились следующим образом: восемьдесят у Канадцев, девяносто в Вест-Райдингском, сто двадцать у Сифортцев, девяносто у Йоркширцев, семьдесят шесть человек потерял Аргайл и Сазерленд, девяносто шесть "Блек Уотч", тридцать одного Оксфордширцы, пятьдесят шесть Корнуоллцы, сорок шесть Шропширцы. Числа подтверждают равную отвагу батальонов и особенную доблесть Хайлендерской Бригады. Возможно, им достались не только вражеские пули, но и часть огня товарищей, атаковавших с другого берега реки. Военные авторитеты утверждают – после тяжелого поражения, для восстановления духа и стойкости, полку требуется несколько лет, но уже через два месяца после Магерсфонтейна мы видим, как неукротимые Хайлендеры, не дрогнув, испили кровавейшую чашу этого кровавейшего дня. И это после марша в тридцать миль, не имея времени отдохнуть перед боем. Да, они отступили, но ни одной надписью на лентах их знамени они не могут

гордиться больше, чем словом "Паардеберг".

Что же мы получили взамен одиннадцати сотен потерянных бойцов? Мы сократили позицию, занимаемую бурами, с трех миль до двух. Это было хорошо. Чем плотнее они лежали, тем большую эффективность можно было ожидать от нашего артиллерийского огня. Но вполне возможно, что шрапнелью, не теряя ни одной жизни, мы могли добиться того же. Легко быть мудрым задним числом, но определенно можно утверждать, что, в свете нашего предыдущего опыта, акция у Паардеберга не стоила такой крови. Вечернее воскресное солнце все ниже клонилось к залитой кровью земле и переполненным полевыми госпиталями. Британские войска по-прежнему держали в тисках отчаянных буров, скрывавшихся среди ив и мимоз, окаймлявших рыжие обрывистые берега Моддера.



Хайлендеры в полевом госпитале у Паардеберга

В ходе акции обнаружилось присутствие активных сил буров во главе с талантливым энергичным командиром южнее наших позиций. Возможно, это был отряд, захвативший конвой у Ватервала. Небольшая партия Конницы Китченера оказалась захваченной врасплох, и тридцать бойцов с четырьмя офицерами попали в плен. Много говорилось о превосходстве Южно-Африканских скаутов над скаутами регулярной британской армии, однако следует признать, что во многих случаях колониальным войскам, не уступавшим армейцам в отваге, не хватало именно тех качеств, которыми им следовало отличаться.

Неожиданная атака на наш кавалерийский пост могла

иметь более серьезные последствия, чем может показаться, исходя из понесенных потерь. Буры овладели сильным копи, прозванным Китченер-Хилл, лежавшим на удалении двух миль юго-восточнее наших позиций. Бюргеры восхитительно осуществили этот стратегически важный маневр, открывая своим окруженным товарищам путь к отступлению. Если бы те пробились к этому копи, то, осуществляя оттуда арьергардное прикрытие, могли бы спасти, по меньшей мере, часть своей армии. Де Вет, если это был действительно он, командовал своим небольшим отрядом с рассудительной отвагой, характеризующей его как прирожденного лидера, каковым он в последствии и оказался.



Бурский генерал Христиан Де Вет

Если положение буров в воскресенье было отчаянным, то к понедельнику оно стало безнадежным, поскольку утром на место событий прибыл сам лорд Робертс, а за ним, из Якобсдаля, вся 7-я дивизия Таккера. Наша артиллерия также значительно усилилась. Подошли 18-я, 62-я и 75-я полевые батареи

с тремя 4,7-дюймовыми и двумя морскими 12-фунтовыми орудиями. Маленькую бурскую армию окружили тридцать пять тысяч человек с шестьюдесятью орудиями. Только низкая душа не восхитится высочайшей стойкостью, с которой держались отважные фермеры, и не присудит Кронье звание одного из самых твердых лидеров в современной военной истории.

Казалось, на мгновение он заколебался. Утром в понедельник лорд Китченер получил от него послание с просьбой о двадцатичетырехчасовом перемирии. Ответ британцев был резко отрицательным. На что Кронье заявил: если мы столь бесчеловечны, что не позволяем даже захоронить мертвых, ему не остается ничего, кроме капитуляции. Британцы предложили бурам прислать парламентаря, уполномоченного обсудить вопросы сдачи, но за это время Кронье передумал и с презрительным ворчанием вновь укрылся в своей норе. Стало известно, что в его лагере есть женщины и дети, и было отправлено предложение переправить их в безопасное место, но даже этот гуманный шаг был отвергнут. Причина последнего решения осталась загадкой.

План лорда Робертса был прост, эффективен и, главное, бескровен. Бригада Смит-Дорриена, имевшая в Западной армии репутацию, подобную репутации Ирландцев Харта в Натале, расположилась вдоль реки с западной стороны, получив задачу постепенно, по мере представлявшихся возможностей, продвигаться вперед, используя для прикрытия овраги и промоины. Бригада Чермсайда занимала такую же позицию на востоке. Две другие дивизии и кавалерия стояли кольцом, сгорая от нетерпения, словно терьеры вокруг крысиной норы, в то время как безжалостные орудия весь день метали гранаты, шрапнель и лиддитные бомбы в русло реки. Там, среди растерзанных быков и мертвых лошадей, под палящим солнцем, уже возник очаг заразы, распространявший зловоние по всей округе. Время от времени часовые, стоявшие у реки, замечали среди кофейных завертей мчавшегося потока труп бура, смытого с Голгофы. Угрюмый Кронье – изменник Потчестроома, безжалостный правитель туземцев, поноситель британцев, стойкий победитель Магесфонтейна – наконец для тебя настал час расплаты!

В среду 21-го числа британцы, будучи уверены, что Кронье попался, развернулись против буров, засевших на холме к юго-востоку от брода. Стало очевидно, что этот отряд, если его не отбросить, будет авангардом деблокирующей армии, которую противник мог собрать из-под Ледисмита, Блумфонтейна, Ко-

лесберга и других мест, куда наверняка отправились посыльные бюргеров. Уже было известно о коммандо, оставивших Наталь, как только они услышали о вторжении британцев в Оранжевую республику. Противника на холме требовалось разгромить до того, как его силы возрастут. Эту задачу поручили кавалерии. Бродвуд с 10-м Гусарским, 12-м Уланским и двумя батареями начали обходить один фланг, в то время как Френч с 9-м и 16-м Уланскими, Гвардейской Кавалерией и двумя конными батареями охватил другой.

Тем временем кордон вокруг Кроные стянули еще туже, огонь усилился, став просто адским. Условия существования в этом ужасном месте ухудшились до того, что один лишь смрад должен был принудить защитников к сдаче. Под раскаты тропической грозы, в отблесках молний, под проливным дождем британцы ни на мгновение не теряли бдительность. Воздушный шар, висевший над головами, корректировал стрельбу артиллерии, усиливавшуюся с каждым днем. Мощь артогня достигла пика 26-го числа, с прибытием четырех 5-ти дюймовых гаубиц. Однако ни упрямый бур, ни его последователи не подали никакого знака смирения. Еще глубже зарывшись в норы, вырытые по берегам реки, они были вне досягаемости наших снарядов, а треск бюргерских винтовок, отвечавших на попытки продвижения британских аванпостов, свидетельствовал, что траншеи противника как всегда бодрствуют. Однако у этой истории мог быть лишь один конец, и лорд Робертс, с восхитительной рассудительностью и терпением, отказывался подгонять ход событий ценой солдатских жизней.

Две бригады, используя каждый шанс потеснить противника с востока или запада, вышли на дистанцию удара. В ночь на 26-е февраля было решено, что счастья попытают солдаты Смит-Дорриена. Передовые траншеи британцев к этому времени располагались в семистах ярдах от линий буров. Их занимали Гордонцы и Канадцы, последние располагались ближе к реке. Стоит обратить внимание на детали подготовки атаки, поскольку она значительно приблизила успех кампании. Канадцам поступил приказ наступать, а Гордонцам оказывать поддержку. Шропширцы заняли позицию слева, чтобы фланговым ударом пресечь любую контратаку буров. Канадцы выступили ранним утром в темноте, до восхода луны. Первая шеренга держала винтовки в левой руке и каждый боец, вытянув правую, касался рукава товарища. Последняя шеренга, несла лопаты. Ближе всех к реке двигались две роты (G и H), за которыми шла 7-я рота Королевских Инженеров, несшая

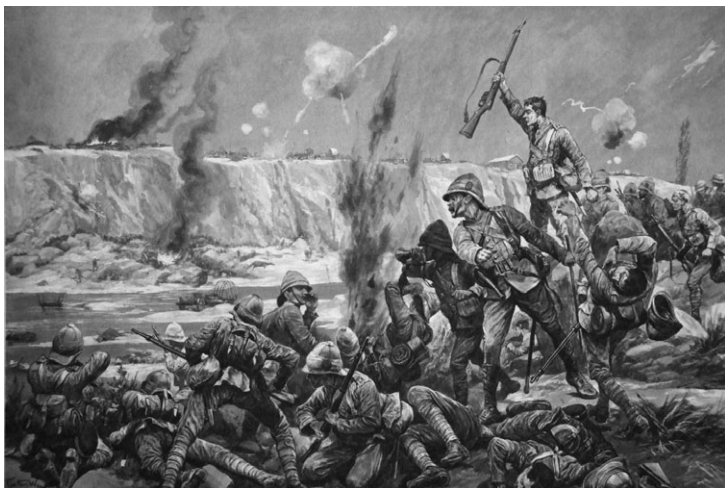
кирки и пустые мешки для песка. Длинная линия кралась сквозь черную, как смоль, темень, зная, что в любую минуту ночь может взорваться треском вражеского залпа. Пройдено сто, двести, триста, четыреста, пятьсот шагов. Они знали, что уже приближаются к траншеям буров. Если двигаться достаточно тихо, можно внезапно возникнуть прямо перед защитниками. Они крались шаг за шагом, моля о тишине. Услышат ли мягкую поступь люди, лежащие от них на расстоянии броска камня. В сердцах солдат уже начала зарождаться надежда, когда в ночной тиши раздался звонкий металлический грохот и глухой стук падающего тела. Грохот пустых банок! Они вошли в полосу колючей проволоки с развешанными на ней консервными банками. До траншей оставалось всего девяносто ярдов. В этот момент раздался одиночный винтовочный выстрел, и Канадцы бросились на землю. Их тела едва коснулись грунта, как линия протяженностью шесть сотен ярдов вспыхнула яростным огненным штормом. Звук летевших пуль напоминал шипение воды на гигантской раскаленной сковороде. В ужасных красных сполохах люди, вжавшиеся в землю и отчаянно ищущие хоть какое-нибудь укрытие, видели головы буров, то и дело мелькавшие над бруствером, и блестящие в пламени выстрелов, стволы их винтовок. Факт что подразделение, беспомощно лежавшее под подобным огнем, избежало уничтожения – невероятнейшая вещь. Атаковать траншеи под ураганом свинца казалось невозможно, но и равно невозможно было оставаться на месте. Как только взойдет Луна, и их перестреляют всех до одного. Передовые роты, лежавшие на равнине, получили приказ отступать. Отходя, они понесли на удивление малые потери, но в конце столкнулись с неприятным осложнением. Неожиданно начав прыгать в траншеи, занимаемые Гордонцами, они наткнулись на штыки собственных товарищей. Младший офицер и двадцать человек получили удары штыками – к счастью, ни один из них не оказался очень серьезным.

Пока эти события разворачивались на левом фланге, дела на правом едва ли обстояли лучше. Стрельба повсюду временно прекратилась – очевидно, буры думали, что атакующие начали отходить. Не зная точно, чисто ли пространство перед маленьким подразделением, лежащим во второй линии (теперь состоявшей из перемешавшихся шестидесяти пяти Канадцев и Саперов), и оставили ли буры свои траншеи, капитан Саперов Бойле пополз вперед вдоль берега реки и наткнулся на капитана Стайрса с десятью Канадцами. Эти люди засели в овраге, выходившем к реке, из которого просматривался лагерь про-

тивника. Увидев подкрепление, отважная горстка взбодрилась. Численность дерзкого отряда возросла до семидесяти пяти бойцов. Тем временем Гордонцы, слегка обескураженные призраками, в течение нескольких минут мелькавших над их траншеями, отправили вдоль берега своего посыльного, в свою очередь убедиться, чисто ли у них перед фронтом, а если нет, то каково состояние уцелевших. Полковник Кинсейд (R.E.), к тому моменту командовавший остатками штурмовой партии, ответил посыльному, что его люди к рассвету прекрасно устроятся. Маленькая партия рассредоточилась для окапывания, а темнота и неведение, где именно находится позиция британцев, не позволяла бурам что-либо предпринять. Дважды звук удара кирки провоцировал ожесточенную стрельбу, вспарывавшую ночную темень, но работа не прекращалась ни на минуту. На рассвете солдаты увидели, что не только обеспечили собственную безопасность, но и заняли позицию, позволявшую простреливать продольным огнем около полумили бурских траншей. Британцы спрятались в своих укрытиях, так что и при солнечном свете противник не осознал, какие перемены принесла с собой ночь. И только когда британская пуля нашла первого бюргера, наполнявшего котелок из реки, те поняли, насколько уязвимой стала их позиция. В течение получаса стороны вели ожесточенную перестрелку, а затем над траншеей противника показался белый флаг. Кинсейд поднялся на бруствер, а навстречу ему из бурского "муравейника" вышел изможденный человек. "С бюргеров довольно. Что они должны делать?" – спросил он. Пока он это говорил, его товарищи выползали из укрытий и направились в сторону британцев. Этот момент наши иссушенные солнцем, покрытые грязью и копотью воины не забудут никогда. Они возбужденно кричали, не в силах остановиться, пока до них не донеслись звуки ликования в отдаленных британских лагерях. Без сомнения, к этому времени Кронье понял, что лимит его сопротивления исчерпан, но именно этой горстке Саперов и Канадцев мы обязаны белым флагом, затрепетавшим в "День Маджубы" над позициями Пардеберга.

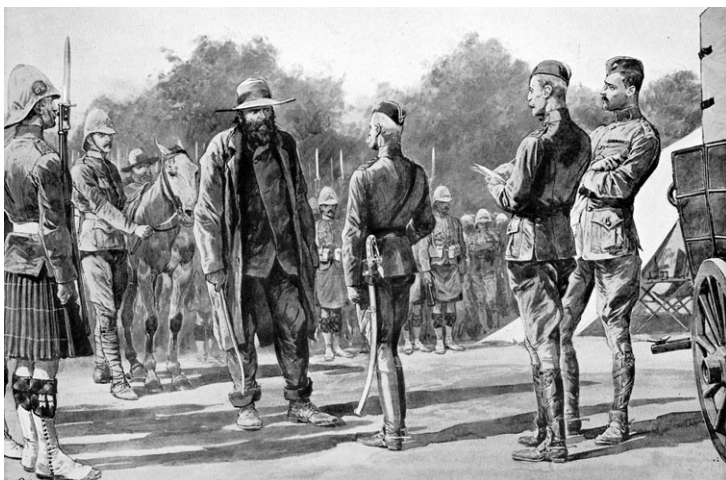
В шесть часов утра генерал Претимен подъехал к штабквартире лорда Робертса. За ним на белой лошади ехал чернорылый мужчина с быстрыми глазами охотника. Среднего роста, плотно сбитый, с седеющими волосами, ниспадавшими из-под высокой коричневой фетровой шляпы. Под зеленым летним плащом он носил черный бюргерский поплиновый костюм. В руке небольшой хлыст. С виду человек напоминал

скорее respectable члена Лондонского Церковного Совета, чем грозного солдата с чрезвычайно мрачной репутацией. Генералы обменялись рукопожатием, после чего Кронье было кратко заявлено, что он должен сложить оружие безо всяких предварительных условий. Последовала небольшая пауза, и он согласился. Его единственная оговорка носила личный характер. Он попросил, чтобы его жена, внук, секретарь, адъютант и слуга оставались при нем. Тем же вечером Кронье отправили в Кейп-Таун, где бур пользовался большим почетом, скорее благодаря своей славе, чем своему характеру.



Конец армии Кронье

Его люди – изможденная, мертвенно-бледная толпа оборванцев, выбрались из своих нор и ям и сдали оружие. Приятно сказать, что хотя британским солдатам и было что припомнить, они обошлись со своими врагами с той же сердечностью и учтивостью, какую лорд Робертс проявил к их лидеру. Общее количество пленных составило около трех тысяч трансваалеров и одиннадцать сотен фристейтеров. То, что последние оказались не столь многочисленны, объясняется просто – многие из них к тому моменту уже разбежались по своим фермам. Кроме Кронье в наши руки попали: трансваалер Волверанц, германский артиллерист Албрехт плюс сорок четыре фельд-корнета и команданта. Также были захвачены шесть орудий. В тот же вечер длинная колонна пленников поползла к Моддер-Ривер, где их должны были грузить в поезда, идущие в Кейп-Таун.



Робертс и Кронье



Бурский "Пом-пом" взятый британцами у Паардеберга

Эта масса людей представляла собой необычайное зрелище. Одни в галошах, другие с зонтиками, кофейниками и Библиями – их любимейшим багажом. Они уходили, оставив за спиной десять дней, овсянных славой.



*Укрытия, вырытые бурами,
в обрывистых берегах Моддер-Ривер*



Британские охотники за сувенирами

Посещение покинутого лагеря подтвердило, что ужасающая вонь, доносившаяся до британских позиций, и вздувшиеся туши, мелькавшие в водоворотах грязной реки, отражали ре-

альные условия существования буров. Мужчины с крепкими нервами возвращались бледными и больными посетив место, в котором женщины и дети жили десять дней. От края до края оно было завалено гниющими, разлагавшимися тушами, над которыми носились густые рои мух. Один из Инженеров, способный вынести отвратительное зрелище и тошнотворные запахи, совершил инспекцию глубоких узких траншей, в которых стрелки могли прятаться от артиллерийского огня и пещер, в которых некомбатанты оставались в абсолютной безопасности.

О числе убитых буров у нас нет точных сведений, но две сотни раненых в донга могут создать приблизительное представление об их потерях. Нужно учесть, что эти люди пострадали не только за время десятидневной бомбардировки, но и при паардебергской атаке, стоившей нам одиннадцать сотен человек. Трудно привести более убедительный пример преимущества обороны над атакой и неэффективности жесточайшей бомбардировки, если те, кто ей подвергается, имеют достаточно времени и подходящую позицию.



Бюргеры, взятые в плен у Паардеберга

С момента, когда лорд Робертс вывел свою армию из Рамдама, прошло всего две недели, и эти две недели произвели переворот в кампании. Трудно привести подходящий исторический пример, когда бы один маневр повлек столь кардинальные изменения в ходе множества различных операций. 14-го

февраля над Кимберли висела угроза захвата, победоносная бурская армия преграждала путь Метуэну, линия Магерсфонтейна казалась неприступной, Клементса прессовали у Колесберга, Гетекри остановили у Стромберга, Буллер не мог перейти Тугелу, а Ледисмит пребывал в жалком состоянии. 28-го числа Кимберли был освобожден, бурская армия рассеяна или взята в плен, магерсфонтейнские позиции перешли в наши руки, Клементс обнаружил, что его противник отступает, Гетекри смог двинуться на Стромберг, армия противника, стоявшая перед Буллером, слабела, а Ледисмит со дня на день ожидал деблокады. И все это было сделано ценой очень умеренных потерь, к большинству которых лорд Робертс абсолютно непричастен. Наконец нашелся человек со столь блестящей репутацией, что даже южно-африканская война смогла только подтвердить и улучшить ее. Одним движением, в одно мгновение мастер превратил ночь Англии в день, рассеяв кошмары просчетов и поражений, столь долго угнетавшие наш дух. Он был творцом победы, но были и другие, без кого его рука могла оказаться бессильной: отличный организатор Китченер и кавалерийский командир Френч – этим двоим, хотя и игравшим вторые роли, операция в немалой степени обязана своим успехом. Хендерсон – способнейшая голова во всей Разведке, и Ричардсон, вопреки всем трудностям кормивший армию, также могут претендовать на свою долю славы.

НАСТУПЛЕНИЕ РОБЕРТСА НА БЛУМФОНТЕЙН

Капитуляция Кронье состоялась 27-го февраля, навсегда стерев триумфальные воспоминания, которые буры двадцать лет связывали с этой датой. Для снабжения изголодавшихся войск провиантом, а особенно для восстановления конского состава кавалерии, требовалась пауза. Запасы фуража оказались неадекватными, а животные не умели находить корм на иссохших пастбищах вельда*. А главное, последние две недели животные работали на грани истощения. Поэтому лорд Робертс принял решение ждать у Остфонтейна (фермы в окрестностях Паардеберга), пока его кавалерия не обретет способность наступать. Лишь 6-го марта он начал свой марш на Блумфонтейн.

Войска противника, нависавшие во время Паардебергской операции над южным и восточным флангами британцев, тем временем получили подкрепления из-под Колесберга и Ледисмита, достигнув изрядной численности. Эти силы под командованием Де Вета заняли сильную позицию в нескольких милях к востоку, опиравшуюся на внушительную цепь копи. Еще 3-го марта британцы, задействовав артиллерию и провели рекогносцировку в этом направлении. Но лишь три дня спустя армия пошла вперед с намерением прорвать, или обойти линию обороны буров. Тем временем подкрепления, частично взятые с других участков фронта, частично доставленные из Империи прибывали и в британский кемп. Гвардия, подошедшая от Клип-Дрифт, Имперские Волонтеры Сити, Австралийская Конная Пехота, Бирманская Конная Пехота и отряд Цейлонской Легкой Конницы вошли в удивительную армию вторжения, собранную с пяти континентов и, тем не менее, состоящую из единоплеменников.

* Батареи, выгнавшие своих лошадей пастись, обнаружили, что озадаченные животные просто носились по равнине галопом, и их удалось собрать лишь сигналом трубы, означавшим кормежку. Услыхав знакомый звук, лошади бросились назад и выстроились в ожидании кормовых мешков.

Позиция, занимаемая противником у Попларс-Грув*, тянулась вдоль Моддер-Ривер, опираясь на отчетливо выступавшие холмы с цепью небольших копи между ними. Орудия, траншеи, стрелковые ячейки и колючая проволока – обычный твердолобый генерал нашел бы здесь второй Магерсфонтейн. Отдавая дань справедливости, следует заметить, что предшественник лорда Робертса, несомненно, сумел бы тремя кавалерийскими бригадами выполнить задачу, недоступную двум пехотным. На человеке, потерпевшем неудачу ведя в бой пехоту, не может лежать конечная вина, она лежит на тех, кто ставил перед ним неадекватные цели. И в этих неправильных оценках, в равной степени, виновны наши военные авторитеты, наши политики и наша публика.



*Орудия Морской Бригады
во время марша на Блумфонтейн*

План лорда Робертса оказался простым, и, будучи проведенным в жизнь в соответствии с задуманным, абсолютно эффективным. В намерения генерала не входила атака нагромо-

* Тополиная Роща – местность получившая свое название от группы тополей, росших вокруг фермы.

дения траншей и колючей проволоки, столь тщательно возведенного на его пути. Слабая сторона, если она мудра, восполняет свою слабость укреплениями. Сильная сторона, если она мудра, оставляет эти укрепления в покое и использует свою силу для обхода. Лорд Робертс намеревался обойти противника. С его громадным перевесом в орудиях и людях окружение или рассеяние бургеров имело все шансы на успех. Попав в окружение, бурам пришлось бы или вступить в открытый бой, или сдаться.

6-го марта кавалерия форсировала реку, а ранним утром 7-го числа она, еще затемно, направилась в обход левого фланга противника, чтобы перерезать бургерам пути отступления. Дивизия Келли-Кенни (6-я) получила приказ двигаться следом и оказывать поддержку. Тем временем Таккер пошел вдоль южного берега реки, хотя есть основания предполагать, что он имел инструкции, в случае оказания противником сопротивления, не ввязываться в серьезный бой. 9-я дивизия Колвила с частью Морской Бригады находилась севернее реки. Морякам следовало обстреливать броды в случае, если буры попытаются перейти реку, а пехоте совершить обходной маневр, аналогичный маневру кавалеристов на противоположном фланге.

Однако в основе плана лежали неверные посылки. Считалось, что раз уж противник потратил столько усилий на оборудование позиций, он будет хоть какое-то время их защищать. Ничего подобного не произошло. Как только бургеры увидели, что кавалерия зашла им во фланг, они отступили. Пехота не сделала ни выстрела.



*"Конница Робертса" ведет огонь по бурам,
отступающим от Поплар Грув*

Это решительное бегство спутало все расчеты британцев. Кавалерия еще не дошла до намеченного места, как бурская армия понеслась между копи. Конечно, можно задаться вопросом: почему кавалеристы не бросились в погоню за вагонами и орудиями? Несправедливо подвергать критике маневр, если он выполняется в соответствии с четким приказом, однако нельзя не заметить, что обходное движение нашей кавалерии оказалось недостаточно глубоким. К тому же, вместо того, чтобы взять правее, кавалеристы слишком отклонились влево, позволяя ускользающему врагу постоянно находиться вне петли.



16-й Уланский

Похоже, они имели возможность захватить орудия, но Де Вет ловко прикрыл свои пушки стрелками. Засев на ферме, расположенной на правом фланге, буры открыли ожесточенный огонь по 16-му Уланскому и батарее "Р" (Королевская Конная Артиллерия). Когда последняя, наконец, выкурила их из укрытия, бюргеры вновь засели на низком копи и обрушили настолько интенсивный огонь на наше правое крыло, что полностью парализовали его продвижение. Маневр возобновился лишь после того, как этот маленький отряд численностью в пятьдесят человек был оттеснен с занимаемой позиции. Когда после часовой задержки кавалерия, наконец, заставила бюргеров отступить (или, честнее будет сказать, когда они посчитали свою задачу выполненной), вагоны и орудия были уже вне досягаемости. Еще обиднее, что от нас ускользнули два президента (Стейн и Крюгер), прибывшие на фронт укрепить дух бюргеров.

Даже делая всевозможные скидки на усталость лошадей,

нельзя сказать, что нашей кавалерией в данном случае командовали рассудительно и энергично. То, что такой мощный отряд, к тому же имевший орудия, не сумел выполнить столь важное задание из-за противодействия горстки стрелков, не добавляет нам славы. Возможно, стоило повторить тактику, использованную при Кимберли, и провести полки в развернутом порядке мимо преграды, если уж мы не могли ее преодолеть. По другую сторону этого маленького, слабо обороняемого, копи лежало возможное окончание войны, а наши замечательные кавалерийские полки несколько часов совершали разнообразные маневры, позволив ему ускользнуть. Однако, как добродушно заметил по окончании акции лорд Робертс: "На войне вы не можете рассчитывать, что все пойдет, как по маслу". Генерал Френч мог позволить выпасть из своего лаврового венка одному листку. С другой стороны, какие слова будут высокопарными при упоминании о горстке отважных буров, осмелившихся стать на пути гигантской массы всадников и, блефуя, заставивших считать себя серьезным аррьергардным прикрытием. Когда предания этой войны станут рассказывать у очага на какой-нибудь затерянной в бескрайнем вельде ферме, данная история, наверняка, займет почетное место.

Победа, если это слово уместно применить к описанной акции стоила нам от пятидесяти до шестидесяти убитых и раненых кавалеристов, в то время как буры вряд ли потеряли столько же. Лучшим действием британцев следует признать великолепный десятичасовой марш 6-й дивизии Келли-Кенни. Нашим единственным трофеем оказалось 9-ти фунтовое "крупновское" орудие. С другой стороны, Робертс вынудил противника оставить сильную позицию, отвоевав пятнадцать-двадцать миль дороги на Блумфонтейн и впервые продемонстрировав, насколько беспомощна армия буров на местности, позволявшей нам использовать численное превосходство. С этого момента они могли рассчитывать на успех лишь в случае неожиданного нападения или засады. И мы, и противник усвоили урок – бюргеры не могут противостоять британцам в открытом поле.

Акция у Попларс-Грув произошла 7-го марта. 9-го числа армия вновь в пути, а 10-го атаковала новую позицию, занятую бурами у места, называемого Дрифонтейн или Абрамс-Крааль. Фронт их позиции протянулся на семь миль и прикрывался с севера рекой, а с юга неприступным холмом, уходившим в тыл. Если позицию будут защищать так же тщательно, как выбирали, взять ее окажется непростым делом.



1-й батальон Йоркширцев движется на Блумфонтейн

Поскольку Моддер защищал правый фланг противника, охватывающий маневр был возможен лишь на левом, и с этой целью сюда бросили дивизию Таккера. Но тем временем произошли неприятные события, серьезно затормозившие продвижение британцев. Нашим левым крылом командовал генерал Френч. Он располагал дивизией Келли-Кенни, первой кавалерийской бригадой и Конной Пехотой Алдерсона. Ему было приказано сохранять контакт с нашим центром, до времени воздерживаясь от решительной атаки. Стремясь выполнить эти инструкции, Френч выдвигал своих людей все дальше и дальше вправо, пока они не оказались зажаты между бурами и центральной колонной лорда Робертса, отрезав последнюю от противника. Главный замысел операции предполагал, что фронтальная атака не начнется, пока Таккер не зайдет в тыл противника. Пусть военные критики решают: то ли войска, осуществлявшие обходной маневр, оказались слишком медлительными, то ли батальоны, предназначенные действовать в центре, слишком поспешили, но дивизия Келли-Кенни начала атаку до того, как кавалерия и 7-я дивизия добрались до намеченного пункта. Келли-Кенни получил сведения, что позиции перед ним оставлены противником, и четыре батальона: "Баффс", Эссеки, Уэльсы и Йоркширцы двинулись вперед.

Они шли по открытой местности, когда воздух внезапно заполнился треском "маузеров", свистом и жужжанием пуль.

Это было суровое испытание. Йоркширцы свернули вправо, но остальная бригада, возглавляемая Уэльсцами, атаковала гряды в лоб. Продвижение выполнялось спокойно и осторожно, люди использовали любое доступное укрытие. Было видно, как буры небольшими группами оставляют позиции, а неровная, извергающая огонь линия британцев все выше и выше взбирается по склону холма. Вскоре с победным криком Уэльсцы вместе с товарищами из Кента и Эссекса стреляли с гребня по пестрой, разнородной шайке закаленных искателей приключений, именовавших себя Йоханненсбургской Полицией.



Эссекцы атакуют позиции буров у Дрифонтейна

В этот раз потери оборонявшихся превышали потери атакующей стороны. Наемники не обладали инстинктом, позволявшим бурам определять правильный момент для бегства, и удерживали позицию слишком долго, упустив возможность безопасно ускользнуть. Британцы устлали свой путь четырьмя сотнями людей, в подавляющем большинстве ранеными (слишком часто разрывными или экспансивными пулями, делавшими войну еще отвратительней). Более сотни буров мы

похоронили на гребне, а их общие потери должны значительно превышать наши.

Стратегически акция была хорошо задумана и все, что лорд Робертс мог сделать для полного успеха, было сделано; но тактически это оказалась неудачная операция, особенно принимая во внимание гигантское превосходство в людях и орудиях. Здесь не было места славе, за исключением поведения четырех батальонов встретивших грудью лавину свинца. Артиллерия действовала неважно и опасалась орудий противника, которые ей следовало стереть с лица земли. О кавалерии тоже не скажешь, что она особенно отличилась. И все же, после этих слов, стоит отметить важность данной акции, поскольку ее результат потряс противника. Йоханненбургская Полиция, считавшаяся одним из элитных отрядов бюргеров, жестоко пострадала, а буры получили еще один впечатляющий урок, доказавший, что в открытом бою они не могут устоять против дисциплинированных войск. Робертс не захватил орудий, но расчистил дорогу не только на Блумфонтейн, но и, что еще важнее – на Преторию. Хотя между полем боя у Дрифонтейна и столицей Трансвааля лежали сотни миль, Робертс больше не встретил противника, пытавшегося преградить ему путь и в честном противостоянии взглянуть в глаза британской пехоте. Засад и стычек было много, но этот бой оказался последним (исключая Доорнкоп), когда буры на заранее избранной позиции противопоставили эффективный ружейный огонь неудержимому штыковому удару.

Теперь армия стремительно неслась к столице. Неутомимая 6-я дивизия совершала один переход за другим, один ярче другого. Переправившись через Риит, она достигла Асфогель-Копы субботним вечером 11-го марта, через день после боя. В понедельник, не отвлекаясь по мелочам, армия продолжала рваться вперед, подобно Блюхеру, летевшему к Парижу 1814 года, стремясь нанести удар в самое сердце противника. В полдень она остановилась у фермы Грегоровского, того самого, который пытался "перевоспитывать" пленников после Рейда Джеймсона. Кавалерия продвинулась за Каал-Спруйт и вечером пересекла Южную железнодорожную линию, соединявшую Блумфонтейн с Колонией, перерезав ее в пяти милях от города. Преодолев слабое сопротивление буров, эскадрон "Серых" при поддержке конной пехоты, Римингтонских Скаутов и конно-артиллерийской батареи "U" захватил высоту и удерживал ее всю ночь.

В тот же вечер майор Хантер-Вестон, офицер, уже свер-

шивший, по меньшей мере, один яркий подвиг на этой войне, вместе с лейтенантом Чарлесом, горсткой конных саперов и гусар получил задание перерезать линию железной дороги к северу. После трудного ночного путешествия в кромешной темноте он достиг цели, нашел и подорвал водопропускную трубу под железнодорожной насыпью. Есть доблесть, достойная Креста Виктории, которая не приносит ничего, кроме знака отличия, а есть другая, высочайшая доблесть, доблесть расчета, в основе которой лежат холодный ум и горячее сердце, и именно из людей, обладавших этим редким сочетанием качеств, рождаются великие воины. Такой подвиг, как подрыв данного кульверта, или последующее спасение Бетулийского моста Грантом и Пофемом сослужили стране лучшую службу, чем наивысшая степень отваги, не смягченная здравым смыслом. Среди прочих плодов этой операции мы получили двадцать восемь локомотивов, двести пятьдесят вагонов, тысячу тонн угля, стоявших под парами, готовые покинуть Блумфонтейн. Маленький отважный отряд, возвращаясь домой, попал в окружение, но сумел пробиться, потеряв две лошади, и с триумфом вернулся к своим.

Бой у Дрейфонтейна состоялся 10-го числа. Наступление началось утром 11-го. Утром 13-го британцы уже практически овладели Блумфонтейном. Дистанция между этими пунктами – сорок миль. Никто не скажет, что лорд Робертс не умел догнать победу столь же лихо, как и добиться ее в бою.

На северо-запад от города буры выкопали несколько траншей и возвели сангары, но лорд Робертс, со своей обычной непредсказуемостью, совершил внезапный маневр и появился с юга, на открытой равнине, где любое сопротивление стало бы абсурдом. Стейн и все непримиримые уже ускользнули из города, и генерала встретила депутация столицы во главе с мэром, лэнддростом и мистером Фрезером выразившими покорность. Фрезер – крепкий, здравомыслящий горец, один из немногих политиков Оранжевой Республики, соединявший абсолютную лояльность к приютившей его стране с четким пониманием, чем кончится ссора "a l'outrance"* с Британской Империей. Возобладай точка зрения Фрезера, Оранжевая Республика до сегодняшнего дня существовала бы как счастливое и независимое государство. Но, по меньшей мере, он может способствовать ее счастью и процветанию как премьер-министр Колонии Оранжевой Реки.

* До предела.



*Символическая передача лорду Робертсу
ключей от Блумфонтейна*

Во вторник, 13-го марта, в час тридцать пополудни, генерал Робертс и его войска вступили в Блумфонтейн под радостные возгласы многих обитателей, которые, то ли пытаясь угодить победителям, то ли демонстрируя реальные симпатии, подняли "Юнион Джек" над своими домами.

Свидетели в воспоминаниях отмечают, что, когда войска тяжелой поступью вошли во вражескую столицу, из всей бесконечной колонны запыленных, уставших людей, истощенных половинным рационом и долгими переходами, не донеслось ни одной насмешки, ни единого колкого или торжествующего возгласа. Поведение войск было рыцарственным по своей мягкости, и, наверняка, не один горожанин изумлялся проходящей Гвардии – лучшим солдатам Англии, телохранителям великой Королевы. Черные от пыли и загара, шатающиеся от усталости после тридцативосьмимильного перехода, худые и осунувшиеся, в настолько истрепанной униформе, что правила приличия требовали благоразумно спрятать некоторых бойцов внутрь плотной колонны – они вошли в город, напоминая толпу кентских сборщиков хмеля, шагавших с выправкой героев. Глядя на них, Королева, достопочтенная мать, могла бы вспомнить бородатые батальоны, печальными, поредевшими колоннами проходившие перед ней после Крымской зимы. Даже отважные солдаты прошлого не переносили трудности тверже и не служили Королеве преданней, чем их достойные наследники.



Британские войска вступают в Блумфонтейн



Британский бивак у Блумфонтейна

Минул лишь месяц после выступления из Рамдама, и вот лорд Робертс с армией вошел во вражескую столицу. До этого момента мы имели в Африке генералов, которым не хватало войск и войска, которым не хватало генералов. И только когда Главнокомандующий возглавил основную армию, у нас стало достаточно солдат, и появился человек, умевший их использовать. В результате не только решился вопрос будущего Южной Африки, но и был продемонстрирован образец стратегии, которая завтра станет классикой военного дела.

Чтобы напомнить, насколько стремительно развивались события, как непрерывно марши чередовались с боями, повторим краткий перечень событий. 13-го февраля кавалерия и пехота двигались вперед на пределе человеческих сил. 14-го кавалерия остановилась, но пехота продолжала рваться вперед. 15-го кавалерия прошла сорок миль, вела бой и освободила Кимберли. 16-го кавалерия весь день гналась за орудиями бу-ров, а ночью совершила тридцатимильный марш к Моддеру, в то время как пехота весь день вела бой с арьбергдом Кронье. 17-го пехота быстро шла вперед. 18-го состоялся бой у Паардеберга. С 19-го по 27-е непрерывные бои с Кронье внутри кольца окружения и Де Ветом снаружи. С 28-го февраля по 6-е марта армия отдыхала. 7-го марта состоялись акция у Попларс-Грув и тяжелый марш. 10-го марта бой у Дрифонтейна. За 11-е и 12-е пехота прошла сорок миль и 13-го вошла в Блумфонтейн. Все это совершили люди, питавшиеся половинным пайком и тащившие на себе по сорок фунтов, с лошадьми, способными двигаться лишь шагом, в местности, где постоянно не хватает воды, а над головой почти тропическое солнце. Тактика временами грешила несовершенством, а бой у Паардеберга – пятно на всей операции, но стратегия Генерала и дух его людей просто восхищает.



Конец первого тома

Серия "Южноафриканская библиотека О.Тодера"

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

(перевод О.Тодера)

ВЕЛИКАЯ БУРСКАЯ ВОЙНА

В двух томах

Том I

Донецк, 2012

